

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2018

№ 45

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Toms, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Toms, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Toms, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Toms, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Toms, Russia)
Ogleznev V.V. (Toms, Russia)
Syrov V.N. (Toms, Russia)
Chernikova I.V. (Toms, Russia)
Ladov V.A. (Toms, Russia)
Uzhaninov K.M. (Toms, Russia)
Shcherbinina N.G. (Toms, Russia)
Kashpur V.V. (Toms, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Гапонов А.С. Интерпретация познавательной деятельности в феноменолого-герменевтической перспективе.....	5
Зайцева Н.В. Когнитивно-феноменологическая интерпретация риторического примера.....	14
Мёдова А.А. Синестетическая сфера embodied mind: на примере цветного слуха музыкантов.....	25
Нехаев А.В. Истина об «истине».....	34
Шиповалова Л.В. Научная революция – разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии.....	47

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Боровкова О.В. Бессобытийная история в представлениях постмодернистов.....	58
Зайцев П.Л. Сибирская «летучая интеллигенция» Н.М. Ядринцева: дискурс ризомы и дискурс университета.....	70
Мелик-Гайказян И.В. Диагностика моделей биоэтики.....	75
Пронина Т.С. Традиция и идеологическая «экз-аптация» христианства в современной России.....	83

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Антух Г.Г. О самопротиворечивости антифизикализма в теории сознания Д. Чалмерса.....	92
Родин К.А. Конструктивизм в логике и математике (Витгенштейн против Гёделя: некоторые современные прочтения).....	103
Серова Н.В. К.С. Аксаков о роли поэзии в духовной жизни человека.....	114

СОЦИОЛОГИЯ

Вялых Н.А. Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в России: методологический поворот в современных социологических исследованиях.....	122
Галицкая В.А. Особенности социокультурной модернизации в Томской области (на примере анализа госпрограмм «Инновационное развитие и модернизация экономики» и «Новое качество жизни»).....	138
Захарова Т.В., Устюжанцева О.В. Университетские экокampusы: мировой опыт и российская динамика.....	146
Титова В.О. Роль этических ценностей в мотивации труда специалистов помогающих профессий.....	154
Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Право на город в парадигме мобильности.....	165

ПОЛИТОЛОГИЯ

Vaysov F.B. The problem of radicalization and terrorist recruitment in prisons.....	174
Гайданка Е.И. Фрагментация политико-партийного пространства на региональном уровне: контекст местных выборов в Чешской Республике.....	184

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Столярова О.Е. Историческая онтология как проблема.....	194
Никифоров А.Л. А родился ли уже мальчик?.....	203
Антоновский А.Ю. Онтология – чья же она все-таки дочь?.....	207
Касавин И.Т. Научный реализм, онтология и мистика.....	217
Соколова Т.Д. Изменение, повторение и история.....	222
Столярова О.Е. История онтологии продолжается. Ответ критикам.....	226
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	230

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Gaponov A.S. Interpretation of cognitive activity in the phenomenological hermeneutic perspective.....	5
Zaitseva N.V. A cognitive-phenomenological interpretation of a rhetorical example.....	14
Medova A.A. The synaesthetic sphere of the embodied mind: the case study of the color hearing of a musicians.....	25
Nekhaev A.V. The truth about “truth”.....	34
Shipovalova L.V. The Scientific Revolution: a break with the past or its renewal? On the ambiguous answer of contemporary historiography.....	47

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Borovkova O.V. Eventless history in postmodernist views.....	58
Zaytsev P.L. The Siberian “flying intelligentsia” of Nikolai Yadrintsev: the discourse of rhizome and university discourse.....	70
Melik-Gaykazyan I.V. Diagnosis of bioethics models.....	75
Pronina T.S. Tradition and the ideological “exaptation” of Christianity in modern Russia.....	83

HISTORY OF PHILOSOPHY

Antukh G.G. On self-contradiction of antiphysicalism in David Chalmers’ theory of consciousness.....	92
Rodin K.A. Constructivism in logic and mathematics. (Wittgenstein v. Gödel: some selected contemporary readings).....	103
Serova N.V. Konstantin Aksakov on the role of poetry in the spiritual life of a person.....	114

SOCIOLOGY

Vyalykh N.A. Differentiation mechanisms of medical care consumption in Russia: a methodological turn in contemporary sociological research.....	122
Galitskaya V.A. Social and cultural modernization features in Tomsk Region (Analyzing federal support programs “Innovative Development and Modernization of Economy” and “New Quality of Life”).....	138
Zakharova T.V., Ustyuzhantseva O.V. University eco-campus: world experience and Russian dynamics.....	146
Titova V.O. The role of ethical values in the motivation of specialists (helping professions).....	154
Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaia-Smirnova E.R. The right to the city in the paradigm of mobility.....	165

POLITICAL SCIENCE

Vaysov F.B. The problem of radicalization and terrorist recruitment in prisons.....	174
Haydanka Y.I. Political and party environment fragmentation at a regional level in the light of local elections in the Czech Republic.....	184

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Stoliarova O.E. Historical ontology as a problem.....	194
Nikiforov A.L. Has the boy been born yet?.....	203
Antonovskiy A.Yu. Ontology: whose child is it?.....	207
Kasavin I.T. Scientific realism, ontology and mysticism.....	217
Sokolova T.D. Change, repetition and history.....	222
Stoliarova O.E. The history of ontology continues.....	226

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	230
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/45/1

А.С. Гапонов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Исследуются изменения представлений о статусе познавательной деятельности в феноменолого-герменевтической перспективе. Рассматриваются концепции коммуникативной рациональности и трансцендентальной языковой игры, выявляется их значение для теории познания.

Ключевые слова: постметафизическое мышление, феноменология, герменевтика, жизненный мир, коммуникативное сообщество, языковая игра, коммуникативная рациональность, Хабермас, Апель.

Вопрос об условиях общезначимости знания является одним из центральных в теории познания. Долгое время в эпистемологии господствовало представление о возможности достижения абсолютных истин относительно природы, человека и общества. Основания для этого видели в человеческом разуме, способном занять позицию беспристрастного наблюдателя, свободного от власти чувств, психологических и культурных предрассудков. Постметафизическое мышление, которое трактуется как парадигмальная установка современного типа философствования, поставило под вопрос классические представления о познании и условиях достижения истины. Специфика данной установки заключается, во-первых, в признании сущностной историчности познающего разума и, как следствие, в отказе от таких фундаментальных понятий классической философии, как трансцендентальное сознание и чистое *cogito*; во-вторых, в обращении к языку и коммуникации как основанию бытия и мышления; в-третьих, в преодолении субъект-объектной модели познания и основанном на ней представлении о репрезентации как базовой когнитивной процедуре.

В данной статье попытаемся ответить на два вопроса: как в постметафизической перспективе обосновать возможность получения общезначимого знания и как меняется представление о статусе познавательной деятельности в контексте данной парадигмы философского знания.

Известно, что постметафизическое мышление воплощается во множестве конкретных философских проектов, каждый из которых имеет свою специфику и мотивацию. В нашем исследовании в качестве методологического основания выбрана стратегия самоопределения постметафизического мышления, которую предлагает современная феноменолого-герменевтическая философия. Этот выбор связан с тем, что данная традиция: во-первых сохра-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

няет трансцендентальную постановку вопроса, если понимать под «трансцендентальным» вопрос о необходимых условиях познания; во-вторых, ее представители обращаются к центральным философским направлениям XX в., что позволяет артикулировать сущностные характеристики современного философского мышления в целом.

Достижение нашей цели предполагает: 1) реконструкцию положений феноменолого-герменевтической программы о структуре и роли предпосылочных форм знания в процессе познания; 2) экспликацию феноменолого-герменевтического подхода к статусу языка и коммуникации в познавательной деятельности.

1. Интерес к жизненному миру характерен для многих философских и социально-гуманитарных концепций XX в. Он был вызван выявлением того факта, что в процессе познания важную роль играют предпосылочные формы знания. Если в традиционной теории познания различного рода культурные предрассудки, языковые привычки и традиции рассматривались как то, что вносит искажение в наше знание о действительности и с чем нужно бороться посредством введения строгих методологических процедур, то в перспективе феноменолого-герменевтической философии данные феномены начинают интерпретировать как необходимые условия познавательной деятельности, а преодолеть их влияние на результаты познания невозможно.

Данную роль в утверждении этих взглядов сыграла феноменология Мартина Хайдеггера. В работе «Бытие и время» Хайдеггер пишет: «Человек не «есть» и сверх того имеет еще бытийное отношение к «миру», который он себе по обстоятельствам заводит. Присутствие никогда не есть «сначала» как бы свободное-от-бытия-в-сущее, которому порой приходит охота завязать «отношение» к миру. Такое завязывание отношений к миру возможно только потому что присутствие есть, какое оно есть, как бытие-в-мире» [1. С. 57]. Человек не является свободным от мира сущим, которое по своему желанию устанавливает отношения с действительностью, это отношение становится возможным только потому, что субъект изначально есть как «бытие-в-мире». Герменевтическая феноменология Хайдеггера выявляет, что субъект находится во внутренней (сущностной) взаимосвязи с миром, его бытие фактично, т.е. вплетено в сеть повседневных практик, очевидностей и смысловых отсылок. Этим тезисом Хайдеггер указывает на то, что традиционное для традиционной эпистемологии противопоставление субъекта и объекта является несостоятельным. Сознание не является субстанцией и основанием познавательного отношения к миру.

Линию герменевтической феноменологии продолжает философская герменевтика Гадамера. Один из центральных тезисов работы «Истина и метод» состоит в том, что человеческое мышление предпосылочно по своей сути. Гадамер пишет: «Разум существует для нас лишь как реальный исторический разум, а это означает только одно: разум не сам себе господин, он всегда находится в зависимости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность» [2. С. 328]. Отсюда следует, что наше мышление никогда не бывает полностью свободным от культурных предрассудков, а процесс познания всегда сущностно обусловлен тем социально-историческим контекстом, в котором он осуществляется. С точки зрения Гадамера, «быть исторически означает, что рефлексия никогда не способна извлечь меня из

перипетий событий настолько, чтоб все свершившееся оказалось передо мной» [3. С. 71].

Жизненный мир некоего сообщества рассматривается как разделяемый всеми горизонт, в рамках которого реализуется коммуникация и повседневная практика людей, формируются коллективные представления о действительности – языковые картины мира. Эти картины мира являются продуктом опыта некоего сообщества, представляют совокупность знаний о действительности, составляют фоновое знание и дают ориентиры для повседневной деятельности. Предметы и вещи всегда «из мира» или «в мире», но сам жизненный мир не является объектом среди других объектов. Гуссерль указывает, что «у нас есть мировой горизонт как горизонт возможного опытного познания вещей» [4. С. 188]. Любая наша деятельность всегда предполагает как фон универсальный нетематический горизонт. С одной стороны, он формирует интуитивно понимаемый контекст коммуникативного взаимодействия, а с другой стороны, является источником ресурсов для процессов интерпретации, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации потребность во взаимопонимании. Хабермас замечает: «В то время как сопряженный с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его поддерживает жизненный мир, который не только образует контекст процессов понимания, но и предоставляет для них ресурсы» [5. С. 202]. Жизненный мир обеспечивает своих участников запасом культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации заимствуют устраивающий их образ интерпретации.

Говоря о характеристиках жизненного мира, можно выделить три основных момента: во-первых, он присутствует в нашей повседневной практике как фон, включающий культурные очевидности, которые переживаются как бесспорное знание; во-вторых, он обладает интерсубъективным статусом; в-третьих, жизненный мир и практики повседневности являются фундаментом любых теоретических построений, т.е. любая теоретическая деятельность производна от повседневных практик. В этом смысле она не начинается с чистого листа, а изначально направляется очевидностями повседневного мышления.

В феноменолого-герменевтической философии происходит онтологизация социокультурного контекста. Жизненный мир функционирует на уровне повседневных практик, и именно он выступает фундаментом нашей познавательной деятельности. В связи с этим происходит деконструкция и субъект-объектного отношения, выявляется изначальное онтологическое единство субъекта и объекта. Именно это единство и обеспечивает возможность познания. Жизненному миру приписывается статус, аналогичный статусу трансцендентального сознания в классической философии. Однако специфика этого феномена в том, что он носит фактический и исторический характер. Это не неизменная априорная структура, а структура, которая подвержена изменениям, так как способом его бытия является история. При таком подходе представление о познании как о процессе отображения объектов внешнего мира в сознании познающего субъекта утрачивает релевантность, а познание предстает процессом артикуляции, трансформации и аппликации смыслов и значений языковой картины мира.

2. Совместимо ли представление о сущностной обусловленности нашего познания локальными социокультурными контекстами с возможностью получения intersубъективно значимых истин?

Рассмотрим ответы, которые дают ведущие представители современной философской герменевтики. Обратимся к рассмотрению концепции формальной прагматики Юргена Хабермаса и концепции трансцендентальной прагматики Карла-Отто Апеля.

Центральным элементом теории Хабермаса является понятие коммуникативного действия, которое определяется им как «языковая ситуация, в которой говорящий, находясь в коммуникации со слушателем, говорит о чем-то и выражает то, что он сам об этом думает» [5. С. 39]. Коммуникативное действие связано с особым модусом употребления языка.

В рамках своей концепции универсальной прагматики Хабермас различает два модуса языкового употребления: коммуникативный и когнитивный (некоммуникативный). Когнитивный модус связан с выражением некоторого положения вещей, которое имеет место в мире. Коммуникативный модус связан с сообщением одного субъекта другому чего-либо, так что последний понимает то, что ему сообщается. По мнению Хабермаса, только второй модус внутренне связан с условиями коммуникации. Когда мы говорим о некотором положении дел, наблюдаемом нами в мире, мы не участвуем с необходимостью в коммуникации, мы не совершаем некий речевой акт. Коммуникативное действие реализуется тогда, когда мы нацелены на понимание сообщаемого нам языкового выражения. Дело в том, что понимание некоторого языкового выражения подразумевает более сложную систему предпосылок, нежели простая фиксация факта в предложении. Некоммуникативное употребление языка имплицитно только одно фундаментальное отношение – отношение между предложением и тем предметом в мире, о котором данное предложение сообщает. В рамках же коммуникативного употребления подразумеваются три фундаментальных отношения: во-первых, отношение между предложением и субъективным миром говорящего (так как сообщение выражает намерения говорящего); во-вторых, между предложением и объективным миром (так как сообщение говорит о чем-то в мире); в-третьих, между предложением и социальным миром (так как сообщение устанавливает отношение между говорящим и слушателем). Когнитивный модус языкового употребления реализуется прежде всего в объективирующей установке естественнонаучного познания, направленного на наблюдение и описание событий, происходящих в природе. Коммуникативный модус находит свое воплощение в перформативной установке социального познания, направленного на понимание объективированных значений. Его конечной целью является достижение коммуникативного взаимопонимания, в результате которого участники коммуникации должны прийти к согласию относительно некоторого положения дел, имеющего место в мире.

Утверждение коммуникативного модуса в качестве необходимого условия интерпретации и понимания ведет к ряду методологических затруднений. Во-первых, занимая перформативную установку, интерпретатор покидает привилегированную позицию нейтрального наблюдателя и становится равноправным участником коммуникации. Во-вторых, перед интерпретато-

рами встает все тот же вопрос о контекстуальной зависимости их интерпретации.

Хабермас устраняет эти трудности введением концепта «коммуникативная рациональность». С его точки зрения, речи внутренне присущи универсальные стандарты рациональности, которые предполагаются каждым участником коммуникативного процесса. Рациональность коммуникации связана с теми притязаниями, которые имплицитно существуют в рамках коммуникативного модуса языкового употребления, а именно притязания на пропозициональную истинность, субъективную искренность и нормативную правильность. Выражение имеет притязание на истинность, так как отображает нечто в объективной реальности, оно притязает на то, чтобы быть правдивым, так как выражает намерения говорящего, и оно притязает на то, чтобы быть правильным, так как соотносится с «общественно признанными ожиданиями». Эти притязания являются необходимыми условиями рациональной коммуникации. Они могут подвергаться критике или быть полностью обоснованными, приниматься или отвергаться слушателем, но тем не менее с необходимостью предполагаются каждым участником осмысленной коммуникации. Действие структур коммуникативной рациональности не ограничивается локальными контекстами, но обеспечивают выход за пределы той языковой ситуации, в которой реализуется коммуникативное действие.

Таким образом, в формальной прагматике рассматривается вопрос о получении intersубъективно значимого знания, т.е. знания, которое бы разделялось всеми участниками коммуникативного взаимодействия. Условием получения данного знания являются притязания на значимость, обнаруживаемые при перформативном (или коммуникативном) использовании языка. Эти притязания критически оцениваются, и в результате их intersубъективного признания формируются условия для рационально мотивированного консенсуса. Природа данных притязаний парадоксальна, так как, с одной стороны, посредством их преодолеваются локальные ситуации, в которых происходит коммуникативное общение (участники коммуникации при достижении консенсуса получают знание, значимость которого не ограничивается локальным контекстом). С другой стороны, эти притязания выдвигаются в конкретной коммуникативной ситуации и связаны с координацией планов конкретных участников коммуникации. Притязания не являются универсальными априорными условиями, неизменными и абсолютными, они тесно связаны с повседневными социальными практиками.

Так же как и формальная прагматика, трансцендентальная прагматика Апеля рассматривает язык, во-первых, в тесной взаимосвязи с коммуникацией; во-вторых, придерживается положения об опосредованности мышления языком, т.е. постулируется принципиальная коммуникативная природа разума; в-третьих, представления о том, что любой язык предполагает «живую» (коммуникативную) общность. Апель формулирует идею трансцендентальной прагматики в контексте трансформации теории познания в аналитику языка.

Язык предстает как трансцендентальная величина в кантовском смысле, т.е. как условие возможности и объективной значимости понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия. Не условия субъективной очевидности познания, а условия его intersубъективной значимости

становятся для Апеля главной темой «семиотически трансформированной трансцендентальной философии». По Апелю, для конституирования факта познания необходимо, чтобы «очевидность моего созерцания была связана с «языковой игрой» посредством прагматически-семантических правил, т.е. в смысле позднего Витгенштейна возвышалась до «парадигмы» языковой игры» [6. С. 195]. Только при этом условии субъективная очевидность, доступная лишь индивидуальному сознанию, может быть преобразована в интересующую априорную значимость высказываний и может иметь статус «априори обязательного познания».

В философии позднего Витгенштейна понятие «языковая игра» является центральным. Именно «языковая игра» выступает основанием значимости наших поступков, интерпретаций мира и языкового употребления. Все они встроены в «языковую игру» как «компоненты социальной жизненной формы». Согласно Витгенштейну не существует ни объективной, ни субъективной гарантии смысла знаков и даже значимости правил языкового употребления. «Языковая игра» в качестве горизонта всевозможных критериев смысла и значимости обладает трансцендентальным достоинством. Существует множество «языковых игр», которые имеют лишь «семейные сходства», и коммуникация между ними невозможна. Главная заслуга Витгенштейна, по мысли Апеля, состоит в радикальном проведении в жизнь «принципа конвенционализма». Суть этого принципа в том, что «не онтосемантическая система идеального языка (в которой «определенность смысла» предложений установлена априори, через «логическое пространство» отображения возможных положений дел) «задним числом» вводится в употребление людьми, а употребление знаков людьми выносит решение о смысле этих знаков» [Там же. С. 218]. Источником значения знаков являются, таким образом, ни внеположенные нашему миру идеи, ни психологические отпечатки вещей, но значение знаковых выражений определяется способом их употребления, значение знаков закрепляется в конвенциях. Радикализм Витгенштейна, по мнению, Апеля, состоит в следующем тезисе: «...не только значение знаков становится зависимым от правил их применения, но и смысл правил применения как будто бы в каждый момент зависит от конвенций и их применения» [Там же].

Апель заимствует понятие языковой игры у Витгенштейна и трансформирует его определенным образом: множество конкретных языковых игр, о которых идет речь у Витгенштейна, он рассматривает в качестве проявления единой универсальной трансцендентальной языковой игры. По его мнению, среди множества «языковых игр» существует одна, которая является условием всех «данных» языковых игр. Эта трансцендентальная языковая игра содержит правила, которые не могут устанавливаться с помощью «конвенций», а сами делают возможными эти «конвенции». Эта трансцендентальная языковая игра является условием, которое делает возможным идентификацию некоторого предмета в качестве «языковой игры», и выступает условием, делающим возможным взаимопонимание между представителями разных «языковых игр». Апель аргументирует это положение следующим образом: «Если (как то действительно виделось Витгенштейну) беспредельно многие, разнообразные языковые игры или жизненные формы, будучи «данными» (изначальными) фактами, одновременно должны представлять собой пре-

дельные квазитрансцендентальные горизонты правил понимания смысла, то непонятно, как они сами смогли быть данными, как языковые игры, а это значит – идентифицированы в качестве чего-то. Если речь идет о данных языковых играх как о квазитрансцендентальных фактах (в духе релятивизма языковой игры), то из их числа исключается, по крайней мере, одна языковая игра, которая предполагается трансцендентальной. С другой же стороны, различные языковые игры не только могут быть «данными» в качестве наблюдаемых феноменов для трансцендентальной языковой игры философии, но и, более того, эта последняя языковая игра должна быть принципиально способной к понимающему участию во всех «данных» языковых играх» [6. С. 228]. Эта игра образует «трансцендентальное единство различных горизонтов правил», это единство не может быть данным, но именно благодаря ему устанавливается коммуникативная взаимосвязь между различными конкретными языковыми играми.

Так же как и Хабермас, Апель не ставит под вопрос возможность получения общезначимых истин. Специфика позиции трансцендентальной прагматики состоит в том, что она сохраняет установку на поиск необходимых универсальных условий познания. Если у Хабермаса подобные условия трансцендируют локальные коммуникативные ситуации, но встроены в социальные практики и носят фактический характер, то у Апеля эти условия носят абсолютный априорный (т.е. внеэмпирический) характер. Таким условием оказывается трансцендентальная игра неограниченного коммуникативного сообщества. В методологическом плане позицию трансцендентальной прагматики можно обозначить как «квазиконтекстуализм»: хотя в рамках данной теории и признается обусловленность нашего мышления социокультурным контекстом и реальной исторической практикой, Апель утверждает возможность получения общезначимой истины, т.е. возможность преодоления культурных предрассудков.

В рамках современной герменевтической философии происходит онтологизация коммуникативного измерения. Языку и коммуникации приписывается статус трансцендентальных, т.е. необходимых условий познания. При этом трансцендентальный статус приписывается прагматическому измерению, языку в его реальном коммуникативном употреблении. В разных проектах коммуникативной философии артикулируются разные аспекты языкового измерения. Так, в формальной прагматике артикулируется социальная функция языка; коммуникация предстает как то, что порождает социальную материю и обеспечивает координацию действий всех участников одного жизненного мира. В трансцендентальной прагматике артикулируется гносеологический аспект языка и коммуникации; языку приписывается трансцендентальный статус в кантовском смысле, т.е. он выступает необходимым условием познания и тем условием, которое обеспечивает получение общезначимого знания. Язык оказывается трансцендентальным условием возможности получения общезначимого знания. В самой коммуникации обнаруживаются структуры, которые генерируют intersubjectивную значимость знания.

В условиях преодоления идеи автономного трансцендентального субъекта меняется и представление о сущности самого процесса познания. Как мы уже заметили, преодолевается оппозиция субъекта и объекта; выявляется,

что, во-первых, наше знание вырастает из определенного «предпонимания» мира, а во-вторых, необходимым условием самой возможности познания мира является наша сущностная принадлежность к нему. Важность этой трансформации состоит в том, что данные феномены ставят под вопрос традиционные философские различия, например различие теоретического и практического, которое базировалось на субъект-объектной модели познания. Наша теоретическая деятельность вырастает из повседневных практик и так или иначе связана с трансляцией или трансформацией мира повседневного.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академический Проект, 2013. 460 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гадамер Г.-Г. Пути Хайдеггера: исследование позднего творчества. Минск : Профили, 2007. 240 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб. : Владимир Даль, 2004. 399 с.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 377 с.
6. Апел К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.

Aleksandr S. Gaponov, Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: gaponov@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 5–13.

DOI: 10.17223/1998863X/45/1

INTERPRETATION OF COGNITIVE ACTIVITY IN THE PHENOMENOLOGICAL HERMENEUTIC PERSPECTIVE

Keywords: postmetaphysical thinking; phenomenology; hermeneutics; life-world; communicative community; language game; communicative rationality; Habermas; Apel.

The problem of the article can be formulated in the form of a question about how the concept of the status of cognitive activity in modern phenomenological hermeneutic philosophy changes? It is established that in the modern hermeneutic philosophy there is an ontologization of the communicative dimension. Language and communication are attributed the status of necessary conditions of cognition. Different aspects of the language dimension are articulated in different projects of modern hermeneutics. Thus, in formal pragmatics, the social function of language is articulated; communication appears as something that generates social matter and ensures the coordination of actions of all participants in one life world. In transcendental pragmatics, the epistemological aspect of language and communication is articulated; language is attributed a transcendental status in the Kantian sense, that is, it is a necessary condition for knowledge and the condition that ensures the acquisition of general knowledge. A phenomenological hermeneutic position allows us to combine the principles of validity and performative orientation in cognition, since it discovers structures that generate intersubjective significance of knowledge in communication. The structures cannot be identified from the position of a third person, that is, from the perspective of an external observer, because they are actualized only in the perspective of a participant in communicative interaction. In the phenomenological hermeneutic perspective, the basis for the universality and objectivity of cognition is the situation of communicative interaction. In the conditions of overcoming the idea of an autonomous transcendental subject, the concept of the essence of the process of cognition also changes. The opposition of the subject and the object is overcome; it is revealed that, firstly, our knowledge grows out of a certain “preconception” of the world, and, secondly, our essential belonging to it is a necessary condition for the very possibility of knowing the world. The importance of this transformation lies in the fact that these phenomena call into question traditional philosophical distinctions: for example, a distinction between the theoretical and the practical, which was based on the subject-object model of cognition. Our theoretical activity grows out of everyday practices and in one way or another is connected with the translation or transformation of the world of everyday life.

References

1. Heidegger, M. (2013) *Bytiye i vremya* [*Being and Time*]. Translated from German by V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskiy Proyekt.
2. Gadamer, G.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: The Basics of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Gadamer, G.-G. (2007) *Puti Khaydeggera: issledovaniye pozdnego tvorchestva* [Heidegger's Way: A study of late creativity]. Translated from German by A. Lavrukhin. Minsk: Propilei.
4. Husserl, E. (2004) *Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Translated from German by D. Sklyadnev. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
5. Habermas, J. (2000) *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German by S. Shachin, D. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka.
6. Apel, K.-O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [The Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennoy, B. Skuratov. Moscow: Logos.

УДК 162

DOI: 10.17223/1998863X/45/2

Н.В. Зайцева

КОГНИТИВНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ПРИМЕРА

Рассматривается пример, являющийся, согласно Аристотелю, одним из риторических способов убеждения. Подробно анализируется аристотелевское понимание примера. Предложенная в работе реконструкция существенным образом опирается на феноменологическую идею аппрезентации (аналогизирующей апперцепции), обеспечивающей осмысление ситуации-стимула на основании примера-образца. Обосновывается несводимость риторического примера к известным видам дедуктивных и правдоподобных рассуждений.

Ключевые слова: *риторика, правдоподобные рассуждения, пример, paradeigma, феноменология.*

1. Введение

Мы живем во время революции. Второй когнитивной революции, начавшейся еще в 1990-е гг. с отказа от парадигмы когнитивизма в пользу телесно воплощенного сознания (embodied mind¹, подробнее см., например, [1]). Одной из характерных особенностей этой революции является усиливающееся (благодаря техническому прогрессу и значительному финансированию на государственном уровне нейроисследований) влиянию нейронауки на философию вообще и философию сознания в первую очередь. Естественно, такие «когнитивно близкие» области философии, как логика, теория аргументации и риторика, имеющие дело с интеллектуальными процедурами и механизмами убеждения, также оказались затронутыми этим процессом. Последние годы широко обсуждаются когнитивные основания риторических методов и приемов убеждения (persuasion). При этом второй по значимости, с точки зрения Аристотеля, способ убеждения – пример (paradeigma) – практически не рассматривается.

Вполне возможно, такое игнорирование примера вызвано кажущимися простотой и очевидностью этого риторического приема. Казалось бы, хочешь добавить своей аргументации убедительности и наглядности, приведи несколько примеров – ну что здесь требует специального обсуждения?! Характерным следствием такого понимания использования примера в аргументации служит статья [2] в Стэнфордской энциклопедии философии, посвященная «Риторике» Аристотеля. Автор всего два раза упоминает пример (paradeigma), ограничиваясь его характеристикой как вида индукции. Между тем простота и однозначность этого риторического способа убеждения не является столь очевидной. Достаточно сказать, что еще 30 лет назад

¹ Насколько мне известно, устоявшегося в отечественной философской литературе перевода термина «embodied mind» не существует. Мне представляется удачной с содержательной точки зрения его интерпретация как «телесно воплощенное сознание», которую я буду использовать в данной статье далее без специальных оговорок.

трактовка примера вызывала дискуссии среди философов, полярные позиции в которой иллюстрируют работы [3] и [4]. Одним из оснований для дискуссии о природе примера служила и продолжает служить неоднозначность его трактовки самим Аристотелем. Скажем, в «Риторике» о примере применительно к индукции (наведению)¹ говорится, что «пример есть индукция» [5. 1356b], в то время как в «Первой аналитике» соотношение примера и индукции понимается противоположным образом: «...пример отличается от индукции тем, что...» [6. 2.24.69a 19].

Новый импульс размышлениям о когнитивной природе риторического примера придают статьи последних лет В. Галлезе (см. [7–9]), в которых он высказывает интересную гипотезу о связи теории телесно воплощенной симуляции (*embodied simulation*) с *paradeigma* Аристотеля. Риторический пример обсуждается в контексте описываемых им механизмов отражения (*mirror mechanisms*), служащих эмпирической основой теории телесно воплощенной симуляции. Теория телесно воплощенной симуляции изначально была вызвана к жизни потребностью объяснить открытый в середине 1990-х гг. эффект зеркальных нейронов – моторных нейронов, возбуждающихся как при совершении определенного действия, так и при восприятии (в первую очередь зрительном, но известно и о случаях слухового восприятия) этого действия, совершаемого другим агентом.

Идея Галлезе состоит в том, что наше социальное восприятие становится осмысленным благодаря повторному использованию (*re-use*) наших собственных ментальных состояний в виде телесно оформленных презентаций. При этом симуляция понимается как автоматический, бессознательный и дорефлексивный механизм, приводимый в действие восприятием, задача которого состоит в моделировании событий и поведения других. Связь с риторическим примером, по Галлезе, состоит в том, что телесно воплощенная симуляция позволяет «натурализовать» *paradeigma* Аристотеля: получаемое в результате «парадигматическое» знание представляет собой экземплификацию симуляции, а зеркальные нейроны служат его нейронными коррелятами.

Удивительно, что Галлезе, разрабатывающий теорию, содержащую прямые ссылки на феноменологию Э. Гуссерля, проходит мимо напрашивающейся, с моей точки зрения, когнитивно-феноменологической интерпретации риторического примера через понятие аппрезентации. В данной статье я предпринимаю попытку развить эту интерпретацию, что приводит к трактовке риторического примера как особого вида рассуждения, отличающегося и от дедукции, и от индукции (наведения), и от аналогии. В соответствии с этим планом строится дальнейшее изложение. В следующем параграфе проясняется трактовка примера Аристотелем. Третий параграф обеспечивает относительную самодостаточность статьи и содержит краткую характеристику феноменологической концепции аппрезентации. Наконец, в четвертом параграфе предлагается достаточно очевидная феноменологическая трактовка риторического примера, а в заключении подводятся итоги исследования.

¹ В зависимости от предпочтений переводчика греческий термин *epagôgê* у Аристотеля в цитируемых сочинениях переводится как «наведение» или «индукция». В контексте данной работы эти термины являются синонимами.

2. Аристотель о риторической *paradeigma*

В чем же состоит особенность риторического примера как особого способа рассуждения? На первых же страницах «Риторики» Аристотель четко указывает, что есть два способа убеждения: риторический силлогизм (энтимема) и риторическая индукция (пример, *paradeigma*, *παράδειγμα*) [5. 1356b 5]. Далее следует более подробное разъяснение того, что подразумевается под примером. «Пример не выражает ни отношения части к целому, ни целого к части, ни целого к целому, но части к части, подобного к подобному, когда оба случая относятся к одному роду, причем один более известен, чем другой» [Там же. 1357b 30]. Примечательно, что в другом переводе «Риторики», изданном в Санкт-петербургском издательстве «Азбука» в 2000 г., в этом фрагменте о двух подобных случаях сказано, что «оба случая подходят под одну и ту же категорию случаев» – различие, которое может показаться кому-то несущественным, но окажется важным для моего дальнейшего изложения. Завершается фрагмент Аристотеля иллюстрацией примера как типа рассуждения. «Например, Дионисий, требуя для себя стражу, замыслил сделаться тираном, поскольку ранее, замыслив сделаться тираном, требовал для себя стражу Писистрат, и, получив ее, сделался тираном; точно так же поступил Феаген Мегарский. И другие хорошо известные люди являются примерами для Дионисия, о котором еще не известно, требует ли он для себя стражу с этой целью. Все приведенные случаи подходят под то общее положение, что замышляющий сделаться тираном требует для себя стражу» [Там же. 1357b 30–35].

Во второй книге «Риторики» (Риторика II 20) пример и энтимема рассматриваются подробно и снабжены иллюстрациями их применения. Так, Аристотель различает два вида примеров – сообщение об уже совершившемся событии и о выдуманном, последнее может представлять собой притчу или басню [Там же. 1393a 30]. Касаясь специфики примера как метода, Стагирит рекомендует пользоваться примерами для доказательства, когда нет энтимем, либо подкреплять энтимемы примерами в качестве свидетельств. При этом он замечает: «...в начале они похожи на индукцию, а ораторским речам индукция не свойственна... а в конце – достаточно одного примера, ибо свидетель, заслуживающий веры, полезен даже один» [Там же. 1394a 15].

Значительное внимание Стагирит уделяет примеру в «Аналитике». В «Первой аналитике» этой теме посвящена целая глава [6. 2.24.68b 38–69a 19]. В ней подробно рассматривается известный пример с войной с соседями. В заключительной части главы Аристотель практически повторяет риторическую трактовку рассуждения на основе примера как перехода от части к части, «когда они обе подходят под один и тот же <термин>, но одна <из них> известна». Завершает этот фрагмент уже упомянутое заключение об отличии примера от индукции: «Пример отличается от индукции тем, что индукция из всех отдельных случаев доказывает, что <больший> крайний <термин> присущ среднему и относительно <меньшего> крайнего <термина> не умозаключает, тогда как пример умозаключает относительно меньшего <термина> и доказывает не из всех <отдельных случаев>». Однако уже во «Второй аналитике» примеры опять объявляются видом индукции: «Таким же образом и убеждают <других> ораторы – или посредством примеров, которые являются

<видом> индукции, или посредством энтимем» [6. А71а 10]. Очевидно, что эти весьма неоднозначные и явно не согласующиеся при первом прочтении фрагменты нуждаются в дополнительном рассмотрении и логической реконструкции, которая будет предложена в заключительной части статьи.

3. Аппрезентация Гуссерля и *paradeigma*

Когнитивно-феноменологический подход в качестве основного претендента на философско-методологическую интерпретацию результатов нейроисследований, позволяющего согласовать объективные эмпирические данные «от третьего лица» с субъективной интроспективной информацией «от первого лица», уже успел продемонстрировать свою перспективность. Не останавливаясь здесь на этом подробно, укажу работу [10], во вступительном параграфе которой рассматриваются различные варианты нейрофеноменологических концепций. На мой взгляд, наблюдающаяся адаптация ключевых феноменологических понятий к применению в когнитивной науке (см., например, [11]) незаслуженно обходит такое важное понятие, как аппрезентация (аналогизирующая апперцепция), введенное Гуссерлем в «Картезианских размышлениях» для описания процедуры осмысления другого сознания. Для Гуссерля в обосновании его интерсубъективного проекта, как он замечает сам, немалые трудности представляет «шаг, ведущий к «другому его» [12. С. 213]. Этой проблеме он посвящает параграфы 50–54 Размышления V «Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической интерсубъективности», в которых последовательно вводится понятие аппрезентации. Ранее я достаточно подробно обращалась к рассмотрению этого понятия в работах [10, 13–15], поэтому в данной статье для обеспечения ее самодостаточности ограничусь лишь краткой справкой.

Поскольку Другое я, его субъективный опыт не даны нам изначально и непосредственно, интенциональное переживание Другого, по Гуссерлю, характеризуется опосредованностью, возникающей на основе первопорядкового мира и дающей «возможность представить со-присутствие чего-либо, что тем не менее само не присутствует и никогда не может достичь самоприсутствия. Речь, следовательно, идет о своего рода приведении-в-со-присутствие... о некоей аппрезентации» [12. С. 214].

Аппрезентация (аналогизирующая апперцепция) представляет собой универсальный когнитивный механизм, лежащий в основании смыслообразующих актов. Этот механизм связан с типизацией объектов мира, что позволяет избежать его бесконечного многообразия и реагировать на тип объекта типичным, закрепленным в опыте образом. Ее легко можно обнаружить уже во внешнем опыте. Что касается восприятия Другого Я, то смысл другого и смысл Я со всеми его содержаниями обретаются благодаря аппрезентации, в результате которой другое тело «получает смысл от моего живого тела в результате апперцептивного перенесения» [Там же. С. 217]. Это означает, что Другой есть всегда проекция меня самого. В данном случае мое телесное воплощенное я выступает в качестве предмета-образца, переживаемого, доступного моему внешнему и внутреннему восприятию. Перенос смысловых характеристик с предмета-образца, ранее пережитого в опыте, на новый предмет изначально основывается на некоем подобии или аналогии. Напри-

мер, на подобии моего тела и тела другого, что позволяет отождествить эти два объекта.

Важно отметить, что Гуссерль настоятельно предостерегает от трактовки уподобляющей апперцепции как вывода по аналогии. «Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт. Каждая апперцепция, в которой мы с одного взгляда воспринимаем и, фиксируя свое внимание, схватываем заранее данные предметы (к примеру, заранее данный повседневный мир), каждая апперцепция, в которой мы сразу же понимаем их смысл вместе с его горизонтами, интенционально отсылает нас к некоему первичному учредительному акту, когда был впервые конституирован предмет, обладающий подобным смыслом» [12. С. 217]. Например, ребенок однажды понимает, в чем состоит смысловое предназначение ножниц. С этих пор он каждый раз видит ножницы как таковые с первого взгляда, какая бы разновидность ножниц не оказалась в фокусе его внимания. Этот процесс не сопровождается развернутым воспроизведением учредительного акта, пережитого ранее, сравнением или логическим выводом. Благодаря аппрезентации «даже неизвестные нам вещи этого мира, вообще говоря, известны в том, что касается их типа» [Там же].

Если апперцепция не есть умозаключение по аналогии, то в чем ее специфика, какова ее природа, что лежит в основе механизма аппрезентативного переноса? Ответ на этот вопрос можно найти в параграфе 51 «Удвоение как ассоциативно конституирующий компонент опыта другого». По Гуссерлю, его и *alter ego* всегда с необходимостью даны в изначальном удвоении. Удвоение, в свою очередь, «есть изначальная форма того пассивного синтеза, который мы, в противоположность пассивному синтезу идентификации, называем ассоциацией» [Там же. С. 220]. Два предмета даются интенционально как выделенные в «единстве подобия и, таким образом, всегда оказываются конституированы именно как пара», компоненты которой находятся в отношении взаимного покрытия «накладывающимися друг на друга предметными смыслами». В результате «в образовавшейся паре осуществляется взаимное перенесение смысла» [Там же].

В работах [15] и [10] развивается идея «аппрезентационной модели» типизации как телесно воплощенного, «встроенного» дорефлексивного универсального когнитивного механизма, основанного не на установлении сходства между предметами, а на их отождествлении и апперцептивном переносе смысла (типа) с предмета образца на стимул. Фактически это означает, что аппрезентация лежит в самой основе познания как субъектно-объектного взаимоотношения, фундируя в том числе ментальные лингвистически выраженные акты и процедуры.

4. Индукция, аналогия и *paradeigma*

Ниже я предлагаю когнитивно-феноменологическую интерпретацию риторического рассуждения на основе примера, предполагающую апперцептивный перенос как базис, обосновывающий переход от посылок к заключению. Но прежде чем сделать это, необходимо дать определенный ответ на вопросы, как соотносится риторический пример с индукцией и аналогией и какова схема этого рассуждения.

Выше уже отмечалось, что рассуждение на основе примера у Аристотеля часто трактуется по-разному: как разновидность индукции (наведения), как аналогия и как совершенно самостоятельный тип рассуждения. Аристотель специально не говорил об аналогии как таковой. На эту роль традиционно в его работах претендуют рассуждение на основе случаев (*paradeigma*) и рассуждение на основе сходства (*homoiotes*). Первое уже достаточно внимательно рассмотрено в данной работе, поэтому охарактеризую второе.

Рассуждение на основе сходства достаточно подробно рассматривается в Топике (Топика I, 17 и 18, VII, 1). Наиболее точным и полным описанием аналогии считается следующий фрагмент. «Далее следует выводывать на основании сходства, ибо это убедительно и лучше скрывает общее... Хотя этот [прием] сходен с наведением, однако не тождествен ему: в наведении общее принимается на основании единичного, а при указании сходства не получается общее, охватывающее все случаи сходства» [6. 156b 10–17]. Согласно авторитетному мнению автора статьи об аналогии в Стэнфордской энциклопедии философии «рассуждение на основе сходства (*homoiotes*) представляется более близким, чем *paradeigma* к нашему современному пониманию рассуждения по аналогии» [16].

Возвращаясь к соотношению индукции (наведения) и рассуждения на основе примера, целесообразно предложить реконструкцию рассуждений Аристотеля, наиболее полно представленных в «Первой Аналитике» [Там же. 2.24.68b 38–69a 19]. В качестве иллюстрации рассматривается стандартное силлогистическое рассуждение, в котором в дополнительном обосновании нуждается большая посылка «Все М есть Р» (в более привычной, традиционной нотации, позволяющей различить общие и единичные термины). Обратим внимание, что символы М и Р замещают общие термины «начинать войну с соседями» и «зло» соответственно. Меньшая посылка рассматриваемого силлогизма представляет собой единичное высказывание вида «b есть М», где b замещает единичный термин «война афинян с фиванцами». Очевидным образом из этих посылок получается вполне корректное заключение «b есть Р» – «война афинян с фиванцами есть зло». Таким образом, основное рассуждение принимает следующий вид:

Все М есть Р	«[Всякая] война с соседями есть зло»
b есть М	«Война афинян с фиванцами есть война с соседями»
b есть Р	«Война афинян с фиванцами есть зло»

Само рассуждение на основе примера требуется для обоснования большей посылки с помощью примера d – «война фиванцев с фокейцами». Аристотель проводит это обоснование следующим образом: «Но это становится убедительным из <наблюдения> подобных случаев, например из того, что для фиванцев <война> с фокейцами <была злом>» [Там же. 2.24.69a 5]. Здесь местоимение «это» замещает большую посылку: «[Всякая] война с соседями есть зло». В этом вспомогательном рассуждении в нашем распоряжении имеется очевидная посылка «d есть Р» («война фиванцев с фокейцами есть зло»). На основании подобия d и b (тождества двух случаев относительно М – «ибо и то и другое есть войны с соседями» [Там же. 2.24.69a 10]) из очевидной первой посылки делается искомый вывод, что «все М есть Р» («начинать войну с соседями есть зло»). В первом приближении это рассуждение выглядит странно и непривычно. От М-подобия двух случаев (тождества относи-

тельно некоторой категории или общего термина М) и присущности известному случаю (d) свойства Р мы заключаем, что это свойство присуще категории подобия М.

Более естественной становится трактовка этого рассуждения, если мы будем понимать утверждение о подобии двух случаев не как фиксацию некоторого симметричного отношения (подобия или сходства), а как результат распознавания в новом объекте b стороны или части пережитого ранее и сохраненного в памяти объекта d. В результате получается следующее: в прошлый раз объект d как целое (представляющее собой совокупность сторон или частей) привел в моем опыте к негативным последствиям. Сейчас я столкнулся со случаем b, в котором мною узнается часть (сторона) М предыдущего случая, что и служит основанием для их отождествления. При этом два объекта не просто сравниваются или оказываются носителями каких-то общих признаков (как в посылках рассуждения по аналогии) – они буквально отождествляются, являясь нам как М. Таким образом, я прихожу к заключению, что М приводит к негативным последствиям (является их причиной).

Напрашивается давно анонсированная аналогия с рассмотренным выше механизмом аппрезентации. Говоря об аппрезентации (аналогизирующей апперцепции), Гуссерль специально делает акцент на том, что аппрезентативный перенос не является рассуждением, это встроенный когнитивный механизм, вероятно присущий не только людям, но и другим живым существам. При этом принцип действия этого механизма Гуссерль подробно не описывает, лишь схематично его намечает, иллюстрируя известными примерами с ножницами и достраиванием образа целого дома на основании восприятия его фасада. Аристотель, напротив, описывает особый способ рассуждения, выраженный лингвистически и состоящий из двух связанных частей: рассуждения на основании примера и силлогизма, в котором заключение первого рассуждения выступает в качестве большей посылки. На мой взгляд, связь между аппрезентативным переносом и риторическим рассуждением состоит в том, что основанием аристотелевского рассуждения является описанный Гуссерлем когнитивный механизм.

Объекты b и d из аристотелевского примера воспринимаются как пара. Это становится возможным благодаря тому, что в них мы обнаруживаем общую часть (сторону) или момент тождества М. Тем самым создается основание для последующего переноса смысла с объекта-образца на новый объект. При этом специфика аппрезентативного переноса состоит в том, что какой бы новый объект не попал в сферу восприятия, если он образует пару с объектом-образцом (т.е. в нем присутствует сторона М), на него автоматически переносится смысл с образца. Как эта возможность многократного переноса смысла может быть выражена вербально в виде рассуждения? Через установление связи между ранее зафиксированным моментом тождества и прагматически значимым свойством Р объекта-образца. Лингвистически эта связь оформляется как общее высказывание «Любой М есть Р», являющееся заключением рассуждения на основании примера. Приводимый далее силлогизм, в котором это заключение играет роль большей посылки, призван иллюстрировать завершающий этап действия аппрезентативного переноса для конкретного случая b.

Таким образом, когнитивная процедура аппрезентации, включающая (а) удвоение и собственно (b) аппрезентативный перенос на уровне рассуждения, предстает как (а) риторический пример, (b) сопровождающийся для каждого конкретного случая соответствующим силлогизмом.

Универсальность когнитивного механизма аппрезентативного переноса можно проиллюстрировать на следующем гипотетическом примере. Дикий зверь, впервые встретившись с охотником, естественно не понимает источника угрозы. Но если ему повезет и он переживет эту первую встречу, животное приобретает некоторый опыт, в котором встреченный им объект будет связан ассоциативно с негативным последствием. Столкнувшись в следующий раз с человеком и почуяв запах оружия, наш зверь, будучи достаточно сообразительным, обратится в бегство, не дожидаясь применения оружия. Почему это происходит? Потому что первый и второй охотник отождествляются на основании общего для них запаха пороха. Не имея в опыте встречи со вторым человеком, зверь тем не менее узнает запах пороха, что позволяет реагировать на нового человека так же, как на первого человека-образца. Подобная реакция уже приводила его к успеху. Фокусируя внимание и тем самым объективируя запах, животное реагирует именно на запах, который фактически и воспринимается им как опасный. Впредь, какой бы объект с запахом пороха (человек, оружие, сумка и т.д.) не встретился на пути умного зверя, реакция будет однотипной. Естественно, в случае с животным все эти когнитивные действия не являются лингвистически оформленными и происходят на врожденном дорефлексивном уровне, закрепляясь в опыте в качестве наиболее эффективной реакции на стимул.

5. Заключение

Итак, суммируя все сказанное о *paradeigma* выше, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, анализируемое риторическое рассуждение на основании примера не относится ни к индуктивным (в узком смысле), ни к рассуждениям по аналогии. В то же время данное рассуждение можно квалифицировать как правдоподобное, или индуктивное в широком смысле¹. Выше риторическое рассуждение на основе примера было представлено как двухпосылочное. В его первой посылке устанавливается подобие двух предметов (случаев) относительно некоторой категории М. Второй посылкой служит утверждение о наличии у предмета-образца некоторого прагматически значимого свойства. В заключении делается вывод, что категория М включается в более широкий класс (или все члены этой категории обладают прагматически значимым свойством):

d М-подобно b «Война фиванцев с фокейцами подобна войне афинян с фиванцами [в том отношении, что обе они есть войны с соседями]

d есть Р «Война фиванцев с фокейцами есть зло»

М есть Р «[Всякая] война с соседями есть зло»

¹ Стоит заметить, что в работе [16] рассматривается возможность его реконструкции как чисто дедуктивного, при этом подобие двух примеров трактуется как наличие второпорядкового свойства (свойства свойств).

Во-вторых, отношение между риторическим рассуждением на основе примера и аппрезентацией может быть представлено следующим образом. Во второй посылке рассуждения объект относится к некоторому типу. Зафиксированное в первой посылке подобие (тождество в определенном моменте или стороне) двух объектов обуславливает процедуру удвоения. В свою очередь, рефлексия над удвоением позволяет выделить и сделать предметом рассмотрения сам момент тождества, тем самым объективируя его и превращая в новый тип. Дальнейшая рефлексия связывает любой объект нового типа с установленным ранее более широким (абстрактным) типом, что и фиксируется в заключении рассуждения.

Аппрезентация не есть умозаключение. Однако она лежит в основе риторического рассуждения, включающего пример и силлогизм, которые в совокупности могут рассматриваться как ее лингвистическое выражение. Отличие аппрезентации от риторического рассуждения состоит лишь в том, что, скажем, уже упоминавшаяся ситуация с ножницами иллюстрирует процесс познания, а риторический пример и соответствующий силлогизм – это рассуждение, используемое в процессе аргументации, при этом сам ритор уже заранее знает, к какому заключению он хочет привести другую сторону. Пример, экзemplифицирующий телесно воплощенную симуляцию, показывает, что убеждающий эффект несут не лингвистические выражения сами по себе, а то, что они репрезентируют, т.е. нелингвистические телесно воплощенные когнитивные сущности, структуры и механизмы, образующие темпорально организованный опыт субъекта.

В-третьих, на основании изложенного выше позволю себе высказать гипотезу о природе убедительности рассуждения на основе примера. Любое риторическое рассуждение по определению должно быть убедительным. В данном случае можно предположить, что рассуждение на основании примера приобретает убедительность благодаря лежащему в его основе универсальному когнитивному механизму, присущему животным. Этот механизм позволяет живому существу адекватно реагировать на объект или ситуацию на основании имеющегося у него опыта, что обеспечивает адаптацию к окружающему миру. В главе 19 «Второй Аналитики» Аристотель, рассуждая о познании первоначал, рассматривает проблему обоснования общих высказываний, по сути представляющих собой большие посылки силлогизмов. Он замечает, что для такого рода познания необходимо обладать некоторой особой познавательной способностью, присущей всем животным. Примечательно, что, по Аристотелю, эта способность основана на возможности различать и отождествлять: «...из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука» [6. 2.19. 100a 10]. Завершается глава известным выводом о том, что начала могут быть предметом только нуса, являющегося, таким образом, началом науки. Получается, что риторическое рассуждение на основе примера в определенном смысле «паразитирует» благодаря искусству ритора на врожденной, присущей всем живым организмам познавательной способности, в основе которой, как мы могли бы сказать сегодня, лежит аппрезентация. Именно встроенность этой способности, ее автоматизм, проецирующиеся и на соответствующее риторическое рассуждение, делают его восприятие некритичным, а само рассуждение – убедительным.

Литература

1. *Benedi P.* The “cognitive turn”: A short guide for nervous drivers // *Status Quaestionis*. 2015. 7. P. 127–155.
2. *Rapp C.* Aristotle's Rhetoric // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2010 Edition) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/aristotle-rhetoric/> (access date: 12.09.18).
3. *Hauser G.A.* The Example in Aristotle's Rhetoric: Bifurcation or Contradiction? // *Philosophy and Rhetoric*. 1968. Vol. 1. Spring. P. 78–90.
4. *Bonoit W.L.* Aristotle's Example: The Rhetorical Induction' // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66. April. P. 182–192.
5. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2005.
6. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2.
7. *Gallese V.* Corpo non mente. Le neuroscienze cognitive e la genesi di soggettività ed intersoggettività // *Educazione Sentimentale*. 2013. 20. P. 8–24.
8. *Gallese V., Cuccio V.* The paradigmatic body. Embodied simulation, intersubjectivity and the bodily self // *Metzinger T. and Windt J. M. eds. Open MIND*. Frankfurt : MIND Group, 2015. P. 1–23.
9. *Gallese V.* The Multimodal Nature of Visual Perception: Facts and Speculations // *Gestalt Theory*. 2016. 38(2/3). P. 127–140.
10. *Зайцева Н.В., Зайцев Д.В.* Феноменологическая перспектива в современной нейронауке // *Философские науки*. 2017. № 1. С. 71–84.
11. *Gallagher S., Zahavi D.* The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. London : Routledge, 2007.
12. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука : Ювента, 1998.
13. *Зайцева Н.В.* Феноменология и когнитивные основания аргументации // *Модели рассуждений-3: когнитивный подход / под ред. В.Н. Брюшинкина*. Калининград, 2010. С. 76–92.
14. *Зайцева Н.В.* Симуляция в аргументации // *Радио.ru*. 2011. № 6. С. 36–55.
15. *Zaitsev D., Zaitseva N.* Categorization in Intentional Theory of Concepts // *Lecture Notes in Computer Science*. 2016. Vol. 9719. P. 465–473.
16. *Bartha P.* Analogy and Analogical Reasoning // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016 Edition). / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reasoning-analogy/> (access date: 12.09.18).

Natalia V. Zaitseva, Lomonosov Moscow State University; Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russian Federation).

E-mail: natvalen@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 14–24.

DOI: 10.17223/1998863X/45/2

A COGNITIVE-PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF A RHETORICAL EXAMPLE

Keywords: rhetoric; plausible reasoning and argument; example; paradeigma; phenomenology.

This paper zeroes in on an example (paradeigma, argument based on parallel cases), which is, according to Aristotle, one of the two modes of rhetorical persuasive arguments. It was an idea of Vittorio Gallese, a prominent cognitive neuroscientist and neuropsychologist, one of the discoverers of mirror neurons, concerning the close relationship of simulation mirror resonance mechanisms and Aristotelian paradeigma, that served as a motive for the paper. First, the author considers Aristotle's interpretation of paradeigma in detail. In so doing, the appropriate paragraphs of Rhetoric and Prior Analytics are examined. After that, to make the paper self-contained, the key conception of transcendental appresentation (analogizing apperception) is briefly outlined as it was introduced and considered by Husserl in the Fifth Cartesian Meditation. The ground of this cognitive procedure is formed by the embedded and embodied mechanism of pairing, which makes it especially interesting, when a rhetoric example is concerned. With that in mind, the author proposes a novel reconstruction of paradeigma based upon the phenomenological conception of apperception, which provides the comprehension of a situation-as-stimulus in accordance with a paradigmatic model example. The core feature of this reconstruction lays in a very specific premise asserting the sameness of the stimulus and the model example within a certain category. The author consider this cognitive procedure to be grounded in a more fundamental faculty in charge for categorization and typification. Thus, Aristotelian pa-

radeigma (a) accompanied by an appropriate syllogism ad hoc (b) corresponds to Husserlian apperception containing pairing (a) and apperceptive transfer of sense from a model object to a new stimulus (b). The author argues for essential irreducibility of a rhetorical example to standard types of deductive and plausible arguments, including inductive generalization and analogical inference. The closing section sums up all the above and provides a suggestive explanation of the persuasive power of a rhetorical example.

Reference

1. Benedi, P. (2015) The “cognitive turn”: A short guide for nervous drivers. *Status Quaestionis*. 7. pp. 127–155.
2. Rapp, C. (2010) Aristotle's Rhetoric. In: Zalta, E.N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/aristotle-rhetoric/>. (Accessed: 12th September 2018).
3. Hauser, G.A. (1968) The Example in Aristotle's Rhetoric: Bifurcation or Contradiction? *Philosophy and Rhetoric*. 1. pp. 78–90.
4. Bonoit, W.L. (1980) Aristotle's Example: The Rhetorical Induction. *Quarterly Journal of Speech*. 66. pp. 182–192. DOI: 10.1080/00335638009383514
5. Aristotle. (2005) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Translated by V. Appelrot, N. Platono-va. Moscow: Labirint.
6. Aristotle. (1976) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
7. Gallese, V. (2013) Corpo non mente. Le neuroscienze cognitive e la genesi di soggettività ed intersoggettività [Body does not lie. Cognitive neuroscience and the genesis of subjectivity and inter-subjectivity]. *Educazione Sentimentale*. 20. pp. 8–24.
8. Gallese, V. & Cuccio, V. (2015) The paradigmatic body. Embodied simulation, intersubjectivity and the bodily self. In: Metzinger, T. & Windt, J.M. (eds) *Open MIND*. Frankfurt: MIND Group. pp. 1–23.
9. Gallese, V. (2016) The Multimodal Nature of Visual Perception: Facts and Speculations. *Gestalt Theory*. 38(2/3). pp. 127–140.
10. Zaytseva, N.V. & Zaytsev, D.V. (2017) Fenomenologiyechskaya perspektiva v sovremennoy neyronauke [Phenomenological perspective in modern neuroscience]. *Filosofskiye nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 71–84.
11. Gallagher, S. & Zahavi, D. (2007) *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. London: Routledge.
12. Husserl, E. (1998) *Kartezianskiye razmyshleniya* [Cartesian reflections]. Translated from German by D. Sklyadnev St. Petersburg: Nauka: Yuventa.
13. Zaytseva, N.V. (2010) Fenomenologiya i kognitivnyye osnovaniya argumentatsii [Phenomenology and cognitive grounds of argumentation]. In: Bryushinkin, V.N. (ed.) *Modeli rassuzhdeniy-3: kognitivnyy podkhod* [Models of Arguments-3: a Cognitive Approach]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 76–92.
14. Zaytseva, N.V. (2011) Simulyatsiya v argumentatsii [Simulation in the argument]. *Ratsio.ru*. 6. pp. 36–55.
15. Zaitsev, D. & Zaitseva, N. (2016) Categorization in Intentional Theory of Concepts. *Lecture Notes in Computer Science*. 9719. pp. 465–473.
16. Bartha, P. (2016) Analogy and Analogical Reasoning. In: Zalta, E.N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reasoning-analogy/>. (Accessed: 12th September 2018).

УДК 159.937.7

DOI: 10.17223/1998863X/45/3

А.А. Мёдова

СИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ СФЕРА EMBODIED MIND: НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТНОГО СЛУХА МУЗЫКАНТОВ

Автор обращается к постфеноменологическим исследованиям телесного сознания (embodied mind). Развивая идею о том, что формы восприятия и телесной активности фундируют мышление, автор рассматривает когнитивные следствия процессов, происходящих на уровне первичного нерасчлененного синестетического восприятия. С данной целью анализируются графемно-цветовые синестетические переносы и проявления цветного слуха профессиональных музыкантов.

Ключевые слова: постфеноменология, дорефлексивная когнитивная деятельность, модальность восприятия, домодальная матрица сознания, синестезия.

Проблематика телесных оснований сознания и мышления активно разрабатывается в настоящее время в рамках нейронаук, психиатрии, психоанализа, аналитической философии и философии прагматизма [1–5]. Соединение психофизиологии и феноменологического метода нашло выражение в постфеноменологии¹, концентрирующей свое внимание на исследованиях первичных дорефлексивных телесных паттернов и структур, лежащих в основе мышления. Ключевыми для данных исследований являются понятия embodied mind и embodied consciousness, которые следует переводить на русский язык как «телесные» или «отелесненные», т.е. воплощенные в теле, сознание и разум.

Можно выделить несколько путей интерпретации телесных, в частности физиологических и пространственных, оснований мышления. Самый разработанный из них восходит к идеям М. Мерло-Понти относительно телесно-пространственных предпосылок сознания. Мерло-Понти полагал, что основные понятия абстрактного мышления, такие как «явление», «движение», «направление» и др., коренятся в телесной ориентации, а речь происходит из жеста [6]. Продолжая этот путь, Д. Симон анализировал бессознательную, лишённую предварительной рациональной интерпретации погруженность людей в повседневное пространство, обозначая ее ключевые особенности понятиями body-subject и place-ballets [7]. В современных работах продолжается линия исследований повседневного опыта, ежедневных неосознаваемых движений, рутинных действий и телесно-психологических расстройств, связанных с этой формой активности [8, 9]. Интерес представляет здесь то, как акты восприятия, жесты и позы, интеграция предметов в телесный опыт и другие, зачастую автоматические формы телесной активности порождают пространственные представления, чувство экзистенциального присутствия и сопresence других людей, осознание включенности себя в мир и социум.

¹ Термин «постфеноменология» введен Д. Айди в работе: *Idhe D. Postphenomenology – again? // Working Paper № 3, Centre for STS Studies, Aarhus University Denmark, 2003. P. 3–25.*

Изучение искусственного интеллекта в контексте проблематики embodied consciousness приводит к выводу, что от алгоритмического устройства человека отличает не наличие души, а особая телесно-культурная рецептивность. Примерами недоступной для машины культурной телесности могут быть обучение игре на музыкальных инструментах, командным спортивным играм и другим сложным социокультурным трансляциям, в которых происходит овладение предметностью на уровне телесного сознания, и в частности телесной памяти, которая может быть как индивидуальной, так и коллективной [1. Р. 333–342]. Актуальны также исследования различных материальных контекстов и горизонтов телесного опыта и способов феноменологической тематизации в них объектов. На этой проблематике фокусируется, в частности, инструментальный реализм, или инструментальная феноменология, представленная исследованиями Д. Айди, Дж. Роуз, П. Хилан, М. Хайм и др. [10].

Существенные результаты в понимании embodied mind получены при анализе перцепции. Перцептивность понимается в данной парадигме как фундаментальный телесный опыт, обеспечивающий включенность в действительность. Исследователи концентрируются на различных уровнях восприятия. Выделяется микроперцепция как опыт восприятия действительности в пределах «интервала сознания» или в «когнитивного кадра» и макроперцепция, разворачивающаяся на культурно-интерпретативном уровне [11. Р. 12–14].

В данной статье мы ставим перед собой задачу исследовать перцептивный уровень телесного мышления в новом ракурсе, объединяя данные психологии с феноменологической проблематикой. В фокусе нашего внимания находится феномен межмодального переноса, возникающий в процессе восприятия. Мы полагаем, что синестетические реакции не только имеют когнитивные последствия, но сами являются дорациональной формой телесного мышления. Наше видение данного вопроса будет аргументировано с помощью анализа результатов экспериментальных исследований. Мы обратимся к анализу графемно-цветовых синестетических переносов и проявлений цветного слуха у профессиональных музыкантов.

С середины прошлого века в психологии разрабатывается версия о том, что в основе невербальных состояний психики лежит некая общая структура, содержащая информацию, не оформленную ни в одну из модальностей восприятия. Речь идет о сфере недифференцированных состояний сознания или, иначе, домодальном поле сознания. Термином «домодальный» мы обозначаем то состояние содержаний сознания, в котором они не имеют формы ни одной из модальности восприятия, т.е. не могут быть квалифицированы как визуальные, аудиальные, тактильные, обонятельные, болевые и т.п.

О наличии первичного домодального поля свидетельствует уже особенность хранения информации в памяти. Ощущения всегда имеют модальность, но образы объектов, порожденные этими ощущениями, например запахи, хранятся в памяти вне какой-либо модальности восприятия. Так, запах представлен в своей обонятельной модальности непосредственно в момент восприятия. Но вспоминая запах, человек не чувствует его, он лишь актуализирует «идею» этого запаха. Хотя мы вспоминаем запах именно как запах, а не как звук или образ, следует обратить внимание на показательный факт: наря-

ду с оформлением сенсорных данных в ту или иную модальность восприятия существует и другая форма их актуализации в сознании, не привязанная к конкретной модальности.

На существование такой домодальной матрицы сознания указывает психологическое явление синестезии. Синестезия – это феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, характерным для другой модальности восприятия. Виды синестезии различаются по характеру возникающих дополнительных ощущений: зрительные (так называемые фотизмы), слуховые (фонизмы), вкусовые, осязательные, графические, фонемные и т.д.

Синестезия – это по большому счету возможность воспринимать любое раздражение в любой модальности. Боль может ощущаться как свет, знак – как вкус, созвучие – как осязаемая фактура¹. Это дает основания полагать, что существует такой «уровень» сознания, в котором все перцептивные модальности совпадают друг с другом. Исследования синестезии открывают доступ к недифференцированным состояниям сознания, к его первичной неразложимой целостности [12].

Типичный пример синестезии – цветной слух, которым обладали некоторые композиторы (Н.А. Римский-Корсаков, А.Н. Скрябин, М.К. Чюрленис, О. Мессиян). Распространены также цветовые представления тембра – известна таблица окрашенности тембров музыкальных инструментов В.В. Кандинского [13. С. 52] – и звуковые переживания при восприятии цвета. Синестетические способности творческих людей позволили Г.Т. Ханту предположить, что домодальный микрогенез опыта, позволяющий бессознательным процессам в норме принимать форму фокального осознания, есть нечто близко родственное эстетической позиции [14. С. 80].

Таким образом, мы говорим о бессознательном дофокальном этапе восприятия, разворачивающемся на уровне домодальной матрицы сознания. Этот этап целиком физиологичен, здесь работают телесные схемы и нейронные процессы. И тем не менее именно на этом этапе оформляются важнейшие мыслительные операции, о чем свидетельствуют экспериментальные данные.

Первое доказательство тому – тот факт, что синестезия выходит за рамки собственно перцепции, она охватывает восприятие слов, букв, фонем, фигур, образов. Синестезия имеет своим продолжением сферу языка, а именно способность к употреблению слов в непрямом значении. По мнению основателя исследований синестезии Ч. Огуда, именно межмодальная трансляция служит основой метафорических переносов и оценок и вообще словоупотребления [15]. Тропеизм языка – это другое измерение межмодальной трансляции, более того, есть основания полагать, что синестезия связана с механизмами бессознательного перехода от знака к значению. Если эта гипотеза верна, сознание имеет «модулятор», превращающий ощущения в значения, и действует этот модулятор именно на уровне домодальной матрицы. Следовательно,

¹ Согласно экспериментальному исследованию, проведенному автором статьи в 2014 г., 15% музыкантов, обладающих цветным слухом, ощущают тональности не только в цвете, но и в фактуре, например, видят цвет тональности как бархатный, стеклянный, как рельефные обои с рисунком и т.п.

первичное недифференцированное восприятие является одновременно важнейшим этапом мышления.

Предлагаемую гипотезу подтверждают эксперименты М. Диксона по восприятию графемно-цветовыми синестетами графем неопределенного начертания [16]. Испытуемым предъявлялись знаки, которые в контексте слов прочитывались как буквы, в математических примерах же – как цифры (например, вертикальная черта могла читаться либо как английская I, либо как цифра 1, а «змейка» значка S – как соответствующая буква или небрежно написанная цифра 5). Эксперимент показал, что синестетически воспринимаемый цвет знака менялся в строгой зависимости от того, воспринимал данный синестет графему как букву или как цифру. Следовательно, синестетическая реакция вызывается не восприятием форм или линий, а их значением в контексте. Бессознательная цветовая реакция возможна только на определенный знак. Воспринимающий должен «вначале» осознать его как число или букву, чтобы «потом» возник синестетический эффект, хотя мы понимаем, что синестетические реакции спонтанны и в норме предшествуют осознанию.

Этот важный момент указывает на то, что в домодальном поле сознания существует точка неразличимости восприятия и наделения значением. Здесь протекают процессы, которые можно квалифицировать как процессы восприятия, мышления и означивания одновременно.

Обосновываемую нами версию подтверждает также одна из особенностей цветного слуха, до сего момента ни разу не попавшая в поле зрения исследователей. Цветной слух традиционно понимается как способность композиторов и музыкантов колористически ощущать отдельные музыкальные высоты, тембры или созвучия. Но дело в том, что в цвете музыкантами ощущаются не высоты, а тональности – функционально-фонические структуры, включающие комплекс аккордов, каждый из которых может входить в состав разных тональностей¹. Этот факт широко известен, но его следствия никогда основательно не осмыслились. Следствия же эти весьма значительны для понимания телесных оснований мышления и организации сознания в целом.

В процессе опроса музыкантов нам удалось зафиксировать ряд показательных проявлений цветного слуха [17].

1. Независимо от того, какой конкретно аккорд или даже тональность звучит в данный момент (в произведении могут быть отклонения и модуляции в другие тональности), подавляющее большинство синестетов-музыкантов «слышит» во время звучания произведения только один цвет – цвет тоники, центра акустических и функциональных тяготений. Даже не звучащее в данный момент тоническое трезвучие наличествует при восприятии музыки и окрашивает ее в свой цвет соответственно шкале бессознательных межмодальных реакций слушателя. Смена аккордов, регистр, тембр, артикуляция могут лишь сообщать этому цвету оттенки, но они не меняют главного: независимо от того, что звучит актуально, синестет «видит» лишь его. Следовательно, люди, обладающие цветным слухом, слышат в цвете не музыкальные высоты и не интервалы созвучий, а логическое и акустиче-

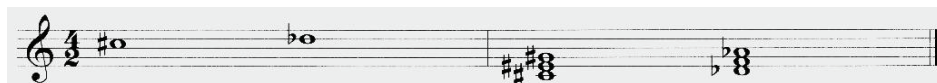
¹ Выводы сделаны на основании опроса 12 музыкантов-исполнителей и композиторов, обладающих цветным слухом.

ское основание гармонической системы, в которой создано произведение, а именно его тонический аккорд. Это слышание идет гораздо дальше собственно перцепции, оно принадлежит порядку музыкального мышления со свойственной ему логикой гармонических связей, централизацией, акустическими нормами и т.д.

2. Первый выявленный нами показательный факт можно проверить, обратившись к восприятию в цвете энгармонически равных тональностей и созвучий, одинаковых по высоте звучания, но разных по написанию.

Если на домодалном уровне воспринимается не собственно раздражитель, т.е. высота звука, а логическое основание гармонической системы, то запись созвучий должна играть ключевую роль, потому что, к примеру, ре-диез минор и ми-бемоль минор – это две разные тональности, два разных акустических центра, две теоретические системы.

Опросы показывают, что большинство музыкантов-синестетов действительно ощущают энгармонически равные тональности и созвучия в разном цвете, даже если не видят нот и не знают, как именно они записаны. В таком случае синестет предполагает, как мог быть записан данный нотный текст, или ориентируется на общий диезный или бемольный контекст произведения (см. нотный пример № 1). То есть цветовые ощущения зависят от способа нотации.

До-диез Ре-бемоль
энгармонически равные тоны

До-диез мажор Ре-бемоль мажор
тонические трезвучия энгармонически равных
тональностей

Нотный пример № 1. Синестетические цветовые ощущения энгармонических звуков и аккордов, данные Андрея В.

3. Третий показательный факт: синестетические ощущения у носителей цветного слуха исчезают при восприятии ими атональных или микрохроматических музыкальных произведений, т.е. музыки, написанной вне системы равномерно-темперированного строя, тональных тяготений и каких-либо акустических связей. В этом случае видение цвета может исчезнуть совсем или же меняется его источник – «слышится» цвет тембров, штриха, регистра и других параметров музыкального языка.

Это явление закономерно в свете идеи первичной нерасчлененности перцепции и мышления. Гармония является грамматикой и логикой музыки, это главный уровень музыкального мышления. При этом спонтанные синестетические реакции вызывает не собственно музыкальная высота тонов и созвучий, а их функция в данной гармонической системе и положение внутри музыкального строя. Специфика цветного слуха подтверждает выдвинутую выше гипотезу относительно организации домодалного поля сознания: синестезия имеет перцептивно-рациональную природу, она столь же явление восприятия, сколько и мышления. Приведенные выше данные позволяют говорить о наличии домодалного поля сознания, где воспринятая информация не отнесена ни к одной модальности восприятия и где, более того, наличествует точка неразличимости мышления и восприятия, т.е. рациональный и перцептивный модусы сознания совпадают.

Исследователей всегда занимал тот факт, что синестетические впечатления нельзя назвать полностью уникальными, поэтому интерес психологов традиционно сосредоточен на выявлении универсального синестетического кода. Все синестеты, к примеру, воспринимают темные цвета в ответ на низкие звуки, а яркие цвета – в ответ на более высокие звуки. Хотя цвета определенных тональностей у композиторов с цветным слухом не всегда совпадают, такая тенденция имеется. Результаты анкетирования по цвето-тональным соответствиям показывают, что выборы современных музыкантов зачастую совпадают с выбором таких композиторов прошлого, как Н. Римский-Корсаков, А. Скрябин, Б. Асафьев. Так, Ре-мажор оценивается респондентами как желтый на 87,5%, До-мажор как белый – на 75%, Ми-мажор как синий – на 75% [18]. Свободные ассоциации у людей, лишенных синестезии, в большинстве случаев совпадают с врожденными синестетическими реакциями.

Все вышесказанное вкупе с эффективностью методов семантического дифференциала [19–21] указывает на то, что домодалное поле имеет определенные закономерности выведения содержаний на «поверхность» сознания. Каковы причины этих закономерностей? Коренятся ли они в механизмах восприятия, в схемах обработки информации или в неосознаваемом рациональном плане? Мы предлагаем теорию единства сознания, с точки зрения которой постановка такого рода вопросов нецелесообразна, поскольку все эти формы работы сознания – ощущение, восприятие, мышление, означивание – тождественны. Тем не менее высокий процент совпадений синестетических реакций есть, на наш взгляд, не что иное, как дорефлексивная рациональность, подобная универсальной схожести логических операций объяснения или вывода.

Эта сфера сознания, собственно, и является телесным мышлением (*embodied mind*). С одной стороны, это мышление даже не на уровне образов, а на уровне конкретных данных восприятия или, говоря языком аналитической философии, квалиа – тонов, тембров, фигур, цветов, фактур и т.д. Но с другой стороны, это непосредственное дорефлексивное восприятие смысла «по ту сторону» процедур анализа. В случае графемно-цветовой синестезии смыслом является значение знака и его принадлежность к той или иной системе обозначений, в случае цветного слуха смысл – это целостность гармонической системы и активность ее акустического центра. Как показывают исследования, люди имеют дорефлексивный доступ к этим смыслам, открываемый уже самим физиологическим актом восприятия.

Мы можем говорить о феномене ощущаемого или амодального смысла, порождаемого активностью первичного домодалного / дорационального поля. Оформление содержаний восприятия в ту или иную модальность, символ, образ, слово или логическую связь, хотя и имеющее стандартные «проторенные» механизмы, в сущности, случайно. Любая интенция или сигнал могут принять качество осознанности в форме ощущения любой модальности или же в виде образа, идеи, слова, паттерна, архетипа и т.п. Так, нами было показано, что цветной слух есть нечто большее, чем спонтанные цветовые переживания высот звуков, как обычно его трактуют. На деле это ощущаемый смысл или мышление-восприятие, не подвергшееся расчленению, поскольку как цвет осознаются логические и акустические отношения. Смыслоформы

показывают свое тождество в синестезии и сохраняют тенденцию «превращаться» друг в друга в памяти, литературных тропах, сновидении, эстетической деятельности.

Телесный уровень мышления разворачивается в сфере домодальной матрицы сознания, в которой данные восприятия не оформлены ни в одну из модальностей восприятия и не подвергаются поаспектному анализу. Это нерасчленимый слой перцепции, знаково-символических значений и придавания смысла. Он является формой телесного мышления, а именно уровнем ощущаемого домодального смысла, отвечающим за глубинную тематизацию восприятий, наделение их значением. Это телесное мышление делает возможным переход от знака к значению. Исследование восприятия музыкантов-синестетов позволяет предположить, что домодальная матрица также конституирует различные формы целостности, которые затем осознаются в виде структур, иерархий, гармонических систем или понятийных связей.

Литература

1. *Embodiment, Enaction, and Culture : Investigating the Constitution of the Shared World* / ed. C. Durt, T. Fuchs. Massachusetts: The MIT Pr., 2017. 441 p.
2. Määttänen P. Mind in Action. Experience and Embodied Cognition in Pragmatism / ed. L. Magnani. Springer International Publishing, Switzerland, 2015. 102 p.
3. Ash J., Simpson P. Geography and post-phenomenology // *Progress in Human Geography*. 2016. Vol. 40, iss. 1. С. 48–66.
4. *Телесность* как эпистемологический феномен / отв. ред. И.А. Бескова. М. : ИФРАН, 2009. 231 с.
5. Zahavi D. Body and Nature // *Husserl Studies*, 2004. № 20. P. 89–97. URL: https://www.academia.edu/11442401/Body_and_Nature (дата обращения: 12.09.18).
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб. : Ювента : Наука, 1999. 606 с.
7. Seamon D. Body-subject, time-space routines, and place-ballets // eds. A. Buttner, D. Seamon. *The Human Experience of Space and Place*. London : Croom Helm, 1980. P. 148–165.
8. Fuchs T., Schlimme J.E. Embodiment and psychopathology: a phenomenological perspective // *Current Opinion in Psychiatry*. 2009. Vol. 22. P. 570–575.
9. Beljaars D. Writing compulsive corporeality: Post-phenomenological methodology and Tourette syndrome // *Papers of RGS with IBG Annual International Conference*, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/307607545_Writing_compulsive_corporeality_Post-phenomenological_methodology_and_Tourette_syndrome (дата обращения: 12.09.18).
10. Тимошук Е.А. Инструментальный реализм и феноменология в социокультурном познании // *Inter-Cultur@l-Net*, 2011. № 10. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/33/> (дата обращения: 12.09.18)
11. Ihde D. *Technics and praxis: a philosophy of technology*. Dordrecht : Reidel, 1979. 163 p.
12. Мёдова А.А. Модальная теория сознания: психологические основания // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. 2014. № 4. С. 284–289.
13. Василий Васильевич Кандинский : каталог выставки. Л. : Аврора, 1989. 272 с.
14. Хант Г.Т. О природе сознания : С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М., 2004.
15. Osgood Ch.E. *Focus of meaning*. Vol. 1: Exploration of semantic space. Hague, Mouton, 1976. 235 p.
16. Dixon M.J. et al. The Role of Meaning in Grapheme-Colour Synaesthesia // *Cortex*. 2006. Vol. 42. P. 243–252.
17. Мёдова А.А. О недифференцированных состояниях сознания (на примере цветного слуха) // *Единство сознания: феноменологический и когнитивный аспекты : рабочие материалы междисциплинарной конференции*. СПб., 2014. С. 23–24.
18. Ванечкина И.Л., Галеев Б.М., Овсянников А.А. Анкетный опрос «цветного слуха» композиторов России // *Молодежь и ее вклад в развитие современной науки*. Казань, 2002. С. 97–105.

19. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. М. : Наука : Смысл, 1999. 350 с.

20. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб. : СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 43 с.

21. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М. : ПЧЕЛА, 2008. 382 с.

Anastasia A. Medova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: amedova@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 25–33.

DOI: 10.17223/1998863X/45/3

THE SYNAESTHETIC SPHERE OF THE EMBODIED MIND: THE CASE STUDY OF THE COLOR HEARING OF MUSICIANS

Keywords: post-phenomenology; pre-reflexive cognitive activities; modality of perception; pre-modal matrix of consciousness; synaesthesia.

The problem of pre-reflexive foundations of consciousness and mind has always been crucial for phenomenology. This problem has acquired a new perspective in the contemporary studies of the embodied mind. Bodily preconditions of consciousness are comprehended in neurosciences, psychiatry, psychoanalysis, analytic philosophy, pragmatism and post-phenomenology. Perception, spatial-corporeal orientation, body memory, day-to-day actions, psychological contact of a human with his own body, sense-gaining by means of gestures are considered as access points to the embodied mind. The author aims to study the perceptual level of the embodied mind by associating psychological data with phenomenological problems. Phenomena of an intermodal transposition, also referred to as synaesthesia, are in the focus of attention. The author hypothesizes that synaesthetic reactions not only have cognitive consequences but also are a pre-reflexive form of the embodied mind. She confirms her view with by analyzing the results of experimental studies of grapheme-color synaesthesia and color hearing of professional musicians. M. Dixon's experiments of grapheme-color synaesthesia show that ambiguous graphemes are perceived in different colors depending on whether test subjects see a number or a letter. Consequently, a synaesthetic reaction is not a result of perception of shapes or lines, it is caused by the meaning of graphemes in the context. It is also significant that most musicians with color hearing sense the keynotes of tonality in color, not the pitch level. It is not a certain chord, for synaesthetic musicians see the color of the keynotes during the musical composition, even if the keynote chord does not sound now or there are modulations in other tonalities. They rather hear the common center of harmonic gravitation in color. Notably, synaesthetic musicians lose these color sensations when they hear atonal music. In doing so, they hear enharmonic sounds and chords which have the same pitch levels but different notations in different colors. These important moments of grapheme-color synaesthesia and color hearing indicate the presence of a bodily-cognitive level of consciousness on which perception and meaning attribution are indistinguishable. Here occur the processes that can be defined as simultaneous processes of perception, thinking and meaning attribution. Namely, here we have the opportunity to observe a work of the embodied mind.

References

1. Durt, C. & Fuchs, T. (2017) *Embodiment, Enaction, and Culture. Investigating the Constitution of the Shared World*. Massachusetts: The MIT Press.

2. Määtänen, P. (2015) *Mind in Action. Experience and Embodied Cognition in Pragmatism*. Switzerland: Springer International Publishing.

3. Ash, J. & Simpson, P. (2016) Geography and post-phenomenology. *Progress in Human Geography*. 40(1). pp. 48–66. DOI: 10.1177/0309132514544806

4. Beskova, I.A. (2009) *Telesnost' kak epistemologicheskii fenomen* [Body as an Epistemological Phenomenon]. Moscow: IFRAN.

5. Zahavi, D. (2004) Body and Nature. *Husserl Studies*. 20. pp. 89–97. [Online] Available from: https://www.academia.edu/11442401/Body_and_Nature. (Accessed: 12th September 2018).

6. Merleto-Ponti, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Yuventa, Nauka.
7. Seamon, D. (1980) Body-subject, time-space routines, and place-ballets. In: Buttimer, A., Seamon, D. (eds) *The Human Experience of Space and Place*. London: Croom Helm. pp. 148–165.
8. Fuchs, T. & Schlimme, J.E. (2009) Embodiment and psychopathology: a phenomenological perspective. *Current Opinion in Psychiatry*. 22. pp. 570–575. DOI: 10.1097/YCO.0b013e3283318e5c
9. Beljaars, D. (2016) Writing compulsive corporeality: Post-phenomenological methodology and Tourette syndrome. *Papers of RGS with IBG Annual International Conference*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/307607545_Writing_compulsive_corporeality_Post-phenomenological_methodology_and_Tourette_syndrome. (Accessed: 12th September 2018).
10. Timoshchuk, Ye.A. (2011) Instrumental'nyy realizm i fenomenologiya v sotsiokul'turnom poznanii [Instrumental realism and phenomenology in sociocultural understanding]. *Inter-Cultur@l-Net*. 10. [Online] Available from: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/33/>. (Accessed: 12th September 2018).
11. Ihde, D. (1979) *Technics and praxis: a philosophy of technology*. Dordrecht: Reidel.
12. Myodova, A.A. (2014) Modal theory of consciousness: psychological fundamentals. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 4. pp. 284–289. (In Russian).
13. Gusarova, A. & Aytonomova, N. (eds) (1989) *Vasilij Vasil'yevich Kandinskiy: Katalog vystavki* [Vasily V. Kandinsky: The Exhibition Catalog]. Leningrad: Avrora.
14. Hunt, H.T. (2004) *O prirode soznaniya: S kognitivnoy, fenomenologicheskoy i transpersional'noy toчек zreniya* [On the Nature of Consciousness: Cognitive, Phenomenological, and Transpersonal Perspectives]. Translated from English by A. Kiselev. Moscow: Institute of Transpersonal Psychology, K. Kravchuk Publishing House, AST.
15. Osgood, Ch.E. (1976) *Focus of Meaning*. Vol 1. Hague, Mouton.
16. Dixon, M.J. et al. (2006) The Role of Meaning in Grapheme-Colour Synaesthesia. *Cortex*. 42. pp. 243–252. DOI: 10.1016/S0010-9452(08)70349-6
17. Myodova, A.A. (2014) [On undifferentiated states of consciousness (a case study of colour hearing)]. *Yedinstvo soznaniya: fenomenologicheskij i kognitivnyy aspekty* [Unity of Consciousness: Phenomenological and Cognitive Aspects]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. August 20–30, 2014. St. Petersburg. pp. 23–24. (In Russian).
18. Vanechkina, I.L., Galeyev, B.M. & Ovsyannikov, A.A. (2002) Anketnyy opros “tsvetnogo slukha” kompozitorov Rossii [Questionnaire of “colour hearing” among Russian composers]. In: *Molodezh' i yeye vklad v razvitiye sovremennoy nauki* [Youth and its Contribution to the Development of Modern Science]. Kazan: [s.n.]. pp. 97–105.
19. Artemyeva, Ye.Yu. (1999) *Osnovy psikhologii sub'yektivnoy semantiki* [Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics]. Moscow: Nauka; Smysl.
20. Vasserman, L.I., Trifonova, Ye.A. & Chervinskaya, K.R. (2009) *Semanticheskij differentsial vremeni: ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema v meditsinskoy psikhologii* [Semantic time differential: expert psychodiagnostic system in medical psychology]. St. Petersburg: St. Petersburg NIPNI.
21. Serkin, V.P. (2008) *Metody psikhologii sub'yektivnoy semantiki i psikhosemantiki* [Methods of Psychology of Subjective Semantics and Psychosemantics]. Moscow: PCHELA.

УДК 161.1

DOI: 10.17223/1998863X/45/4

А.В. Нехаев

ИСТИНА ОБ «ИСТИНЕ»¹

Представлен анализ семантических патологий, выраженных предложениями семейств «Правдолюб» и «Спорица». В отличие от предложений семейства «Лжеца» такие предложения обладают избытком согласованных истинностных значений. Способом эффективного устранения подобных семантических патологий (помимо метафизически обременительных форм диалектизма) может служить модифицированная версия анафорического просентенциализма, включающая в себя элементы металингвистического анализа.

Ключевые слова: парадокс лжеца, парадокс правдолюб, парадокс спорица, анафора, дефляционизм.

Нет особой проблемы истины, есть просто лингвистическая путаница.

Фрэнк Пламpton Рамсей. Факты и пропозиции (1927 г.)

Такие предложения, как

(L) *L ложно.*

(T) *T истинно.*

обладают одинаковой грамматической структурой. Однако принято считать, что связанные с ними логико-семантические проблемы существенным образом различны. Предложение (L) принадлежит к обширному семейству предложений «Лжеца» и обычно служит классическим примером парадоксально-го утверждения, которое для того, чтобы оказаться истинным, должно быть ложным, и наоборот – должно оказаться ложным, чтобы быть истинным. Предложение же (T) относится к семейству предложений так называемого «Правдолюб»², парадоксальность которых совсем не так очевидна³.

Подобные (T) предложения ставят нас перед лицом специфической дилеммы: необходимостью делать необоснованный выбор из двух равноценных (эпистемически эквивалентных) альтернатив. Первая склоняет нас в пользу того, что такие предложения являются истинными, в то время как вторая, напротив, что ложными. Предложение (T) способно согласованным (консистентным) образом обладать значением истины или лжи. Однако в нашем распоряжении нет абсолютно никаких (ни априорных, ни эмпирических) до-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

² Именно так чаще всего переводится термин «Truthteller» [1. С. 41–42; 2. С. 224; 3. С. 109], обычно используемый для указания на обширное семейство самореферентных предложений с положительным предикатом истины.

³ Среди исследователей не существует единства во мнениях относительно семантической природы предложений подобного семейства. Склонные абсолютизировать принцип консистентности логики полагают, что, несмотря на факты присутствия в предложениях (T) тревожных симптомов *circulus vitiosus* и самореференции, они не являются подлинными парадоксами [4–9], в то время как другие, напротив, усматривают в этих предложениях оригинальные образцы самостоятельной парадоксальности [10–27].

казательств истинности или ложности этого предложения [26. Р. 548]. Соблазн рассматривать (T) как предложение, которое не является ни истинным, ни ложным, неминуемо ведет к противоречию, поскольку такое предложение говорит о собственной истинности и, оказавшись это не так, оно тогда было бы ложным [12. Р. 381–382]. Стало быть, предложение (T) обязано быть либо истинным, либо ложным, но мы не способны определить, каким именно – истинным или ложным – оно является [27. Р. 9–10]. Если подобным (L) предложениям мы просто не в состоянии подыскать какое-либо согласованное (консистентное) истинностное значение, здесь, напротив, нам приходится сталкиваться с очевидным избытком такого рода значений [11. Р. 693; 12. Р. 381–382; 18. Р. 1–2; 20. Р. 61–62; 21. Р. 68; 23. Р. 167; 25. Р. 307, 314–315; 26. Р. 548–549; 28. Р. 149–50; 29. Р. 695; 30. Р. 397].

Это специфическое обстоятельство является характерной чертой любого представителя семейства предложений «Правдолюбца». Например, таких простых конструкций, как

$$(T) \quad \begin{array}{ll} T_1: & T_2 \text{ истинно.} \\ T_2: & T_1 \text{ истинно.} \end{array}$$

и даже бесконечных последовательностей предложений вроде

$$(T'') \quad \begin{array}{ll} T_k & : T_{n, n > k+1} \text{ истинны.} \\ T_{k+1} & : T_{n, n > k+2} \text{ истинны.} \\ T_{k+2} & : T_{n, n > k+3} \text{ истинны.} \\ \dots & : \dots \end{array}$$

Предложения (T') и (T'') также являются формально корректными, но подобно (T) страдают избытком согласованных (консистентных) истинностных значений. Что же означает подобного рода избыток, имеющий место в случаях с предложениями семейства «Правдолюбца»?

Прежде чем искать ответ на этот вопрос, рассмотрим еще одну пару pozorительных по своей грамматической структуре предложений.

$$(N) \quad \begin{array}{ll} N_1: & N_2 \text{ ложно.} \\ N_2: & N_1 \text{ ложно.} \end{array}$$

Являясь аналогами предложения (L), предложения (N) содержат в себе очевидный *circulus vitiosus*. Однако они не могут служить примерами предложений семейства «Лжеца»¹. Напротив, такие предложения скорее в чем-то подобны предложениям семейства «Правдолюбца», поскольку также ставят нас перед лицом необходимости выбирать из двух равноценных (эпистемически эквивалентных) альтернатив, наделяющих эти предложения зеркально противоположными значениями – либо истинно N_1 и ложно N_2 , либо, наоборот, N_1 ложно, а N_2 истинно. Как и предложения (T'), предложения (N) обладают избытком согласованных (консистентных) истинностных значений [29. Р. 695–696; 30. Р. 403; 32. Р. 689–690], но образуют самостоятельное семейство «Спорщика»². Поэтому вопрос о причинах избытка согласованных (кон-

¹ Предложения, подобные (N), являются семантическими наследниками восьмого софизма Жана Буридана [31. Р. 971]. Именно этот софизм послужил источником для современной формы парадокса, названного Роем Соренсеном «The No-No Paradox» [23. Р. 166].

² В одной из своих работ Рой Соренсен приводит забавный пример подобных (N) предложений, облекая его в форму мифологического рассказа о двух братьях-близнецах – будущих аргосских царях Аркинии и Прете, которые, как известно, стали спорить между собой еще в утробе матери [24. Р. 225–226]. Поэтому словосочетание «No-No», памятуя об именах двух других семейств – «Лжец» и «Правдолюб», следует переводить не иначе как «Спорщик».

систентных) истинностных значений предложений семейства «Правдолюб» следует ставить и во всех тех случаях, когда речь идет о предложениях, образующих семейство «Спорщика».

Ответ на этот вопрос связан не с попытками определить подлинное значение подобных (T') или (N) предложений, а с базовыми принципами интерпретации самой семантики слов «истина» или «ложь». Традиционное понимание семантики этих слов рассматривает их в качестве предикатов, универсальным образом применимых к области таких объектов, как предложения [5. Р. 3–4; 33. Р. 64–65]. Истина здесь понимается как некое реальное свойство (существующее наряду со всеми остальными свойствами, вроде розового, круглого или теплого), а истинностные функции – как предикаты, которые это свойство описывают [34. Р. 252]. Против традиционного понимания активно выступает дефляционизм¹. Базовый принцип интерпретации семантики слов «истина» или «ложь» дефляционизма предполагает, что в случае с любым осмысленным (meaningful) предложением в нашем распоряжении всегда имеется принципиальная возможность избавиться от таких слов без какого-либо ощутимого ущерба для смысла этого предложения [22. Р. 127]. Например, в случаях с предложениями «Истинно, что снег бел» или «Ложно, что 1986 год является високосным» можно пользоваться без какой-либо потери для смысла сказанного их «усеченными» формами – «Снег бел» или «1986 год является високосным». Встречающиеся в них слова «истинно» или «ложно» не несут никакой самостоятельной семантической нагрузки, поэтому подобные предложения содержательно эквивалентны своим «усеченным» формам. Стремясь таким образом свести значение предложений, использующих слова «истинно» или «ложно», к содержанию самих выраженных этими предложениями суждений, дефляционизм отвергает традиционное понимание истины как свойства² [36. Р. 11; 41. Р. 307; 43. Р. 252; 44. Р. 161; 45. Р. 187; 46. Р. 564; 47. С. 31; 48. Р. 2–4; 49. Р. 2. Утверждать «Истинно, что x » или «Ложно, что x » на деле означает не более чем просто утверждать или отрицать само это x [11. Р. 701; 37. Р. 74; 50. С. 145] (также см.: [34. Р. 252; 36. Р. 5–7]).

Существует, однако, множество предложений, для которых такое простое элиминативное понимание семантики слов «истина» или «ложь» неприемлемо. Например, в предложениях «Все, что Сол Крипке думает об истине, является истинным» или «Все суждения Фридриха Ницше были ложными», если бы мы намеривались устранить из них слова «истинно» или «ложно», нам пришлось бы столкнуться с громоздкой (или даже потенциально бесконечной) конъюнкцией суждений, которые действительно делали или могли бы (при соответствующих условиях) сделать Сол Крипке и Фридрих Ницше. Семантическое назначение слов «истина» или «ложь» здесь заключается в том, чтобы быть полезным и удобным средством, позволяющим экономным образом формировать обобщения, выражая бесконечные конъюнкции и дизъюнкции наших суж-

¹ Основы дефляционной теории истины впервые, по-видимому, были сформулированы Готлобом Фреге (ср.: [35. Р. 144; 36. Р. 1–4]). Однако более надежные свидетельства позволяют связать появление дефляционизма с именем и работами Фрэнка Рамсея (ср.: [37. Р. 74–77]).

² Против традиционного представления об истине как свойстве предложений выступают также и различные примитивистские теории истины, настаивающие на том, что понятие истины как таковое принципиально не может быть определено в нашей концептуальной системе (например, см.: [38. Р. 250–251; 39. Р. 314], также см.: [40. Р. 6–13; 41. Р. 231; 42. Р. 503–504; 43. Р. 162]).

дений [37. Р. 114; 50. С. 146; 51. Р. 302; 52. Р. 107, 110] (также см.: [36. Р. 3; 43. Р. 148–149; 47. С. 31–32; 48. Р. 3; 49. Р. 2; 53. Р. 184]).

«Правдолюб» или «Спорщик» также служат примерами семейств предложений, для которых элиминативное понимание семантики слов «истина» или «ложь» оказывается неприемлемым. Устраняя слова «истинно» или «ложно» в подобных предложениях, мы сталкиваемся с бессмысленными (meaningless) псевдопредложениями [22. Р. 128]. Поэтому в случаях подобных (Т) или (N) предложений нам остается либо отрицать, что они имеют какое-либо семантическое значение (например, полагать, что ни одно из них не выражает никаких подлинных суждений [20. Р. 61–62]), либо искать весомые причины, которые помогли бы нам наделить их этим значением.

Оригинальное понимание семантики слов «истина» или «ложь» было предложено анафорическим просентенциализмом. В исследованиях значения предложений, образованных с помощью слов «истинно» или «ложно», эта незелиминативная разновидность дефляционизма активно использует интралингвистические механизмы анафоры, включающие такие типы отношений между отдельными токенами языка, которые позволяют некоторым из них наследовать значения других [54. Р. 145] (ср. с этим также: [20. Р. 57]). Анафорические отношения широко распространены в нашем языке. В частности, парадигматическими примерами таких не обладающих собственным значением языковых токенов являются различные формы местоимений. Базовая интуиция анафорического понимания значения предложений семейства «Правдолюб» или «Спорщик» заключается в том, чтобы рассматривать их как просентенциальные фразы (prosentences), или особые контекстуально зависимые предложения, которые подобно местоимениям наследуют свои значения от других предложений. Типичным примером здесь может служить фраза «Все сказанное о себе Солом Крипке является истинным» – она наследует свое значение из тех предложений, которые действительно были высказаны о себе самом Солом Крипке. Если допустить, что в этой связи он лишь произнес «Я – самый выдающийся логик XX века», то именно это предложение и будет значением просентенциальной фразы «Все сказанное Солом Крипке о себе самом является истинным». Такие слова, как «истина» или «ложь», тем самым выполняют в нашем языке вовсе не предикативную, а лишь прагматико-экспрессивную функцию¹ (ср.: 37. Р. 97, 108; 52. Р. 110; 54. Р. 142–143; 56. Р. 593], также см.: [43. Р. 148; 49. Р. 2–3, 5; 55. Р. 30–31]). Истина здесь не является предикатом, описывающим некое реальное свойство, а играет роль аналогичную местоимениям (или иным сходным с ними формам дейкисов). Слова «истинно» или «ложно» ведут себя в предложениях не как обычные предикаты, а как особые анафорические операторы, которые позволяют осмысленно заменять просентенциальные фразы своими собственными антецедентами, выраженными в связанных с ними предложе-

¹ В метафизических вопросах относительно подлинной природы истины анафорический просентенциализм настроен более чем радикально; он не только отвергает традиционное понимание истины как некоего реального свойства, но отрицает и предложенное примитивизмом понимание объяснительной роли, которую понятие истины играет в нашем языке и концептуальной системе (ср.: [49. Р. 2–3; 55. Р. 30–31]).

ниях¹ (ср.: [37. Р. 83–86; 51. Р. 301–305; 52. Р. 103–104; 54. Р. 143–146; 56. Р. 591–593], также см.: [48. Р. 5–9; 49. Р. 3; 53. Р. 183; 55. Р. 25–26; 57. Р. 53–55, 57–60]).

Анафорический просентенциализм рассматривает предложения семейств «Правдолюбца» и «Спорщика» в качестве просентенциальных фраз, которым не хватает собственного содержания². Чтобы быть осмысленными, подобные (*T*) и (*N*) предложения должны заимствовать свое содержание из связанных с ними антецедентов. Референты этих антецедентов как таковые полностью определяют значение связанных с ними просентенциальных фраз «Это истинно» или «Это ложно». Сами же антецеденты приобретают собственные референты независимым образом (например, подобно именам собственным). В противном случае, если они по тем или иным причинам являются семантически пустыми предложениями, связанные с ними просентенциальные фразы также становятся бессмысленными и бесполезными, так как лишены своего содержания. Логическая форма конструкций, составленных из таких анафорически связанных предложений, как «Снег бел» и «Это истинно» или «1986 год является високосным» и «Это ложно», действительно отличается от конструкций, образованных с помощью подобных (*T'*) или (*N*) предложений. Интралингвистический анализ последних не обнаруживает в них независимых референтов, которые бы позволяли точным образом оценить их семантическое значение. Это подталкивает нас к тому, чтобы принять запрет на любые формы так называемых «незаземленных» предложений (*groundless sentences*) (например, см.: [28. Р. 147–150]). Если предложения или их последовательности за конечное число итераций тем или иным независимым образом отсылают нас к чему-то надежно фиксированному в реальном мире (как это делают предложения «Снег бел» и «Это истинно» или «1986 год является високосным» и «Это ложно»), мы вправе рассматривать подобные предложения в качестве объектов, наделенных семантическим значением. Если же предложения или составленные из них конструкции за конечное число итераций не способны предъявить нам свои *testimonium veritatis* (например, в случаях отдельных подобных (*T*) предложений или таких их последовательностей, как (*T'*) или (*N*)), они должны быть исключены из нашего рассмотрения. Такой запрет ставит вне закона любые семантические миры, содержащие в себе порочные циклы (*vicious circles*) или порочный регресс (*vicious*

¹ Строгое формальное различие между обычными предикатами, приписывающими своим объектам те или иные свойства, и так называемыми «просентенциальными операторами» (*prosentence-forming operators*), выполняющими в предложениях анафорическую функцию, представил Дэвид Лёвенштейн. В частности, определение анафорического оператора истины устанавливается им по аналогии с актами референции [57. Р. 58–60] (ср.: [54. Р. 146]). В отличие от обычных предикатов анафорический оператор истины θ допускает возможность осмысленной итерации следующего вида: если $[\varphi]$ представляет собой пример φ и $[\varphi]$ является токеном для примера $[\varphi]$, то $\theta([\varphi])$ если и только если $\theta(\theta([\varphi]))$. Не трудно заметить, что любая попытка применить итерацию подобного вида к обычным предикатам абсурдна. Подставляя «истинно» в оператор θ , мы получаем осмысленное утверждение: $[\varphi]$ истинно, если и только если $[[\varphi]$ истинно] истинно. Если же вместо этого взять обычный предикат, например «розовый» мы получаем очевидную бессмыслицу: $[\varphi]$ розовый, если и только если $[[\varphi]$ розовый] розовый.

² В равной степени это касается и предложений семейства «Лжеца». Подобные (*L*) предложения, по мнению Дороти Гровер, на самом деле не образуют никакого семантического парадокса, поскольку они не имеют приобретающих свой референт независимым образом антецедентов, которые позволяли бы им с помощью механизмов анафоры наследовать свое содержание [56. Р. 593; 58. Р. 81–82] (ср.: [20. Р. 54–64]).

regress). Однако он очевидным образом слишком широк и радикален, поскольку охватывает не только множество предложений, действительно таящих в себе семантические парадоксы, но и затрагивает некоторые жизненно важные области самой логики, вынуждая нас признать бессмысленным, а значит, и неприемлемым, например, такое предложение, как «Это предложение либо истинно, либо ложно», описывающее закон *tertium non datur* [23. Р. 169].

А если теперь отвлечься от интралингвистического контекста и взглянуть на действие анафорических механизмов через призму металингвистического анализа?

Рассмотрим пример с предложениями (T') . Здесь мы имеем дело с логической конструкцией, в которой утверждается, что предложения T_1 и T_2 имеют одинаковое значение, поскольку во всех согласованных (консистентных) случаях они имеют одно и то же (неважно какое именно) истинностное значение (рис. 1).

(T')	T_1	T_2
	T	T
	F	F

Рис. 1. Согласованные (консистентные) истинностные значения «Правдолюбца»

В примере же с предложениями (N) мы имеем логическую конструкцию, в которой, напротив, утверждается, что предложения N_1 и N_2 не имеют одинакового значения, так как во всех согласованных (консистентных) случаях они имеют разное (неважно какое именно) истинностное значение (рис. 2).

(N)	N_1	N_2
	T	F
	F	T

Рис. 2. Согласованные (консистентные) истинностные значения «Спорщика»

Предложения семейств «Правдолюбца» и «Спорщика» показывают, что логические конструкции, подобные (T') или (N) , на самом деле не приписывают какие-либо конкретные истинностные значения предложениям, из которых они составлены, но устанавливают определенные виды отношений между семантическим содержанием таких предложений. Использование слов «истина» и «ложь» в обоих случаях не имеет цели сообщить нам, какими именно конкретными истинностными значениями обладают подобные (T') или (N) предложения; они информируют нас, что некоторое отношение R между возможными парами антецедентов этих просентенциальных фраз таково, что эти предложения либо имеют одинаковое значение, либо нет. Если в случае с (T') обозначить как RT выраженное словом «истинно» отношение между значениями предложений T_1 и T_2 , тогда при $T_1 R T_2$ справедливым окажется, что T_1 имеет значение x , если и только если T_2 имеет значение x (где место x может занимать некоторый вполне конкретный антецедент, например «Снег бел», «Snow is white» или «Schnee ist weiss»). Отвлекаясь от собственного интралингвистического контекста, предложения T_1 и T_2 семейства «Правдолюбца» буквально говорят нам следующее:

(T''')	T_1 :	T_1 имеет одинаковое значение с T_2 .
	T_2 :	T_2 имеет одинаковое значение с T_1 .

Если же в случае с (N) обозначить как R_F выраженное словом «ложно» отношение между значениями предложений N_1 и N_2 , тогда при $N_1 R_F N_2$ справедливым окажется, что при N_1 имеет значение x , если и только если N_2 не имеет значения x (где место x также может занимать некоторый вполне конкретный антецедент – «Снег бел», «Snow is white» или «Schnee ist weiss»). Предложения N_1 и N_2 семейства «Спорщика» тем самым буквально говорят нам следующее:

(N')	N_1 :	N_1 не имеет одинаковое значение с N_2 ,
	N_2 :	N_2 не имеет одинаковое значение с N_1 .

Отношения R_T и R_F являются симметричными¹: $\forall T \in L(T_1 R_T T_2 \Rightarrow T_2 R_T T_1)$, равно как и $\forall N \in L(N_1 R_F N_2 \Rightarrow N_2 R_F N_1)$. Однако они не являются в равной мере транзитивными: $\forall T \in L(T_1 R_T T_2 \wedge T_2 R_T T_3 \Rightarrow T_1 R_T T_3)$, но $\forall N \in L(N_1 R_F N_2 \wedge N_2 R_F N_3 \Rightarrow \neg N_1 R_F N_3)$. Именно это очевидное различие между двумя типами отношений R_T и R_F и позволяет освободиться от избытка согласованных (консистентных) истинностных значений предложений семейства «Правдолюбца» и «Спорщика».

Подобные (T') и (N) просентенциальные фразы образованы с помощью токенов языка, которые не обладают каким-либо конкретным истинностным значением², собственное семантическое содержание они заимствуют из своего интралингвистического окружения. В нашем языке просентенциальные фразы просто маркируют области, которые могут быть заняты соответствующими предложениями с независимыми референтами. Металингвистическая модификация подобных (T') и (N) просентенциальных фраз позволяет образовывать предложения (T''') и (N'). Собственные суждения они выражают независимым образом, поскольку референтами таких предложений служат сами просентенциальные фразы (T') и (N), а значит, подобные (T''') и (N') предложения вполне могут обладать конкретными истинностными значениями³. Предложениям (T''') семейства «Правдолюбца» единственным согласованным образом можно приписать лишь значение «истина» (ср.: [23. Р. 167]), для

¹ Помимо избытка согласованных (консистентных) истинностных значений отдельное беспокойство среди исследователей вызывает то обстоятельство, что в случае с предложениями семейства «Спорщика» нам приходится идти против принципов здравого смысла и принципа симметрии, приписывая разное истинностное значение, казалось бы, с виду идентичным предложениям [19. Р. 286; 21. Р. 70; 23. Р. 166–167; 24. Р. 226–228; 25. Р. 314, 318; 26. Р. 547, 549]. Индексальное различие, существующее между предложениями N_1 и N_2 , способное, по мнению Лоренса Голдстейна [18. Р. 2], иногда вводить нас в заблуждение относительно идентичности этих предложений, легко может быть устранено при помощи метода подстановки. Например, если переформулировать предложение N_1 , подставив на место метки предложения N_2 его закавыченное имя, и то же самое проделать с N_2 , мы получим следующие два предложения: « N_1 : ' N_1 ложно' ложно» и « N_2 : ' N_2 ложно' ложно», идентичность которых будет очевидна. Однако эта ложная тревога может быть рассеяна, если мы понимаем, что симметрия предложений семейства «Спорщика» – это не симметрия свойств, а симметрия отношений.

² Подобно тому, как фраза «число, большее числа 9», например, не указывает на какое-либо конкретное число, скажем, «13» или «27».

³ Лоренс Голдстейн, в частности, в качестве примера рассматривает такой токен английского языка, как «That is short». В отсутствие какой-либо демонстрации объекта, обладающего независимым референтом, этот токен не делает никакого утверждения (statement), а значит, и не выражает собой ничего истинного или ложного, тогда как предложение, образованное с помощью токена «That is short», используемое для указания на сам этот токен, является истинным [20. Р. 56–57].

предложений же (N') семейства «Спорщика» таким единственным согласованным значением окажется «ложь»¹. Например, любая попытка приписать симметричные значения «лжи» предложениям T_1 (« T_1 имеет одинаковое значение с T_2 ») и T_2 (« T_2 имеет одинаковое значение с T_1 ») не позволяла бы им согласовываться между собой: будучи одновременно ложными, подобные (T''') предложения тем не менее обладали бы одинаковыми значениями. Попытка же приписать разные значения «истины» и «лжи» предложениям N_1 (« N_1 не имеет одинакового значения с N_2 ») и N_2 (« N_2 не имеет одинакового значения с N_1 ») также не позволяла бы им согласовываться между собой: несимметричные значения в случаях подобных (N') предложений означали бы, что одно из них, а именно то, которое говорит о ложности таких несимметричных значений, явным образом противоречиво². Симметричные значения «истины» для предложений семейства «Спорщика» также не позволяют согласовывать подобные (N') предложения: будучи одновременно истинными, такие предложения говорили бы о том, что они не обладают одинаковыми значениями.

Модифицированный таким образом анафорический просентенциализм позволяет избавляться от семантических патологий³ наподобие предложений семейств «Правдолюба» и «Спорщика». Металингвистический анализ содержания просентенциальных фраз открывает эффективные способы устранения избытка согласованных (консистентных) истинностных значений таких предложений без того, чтобы отказывать им в праве на существование, дезавуируя их как лишённые семантического содержания бессмысленные токены языка и тем самым требуя от нас введения запрета на использование любых форм так называемых «незаземленных» предложений. И хотя истина как таковая, видимо, «не является ключом к миру и к тому, как с помощью языка мы этот мир себе представляем» [61. Р. 429], тем не менее она оказывается действительно полезным понятием, без которого наше понимание принципов устройства самого языка было бы не только неполным, но и невозможным.

Литература

1. Ладов В.А. Уроки «Лжеца» // Философия науки. 2011. № 3 (50). С. 37–53.
2. Ладов В.А. «Гераклит» Хайдеггера, *aletheia* и парадокс Лжеца // SCOLH. 2015. Vol. 9, № 2. С. 221–227.

¹ В случае с восьмым софизмом (который, напомним, идентичен по своей конструкции предложениям семейства «Спорщика») Жан Буридан приходит к аналогичному выводу, объявляя в *Sophismata* ложными оба предложения, образующие этот софизм [31. Р. 972]. Хотя и делает это он, исходя из совсем иных оснований (в частности, с помощью так называемого «принципа воплощенности истины» (the Truth-Entailment Principle), согласно которому каждое предложение, в сущности, подразумевает свою собственную истину [25. Р. 308–309; 59. Р. 51–54]).

² Возможность для подобных (N') предложений быть одновременно ложными вовсе не означает того же самого для предложений, подобных (N). Об опасности возникновения лингвистической путаницы, в частности, предупреждает Марк Сайнсбери: «Это чистая случайность принятых нами правил присвоения обозначений (labeling conventions), что сами обличаемые слова могут быть использованы для их же обличения (condemn)» [60. Р. 141].

³ Однако сам факт существования таких семантических патологий, вполне вероятно, связан с тем, что предложения семейств «Лжеца», «Правдолюба» и «Спорщика» как таковые способны служить формальными схемами фиксации синонимии и омонимии для различных классов токенов нашего языка. Предложение (T), например, просто сообщает нам о том, что каждый токен нашего языка может быть использован как собственный синоним, а предложение (L), напротив, что одни и те же токены могут скрывать за собой омонимы.

3. Ладов В.А. Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 104–119. DOI: 10.5840/eps201752233.
4. Valpola V. Elementare Untersuchungen der Antinomien von Russell, Grelling-Nelson und Eubulides // Theoria. 1953. Vol. 19, № 3. P. 183–188. DOI: 10.1111/j.1755-2567.1953.tb01018.x.
5. Gupta A. Truth and Paradox // Journal of Philosophical Logic. 1982. Vol. 11, № 1. P. 1–60. DOI: 10.1007/BF00302338.
6. Вризм Г.-Х. Гетерологический парадокс // Логико-философские исследования : Избранные труды. М. : Прогресс, 1986. С. 449–482.
7. Ладов В.А. Логические основания формального реализма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 48–55.
8. Ладов В.А. Бесконечный Лжец // SCOLH. 2014. Vol. 8, № 2. С. 285–292.
9. Ладов В.А. Два аргумента в опровержение релятивизма в диалоге Платона «Теттет» // SCOLH. 2016. Vol. 10, № 1. С. 205–213.
10. Mackie J.L. Truth, Probability and Paradox : Essays in Philosophical Logic. Oxford : Clarendon Press, 1973. 305 p.
11. Kripke S. Outline of a Theory of Truth // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72, № 19. P. 690–716. DOI: 10.2307/2024634.
12. Mortensen C., Priest G. The Truth Teller Paradox // Logique et Analyse. 1981. Vol. 24, № 95–96. P. 381–388.
13. Smith J.W. A Simple Solution to Mortensen and Priest's Truth Teller Paradox // Logique et Analyse. 1984. Vol. 27, № 106. P. 217–220.
14. Yablo S. Truth and Reflection // Journal of Philosophical Logic. 1985. Vol. 14, № 3. P. 297–349. DOI: 10.1007/BF00249368.
15. Yablo S. Hop, Skip and Jump: The Agonistic Conception of Truth // Philosophical Perspectives. 1993. Vol. 7. P. 371–396. DOI: 10.2307/2214130.
16. Yablo S. New Grounds for Naïve Truth Theory // Liars and Heaps: New Essays on Paradox / Jc. Beall (ed.). Oxford : Clarendon Press, 2003. P. 312–330.
17. Wolenski J. Self-Reference and Rejection // Filozofia Nauki. 1993. Vol. 1, № 1. P. 89–102.
18. Goldstein L. 'This Statement Is Not True' Is not True // Analysis. 1992. Vol. 52, № 1. P. 1–5. DOI: 10.1093/analys/52.1.1.
19. Goldstein L. Circular Queue Paradoxes – the Missing Link // Analysis. 1999. Vol. 59, № 4. P. 284–290. DOI: 10.1093/analys/59.4.284.
20. Goldstein L. A Unified Solution to Some Paradoxes // Proceedings of the Aristotelian Society. 2000. Vol. 100, № 1. P. 53–74. DOI: 10.1111/1467-9264.00065
21. Goldstein L. Doubting Thomas: From Bradwardine Back to Anon // Unity, Truth and the Liar. The Modern Relevance of Medieval Solutions to the Liar Paradox / S. Rahman, T. Tulenheimo, E. Genot (eds.). Dordrecht : Springer, 2008. P. 62–85.
22. Beall Jc. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. 2001. Vol. 61, № 2. P. 126–129. DOI: 10.1093/analys/61.2.126.
23. Sorensen R.A. Vagueness and Contradiction. Oxford: Clarendon Press, 2001. 200 p.
24. Sorensen R.A. A Definite No-No // Liars and Heaps: New Essays on Paradox / Jc. Beall (ed.). Oxford : Clarendon Press, 2003. P. 225–229.
25. Read S. Symmetry and Paradox // History and Philosophy of Logic. 2006. Vol. 27, № 4. P. 307–318. DOI: 10.1080/01445340600593942.
26. Greenough P. Truthmaker Gaps and the No-No Paradox // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. Vol. 72, № 3. P. 547–563. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2011.00491.x.
27. Billon A. The Truth-Tellers Paradox // Logique et Analyse. 2013. Vol. 56, № 224. P. 371–389.
28. Herzberger H.G. Paradoxes of Grounding in Semantics // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67, № 6. P. 145–167. DOI: 10.2307/2023885.
29. Armour-Garb B., Woodbridge J.A. Semantic Pathology and the Open Pair // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. Vol. 71, № 3. P. 695–703. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00482.x.
30. Armour-Garb B., Woodbridge J.A. Dialetheism, Semantic Pathology, and the Open Pair // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84, № 3. P. 395–416. DOI: 10.1080/00048400600895912.
31. Buridan J. Sophismata // Summulae de Dialectica. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 821–997.
32. Priest G. Words Without Knowledge // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. Vol. 71, № 3. P. 686–694. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00481.x.

33. Devitt M. The Metaphysics of Deflationary Truth // What is Truth? / ed. R. Schantz. Berlin : Walter de Gruyter Inc, 2002. P. 60–78.
34. Jago M. What Truth Is. Oxford : Oxford University Press, 2018. 356 p.
35. Dummett M. Truth // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959. Vol. 59, № 1. P. 141–162. DOI: 10.1093/aristotelian/59.1.141.
36. Soames S. The Truth about Deflationism // Philosophical Issues. 1997. Vol. 8, № 1. P. 1–44. DOI: 10.2307/1522992.
37. Grover D., Camp J., Belnap N. A Prosentential Theory of Truth // Philosophical Studies. 1975. Vol. 27, № 2. P. 73–125. DOI: 10.1007/BF01209340.
38. Davidson D. Reality Without Reference // Dialectica. 1977. Vol. 31, № 3–4. P. 247–258. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1977.tb01287.x
39. Davidson D. The Structure and Content of Truth // The Journal of Philosophy. 1990. Vol. 87, № 6. P. 279–328. DOI: 10.2307/2026863.
40. Larson D. Tarski, Davidson, and Theories of Truth // Dialectica. 1988. Vol. 42, № 1. P. 3–16. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1988.tb00900.x.
41. Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction. Cambridge MA : MIT Press, 1992. 401 p.
42. Asay J. Primitive Truth // Dialectica. 2013. Vol. 67, № 4. P. 503–519. DOI: 10.1111/1746-8361.12041.
43. Asay J. Against Truth // Erkenntnis. 2014. Vol. 79, № 1. P. 147–164. DOI: 10.1007/s10670-013-9483-y.
44. Boghossian P.A. The Status of Content // The Philosophical Review. 1990. Vol. 99, № 2. P. 157–184. DOI: 10.2307/2185488
45. Merricks T. Truth and Ontology. Oxford : Clarendon Press, 2007. 202 p.
46. Young J.O. Truth, Correspondence and Deflationism // Frontiers of Philosophy in China. 2009. Vol. 4, № 4. P. 563–575. DOI: 10.1007/s11466-009-0037-y.
47. Ламберов Л.Д. Дефляционизм, контекстуальность и теория значения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4(16). С. 31–37.
48. Salis P. Anaphoric Deflationism, Primitivism, and the Truth Property // Acta Analytica. 2018. [forthcoming] DOI: 10.1007/s12136-018-0363-6.
49. Salis P. The Generality of Anaphoric Deflationism // Philosophia. 2018. [forthcoming] DOI: 10.1007/s11406-018-9974-9.
50. Рамсей Ф.П. Факты и пропозиции // Философские работы. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. С. 140–161.
51. Brandom R. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge MA : Harvard University Press, 1994. 741 p.
52. Brandom R. Explanatory vs Expressive Deflationism about Truth // What is Truth? / ed. R. Schantz. Berlin : Walter de Gruyter Inc, 2002. P. 103–119.
53. Lance M. The Significance of Anaphoric Theories of Truth and Reference // Philosophical Issues. 1997. Vol. 8. P. 181–198. DOI: 10.2307/1523004
54. Brandom R. From Truth to Semantics: A Path through «Making It Explicit» // Philosophical Issues. 1997. Vol. 8. P. 141–154. DOI: 10.2307/1523001.
55. Löwenstein D. Davidsonian Semantics and Anaphoric Deflationism // Dialectica. 2012. Vol. 66, № 1. P. 23–44. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2012.01288.x.
56. Grover D. Inheritors and Paradox // The Journal of Philosophy. 1977. Vol. 74, № 10. P. 590–604. DOI: 10.2307/2025911.
57. Löwenstein D. Anaphoric Deflationism and Theories of Meaning // Proceedings of the Amsterdam Graduate Philosophy Conference – Meaning and Truth (Amsterdam, October 1–3, 2009) / eds. T. Achourioti, E.J. Andrade, M. Staudacher. Amsterdam : Universiteit van Amsterdam Press, 2010. P. 52–66.
58. Grover D. «This is False» on the Prosentential Theory // Analysis. 1976. Vol. 36, № 2. P. 80–83. DOI: 10.1093/analysis/36.2.80.
59. Hughes G.E. John Buridan on Self-Reference : Chapter Eight of Buridan's «Sophismata». Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 233 p.
60. Sainsbury R.M. Paradoxes. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 182 p.
61. Soames S. What is a Theory of Truth? // The Journal of Philosophy. 1984. Vol. 81, № 8. P. 411–429. DOI: 10.2307/2026307.

Andrei V. Nekhaev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: A_V_Nekhaev@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 34–46.

DOI: 10.17223/1998863X/45/4

THE TRUTH ABOUT “TRUTH”

Keywords: liar paradox; truth-teller paradox; no-no paradox; anaphora; deflationism.

Truth-teller sentences (e.g. “This sentence is true”) and sentences of the no-no paradox (e.g. “The following sentence is false” and “The previous sentence is false”), in contrast to Liar-like sentences (e.g. “This sentence is false”), have an excess of consistent unique truth values. This circumstance makes it possible to consider such sentences as examples of genuine semantic pathologies. The way to treat them can be found in the anaphoric prosentential theory of truth. This form of non-redundancy deflationism takes the notion of truth not as an ordinary predicate describing a certain real property, but as an anaphoric operator, which makes it possible to meaningfully substitute prosentences with its own antecedents. The anaphoric prosentential theory of truth interprets truth-teller sentences and sentences of the no-no paradox as prosentences that lack propositional content. To treat semantic pathologies without imposing the ban on the use of any so-called “groundless” sentences, anaphoric existentialism should be supplemented with metalinguistic analysis. This way will make it possible to show that truth-teller sentences and sentences of the no-no paradox actually do not ascribe any unique truth values, but they establish certain types of relations between the semantic content of such prosentences. The use of the words “is true” and “is false” has no purpose to tell us which unique truth values are possessed by these prosentences, but informs that between their possible antecedents there is a certain relation R; the relation determines whether or not these prosentences have the same value. Truth-teller sentences can be consistently assumed only “is true”; sentences of the no-no paradox can take in only «is false». Therefore, the metalinguistic analysis of prosentential semantic content can serve as an effective way to eliminate excess of consistent unique truth values for truth-teller sentences and sentences of the no-no paradox, and it does not require the ban of any so-called “groundless” sentences.

References

1. Ladov, V.A. (2011) Uroki “Lzhetsa” [The Lessons of the “Liar Paradox”]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 3(50). pp. 37–53.
2. Ladov, V.A. (2015) “Geraklit” Khaydeggera, aletheia i paradoks Lzhetsa [Heidegger’s “Heraclit”, Aletheia, and the Liar Paradox]. *ΣΧΟΛΗ*. 9(2). pp. 221–227.
3. Ladov, V.A. (2017) Resheniye logicheskikh paradoksov v semanticheski zamknutom yazyke [Logical Paradox Solution in Semantically Closed Language]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 104–119. DOI: 10.5840/eps201752233.
4. Valpola, V. (1953) Elementare Untersuchungen der Antinomien von Russell, Grelling-Nelson und Eubulides [Elementary Investigations of the Russell, Grelling-Nelson and Eubulides Antinomies]. *Theoria*. 19(3). pp. 183–188. DOI: 10.1111/j.1755-2567.1953.tb01018.x.
5. Gupta, A. (1982) Truth and Paradox. *Journal of Philosophical Logic*. 11(1). pp. 1–60. DOI: 10.1007/BF00302338
6. Wright, G.-H. (1986) *Logiko-filosofskiye issledovaniya: Izbrannyye trudy* [Logic and Philosophical Studies: Collected Works]. Moscow: Progress. pp. 449–482.
7. Ladov, V.A. (2010) Logical Foundation of Formal Realism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 341. pp. 48–55. (In Russian).
8. Ladov, V.A. (2014) The Infinite Liar. *ΣΧΟΛΗ*. 8(2). pp. 285–292. (In Russian).
9. Ladov, V.A. (2016) Two Arguments Against Relativism in Plato’s “Theaetetus”. *ΣΧΟΛΗ*. 10(1). pp. 205–213. (In Russian).
10. Mackie, J.L. (1973) *Truth, Probability and Paradox: Essays in Philosophical Logic*. Oxford: Clarendon Press.
11. Kripke, S. (1975) Outline of a Theory of Truth. *The Journal of Philosophy*. 72(19). pp. 690–716. DOI: 10.2307/2024634
12. Mortensen, C. & Priest, G. (1981) The Truth Teller Paradox. *Logique et Analyse*. 24(95–96). pp. 381–388.
13. Smith, J.W. (1984) A Simple Solution to Mortensen and Priest’s Truth Teller Paradox. *Logique et Analyse*. 27(106). pp. 217–220.

14. Yablo, S. (1985) Truth and Reflection. *Journal of Philosophical Logic*. 14(3). pp. 297–349. DOI: 10.1007/BF00249368.
15. Yablo, S. (1993) Hop, Skip and Jump: The Agonistic Conception of Truth. *Philosophical Perspectives*. 7. pp. 371–396. DOI: 10.2307/2214130.
16. Yablo, S. (2003) New Grounds for Naive Truth Theory. In: Beall, Jc. (ed.) *Liars and Heaps: New Essays on Paradox*. Oxford: Clarendon Press. pp. 312–330.
17. Wolenski, J. (1993) Self-Reference and Rejection. *Filozofia Nauki*. 1(1). pp. 89–102.
18. Goldstein, L. (1992) ‘This Statement Is Not True’ Is not True. *Analysis*. 52(1). pp. 1–5. DOI: 10.1093/analys/52.1.1.
19. Goldstein, L. (1999) Circular Queue Paradoxes – the Missing Link. *Analysis*. 59(4). pp. 284–290. DOI: 10.1093/analys/59.4.284.
20. Goldstein, L.A. (2000) Unified Solution to Some Paradoxes. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 100(1). pp. 53–74. DOI: 10.1111/1467-9264.00065
21. Goldstein, L. (2008) Doubting Thomas: From Bradwardine Back to Anon. In: Rahman, S., Tulenheimo, T. & Genot, E. (eds) *Unity, Truth and the Liar. The Modern Relevance of Medieval Solutions to the Liar Paradox*. Dordrecht: Springer. pp. 62–85.
22. Beall, Jc. (2001) A Neglected Deflationist Approach to the Liar. *Analysis*. 61(2). pp. 126–129. DOI: 10.1093/analys/61.2.126
23. Sorensen, R.A. (2003) *Vagueness and Contradiction*. Oxford: Clarendon Press.
24. Sorensen, R.A. (2003) A Definite No-No. In: Beall, Jc. (ed.) *Liars and Heaps: New Essays on Paradox*. Oxford: Clarendon Press. pp. 225–229.
25. Read, S. (2006) Symmetry and Paradox. *History and Philosophy of Logic*. 27(4). pp. 307–318. DOI: 10.1080/01445340600593942
26. Greenough, P. (2011) Truthmaker Gaps and the No-No Paradox. *Philosophy and Phenomenological Research*. 72(3). pp. 547–563. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2011.00491.x
27. Billon, A. (2013) The Truth-Tellers Paradox. *Logique et Analyse*. 56(224). pp. 371–389.
28. Herzberger, H.G. (1970) Paradoxes of Grounding in Semantics. *The Journal of Philosophy*. 67(6). pp. 145–167. DOI: 10.2307/2023885
29. Armour-Garb, B. & Woodbridge, J.A. (2005) Semantic Pathology and the Open Pair. *Philosophy and Phenomenological Research*. 71(3). pp. 695–703. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00482.x
30. Armour-Garb, B. & Woodbridge, J.A. (2006) Dialetheism, Semantic Pathology, and the Open Pair. *Australasian Journal of Philosophy*. 84(3). pp. 395–416. DOI: 10.1080/00048400600895912
31. Buridan, J. (2001) *Sophismata. Summulae de Dialectica*. New Haven: Yale University Press. pp. 821–997.
32. Priest, G. (2005) Words Without Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*. 71(3). pp. 686–694. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00481.x
33. Devitt, M. (2002) *The Metaphysics of Deflationary Truth. What is Truth?* Berlin: Walter de Gruyter Inc. pp. 60–78.
34. Jago, M. (2018) *What Truth Is*. Oxford: Oxford University Press.
35. Dummett, M. (1959) Truth. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 59(1). pp. 141–162. DOI: 10.1093/aristotelian/59.1.141
36. Soames, S. (1997) The Truth about Deflationism. *Philosophical Issues*. 8(1). pp. 1–44. DOI: 10.2307/1522992
37. Grover, D., Camp, J. & Belnap, N. (1975) A Prosentential Theory of Truth. *Philosophical Studies*. 27(2). pp. 73 – 125. DOI: 10.1007/BF01209340
38. Davidson, D. (1977) Reality Without Reference. *Dialectica*. 31(3-4). pp. 247–258. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1977.tb01287.x
39. Davidson, D. (1990) The Structure and Content of Truth. *The Journal of Philosophy*. 87(6). pp. 279–328. DOI: 10.2307/2026863
40. Larson, D. (1988) Tarski, Davidson, and Theories of Truth. *Dialectica*. 42(1). pp. 3–16. DOI: 10.1111/j.1746-8361.1988.tb00900.x
41. Kirkham, R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*. Cambridge MA: MIT Press.
42. Asay, J. (2013) Primitive Truth. *Dialectica*. 67(4). pp. 503–519. DOI: 10.1111/1746-8361.12041
43. Asay, J. (2014) Against Truth. *Erkenntnis*. 79(1). pp. 147–164. DOI: 10.1007/s10670-013-9483-y
44. Boghossian, P.A. (1990) The Status of Content. *The Philosophical Review*. 99(2). pp. 157–184. DOI: 10.2307/2185488

45. Merricks, T. (2007) *Truth and Ontology*. Oxford: Clarendon Press.
46. Young, J.O. (2009) Truth, Correspondence and Deflationism. *Frontiers of Philosophy in China*. 4(4). pp. 563–575. DOI: 10.1007/s11466-009-0037-y
47. Lamberov, L.D. (2011) Deflationism, Contextuality and Theory of Meaning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 31–37. (In Russian).
48. Salis, P. (2018) Anaphoric Deflationism, Primitivism, and the Truth Property. *Acta Analytica*. [forthcoming] DOI: 10.1007/s12136-018-0363-6
49. Salis, P. (2018) The Generality of Anaphoric Deflationism. *Philosophia*. [forthcoming] DOI: 10.1007/s11406-018-9974-9
50. Ramsey, F.P. (2011) *Filosofskiye raboty* [Philosophical Papers]. Translated by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. pp. 140–161.
51. Brandom, R. (1994) *Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Cambridge MA: Harvard University Press.
52. Brandom, R. (2002) *Explanatory vs Expressive Deflationism about Truth. What is Truth?* Berlin: Walter de Gruyter Inc. pp. 103–119.
53. Lance, M. (1997) The Significance of Anaphoric Theories of Truth and Reference. *Philosophical Issues*. 8. pp. 181–198. DOI: 10.2307/1523004
54. Brandom, R. (1997) From Truth to Semantics: A Path through “Making It Explicit”. *Philosophical Issues*. 8. pp. 141–154. DOI: 10.2307/1523001
55. Löwenstein, D. (2012) Davidsonian Semantics and Anaphoric Deflationism. *Dialectica*. 66(1). pp. 23–44. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2012.01288.x
56. Grover, D. (1977) Inheritors and Paradox. *The Journal of Philosophy*. 74(10). pp. 590–604. DOI: 10.2307/2025911
57. Löwenstein, D. (2010) Anaphoric Deflationism and Theories of Meaning. *Proceedings of the Amsterdam Graduate Philosophy Conference – Meaning and Truth*. Amsterdam, October 1–3, 2009. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam Press. pp. 52–66.
58. Grover, D. (1976) “This is False” on the Prosentential Theory. *Analysis*. 36(2). pp. 80–83. DOI: 10.1093/analys/36.2.80
59. Hughes, G.E. (1982) *John Buridan on Self-Reference: Chapter Eight of Buridan's “Sophismata”*. Cambridge: Cambridge University Press.
60. Sainsbury, R.M. (2009) *Paradoxes*. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Soames, S. (1984) What is a Theory of Truth? *The Journal of Philosophy*. 81(8). pp. 411–429. DOI: 10.2307/2026307

УДК 008

DOI: 10.17223/1998863X/45/5

Л.В. Шиповалова

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – РАЗРЫВ С ПРОШЛЫМ ИЛИ ЕГО ВОЗОБНОВЛЕНИЕ? О ДВУСМЫСЛЕННОМ ОТВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Рассматривается проблематизация концепта научной революции в современной историографии. Раскрывается неоднозначность репрезентации ее структуры: начало революции трактуется или как разрыв с прошлым, или как его возобновление. Определяются условия дополнительности указанных интерпретаций, и формулируется «урок инновационности», который дает философии науки современная историография, внося вклад в определение комплекса условий возникновения инновации в науке.

Ключевые слова: история и философия науки, инновация, революция.

Введение

Отношения истории и философии науки в современности являются столь же неслучайными, сколь и проблематичными. Введение историчности в существо характеристик научной деятельности, базовых научных концептов становится очевидным со второй половины XX в. в исследованиях представителей постпозитивистской философии науки и современной исторической эпистемологии. Можно искать и находить теоретическую основу такого рода исторического поворота в работах марксистских историков и философов науки, текстах О. Конта и П. Дюгема, а также трудах представителей французской исторической эпистемологии – Г. Башляра, Ж. Кангилема, М. Фуко. Следует, однако, признать, что гармоничный союз истории и философии науки в современности не столь очевиден, как можно было бы ожидать. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии о сложностях междисциплинарного синтеза, о проблемах, связанных с «руководящей ролью» философии в нем [1–3].

В данной статье предполагается внести вклад в развитие указанных дискуссий. Мы рассмотрим один пример современного историографического дискурса, в фокусе которого концепт научной революции, преследуя две взаимосвязанные цели. Первая, методологическая, – подтвердить гипотезу, состоящую в том, что история имеет для философских исследований науки значение не только верификации или наполнения содержанием определенных тезисов, но провокации для мышления, что она играет роль равноправного участника совместной работы над возможным ответом на вызовы современности. В поле зрения оказывается вопрос о возникновении инноваций в науке, актуальность которого трудно переоценить как в теоретическом, так и в практическом смысле. Вторая цель, содержательная, связана с обращением

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ».

к двусмысленности образа научной революции, создаваемого современной историографией. Такой образ проблематизирует любой однозначный ответ философии науки на вопросы, связанные с возникновением новоевропейской научности, собственно нового знания, а также позволяет сформулировать комплекс условий возникновения инноваций в науке. Мы будем рассматривать образ того, что принято называть научной революцией с большой буквы – события, связанного с формированием оснований науки в трудах ученых и философов XVI–XVIII вв. Как и всякое событие, это может быть признано образцовым, а его характеристики стать теми, которыми маркируются и иные научные события в качестве революционных.

В первой части будет показано, что одна из значимых контроверз современной историографии выражается в неоднозначной репрезентации структуры научной революции, начало которой трактуется, с одной стороны, как разрыв с прошлым, а с другой – как его возобновление¹. Во второй части будут раскрыты некоторые условия дополнительности указанных смыслов, а также на основе этой дополнительности сформулирован своего рода «урок инновационности», который дает философии науки современная историография. В данном контексте мы не будем останавливаться на прояснении связи концептов научной революции и новизны, принимая ее как данность.

Следует предварительно высказать одно методологическое замечание, которое одновременно ограничит предмет исследования. Мы будем говорить не о самом событии Научной Революции, а о его неоднозначной рецепции и репрезентации в современной историографии второй половины XX в. Потому за рамками исследования останутся история события, а также особенности вхождения в оборот этого термина, возникшего в XVIII в., использования его учеными относительно собственной научной деятельности и работы предшественников [4, 5]. Невключенными окажутся и работы континуальной, или кумулятивной, истории науки, авторы которых не признают радикализма события научной революции и, соответственно, относятся к этому концепту как к имени, референт которого проблематичен [6, 7]². Указанные два аспекта темы достаточным образом представлены в литературе³. Третий оставляемый вне поля зрения аспект – рефлексию условий неоднозначности современного истолкования научной революции в ее отношении к прошлому – можно отнести к перспективам развития данной темы.

¹ Несмотря на признание значения известной работы Т. Куна Структура научных революций, следует отметить, что в ней было сказано не слишком много о самой структуре, которая включает не только формирование условий смены парадигм, но и развитие революции, внутреннюю последовательность ее стадий. За акцент на этом важном моменте автор статьи благодарна И.С. Дмитриеву, отечественному специалисту в области истории науки. Куновский «пробел» в исследовании структуры научной революции, с лихвой восполняемый современной историографией, можно объяснить тем, что для него революции, оказываясь сменой научного гештальта, сами по себе должны оставаться «невидимыми».

² Отметим, что к таким работам не относится текст С. Шейпина «Научная революция», начинающийся характерным высказыванием: “There is no such thing as the Scientific Revolution and this is a book about it”. Шейпин описывает научную революцию как проблематичное событие, раскрывающееся в многообразии историй о нем [8. Р. 1].

³ Полное перечисление релевантной историографической литературы было бы невозможно в рамках допустимых объемов научной публикации. Потому будут упоминаться далеко не все даже признанные классическими источники, имеющие значение в контексте того или иного аспекта темы. Работа Ф. Козна «Научная революция: историографическое исследование» может служить адекватным комментированным разбором литературы по теме [9].

Историографическая дескрипция – стадии научной революции

Определенное здравомыслие относительно дескрипции Научной Революции в современной историографии предлагает трактовать ее как разрыв с прошлым. Таково в целом прочтение работы Т. Куна, предлагающего видеть в этом событии изменение не просто образа мира, но и «самого мира». К разрыву или, по крайней мере, к существенной перемене фокуса отсылает и известная формула А. Койре – от замкнутого мира к бесконечной Вселенной¹. На разрыве с прошлым настаивает отчасти Г. Баттерфилд, растягивая, однако, революционное событие на пять веков, обнаруживая истоки новой науки и ментальности в трудах эпохи Возрождения, Реформации и даже позднего Средневековья [11]. Эту же позицию разделяет и Д. Вуттон [12], полагая, что главным открытием или отличием новой науки было изобретение открытия, самой возможности новизны, выраженным образом присутствовавшей даже в названиях трактатов ученых и философов с XIV в.

Существует некоторый историографический и философский консенсус в определении основных характеристик новой науки: математизация природы, экспериментирование, прагматическая ориентация деятельности, переход от органического к механическому истолкованию мира, опора не на авторитеты, а на опыт в поиске достоверности суждения. Дискуссии, однако, продолжают. В их фокус, кроме уже традиционных методологических моментов (экстернализм и интернализм [13], континуальность и дисконтинуальность [5. Р. 4–5; 9. Р. 48–65]), а также проблематизации глобального значения Научной Революции [14], попадают интересующие нас вопросы о начале (когда и почему), временных рамках и персоналиях, за которыми должно быть закреплено имя «революционеров». Именно неоднозначные ответы на эти вопросы, связанные с описанием структуры революции или ее стадий, открывают, на наш взгляд, некоторые существенные черты этого события, позволяющие вписать его историографический образ в актуальные философские дискуссии современности.

С одной стороны, в современной историографии сохраняется понимание данного события как разрыва с прошлым и потому его начало и основные герои определяются по новизне, выраженной в их действиях, тезисах, открытиях, противопоставляемой в том или ином смысле позиции «древних». Это может быть Н. Коперник с идеей гелиоцентризма и Ф. Бэкон с органом новой индуктивной науки, Г. Галилей, обнаруживший горы на Луне и луны у Юпитера, и Т. Браге, открывший актуальную изменчивость небес, И. Кеплер, предложивший рассматривать эллиптические, но не круговые орбиты планет, и Р. Декарт, заложивший основания механистической натуральной философии, и т.д. Начало революции оказывается при этом содержатель-

¹ Перед тем как перейти к раскрытию собственного образа Научной Революции, Койре перечисляет уже отмеченные историками и философами характеристики кризиса или «духовной революции», представляющиеся ему «внешними проявлениями» или «сопутствующими факторами некоего более глубокого и более важного процесса». Среди них: переход к «гелиоцентрической и позднее децентрированной Вселенной», «поворот человеческого разума от *theoria* к *praxis*, обращение его от *scientia contemplative* к *scientia activa*», замена телеологического принципа объяснения каузальным, «открытие человеком Нового времени своей субстанциальной субъективности» [10. С. VII].

но варьируемым, но его понимание в качестве разрыва остается формально инвариантным.

Экспликацией такого подхода может служить описание стадий революции, представленное в работе Б. Коэна «Революция в науке». Принимая в общем виде куновское понятие революции как изменения в научных убеждениях, Коэн первую стадию определяет как своего рода «революцию в себе» [15. Р. 28]. Ученый или группа ученых находят радикально новое решение проблемы, обнаруживают новый способ использования информации, устанавливают новые концептуальные рамки для существующего знания, задающие его иную интерпретацию. Научная деятельность представлена на этой стадии как совершенный творческий акт, почти независимый от внешних коммуникаций. Хотя такая фундаментальная трансформация существующей матрицы науки связана с нормами своего времени и пытается им соответствовать, возникающая новизна присутствует в «поле науки» пока как частный, субъективный опыт. Последующие три стадии научной революции, определяемые Коэном, можно раскрыть в общем виде как реализацию технологий дистрибутивности или объективации знания: запись и публикация, распространение новых идей в сообществе, их обсуждение, в том числе критическое, и, наконец, признание и практическое применение [15. Р. 29–31]. Критерии, связанные с признанием новизны учеными того времени, авторами последующих учебников по соответствующей области знания, авторитетными историками и нынешними учеными, позволяют и из современности определить тот или иной научный жест как революционный. Акцент на новизне, служащий основанием Коэну считать «революционером» Кеплера, но не, например, Коперника, следующего во многом античным образцам мышления о космосе, существен и для нас. Новизна характеризует возникающее знание как противостоящее в том или ином смысле тому, что существовало ранее. Не в последнюю очередь в силу этого противопоставления новизна и требует собственной легитимации, обеспечивающейся распространением, борьбой за признание научных идей и их применением.

С другой стороны, существует традиция, предлагающая рассматривать в качестве первой стадии революции «Наука Ренессанс». По мнению П. Деара, придерживающегося подобной позиции, начало такому рассмотрению положила работа М.Б. Холла «Наука Ренессанса. 1450–1630» [16. С. 25]. Сам Деар в своем исследовании «Событие революции в науке. Европейское знание и его притязание (1500–1700)» описывает значимые примеры того, что научная новизна, признаваемая впоследствии, зарождалась в умах тех мыслителей, которые не воспринимали ее в качестве таковой. Напротив, Коперник пишет свой труд «в подражание Птолемею», А. Везалий стремится «восстановить» теоретические положения медицины Галена и усовершенствовать их благодаря современным возможностям исследования анатомии человека, Ф. Виет называет свой основной математический трактат «Аполлоний Галльский», «знаменуя для читателей подражание опытам греческого математика и астронома III в. до н.э. Аполлония Пергского» [Там же. С. 69, 75, 76]. Все эти авторы, стоящие у истоков новой науки, видели в качестве своей задачи не разрыв, но реконструкцию и возрождение идей и практик античных ученых. Одно из возможных объяснений такого положения дел, предлагаемое П. Де-

аром, – дух эпохи, требующий верности традиции, а также того, чтобы новации носили «уточняющий характер, чуждый какого бы то ни было радикализма» [16. С. 69]¹. Однако «уже в начале XVII в. ученые все чаще заявляют о том, что к прошлому нет возврата», – отмечает Деар [16. С. 89]. Так, на размежевании с прошлым и испытании собственного, нового пути настаивают и Р. Декарт, и Ф. Бэкон².

Еще один яркий пример такого же подхода к определению стадий научной революции представлен в работе Дж. Шустера, посвященной Р. Декарту и его эпохе [19. Р. 77–88]. Первая стадия – научный Ренессанс (1500–1600) – характеризуется вниманием к античной традиции научных исследований, математики и натуральной философии, органично вписывающимся в распространенные ренессансные практики переводов, комментариев и издания античных трудов. Тогда же происходит возрождение Платона и в связи с этим переоценка значения математики для остальных исследований, а также смещение фокуса от науки как созерцательной деятельности к практикам, подчиненным идее пользы и прогресса [Ibid. Р. 78]. Вторая стадия – «Критический период или Гражданская война в натуральной философии» (1590–1600) – стадия дискуссий между «древними и новыми», а также между различными видами новизны. Интеллектуальная война в этот период идет между тенденцией сохраняющегося признания аристотелизма в университетской среде и открытого сомнения, даже критики его вне этой образовательной институции; между различными версиями зарождающегося механицизма, между основными положениями новой науки – экспериментальной и наблюдательной или в первую очередь математизированной и т.п. Это тот необходимый период споров и взаимной критики, когда одновременно формируется то, что можно будет назвать и научным сообществом или новой научной традицией, и объективной истиной теории, принятой этим сообществом³. Содержание последнего периода (1660–1720) включает окончание споров, установление относительного консенсуса, формирование института новой науки и начало ее активной дифференциации, обособление натуральной философии, которая все больше становится подобна науке современной, распространение и признание бэконовской идеи эксперимента и наблюдения как основы исследовательских практик [Ibid. Р. 85–86].

¹ Об этом пишет также отечественная исследовательница периода зарождения новоевропейской науки И.И. Лисович, акцентируя внимание на энтузиазме гуманистов начала Нового времени, направленном на восстановление утраченного, прояснение искаженного в наследии древних, в том числе в текстах античных ученых. Лисович подчеркивает, что их «научная революция началась с точного перевода на латинский язык и комментирования» античных авторов [17. С. 26].

² Хотя моменты уважительного отношения к древним как в научной методологии, так и в предметных исследованиях можно обнаружить и у поздних деятелей революции, например у Ньютона [18].

³ См. об этом яркое высказывание К. Поппера. «Научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества. По этой причине она зависит отчасти от ряда социальных и политических обстоятельств, делающих такую критику возможной. <...> Объективность можно объяснить только в терминах таких социальных идей, как конкуренция (отдельных ученых и научных школ), традиция (в основном – критическая традиция), социальные институты (например, публикации в различных конкурирующих журналах или у различных конкурирующих издателей; обсуждение на конференциях), государственная власть (то есть ее политическая терпимость к свободному обсуждению)». [20. С. 305–306].

От историографической дескрипции к эпистемологической рефлексии

Итак, двойственный смысл научной революции заключается в том, что ее начало в контексте определения структуры может быть истолковано и как разрыв с прошлым, и как его реконструкция, воспроизведение. Можно связать указанную двойственность с различием предмета и задач историографии. Так об этом пишет, в частности, Ф. Коэн в своем анализе современных работ по данной теме, разделяя их в зависимости от того, на какой вопрос они отвечают: с одной стороны, «что», а с другой – «как» и «откуда» научной революции. В первом случае – в исследовании сущности события – раскрываются характеристики нового знания и, соответственно, акцент делается на разрыве со знанием устаревшим. Во втором – при выяснении причин или оснований возникновения новизны – неизбежно в фокус внимания попадают те контексты предшествующей традиции, из которых собирается, синтезируется новая научность [9. Р. 14]¹.

Нельзя не заметить также, что указанная двусмысленность отвечает самому термину «революция», который до XIV в. использовался исключительно для описания закономерных воспроизводящихся явлений – череда приливов и отливов, обращение небесных сфер, странствия души [22. С. 38]. Не только и не столько природность кругообращения, но настоятельность, неизбежность, а если и случайность, то божественная, звучат в этом слове и отмечаются исследователями концепта революции в политическом смысле. Смысл катастрофического события, предполагающего разрушение старого и возникновение нового, постепенно закрепляется этим словом к XVIII в., когда оно начинает использоваться и для определения «научных революционеров». Четыре века медленных трансформаций понадобилось для того, чтобы неслучайная двойственность концепта революции, включающего как повторение (возвратное движение), так и разрыв с прошлым (радикальную трансформацию), сначала сделалась явной, а потом смысл возвратности был надолго вытеснен из исторической очевидности².

Характерно, Х. Аренд, возрождая указанную двойственность в XX в., описывая восприятие социально-политических революций их участниками на различных стадиях, подчеркивает те же черты, которые обнаруживают и историографы революционного научного события. Французская и Американская революции «в своей начальной фазе осуществлялись людьми, которые были твердо убеждены, что своими действиями они не создают ничего принципиально иного, а лишь восстанавливают старый порядок вещей, нарушенный и погрязший деспотизмом абсолютной монархии или злоупотреблениями колониальных властей. Они искренне верили – и это служило для них оправданием их действий, – что желают возвратиться назад к временам, когда все было так, как должно быть [24. С. 53–54]. «До той поры, когда действующие лица стали

¹ Именно в выяснении истоков формирования нового в контексте традиции прошлого, а не в анализе неполноты или противоречивости старого знания видят свою задачу прояснения начала научной революции Дж. Шустер и Г. Вэтчерс, противопоставляя ее той, которая мотивировала исследование Т. Куна и Г. Башляра [21].

² Об этой неслучайной двойственности термина «революция», истоки которого следует искать еще в античном словоупотреблении, в частности в соответствующих темпоральных характеристиках, см. статью К. Капельчук [23].

участниками событий, обернувшихся впоследствии революциями, никто из них ни в малейшей мере не подозревал, каким будет сюжет этой новой драмы. Однако по мере того, как революция набирала обороты и еще задолго до того, как всем стало ясно, закончится она победой или поражением, новизна этого мероприятия и его сокровеннейший смысл становились все более понятными как самим актерам, так и зрителям» [24. С. 30–31].

В контексте обозначенной в начале статьи цели – обоснования тезиса о ведущей роли истории для философии науки – конструктивно предложить еще одно объединение этих различающихся фокусов историографии при определении структуры научной революции. Они могут быть рассмотрены в качестве дополняющих друг друга ответов на вопрос об условиях инновационной научной деятельности, точнее, в качестве провокации, ставящей современную философию науки перед возможностью новой сборки такого ответа. Ведь инновация адекватно трактуется как одна из содержательных характеристик революции, а возникновение новизны оказывается в центре структурного сдвига при определении ее стадий.

В первом случае – настаивания на значении разрыва и на раскрытии начальной стадии через появление новой идеи, практики, концептов, метода – акцент делается на необходимости последующей дистрибутивности и легитимации нового знания как условиях его практического применения и теоретического развития. В контексте философии науки и науковедения успешность указанных процессов можно связать со становлением зрелого научного сообщества, что выражается в разработанности форм внутренней и внешней коммуникации¹. Первая соотносится с позитивным отношением к публикационной активности и признанием не только на словах, но и на деле необходимости критических дискуссий. Вторая требует, с одной стороны, участия ученых в репрезентации результатов научных исследований вовне, в практиках научной популяризации и диалоге с управляющими наукой структурами. С другой стороны, необходимым условием успешности внешней коммуникации следует признать адекватное внимание научного менеджмента, ответственного во многом за обеспечение исследований, к проблемам распространения, признания и применения научного знания². Поспешность признания или консервативная предвзятость к новизне – две опасные крайности, свойственные как научному сообществу, так и отчасти всем аутсайдерам, заинтересованным в результатах научной деятельности. Движение от них столь же необходимо, сколь и проблематично, как и во многих других ситуациях поиска добродетельной середины. Итак, в таком истолковании структуры научной революции «урок инновационности» состоит в том, что любая новация будет таковой, если непосредственно ее производящие субъекты, а также иные акторы «поля науки» будут способны на формирование и поддержку воспринимающей и развивающей эту новацию традиции.

Во втором случае – подчеркивании воспроизводства, возрождения, возвращения как характеристик первого этапа научной революции – «урок инновационности» выглядит на первый взгляд парадоксально. Для того чтобы

¹ О процессах распределения знания в современной науке, в том числе в связи с производством инноваций, см. [25].

² О проблемах взаимодействия научного сообщества и администрации относительно публикационной активности и распространения научного знания см. [26].

возникло значимое новое, в том числе впоследствии отменяющее старое знание, необходимо обращение к прошлому, укоренение в традиции. Необходимо осуществление того, что Э. Гуссерль называет «встречным вопросом» к традиции, имеющим целью ее реактивацию [27]. Возвратное движение к истоку научных идей и концептов имеет два смысла. Первый – обращение к существу дела с целью уточнить его и раскрыть более полным и совершенным образом, используя те подходы, которые в настоящее время стали возможными¹. Второй смысл возвратного движения – очевидный в контексте феноменологической установки Гуссерля – критика объективизма знания и необходимость возобновления жеста его ответственного авторства. Новоевропейское знание возникает как укореняемое в прошлом, но звучащее из настоящего, как обращающееся к единству традиции, но стремящееся определиться по отношению к ней. «Чтобы мы не называли модернизацией, это должно обязательно включать возрастающую дифференциацию и автономию частей однажды унифицированной культуры», – пишет историк науки Л. Дастон, ставя под вопрос использование термина Научной Революции, однако признавая значимость события или событий, традиционно им обозначаемых [28]. Появление самой идеи автономии как возможности ответственным возобновляющимся образом конкретному ученому или научному сообществу репрезентировать всеобщее – знание о мире, можно понять как существенную черту научной революции. Итак, осмысление целого традиции и определение собственного места в ней может быть рассмотрено также как одно из условий инновационной деятельности.

Заключение

Двойственность научной революции, обнаруженная в историографическом анализе ее структуры, может быть представлена как проблематичное соединение автономного авторского жеста и традиции. Революционное возобновление прошлого оказывается не простым его повторением, но условием идентификации субъекта, ученого или научного сообщества, совершающего жест возрождения, конкретным образом определяющегося относительно существа дела. Революция как разрыв осуществляется этим же субъектом, но уже способным и на негативное отношение к предшествующей традиции. Последующая легитимация новизны может быть истолкована как работа над созданием новой, собственной традиции, без которой немыслима научная деятельность. Таким образом, двусмысленность образа революции преобразуется в полноту ее понимания, и это преобразование оказывается возможным ответом философии науки на конструктивную провокацию, созданную современной историографией.

Литература

1. *Riesch H.* Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary relations and complex social identities // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2014. Vol. 48. P. 30–37.
2. *Kinzel K.* Narrative and evidence. How can the case studies from the history of science support claims in the philosophy of science? // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2015. Vol. 49. P. 48–57.

¹ Здесь можно вспомнить А. Везалия и возможность анатомических исследований трупов людей, получившую легитимацию в эпоху Возрождения.

3. Arabatzis T., Howard D. Introduction: Integrated history and philosophy of science in practice // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2015. Vol. 50. P. 1–3.
4. Cohen I.B. The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1976. Vol. 37, № 2. P. 257–288.
5. Henry J. The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002. 176 p.
6. Duhem P.M.M. La Théorie Physique : Son Objet, sa Structure. Paris : Vrin, 2007. 480 p.
7. Lindberg D.C. The Beginnings of Western Science: The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, Prehistory to A.D. 1450. Chicago : The University of Chicago Press, 2007. 488 p.
8. Shapin S. The Scientific Revolution. Chicago & London : The University of Chicago Press, 1996. 218 p.
9. Cohen H.F. The Scientific Revolution: A Historiographical Inquiry. Chicago, IL and London : University of Chicago Press, 1994. 680 p.
10. Коїре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной / пер. К. Голубович, О. Зайцевой, В. Стрелкова. М. : Логос. 2001. 288 с.
11. Butterfield H. The Origins of Modern Science 1300–1800. New York : The Free Press, 1965. 256 p.
12. Wootton D. The Invention of Science : A New History of the Scientific Revolution. London : Penguin Books, Allen Lane, 2015. 769 p.
13. Nnaji J., Lujan J.L. The Content of Science Debate in the Historiography of the Scientific Revolution // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2016. Vol. 30, iss. 2. P. 99–109.
14. Cunningham A., Williams P. De-centring the ‘Big Picture’: The Origins of Modern Science and The Modern Origins of Science // *The British Journal for the History of Science*. 1993. Vol. 26, № 4. P. 407–432
15. Cohen I.B. Revolution in Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 732 p.
16. Деар П. Событие революции в науке : Европейское знание и его притязания (1500–1700) // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. А. Маркова. М., 2015. С. 11–314.
17. Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения. М. : ВШЭ, 2015. 440 с.
18. Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон : Силуэт на фоне эпохи. СПб. : Алтейя, 1999. 783 с.
19. Schuster J. Descartes-Agonistes : Physico-mathematics, Method & Corpuscular-Mechanism 1618–1633. Springer, 2013. 632 p.
20. Поннер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / под ред. В.Н. Садовского. М., 2000. С. 289–313.
21. Schuster J.A., Watchirs G. Natural philosophy, experiment and discourse: Beyond the Kuhn/Bachelard problematic // *Experimental inquiries: historical, philosophical and social studies of experimentation in science* / ed. H.E. Le Grande. Dordrecht : Kluwer. P. 1–47.
22. Магун А. Отрицательная революция : К деконструкции политического субъекта. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. 416 p.
23. Kapelchuk K. Repetition and Chance: the Two Effects of Revolution // *Rivista di Estetica*. 2018. № 67. P. 69–79.
24. Аренд Х. О революции / пер. И. Косич. М. : Европа, 2011. 464 с.
25. Пирожкова С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знания в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 67–82.
26. Шиповалова Л.В., Душина С.А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 2. С. 165–176.
27. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / пер. М. Маяцкого. М. : Ad Marginem, 1996. 272 с.
28. Daston L. The several context of scientific revolution // *Minerva*. 1994. Vol. 32, iss. 1. P. 108–114.

Lada V. Shipovalova, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: ladaship@gmail.com, l.shipovalova@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 47–57.

DOI: 10.17223/1998863X/45/5

THE SCIENTIFIC REVOLUTION: A BREAK WITH THE PAST OR ITS RENEWAL? ON THE AMBIGUOUS ANSWER OF CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Keywords: history and philosophy of science; innovation; revolution.

The article discusses one example of contemporary historiographic discourse: the concept of the Scientific Revolution as an event associated with the formation of the foundations of science in the writings of scholars and philosophers of the 16th–18th centuries. The first part of the article demonstrates that one of the significant controversies of contemporary historiography is expressed in the ambiguous representation of the structure of the Scientific Revolution. The beginning of the revolution is interpreted as a break with the past, on the one hand, and as its renewal, on the other. The author briefly describes the stages of the revolution presented in these two interpretations. The second part discusses some conditions of the complementarity of these two interpretations of the structure of the Scientific Revolution. On the basis of this complementarity, the author reveals a kind of an “innovation lesson” that contemporary historiography gives to the philosophical research of science. The author of the article pursues two intentions. The first methodological intention refers to actual discussions on the interaction of history and the philosophy of science, and tries to confirm the hypothesis that history is important because it not only fills certain theses with content for philosophical studies of science, but also participates in joint work on a possible response to the challenges of modernity. The author recognizes the question of the emergence of innovations in science as one of such serious challenges. The second meaningful intention appeals to the ambiguity of the image of the Scientific Revolution created by the contemporary historiography of science from the end of the 20th to the beginning of the 21st century. This image problematizes the answer of the philosophy of science to the questions connected with the emergence of the new European science, with the formation of new knowledge. The analysis of this image allows formulating a set of conditions for the emergence of innovations in science.

References

1. Riesch, H. (2014) Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary relations and complex social identities. *Studies in History and Philosophy of Science*. 48. pp. 30–37. DOI: 10.1016/j.shpsa.2014.09.013
2. Kinzel, K. (2015) Narrative and evidence. How can the case studies from the history of science support claims in the philosophy of science? *Studies in History and Philosophy of Science*. 49. pp. 48–57. DOI: 10.1016/j.shpsa.2014.12.001
3. Arabatzis, T. & Howard, D. (2015) Introduction: Integrated history and philosophy of science in practice. *Studies in History and Philosophy of Science*. 50. pp. 1–3. DOI: 10.1016/j.shpsa.2014.10.002
4. Cohen, I.B. (1976) The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution. *Journal of the History of Ideas*. 37(2). pp. 257–288. DOI: 10.2307/2708824
5. Henry, J. (2002) *The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
6. Duhem, P.M.M. (2007) *La Théorie Physique: Son Objet, sa Structure* [The Physical Theory: Its Object, Its Structure]. Paris: Vrin.
7. Lindberg, D.C. (2007) *The Beginnings of Western Science: The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, Prehistory to A.D. 1450*. Chicago: The University of Chicago Press.
8. Shapin, S. (1996) *The Scientific Revolution*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
9. Cohen, H.F. (1994) *The Scientific Revolution: A Historiographical Inquiry*. Chicago, IL and London: University of Chicago Press.
10. Koyre, A. (2001) *Ot zamknutogo mira k beskonechnoy vselennoy* [From the Closed World to the Infinite Universe]. Translated from French by K. Golubovich, O. Zaytseva, V. Strelkov. Moscow: Logos.
11. Butterfield, H. (1965) *The Origins of Modern Science 1300–1800*. New York: The Free Press.
12. Wootton, D. (2015) *The Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution*. London: Penguin Books, Allen Lane.
13. Nnaji, J. & Lujan, J.L. (2016) The Content of Science Debate in the Historiography of the Scientific Revolution. *International Studies in the Philosophy of Science*. 30(2). pp. 99–109. DOI: 10.1080/02698595.2016.1265864

14. Cunningham, A. & Williams, P. (1993) De-centring the 'Big Picture': The Origins of Modern Science and The Modern Origins of Science. *The British Journal for the History of Science*. 26(4). pp. 407–32. DOI: 10.1017/S0007087400031447
15. Cohen, I.B. (1987) *Revolution in Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
16. Dear, P.R. (2015) Sobytiye revolyutsii v nauke. Yevropeyskoye znaniye i yego prityazaniya (1500–1700) [Revolutionizing the Sciences: European Knowledge and Its Ambitions]. In: Dear, P. & Shapin, S. (2015) *Nauchnaya revolyutsiya kak sobytiye* [The Scientific Revolution]. Translated from English by A. Markov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. pp. 11–314.
17. Lisovich, I.I. (2015) *Skal'pel' razuma i kryl'ya voobrazheniya* [The Scalpel of Reason and the Wings of Imagination]. Moscow: HSE.
18. Dmitriyev, I.S. (1999) *Neizvestnyy N'yuton. Siluet na fone epokhi* [Unknown Newton. Silhouette on the Background of the Era]. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Schuster, J. (2013) *Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Corpuscular-Mechanism 1618–1633*. Springer.
20. Popper, K. (2000) Logika sotsial'nykh nauk [The Logic of Social Sciences]. In: Sadovskiy, V.N. (ed.) *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and His Critics]. Moscow: Editorial URSS. pp. 289–313.
21. Schuster, J.A. & Watchirs, G. (1990) *Natural philosophy, experiment and discourse: Beyond the Kuhn/Bachelard problematic. Experimental inquiries: historical, philosophical and social studies of experimentation in science*. Dordrecht: Kluwer. pp. 1–47.
22. Magun, A. (2008) *Otritsatel'naya revolyutsiya. K dekonstruktsii politicheskogo sub'yekta* [Negative Revolution. To the Deconstruction of a Political Subject]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
23. Kapelchuk, K. (2018) Repetition and Chance: the Two Effects of Revolution. *Rivista di Estetica*. 67. pp. 69–79.
24. Arendt, H. (2011) *O revolyutsii* [On the Revolution]. Translated by I. Kosich. Moscow: Yevropa.
25. Pirozhkova, S.V. (2018) The principle of participation and contemporary mechanisms of producing knowledge in science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 67–82. (In Russian).
26. Shipovalova, L.V. & Dushina, S.A. (2018) Epistemological consideration of the status of scientific publication. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 34(2). pp. 165–176. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.203
27. Husserl, E. (1996) *Nachalo geometrii Vvedeniye Zhaka Derrida* [Origin of Geometry. An Introduction (Jacques Derrida)]. Translated from German and French by M. Mayatskiy. Moscow: Ad Marginem.
28. Daston, L. (1994) The several context of scientific revolution. *Minerva*. 32(1). pp. 108–114.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 101(8)
DOI: 10.17223/1998863X/45/6

О.В. Боровкова

БЕССОБЫТИЙНАЯ ИСТОРИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТОВ

Рассматриваются проблемы, связанные с трансформациями, произошедшими в понимании соотношения исторического события и бессобытийной истории в постмодернизме. В рамках модернизма последняя выступала как чередование в рамках нормы, традиции, полагавшаяся противоположностью «событийной» истории. В постмодернизме она принимает совершенно иной вид. В качестве бессобытийной истории выступают симулякры, которые могут выглядеть как события, обладать их свойствами, но ими не являться.

Ключевые слова: событие, историческое событие, симулякр, бессобытийная история, постмодернизм.

Среди проблем исторического познания и исторической науки наиболее важными представляются проблемы исторического события и бессобытийной истории. Дискуссионные и не до конца разрешенные в эпоху модернизма, они получают совершенно новое звучание в постмодернизме.

Еще в рамках модернизма появилось некоторое недоверие к категории «историческое событие», основывающееся отчасти как на «отрыве» события от реальности, так и на том, что исторический процесс не составлен только из событий: они преимущественно обозначают изменения и выступают как вехи измерения. Поэтому в нем должно быть нечто, не являющееся событием. Если признать, что событие – это нечто, обозначающее изменение, нечто новое, то сразу возникает вопрос: что изменяется и по отношению к чему определяется новизна? Так в зоне внимания исследователей оказалась «бессобытийная история», получившая свое выражение в чередовании в рамках нормы, в традиции и др. (подробнее см.: [1]).

Эта проблема принимает совершенно иной вид в постмодернизме. Здесь «бессобытийность» истории не полагается фоном для событий. Более того, как сказал современный французский философ А. Бадью, «не все то, что меняется, есть событие». Как событие, полагает он, может выглядеть симулякр, который, обладая свойствами события (в том числе и исторического), все-таки им не является, так как не несет в себе «обещания истины», свойственного событию [2. С. 272]. Ж. Батай, в свою очередь, в работе «Внутренний опыт» отметил актуальность проблемы симулякров, заявив, что «властью симулякров определяется современность», симулякрами захвачены современное искусство (например, поп-арт), социальная жизнь, история и др. [3. С. 346].

Как содержание, так и сущность этого понятия довольно сложны в силу неоднородности социально-гуманитарного знания и долгой эволюции понятия, связанной с изменением представлений о природе реальности, ее значении для познания, ее достижимости и др., что предопределило различия в его толкованиях.

Считается, что термин «симулякр» ввел в оборот Платон. Им он обозначал «копию копии», т.е. образ вещи, которая, в свою очередь, является копией истинного бытия – мира идей. При этом симулякр не является сущностным подобием подлинника. Близкое платоновскому значение этого термина встречается у софистов, которые в своих произведениях говорили о призрачном подобии предметов – «фантастических» образах [4].

Одним из этапов развития содержания понятия можно назвать представление Аристотеля. Он выделил два способа мышления формы в образах. Первый способ – ощущение – предполагает наличие предметов, а второй – ум – нет [5. С. 395]. Предметом и содержанием ума являются только формы. Ум независим от реальных вещей, первичен по отношению к ним и «творит» вещи, мысля их. Такое понимание деятельности ума достаточно близко современному пониманию симулякров.

Демокрит, а затем и Эпикур создают теорию «истечений» внешней формы, что также подобно симулякрам Платона. Стоики различали представления и «призраки» – «то, что кажется нашим мыслям, как это бывает во сне» [6. С. 262].

В Средние века проблема симулякров получила свое воплощение в вопросе статуса человека по отношению к Богу. Человек, созданный как образ и подобие божие, после грехопадения утратил подобие, оставшись лишь образом – симуляцией.

Обобщив представления о симулякрах, Ж. Бодрийяр, как известно, вначале выделил три стадии развития содержания симулякров: первая – когда симулякр понимается как подделка, подражание действительности, маскирующая и извращающая реальность. Вторая стадия – когда маскируется отсутствие реальности. Третья (современность) – когда симулякры не имеют связи с внешней по отношению к ним реальностью, а соотносятся только со своей собственной реальностью. Поэтому Бодрийяр утверждает, что реальность утрачена, социальная система выступает как симуляция и единственной реальностью, является виртуальный мир, населенный симулякрами [7. С. 115].

Впоследствии, в своем произведении «Прозрачность зла», он добавил и четвертую стадию развития содержания симулякров, превращения знаков в симулякры. На этой стадии, которую Бодрийяр называет «фрактальной», «вирусной» или «стадией диффузии ценностей», симулякры не соответствуют ничему, даже собственной реальности, как это предполагалось на третьей стадии. «Добро, – пишет философ, – не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [8]. Делез по этому поводу сказал, что симулякр содержит в себе несоответствие и несходство и создает не подобие, а лишь «эффект подобия». В свое время Платон, рассуждая в диалоге «Софист» о подобии как о сходстве образа, приводит пример того, как может проявиться этот эффект. Он вкладывает

в уста Чужеземца следующие слова: «Да ведь и волк походит на собаку, самое дикое существо – на самое кроткое» [4].

Симулякры не предполагают иерархии, все точки зрения равны, так как стирается различие между реальным и воображаемым. Им не свойственно никакое упорядочение – мир симулякров, по Делезу, – это разрушение «моделей и копий ради воцарения созидającego хаоса» [9. С. 346], это мир «торжествующей анархии» [Там же. С. 342]. Симулякр отрицает как оригинал, так и копию и не создает никакого нового основания, а напротив, разрушает всякое основание.

Симулякры содержат в себе угол зрения наблюдателя, и это приводит к тому, что «в точке наблюдения» могут происходить деформации и искажения, вызванные изменением его точки зрения. Это влечет за собой и деформацию симулякра [10. С. 49].

Проблема «наблюдателя» получила свое выражение и в рассуждениях французского философа Ж. Батая. Симулякр, полагает он, – это невыразимый, мистический «внутренний» опыт, воплощенный в произведениях искусства, слове и т.д., это выражение состояния души человека – страхи, тревоги, надежды, способы видения [3. С. 17].

Зачастую событие-симулякр может выглядеть как ложь или притворство, предпринимаемые для реализации каких-то своих целей. Но это не совсем так. Человек, например, хочет убедить других в том, что что-то имеет место, какие-то действия приводят к изменениям и др. Но он убеждает в этом не только других, но и себя, верит в существование несуществующего. Ж. Бодрийяр приводит слова известного французского энциклопедиста Э. Литтре: «Тот, кто прикидывается больным, может просто лечь в кровать и убеждать, что он болен. Тот, кто симулирует болезнь, вызывает у себя ее некоторые симптомы» [11. С. 17]. Отличием симуляции от притворства и лжи является то, что в последнем случае возникает противоположность реальности, сама реальность остается нетронутой и выявить разницу вполне возможно, она в результате очевидна. Но в случае симуляции все неоднозначно, – граница между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым» неопределенна. С одной стороны, нельзя считать здоровым того, у кого в наличии симптомы болезни, с другой стороны, весь «набор» симптомов может не совпадать с проявлением истинного заболевания. Истинность болезни невозможно установить. «Ведь если можно «вызвать» любой симптом и его нельзя трактовать как естественный факт, – пишет Бодрийяр, – то тогда любую болезнь можно рассматривать как такую, которую можно симулировать и которую симулируют, и медицина теряет свой смысл, поскольку знает только, как лечить «настоящие» болезни, исходя из их объективных причин» [11. С. 17]. Другими словами, симуляция не противопоставляется реальности, она стремится стать ею, чтобы, как пишет Бодрийяр, «спасти принцип реальности» [11. С. 17]. Симулякр – это действие ради действия, «обожествление принципа своего функционирования» [7. С. 9]. Не так важно, что происходит где-то и когда-то, – важны лишь внешние атрибуты (наличие различных формальных признаков, например документация, действия, не отражающие смысл реальности и др.). Они показывают то, чего нет, – истину, скрывающую, что ее нет, как сказал Ж. Бодрийяр [11. С. 17]. Не важно также, что происходи-

ло в прошлом. На самом деле имеет значение только то, что соответствует образу события, сложившемуся в соответствии с установками настоящего.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что смысл понятия «симулякр» раскрывают следующие характеристики:

1. Симулякр не имитирует и не искажает оригинал, а отвергает, разрушает его, при этом производя подобие. Подобие выражается лишь во внешнем эффекте, так как в симулякре отсутствует сущностное сходство с предметом. Таким образом симулякр создает эффект реальности (Барт, Делез, Анкерсмит) или «гиперреальность» (Бодрийяр). Он выступает как пустая форма, которая может быть «натянута» на любое содержание, наполнена любым смыслом. Поэтому симулякрам свойственно отсутствие соответствия реальности.

2. Симулякры, разрушая образцы, порождают множество копий, в результате чего бывает невозможно понять, где копия, а где оригинал. Это невозможно еще и потому, что не существует критериев, которые позволили бы разделить их, построить иерархию.

3. В отличие от притворства, лжи, при которых возникает противоположность реальности, симуляция не предполагает противопоставления даже со своей собственной реальностью, границы между ними (симуляцией и реальностью) неопределимы.

4. В симулякре неизбежно присутствует наблюдатель со своим внутренним опытом и своей «точкой наблюдения». Можно сказать, что симулякр наполнен лишь смыслом, внесенным субъектом, который получает лишь свой собственный возвращенный, опыт, взгляд. Это свойственно даже «ранним» симулякрам или, вернее, их прообразам, зародившимся в теориях античных философов.

Данные свойства симулякра позволяют предположить, что симулякрами наполнена и наука. Прежде всего, как утверждают некоторые исследователи, бурное развитие наук сопровождается появлением наук-симулякров. Они могут изменять свой статус в зависимости от потребностей настоящего, то становясь лженауками, то внедряясь в ряд «настоящих» наук, приобретая практически все атрибуты (или симптомы, по Бодрийяру) научности. Некоторые из них «пользуются государственной поддержкой, не только в виде грантов, но и финансированием специализированных институтов» [13. С. 92].

Граница между «настоящей» наукой и наукой-симулякром неопределенна. Как мы видим, последняя не противостоит реальности, а пытается ею стать, войти в круг наук, имеющих дело с реальностью, как в плане исследовательской работы, так и в плане институализации. Эти «науки» обладают всеми атрибутами: от степеней наук (докторов парапсихологии, например) до собственной терминологии. Эти термины являются пустыми формами, которые порождают другие пустые формы. Живущие сами по себе, теряющие первоначальный смысл, они в результате могут наполняться любым содержанием. Более того, любая из существующих наук не защищена от проникновения симулякров в силу особенностей научного исследования. Более всего это касается социально-гуманитарной сферы.

Ж. Бодрийяр в своем произведении «Симулякры и симуляции», в главе «Рамсес, или Воскрешение в розовом», на примере этнологии пишет о том, что при исследовании происходит одно из двух: либо теряется объект, либо

гибнет наука (этнология). Когда исследователь вступает во взаимодействие с неизвестной или малоизвестной культурой, то производит «возмущение» в среде, нарушает уникальность, нетронутость. При контакте с исследователями-антропологами, утверждает Бодрийяр, «туземцы сразу как бы „рассыпались“, словно мумии на свежем воздухе» [11. С. 19]. Такой эффект был зафиксирован и философами жизни, отвергающими рационализм и утверждающими, что с помощью разума можно познать лишь мертвое.

Другими словами, при исследовании неизбежен деформирующий контакт с объектом изучения: для того чтобы изучить что-то, необходимо привести его в состояние, которое даст возможность изучения. Например, ученый-естественник для изучения клетки под микроскопом должен извлечь ее из своей среды, препарировать, деформировать и др. и изучать уже не саму клетку, а ее внешние проявления. В сфере социально-гуманитарных наук, в частности в этнологии, исследователь должен войти в контакт с представителями какой-либо культуры, трансформируя установки своей культуры, тем самым внося возмущение в объект исследования, радикально изменяя его. Изучение объекта может осуществляться только так, и только в этом случае наука может существовать. «Для того чтобы этнология продолжала жить, – пишет философ, – необходимо, чтобы умер ее объект, который, умирая, мстит за то, что его „открыли“, и своей смертью бросает вызов науке, которая пытается овладеть им» [11. С. 19]. Сохранение объекта возможно только в его полной нетронутости, но в этом случае не сможет состояться научное исследование. Сохраняя объект и его реальность, наука терпит поражение.

Что касается историографии, то здесь дело обстоит еще сложнее. Во-первых, историческая наука входит в сферу социально-гуманитарных наук и предполагает сложность, присущую миру людей, выражающуюся в многообразии мнений и представлений.

Во-вторых, историческая наука часто используется в идеологических целях, а историческое событие, как конструкт, содержит в себе внутренний опыт историка. Являясь конструкцией историка, историческое событие, «вписывается» им в совокупность конструкций языка истории. Необходимо заметить, что история – это языковая реальность, и она не может существовать иначе, поэтому отсутствие рассказа о событиях прошлого означает их несуществование. «Наблюдатель, – пишет Ж. Делез, – сам оказывается составной частью симулякра, который меняется и деформируется вместе с изменением точки зрения наблюдателя [10. С. 49].

В-третьих, историческая наука выделяется среди других тем, что является, по словам А. Про, работой «над временем» [14. С. 43]. Время – структурный элемент объекта исторической науки, который не пересекается с объектами ни естественных, ни гуманитарных наук. Время – это стержень, на который «нанизываются» исторические события. Это на первый взгляд отдаляет объект от разрушающего взгляда исследователя, но на самом деле предполагает возможность возникновения целого ряда симулякров, выделенных Бодрийяром. Сама природа исторических событий, прочно связанных с временем, предполагает появление симулякров различных уровней. Историческая реальность недостижима для непосредственного контакта, и поэтому исследователь, описывая реальные исторические события, условно говоря, опирается на источники, которые уже «подают» реальность, реальные исто-

рические события (зафиксированные фрагменты, предположительно имевшие место) с какой-либо точки зрения, уже создают приборное возмущение, включают симуляцию. В представлении Бодрийяра, это копии копий.

Свою «лепту» вносит и сам исследователь. Он, интерпретируя источники с позиции реалий своего времени, восприятия этих реалий и др., может опираться даже не на реалии, а на идеологию настоящего, преследуя далекие от науки цели. Таким образом появляется симулякр, который используется другими исследователями – интерпретаторами второго и последующих уровней, которые, в свою очередь, вносят возмущение в образы событий первого интерпретатора и т.д.

В результате этого, по мнению Дерриды и Делеза, происходит «истирание» события временем, знак и означаемое оказываются разделенными временным интервалом. В ходе применения знака в языке теряется связь с «происхождением», т.е. с обозначаемым референтом. В итоге «знак» уже указывает не столько на явление (предмет), сколько на его отсутствие и превращается в «след», который становится пространственно-временной закреплённостью различения. След не является знаком, отсылающим к чему-то предшествующему, т.е. он не определяется по отношению к нему ничем внешним, а обуславливается только своим собственным становлением [15. С. 403]. По мнению Ж. Делеза, симулякр как образ, лишенный подобия, живущий различием, проявляет свою сущность в вечном изменении, обретая при этом особую жизненную силу (Цит. по: [16. С. 67]).

Перечисленные особенности исторической науки позволяют предположить, что, будучи весьма уязвимой, она не застрахована от симуляций и внедрения симулякров, от появления событий-симулякров. Одним из выходов из данной ситуации является поиск различий между историческим событием и событием-симулякром.

1. Первое различие заключается в том, что создание симулякра в отличие от исторического события не преследует цели нахождения истины. Цель любого симулякра – «приспособленность» к чему-либо. Это свойственно как вещи-симулякру, так и симулякру, занявшему место события. Вещь в данном аспекте (в понимании постмодернистов) не результат реального труда, а «приспособленность одной (формы вещи) к другой (к человеческим формам), в которой реальные трудовые процессы более не играют своей основополагающей роли», – пишут Е.М. Курмелева и Л.Ю. Мещерякова [12. С. 33]. Такая вещь, с их точки зрения, «сподручна», является продолжением человеческого тела.

То же самое можно сказать и об историческом событии. Если в традициях модернизма главным полагалось выявление его смысла, то в постмодернизме его собственный смысл не важен, а важна степень его приспособленности к настоящему. Историческое событие – симулякр выступает как объект спроса. Бодрийяр для объяснения ситуации вводит понятие «прецессия». Это означает, что симулякры предшествуют реальному событию, а модели предопределяют реальный факт. В истории настоящее предшествует прошлому: в настоящем могут «отменяться» события прошлого, изменяться оценки и др. События, таким образом, создаются в настоящем и трансформируются в прошлое. Результат опережает события, которые должны привести к нему. Исторические события, таким образом,

«подгоняются» под желаемый результат, который может быть воплощением господствующей идеологии.

Цели тех, кто имеет дело с таким историческим событием, могут быть разнообразны. Это и выражение собственного внутреннего опыта (иногда мистического), и удовлетворение потребностей властных структур, элит и других инстанций. В последнем случае требуется разобраться в потребностях «заказчика», в его ценностно-смысловом отношении к действительности, в «языке» и др.

Возможность таких конструкций, «перестановок» обусловлена и тем, как уже упоминалось, что прошлое (реальное) – это лишь фрагменты, с которыми, по словам А. Чернуса, мы играем. Он пишет: «Наши образы всех исторических событий построены из симулякров. У нас много образов прошлого, особенно в ностальгических фильмах, которые зачастую очень популярны. Эти образы развлекают нас, заставляют нас чувствовать себя хорошо в настоящем. Они могут воспроизводиться бесконечно (как мокасины Покахонтас или модели «Титаника»). Но наши образы прошлого мало сообщают нам об истинном значении прошедшего, так как они и есть форменное настоящее» [17].

2. Для события-симулякра, в силу его сконструированности, смысл заранее предопределен. В этом случае осуществляется не поиск смысла события, а события для реализации уже заданного смысла. Как замечает И.В. Ким, «все события уже заранее вписаны в трактовки средств массовой информации» [18]. Он проводит различие между историческим событием в модернизме, где оно получало свой статус, подтверждая закономерность истории, и в постмодернизме, где событие становится историческим и «находит свое место в социальном пространстве, лишь вписываясь в его семантическое поле» [18]. Т.В. Закирова, В.В. Кашин также отмечают, что «места событий уже предуготовлены во все расширяющемся идеологическом фантазме» [19. С. 33]. Поэтому, как пишет словенский культуролог С. Жижек, критикуя бездуховность капиталистического мира, социальная жизнь приобрела черты инсценировки, спектакля: «...окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой «реальной жизни», в превращении ее в призрачное шоу» [20. С. 22] Таким образом, смысл события-симулякра вполне ожидаем, так как он программируется и предопределен смысловыми парадигмами и идеологиями.

Неравнодушие к истории, возможность использования ее событий для политических и других манипуляций оборачиваются для нее самой тем, что создается поле образов исторических событий каждый из которых может быть привлекательным для того или иного субъекта познания в результате совпадения с его чаяниями, представлениями и др. И также любой из них может быть отвергнут кем-то. Образы прошлого, образы всех исторических событий, по мнению современного американского исследователя А. Чернуса, выражают лишь потребности и проблемы современного общества. Они не основаны на реальности, построены из симулякров и «не могут сказать нам ничего о том, как в настоящее время действительно относиться к реальности прошлого и будущего. Вместо этого они фактически отрезали нас от реального прошлого и будущего, потому что они дают нам такие удобные заменители» [17].

Ж. Бодрийяр, раскрывая смысл понятия, пишет, что «симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [11]. Перефразируя Бодрийяра, можно сказать, что историческое событие-симулякр – это то, что могло произойти, но на самом деле не произошло или его свершение неважно. Другими словами, это то, что не имеет под собой реального основания или это основание не имеет значения. Симуляция – это процесс, когда создается ситуация, в принципе имеющая место, но не в данном случае или не во всех случаях. Подобные события могли происходить или они «должны» происходить. Отсюда возможность их конструирования. «Все, что пропускается через информацию, становится предметом нескончаемой спекуляции». В своей работе «Войны в заливе не было» Ж. Бодрийяр пишет: «Война, превратившись в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной» [21. С. 33].

3. Ж. Бодрийяр считает, что функционирование средств массовой информации приводит к тому, что все события получают одинаковый статус. Это влечет за собой затруднения в разделении реальных событий и фантазий. С одной стороны, реальные события не интересуют и не впечатляют, так как фантазии интереснее. С другой стороны, действительные события, катастрофы воспринимаются как фантазии. Есть еще одна сторона, на которую указывает Бодрийяр: «Мы пребываем уже не в логике перехода возможного в действительное, но в гиперреалистической логике запугивания себя самого возможностью реального» [21. С. 33].

А. Чернус отметил, что, внедряясь в историю, симулякры нивелируют различие между событиями прошлого и настоящего, лишают его значения. «Никсон, Вэл Килмер, Джим Моррисон, парк Юрского периода – все это воспринимается как произошедшее в доисторическую эпоху» [17]. Образы будущего, по его мнению, еще более нереальны из-за того, что между прошлым и будущим утрачена реальная связь [17].

Утрата предопределена тем, что симулякры заняли место событий прошлого и возможного будущего, так как они призваны лишь удовлетворять потребности и решать проблемы современного общества. Природа прошлого и будущего, с одной стороны, и настоящего – с другой, полагается совершенно иной. Прошлое предстает как плоскость, на которой расположены события совершенно различных эпох, и совершенно неважна их последовательность во времени, а настоящее опирается на время, втягивая в него и события прошлого. Проблема усугубляется, как уже отмечалось, огромным влиянием средств массовой информации.

Кроме того, в данной ситуации трудно провести границу между событиями, происходящими в реальности, и теми, что являются результатом фантазии. Люди столько видят на экранах телевизоров, что то, что происходит в реальности, не впечатляет, не шокирует. «Для большинства из нас эти образы катастроф являются лишь фантазиями, – пишет А. Чернус, – они оказываются оторванными от повседневной жизни или какой-либо исторической реальности. Так что они легко превращаются в симулякры, лишённые смысла» [17].

Причиной однородности разноплановых событий, полагает И.В. Ким, является «разрастание семантического поля». В этой ситуации онтологическая ценность события нивелируется и он перемещается «в один ряд с тем,

что никогда не имело места. Становление симулякра снимает иерархичность событийности, смещает центр, а после и вовсе снимает его» [18].

4. В отличие от исторического события, обладающего качеством фиксированности в пространстве и времени, конкретности и особенности, выражающихся в наличии имени, в симулякре, как пишет Ж. Делез, «наличествует безумное становление, неограниченное становление... вечно иное становление, глубинное субверсивное становление, умеющее ускользнуть от равного, от предела, от Того же Самого или от Подобного: всегда и больше и меньше одновременно. Но никогда не столько же» [10. С. 50]. Содержание, положение события-симулякра может быть выражено в понятии «дифференциальность».

5. Событие-симулякр не затрагивает глубинные сущностные слои, а «происходит» на поверхности, создает иллюзию движения, изменений. Зачастую в отечественной историографии под идеологическим напором какой-либо период изображался как динамичный, наполненный событиями, предопределявшими движение вперед, но на деле в лучшем случае имел место застой, в худшем – движение назад, углубление противоречий и др. Возникает иллюзия движения реальности, на самом деле это лишь движение симулякров, когда есть симптомы, но нет события. Как полагает Бодрийяр, событием-симулякром скрывается отсутствие истины.

6. Логика исторического исследования предполагает, что чем больше информации «добывает» исследователь, тем яснее проступает смысл. То есть увеличение информации должно вскрывать все новые глубинные слои смысла. Но современный поток информации состоит из огромного количества копий и симулякров, которые беспрерывно множатся и уничтожают реальность. Поэтому возникает противоположная ситуация, выражающаяся в том, что рост количества информации приводит к уменьшению смысла. «В головокружительной бездне симулякров теряется любая подлинная модель», как пишет Делез [10. С. 49], а знания о мире представляются ненадежными и недостоверными.

7. Бодрийяр не раз отмечал, что средства массовой информации оказывают большое влияние на превращение событий в симулякры. В этом случае (относительно исторических событий) сталкиваются цели историка и журналиста. Цель историка – поиск истины, смысла, а цель журналиста – донесение информации до читателей и зрителей в наиболее привлекательном для них виде. Такой результат достигается в большей мере с помощью технических средств, способствующих эмоциональному восприятию. Как отмечает С.И. Сметанина, «документальная информация, пропущенная через технические эффекты, начинает восприниматься только эмоционально» [22. С. 42] и восприятие осуществляется через психику, а не через сознание.

8. Следующее отличие связано с отношениями субъекта и объекта. Исторические нарративы включают некоторые объекты и события, которые историк не может игнорировать, так как он, по Х. Уайту, должен учитывать те ограничения, которые накладываются существованием какого-либо события, явления или объекта (Цит. по: [23. С. 42]). Но сам рассказ возникает «в акте сугубо субъективного усилия», и мыслится он «как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения» [24]. «Симптомы» – события, объекты исторического исследования присутствуют, но исследователь-субъект со-

здает свою картину истории. Является ли это ложью? Представляется, что нет, так как сам субъект, повествуя, трансформирует свою истину.

Событие-симулякр не предполагает таких ограничений, так как, по Делезу, субъект или «наблюдатель» является составной частью симулякра, и изменения его установок, мнений, точек зрения являются главными причинами деформации и изменения симулякра.

Таким образом, трансформации, коснувшиеся представлений о бессобытийной истории, весьма значительны. Изменяется как смысл понятия, так и содержание. События-симулякры, порожденные ею, обладают внешним сходством с событием, но не предполагают поиска истины – они приспособляются к потребностям настоящего. В этом случае их смысл предопределен, задан заранее, а они сами происходят на поверхности и создают иллюзию изменений и движения.

Литература

1. Боровкова О.В. Проблемы определения исторического события // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 46–50.
2. Бадью А. Тайная катастрофа : Конец государственной истины // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М. ; СПб., 2002. С. 269–289.
3. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб. : Аxioma/МИФРИЛ, 1997. 336 с.
4. Платон. Софист // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 275–346.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М. : Мысль, 1986. Кн. 7. 571 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/56152> (дата обращения: 24.12.2017).
8. Делез Ж. Логика смысла. Москва ; Екатеринбург, 1998.
9. Делез Ж. Платон и симулякр // Новое лит. обозрение. 1993. № 5.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
11. Курмелева Е.М., Мецержакова Л.Ю. Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2006. № 2. С. 31–46.
12. Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3(23). С. 86–97.
13. Про А. Двенадцать уроков по истории. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.
14. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург, 2007. 608 с.
15. Елхова О.И. Онтологические аспекты виртуального времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 2 (8) : в 3 ч. Ч. 3. С. 65–68.
16. Chernus I. Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism [Электронный ресурс]. URL: <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns...> (дата обращения: 16.09.2018).
17. Ким И.В. Социальные симулякры и их исторические типы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008.
18. Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143).
19. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
20. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.
21. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб. : Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 383 с.
22. Evans R.J. The future of history // Prospect Magazine. Iss. 23 / October 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://prospectmagazine.co.uk/magazine/thefutureofhistory> (дата обращения: 16.09.2018).
23. Poster M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. 136 p.

Olga V. Borovkova, Rubtsovsk Institute of Altai State University (Rubtsovsk, Russian Federation).

E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 58–69.

DOI: 10.17223/1998863X/45/6

EVENTLESS HISTORY IN POSTMODERNIST VIEWS

Keywords: event; historical event; simulacrum; eventless history; postmodernism.

The article reviews the problems of changes in the understanding of historical events and eventless history in postmodernism. Changes were already outlined in the framework of modernism and were based on the notion that a historical event is “separated” from reality and it is, first of all, a construction of the subject. Changes were also based on the idea of the historical process that cannot be made up of events exclusively. Events only indicate changes and act as measurement milestones. Therefore, there must be something in the historical process that is not an event. In the researchers’ attention was the so-called “eventless history” which in modernism was an alternation within the norms and traditions, the opposite of “eventful” history. In postmodernism, eventless history has a completely different form. Simulacra are eventless history, they can look like events, possess their properties, but they are not events. Simulacrum events do not oppose historical events, but tend to take their place and even “become” them. With outer resemblance to events, simulacrum events occur on the surface and create the illusion of change and movement. Unlike historical events, they do not pursue the goal of finding the truth, their goal is adaptability to anything. This means that simulacra precede a real event, and models predetermine a real fact. In history, the present precedes the past: in the present, events of the past can be “canceled”, estimates can be changed, etc. Events, therefore, are created in the present and are transformed into the past. Historical events are “adjusted” to the desired result, which can be the embodiment of the dominant ideology. In this case, it is not the search for meaning of an event that is carried out, but fact-finding and event-designing in order to implement the already given meaning. An event whose meaning is predetermined does not need to be fixed in space and time, in concreteness and uniqueness. A feature of historical research is the search for information; more information helps to reveal the deep layers of meaning. But the modern flow of information consists of a large number of copies and simulacra, which leads to the opposite situation – an increase in the amount of information entails a reduction of meaning. This flow of information is partly the result of the activities of the media, which are at the same time a type of historical sources. A feature of the functioning of the media is the same status of events, which makes it difficult to separate real events and simulacra.

References

1. Borovkova, O.V. (2013) The problem of definition of the historical event. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 46–50. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/375/8
2. Badiou, A. (2002) *Taynaya katastrofa. Konets gosudarstvennoy istiny* [Secret catastrophe. The end of state truth]. In: Smatko, N.A. (ed.) *Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* [Almanac of the Russian-French Centre for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 269–289.
3. Bataille, J. (1997) *Vnutrenniy opyt* [Internal Experience]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Axioma/MIFRIL.
4. Plato. (1993) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 275–346.
5. Diogenes Laërtius. (1986) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated by M.L. Gasparov. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
6. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.
7. Baudrillard, J. (n.d.) *Prozrachnost' zla* [Transparency of Evil]. [Online] Available from: <http://knigosite.org/library/read/56152>. (Accessed: 24th December 2017).
8. Deleuze, J. (1998) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Translated from French. Moscow; Yekaterinburg: Raritet, Delovaya kniga.

9. Deleuze, J. (1993) Platon i simulyakr [Plato and Simulacrum]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 5.
10. Baudrillard, J. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French by O.A. Pechenkin. Tula: [s.n.].
11. Kurmeleva, Ye.M. & Meshcheryakova, L.Yu. (2006) Simulyakr i obshchestvo v sovremennoy sotsial'noy teorii [Simulacrum and Society in Modern Social Theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2. pp. 31–46.
12. Emelin, V.A. (2016) Simulacra and virtualization technologies in information society. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 3(23). pp. 86–97. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2016.0312
13. Prost, A. (2000) *Dvenadsat' urokov po istorii* [Twelve Lessons on History]. Translated from French. Moscow: Russian State University for the Humanities.
14. Derrida, J. (2007) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
15. Elkhova, O.I. (2011) Ontologicheskiye aspekty virtual'nogo vremeni [Ontological aspects of virtual time]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2(8). pp. 65–68.
16. Chernus, I. (n.d.) *Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism*. [Online] Available from: <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns...> (Accessed: 16th September 2018).
17. Kim, I.V. (2008) *Sotsial'nyye simulyakry i ikh istoricheskiye tipy* [Social simulacra and their historical types]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ekaterinburg.
18. Zakirova, T.V. & Kashin, V.V. (2012) Kontseptsiya virtual'noy real'nosti Zhana Bodriyyara [The concept of virtual reality by Jean Baudrillard]. *Vestnik OGU – Vestnik of Orenburg State University*. 7(143).
19. Zhizhek, S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of Real]. Translated from English by A. Smirnyy. Moscow: Fond “Pragmatika kul'tury”.
20. Baudrillard, J. (1994) *Voyny v zalive ne bylo* [There was no war in the Gulf]. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 3.
21. Smetanina, S.I. (2002) *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskkiye protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the end of the 20th century)]. St. Petersburg: V.A. Mikhaylov.
22. Evans, R.J. (1997) The future of history. *Prospect Magazine*. 23. [Online] Available from: <http://prospectmagazine.co.uk/magazine/thefutureofhistory>. (Accessed: 16th September 2018).
23. Poster, M. (1996) *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge: [s.n.].

УДК 165.9

DOI: 10.17223/1998863X/45/7

П.Л. Зайцев

СИБИРСКАЯ «ЛЕТУЧАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» Н.М. ЯДРИНЦЕВА: ДИСКУРС РИЗОМЫ И ДИСКУРС УНИВЕРСИТЕТА

Анализируются перспективы использования понятия «летучая интеллигенция», введенного Н.М. Ядринцевым в статье «„Летучая интеллигенция“ (Факт из провинциальной жизни)» для объяснения современных процессов миграции молодежи в сибирском регионе. Отмечается, что совокупность явлений, мыслимых за «летучестью» образованной молодежи конца XIX в., сохраняет свою устойчивость. Обосновывается, что аналогия Н.М. Ядринцева с не имеющими корней водными растениями является не менее продуктивной для анализа номадизма, чем ризома – корневище Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Устанавливается связь между дискурсом ризомы и дискурсом университета.

Ключевые слова: «летучая интеллигенция», Ядринцев Н.М., ризома, университет, молодежная миграция.

После того как омская ГТРК «12 канал» получила патент на выражение «Не пытайтесь покинуть Омск», тема оттока омичей из региона, зафиксированная в товарном знаке, окончательно приобрела статус уникального регионального бренда. Первые попытки обсудить миграцию омичей в другие регионы можно отнести к 2015 г., когда региональное информационное агентство «Омскинформ» отреагировало на публикацию данных о миграции населения Сибирского федерального округа Новосибирскстатом своим материалом «Почему из Омска уезжают самые перспективные?». Подзаголовок статьи презентовал материал достаточно однозначно: «Из Омска хлынули даже вчерашние школьники. Их места замещают пенсионеры и активно прибывающие в регион граждане республик бывшего СССР» [1]. Автор материала, Владимир Преображенский, обратился за комментариями к омским экспертам: директору автономной организации «Центр социальных инноваций – соци-Ум» Борису Мельникову и заведующему кафедрой «Экономика и социология труда» ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Владимиру Половинко. По информации Мельникова, среди профессионалов уезжают те, кто занимается наукой, преподаватели, психологи, а также специалисты, работающие в сфере услуг. По данным, предоставленным Половинко, убыль идет в большей степени за счет молодежи и второе – за счет конкурентоспособных специалистов, которые востребованы на других рынках. Материалы, как информационные, так и аналитические, появлялись в омском информационном пространстве с этого времени регулярно, публикация данных Новосибирскстатом, результаты приемной компании омских высших учебных заведений, отъезд из Омска представителей творческой интеллигенции, журналистского сообщества, популярных блогеров вызывает устойчивый негативный отклик в медиасреде. Аналитики, в частности В.С. Половинко, разбирая ситуацию, делают акцент на низком качестве жизни омской молодежи, и в частности выпускников омских вузов, проблеме их профессиональной востребованности. Ухудшение

ситуации регулярно вменяется в вину региональным властям, уже своеобразной традицией стало отправлять губернатора в отставку, дабы повысить управляемость в «депрессивном регионе и с низким социальным самочувствием» [2].

Между тем проблема миграции образованной молодежи в Сибири и из Сибири имеет достаточно давнюю историю и не может быть решена только путем создания региональной зоны комфорта. Вопрос об особой «сибирской» депрессивности также вопрос с историей, он обдумывался еще М.М. Сперанским в письмах к дочери во время ревизионной поездки в Сибирь: «Сибирь есть просто Сибирь. Надобно иметь воображение не пылкое, но сумасбродное, чтобы видеть тут кукую-то Индию. Доселе по крайней мере я не видал ни в природе величественного, ни в людях отличного. <...> Тут даже нет и красивых ужасов. Более скучно нежели опасно и даже совсем не опасно» [3. С. 11]. Среди статей выдающегося представителя омского областничества Н.М. Ядринцева есть краткое исследование «Летучая интеллигенция» (Факт из провинциальной жизни). В ней он особо выделяет проблему образованных людей в Сибири, к которой обращается во многих своих работах, в их числе «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». В статье о «летучей интеллигенции» есть удивительно точная фиксация, объясняющая, почему провинциальная жизнь то оживляется, возбуждается, то гаснет и замирает: «Тот, кто всматривается в жизнь провинции, знает, что это зависит от притока интеллигентных сил, и затем, от их отлива» [4. С. 93]. Обосновывая, что «летучесть» (мысля по аналогии с не имеющими корней водными растениями) является неотчуждаемым свойством провинциальной интеллигенции, Ядринцев совершает как минимум два открытия.

Первое открытие заключается в том, что задолго до корневища-ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, понятия, положенного в основу номадологического проекта постмодернизма, Ядринцев вводит сходное обозначение для частного случая известного ему номадизма – кочующей по Сибири «летучей интеллигенции». Причем из мира растений подбирает несомненно более точный аналог. Корневище-ризома не иерархично, не имеет стремящегося вглубь основного стержня, но, будучи корнем, пусть «пучкообразным», «мочкообразным», оно укоренено. Как точно замечают О.В. Боровикова и А.М. Боровиков: «Главное в ризоме – отсутствие центра и неопределенность путей роста и развития „побегов“, независимых друг от друга» [5. С. 47]. М.А. Можейко в статье «Ризома» из энциклопедии «Постмодернизм» интерпретирует ризому в семантическом сопряжении со смыслами «клубня» и «луковицы»: «В противоположность любым видам корневой организации, ризома интерпретируется не в качестве линейного „стержня“ или „корня“, но в качестве радикально отличного от корней „клубня“ или „луковицы“ – как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе „скрытый стебель“. Принципиальная разница заключается в том, что этот стебель может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, ибо ризома абсолютно нелинейна: „мир потерял свой стержень“ (Делез и Гваттари)» [6. С. 353–354]. В клубне-ризоме спрессовано бессчетное многообразие смыслов, какие из них получают развитие, какие останутся потенциально возможными, нельзя просчитать. Однако хотя стебель скрыт и, возможно, даже потерян, он развивается из подземного корневища, клубня, луковицы, будучи связан с ними так же, как они

связаны с землей. Сами «создатели» ризомы утверждали: «Быть ризоморфным – значит производить стебли и волокна, которые кажутся корнями, или, лучше, связываются с последними, проникая в ствол, рискуя заставить их служить новыми странными способами. Мы устали от дерева. Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого. Вся древовидная культура основана на них – от биологии до лингвистики. Напротив, ничто не красиво, не любо, не политично, кроме подземных отростков и надземных корней, сорняков и ризомы» [7. С. 26–27].

Водные растения, с которых осуществляется перенос смыслов в номадистском проекте Ядринцева, безосновны в принципе, они принадлежат не земле, а иной стихии, не имея возможности укорениться ввиду отсутствия корневых волосков. Более того, их процветание или умирание и даже внешний облик целиком зависят не от них самих, а от химического состава воды, ее освещенности и множества других причин.

Отсюда второе открытие Ядринцева – «летучая интеллигенция» нигде не дома. Ядринцев полагал, что остановить вымывание интеллигентных сил позволит открытие сибирского университета, но не потому, что «летучая интеллигенция», чахнувшая в невежественной среде, вдруг пустит корни, а потому, что университет сможет произвести иную, «оседлую интеллигенцию». Пока же «даже имеющиеся учебные заведения в Сибири способствовали только выезду лучших сил в другие, более благоприятные для их развития места», – пишет Ядринцев в статье «Судьбы сибирской печати» [4. С. 77]. Осмысливая наследие умершего в нищете А.П. Щапова, Ядринцев вновь использует найденную им аналогию, но уже в несколько ином ключе, снимающем противоречие между двумя типами интеллигенции: «Человеку образованному здесь не к чему прицепиться, прирасти. Так будет, вероятно, до возникновения университета» [4. С. 33]. Сибирский университет, выращивая собственную, коренную, сибирскую интеллигенцию, сможет стать местом, к которому может прикрепиться «летучая интеллигенция», занесенная в Сибирь неведомыми течениями.

Говоря об открытиях Н.М. Ядринцева и предлагая их рассматривать не только в социально-публицистической, но и в социально-философской плоскости, отметим как доказанный и установленный факт, что поиски аналога для несистемного мышления и несистемного мира, ему соответствующего, велись параллельно с работами Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Эспен Аарсет (Espen Aarseth), автор многомерной теории игр, подбирая методологический инструментарий для изучения кибертекста заметил, что последний тип лабиринта в типологии Умберто Эко или «лабиринт-сеть» (1984 г.), в котором «каждая точка может быть связана с каждой другой точкой», напоминает «корневище» Делеза и Гваттари (1987 г.) [8. Р. 6]. Михаил Эпштейн, еще не будучи знаком с творчеством Делеза и Гваттари, в 80-е гг. XX в. в своих статьях вводит понятие метабола. «Метабола – это и есть „двойной венок“, заплетенный в водовороте медленно вращающейся реальности, свитой в себе, развивающейся из себя, словно лента Мебиуса, в которой нельзя определить точку, грань, разрыв, где внутренняя сторона переходит во внешнюю и обратно. Образ-метабола разворачивает волновую (а не корпускулярную) картину мироздания, в которой сходства-подобия отдельных предметов переходят в их плавные схождения, а разрозненные частицы вовлечены в

энергетическое поле всеобщей и взаимной причастности» [9. С. 129]. Однако то, что в 70–80-е гг. XX в. можно считать достаточно консолидированной реакцией причастных к культуре постмодерна мыслителей на утрату веры в логоцентризм, для 70–80-х гг. XIX в. можно считать гениальным по своей силе и простоте предвидением.

Зададимся вопросом, способны ли выделенные идеи Н.М. Ядринцева повлиять на представления об образовательной миграции молодежи, воспринимаемой региональными сообществами как острая и актуальная проблема? Мы можем констатировать, что основанные в Сибири университеты не отменили, не преодолели «летучесть» образованных кадров, возможно, вследствие общемирового образовательного тренда на мобильность и интеграцию, возможно, вследствие своей множественности (в одном только Омске насчитывается 27 высших учебных заведений). Однако работы Н.М. Ядринцева показывают нам, что номадизм интеллигенции не сегодня возникший феномен. Возможно, он усилился и распространил свое влияние не только на образованную, но и на ищущую образования молодежь, при этом «летучесть» является неотчуждаемым свойством провинциальной интеллигенции, отними который – исчезнет и сама провинциальная интеллигенция или, по крайней мере, лишится своих уникальных и существенных свойств, как водные растения теряют листья, распадаются на фрагменты, будучи вынуты из воды. Следует ли «летучесть» сибирской интеллигенции ставить ей в укор, если она наблюдаема на протяжении всего времени ее существования и принципиально непреодолима? Возможно, мы имеем дело не с недостатком, не с неким региональным изъяном, который надо блокировать чуть ли не на государственном уровне, а с преимуществом, позволяющим сохранять собственно сибирскую идентичность. Как частный случай поставленной проблемы высказанные Н.М. Ядринцевым идеи способны в корне поменять подход к миграции молодежи с установки затратных, но неработающих заслонов на продуктивное использование в интересах развития Сибирского региона.

Литература

1. *Преображенский В.* Почему из Омска уезжают самые перспективные? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omskinform.ru/news/84793> (дата обращения: 10. 06. 2017).
2. *Трунина А., Кузнецова Е., Дергачев В.* В Кремле приняли решение о досрочной отставке губернатора Омской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/30/09/2017/59cf610f9a794707926b8751> (дата обращения: 10. 06. 2017).
3. *Сперанский М.М.* Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869. 251 с.
4. *Ядринцев Н.М.* Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов : из газ. «Камско-Волжское Слово», «Сибирь» и «Восточное Обозр.» за 1873–1884 гг. Красноярск, 1919. [6], XIV, 223 с.
5. *Боровикова О.В., Боровиков А.М.* Воспоминания о потерянном будущем // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 46–55.
6. *Постмодернизм* // Энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. 1040 с.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
8. *Aarseth Espen Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature.* Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 1997. 203 p.
9. *Энштейн М.* Постмодерн в России : Литература и теория. М. : Изд. Р. Элинина, 2000. 368 с.

Pavel L. Zaitsev, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: zaitsevp@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 70–74.

DOI: 10.17223/1998863X/45/7

THE SIBERIAN “FLYING INTELLIGENTSIA” OF NIKOLAI YADRINTSEV: THE DISCOURSE OF RHIZOME AND UNIVERSITY DISCOURSE

Keywords: “flying intelligentsia”; Nikolai Yadrintsev; rhizome; university; youth migration.

In the paper, further possibilities to use the concept “flying intelligentsia”, introduced by Nikolai Yadrintsev in his work “The Flying Intelligentsia” (Fact from Provincial Life), are analyzed in order to explain the current processes of young people’s migration in the Siberian region. For such cities as Omsk, the outflow of university-educated specialists becomes one of the indicators of the region’s depressiveness, and is associated with a low level of social well-being. It is noted that the totality of today’s phenomena regarding migration of educated young people in Siberia can be treated in terms of “flying intelligentsia” proposed at the end of the nineteenth century. The author believes that the analogy with rootless plants, drawn by Yadrintsev, is no less productive for the analysis of youth nomadism than the rhizome – the rootstock of Gilles Deleuze and Felix Guattari. If the rhizome is rooted, even having no central stem, the aquatic plant floating in the current is a more accurate analogy. There is a connection between rhizome discourse and university discourse. The Siberian University, according to Yadrintsev’s views, was to grow its own “rooted” intelligentsia and serve as a magnet for “flying intelligentsia”. The Siberian University coped with its task before the period of active university construction in the mega-region. Today, when educational integration and mobility require commitment, the nomadization processes of the Siberian students’ community are becoming relevant again. A productive analysis of educational migration in the Siberian region is possible only on the basis of works by researchers that observe its origins.

References

1. Preobrazhenskiy, V. (n.d.) *Pochemu iz Omska uyezzhayut samyye perspektivnyye?* [Why are the most promising leaving Omsk?]. [Online] Available from: <http://www.omskinform.ru/news/84793>. (Accessed: 10th June 2017).
2. Trunina, A., Kuznetsova, Ye. & Dergachev, V. (2017) *V Kremle prinyali resheniye o dosrochnoy otstavke gubernatora Omskoy oblasti* [The Kremlin made a decision on the early retirement of the governor of Omsk Region]. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru/politics/30/09/2017/59cf610f9a794707926b8751>. (Accessed: 10th June 2017).
3. Speranskiy, M.M. (1869) *Pis'ma Speranskogo iz Sibiri k yego docheri Yelizavete Mikhaylovne (v zamuzhestve Frolovoy-Bagreyevoy)* [Speransky’s letters from Siberia to his daughter Elizabeth Mikhailovna (married name Frolova-Bagreeva)]. Moscow: Grachev i K°.
4. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey, stikhotvorenii i fel'yetonov: iz gaz. “Kamsko-Volzhskoe Slovo”, “Sibir” i “Vostochnoye Obozreniye” za 1873–1884 g.* [Collection of selected articles, poems and satires: from newspapers “Kamsko-Volzhskoe Slovo”, “Sibir” and “Vostochnoye Obozreniye” for 1873–1884]. Krasnoyarsk: Tipografiya Yeniseyskogo Gubernskogo Soyuza Kooperativov.
5. Borovikova, O.V. & Borovikov, A.M. (2017) Memories of lost future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 46–55. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/5
6. Gritsanov, A.A. & Mozheyko, M.A. (ed.) (2001) *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpressservis; Knizhnyy Dom.
7. Deleuze, J. & Guattari, F. (2010) *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [The Thousand Plateau: Capitalism and Schizophrenia]. Translated by Ya. Svirskiy. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
8. Espen, A. (1997) *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
9. Epstein, M. (2000) *Postmodern v Rossii. Literatura i teoriya* [Postmodern in Russia. Literature and Theory]. Moscow: R. Elinin.

УДК 167+177

DOI: 10.17223/1998863X/45/8

И.В. Мелик-Гайказян

ДИАГНОСТИКА МОДЕЛЕЙ БИОЭТИКИ¹

Уточняется исходное положение, согласно которому биоэтика существует в семиотических моделях, воплощающих множественные социальные реакции на инновации, делающие возможным необратимую трансформацию природы и будущего человека. Показано, что установленные границы применимости моделей совпадают с «осями», задающими «фазовое пространство» социальных трансформаций, даже метафорическая трактовка осей демонстрирует способность биоэтики избежать парадоксальной дивергенции прогнозов будущего человека при оценке воздействий конвергентных технологий.

Ключевые слова: модели биоэтики, семиотическая диагностика, конвергентные технологии, дивергенция прогнозов.

В настоящее время биоэтику квалифицируют как «звездный час философии» [1] и в качестве «фикции» [2]. Первая квалификация обеспечена тем, что именно биоэтика стала основанием для экспертных процедур инноваций [3, 4], а причина второй квалификации в том, что только художественная литература дает специалистам по этике материал для проверки своих идей при исследовании конкретных случаев и моральных дилемм [2], возникающих на границах жизни и смерти. Вопрос состоит не в том, какая из характеристик биоэтики – регламентированная процедура или фантазия – справедлива. Они одинаково справедливы. Вопрос состоит в том, почему они одинаково справедливы.

Поиск ответа стоит начать с разъяснения генезиса биоэтики. Биоэтика стала воплощением социальных реакций на становление тех направлений биомедицины, которые сделали возможными различные модификации природы человека.

Эта ситуация генезиса биоэтики детерминировала ряд принципиальных обстоятельств:

а) биоэтику формируют не традиции медицинской этики, а множественность социокультурных интерпретаций этих традиций;

б) множественность биомедицинских направлений обеспечена тем, что современная биомедицина сформирована как сфера реализации исследований, проводимых во всех областях науки, и это вызвало сопряженную трансформацию медицинской этики и исследовательской этики, что, в свою очередь, сделало биоэтику способом социально-гуманитарной экспертизы инноваций;

в) возможности биомедицинского конструирования привели к видоизменению как роли врача, исследователя, пациента, участника эксперимента, так и структуры их отношений во всей множественности возможных коммуникаций;

г) экспертиза множественности потенциалов и необратимых последствий биомедицинской модификации природы человека сделала биоэтику актуальной

¹ При поддержке проекта РФФИ № 17-23-010117 «а(м)» и темы № 35.5601.2017/БЧ Госзадания.

областью приложения философско-антропологических и методологических исследований.

Ключевым словом в характеристике данных обстоятельств является слово «множественность». Этим словом зафиксирована доминирующая специфика биоэтики – с позиции любого из субъектов биомедицинских манипуляций оценить все риски, последствия и условия осуществления конкретных манипуляций. Из этого следует, что, во-первых, базовые принципы и правила биоэтики получают свою интерпретацию в зависимости от той роли врача / исследователя и пациента / исследуемого, которую субъект себе выбирает, и, во-вторых, проведение такой интерпретации возможно только на уровне разработки моделей морально допустимых коммуникаций субъектов биомедицины. Обозначенные следствия позволяют сформулировать утверждение: биоэтика существует в моделях и производит модели. Сделанный вывод отчасти уже содержит ответ на поставленный вопрос о причинах одинаковой справедливости разных определений сущности биоэтики, поскольку собственно модели характеризуются не «правильностью», а релевантностью проблемным ситуациям и эффективностью решения конкретных задач, которые актуализируют диагностику границ применимости моделей биоэтики.

Необходимость применения моделей биоэтики демонстрируют явления и процессы, привычно связываемые с медициной, но не имеющие отношения к ней самой. Сборы пожертвований на лечение, предложение биомедицинских манипуляций для произвольного конструирования телесности, отсутствие точного прогнозирования последствий новых технологий – все это указывает на социальные проблемы и эффекты «медикализации» [5] культуры. Модели биоэтики предназначены для обеспечения морального регулирования в решении этих проблем и социальных реакций на эти эффекты. Обобщенные биоэтикой способы регулирования упорядочивают вариации отношений всех субъектов биомедицины, к которым принадлежат не только известные фигуры врач и пациент, но и все те, на кого оказывается биомедицинское воздействие, и те, кто способен его оказать.

«Фикция» и базовые модели биоэтики: регулирование отношений врач / пациент

Необходимость в создании условий для реализации вариативных отношений пациента и врача иллюстрирует одна из известных «фикций» – роман «Шопенгауэр как лекарство», написанный выдающимся психотерапевтом Ирвином Яломом [6].

1. Главный герой романа, узнавший свой смертельный диагноз, вызывает к коллеге-дерматологу: «...рассказывай как для идиотов» [Там же. С. 13]; «...не заставляй меня делать твою работу... пойми, я сейчас в ужасе на грани паники» [Там же. С. 14]. Много позже он был благодарен и умиротворен, когда сочувствие, выраженное ему, сменила скорбная тишина, казавшаяся «священной» [Там же. С. 23]. Это вариант, в котором пациент, даже являясь врачом, отказывается от равенства ролей.

2. Врач, проводя плановый осмотр своего коллеги, постановку диагноза сопровождает замечаниями: «...и у меня, доложу я тебе, не лучше»; «...скорее всего ничего страшного, но пусть на всякий случай [дерматолог] посмотрит» [Там же. С. 9–10]. Последняя фраза, «брошенная между своими,

была тревожным знаком», это был «код, шифровка» [6. С. 10]. Это вариант равенства ролей врача и пациента.

3. Главный герой, ясно сознавая свою участь, заключает своеобразный договор с другим центральным персонажем романа, который бросает относительно своих «клиентов» фразы: «...на этом мы расходимся – они знают, что получили квалифицированный совет, а я – что сделал все возможное» [Там же. С. 45], «...я им не друг» [Там же. С. 84]. Это вариант, в котором равенство ролей врача и пациента подобно паритету «сторон по договору».

4. Врач, вспоминая свою практику, признается себе, что некоторых своих пациентов «он терпеть не мог», «но это не мешало ему любить» их «как редкостный научный материал» [Там же. С. 42]. Это вариант, при котором пациент есть лишь любопытный «материал» для исследования и практики.

Приведенные примеры демонстрируют, что один и тот же человек (как пациент, так и врач) может желать различных условий для выбора сценария помощи, т.е. может желать играть разные роли. Модели биоэтики регламентируют распределение ролей [7] и условия выбора [8]. Для определения границ применимости моделей ниже в табличной форме сопоставлены фрагменты (1–4) рассмотренной иллюстрации, базовые модели биоэтики [7, 8], классические этические системы и их аксиологические интерпретации [9].

Границы применимости моделей биоэтики

№ примера	Модель биоэтики		Классические этические системы и их аксиологические интерпретации [9]	Характеристика границ моделей биоэтики
	Классификация по [7]	Классификация по [8]		
1	<i>Сакральная</i> Врач всецело зависим от традиции врачевания, в которой универсально понимают благо пациентов. Врач в роли «отца»	<i>Патерналистская</i> Пациент изначально согласен с безальтернативным сценарием лечения и имеет равное право знать все и не знать ничего о своей болезни	<i>Альтруизм / Агапизм</i> Человек содействует <i>целям других</i> , исходя из того, что каждый разумный человек считает благом	<i>Зависимость</i> от довлеющего понимания блага; <i>подчиненность</i> целям других
2	<i>Коллегиальная</i> Врач лечит пациента «как себя», врач действует как коллега пациента. Врач в роли друга	<i>Совещательная</i> Пациент имеет право на помощь / совет для выработки требований к сценарию лечения	<i>Перфекционизм</i> Человек содействует <i>своим целям</i> , исходя из того, что каждый разумный человек считает благом	<i>Зависимость</i> от довлеющего понимания блага; <i>активность</i> в выборе индивидуальной цели
3	<i>Контрактная</i> Врач действует в рамках договора, или контракта, в котором учтены интересы сторон и обговорены все детали. Врач в роли партнера пациента в «общем деле» лечения	<i>Интерпретационная</i> Пациент, исходя из своего понимания полезного для него, осуществляет выбор сценария лечения и имеет право на разъяснение ему всех рисков каждого из вариантов	<i>Утилитаризм</i> Человек содействует <i>целям других</i> , исходя из своего понимания блага	<i>Свобода</i> в выборе понимания блага; <i>подчиненность</i> целям других
4	<i>Техническая</i> Врач реализует методы лечения и диагностики, основанные на его личном исследовательском и/или специальном опыте. Врач в роли исследователя	<i>Информационная</i> Пациент самостоятельно выбирает желаемый им сценарий лечения/диагностики и несет ответственность за совершаемый выбор	<i>Гедонизм</i> Человек содействует <i>своим целям</i> , исходя из своего понимания блага	<i>Свобода</i> в выборе понимания блага; <i>активность</i> в выборе индивидуальной цели

Компоновка таблицы позволяет обнаружить различия и совпадения моделей биоэтики, принадлежащих двум самым респектабельным классификациям. Различия вызваны объектом моделирования: в первой классификации [7] сведены допустимые с позиции профессиональной этики варианты коммуникаций врач – пациент, действующие в реальной биомедицинской практике, а во второй классификации [8] представлены допустимые с позиции общества варианты совершения биомедицинских манипуляций. В первой классификации акцентированы права и роль врача в пределах конкретной организации, а во второй – права и мера ответственности пациента и/или участника биомедицинского эксперимента. Совпадения же продиктованы идеями морали, реализуемыми самими моделями. Акцент на данном совпадении банален, поскольку биоэтика по определению есть прикладная этика, но не тривиален, так как модели биоэтики [7–8] созданы путем обобщения сложившейся, а не созданной специально практики. Аксиологическая интерпретация идей морали [9] и то обстоятельство, что эти идеи тем или иным образом биоэтика воплотила в нормировании характера коммуникаций и ролей всех субъектов биомедицинской практики, создают возможность для определения границ моделей биоэтики. Воспользуемся этой возможностью.

Во-первых, действия, детерминированные тем, «что каждый разумный человек считает благом» (таблица), есть действия, осуществляемые в зависимости от некоего, внешнего по отношению к индивидуальности, универсального, понимания блага. Это означает суть одной из границ: зависимость от довлеющего понимания блага и/или понимания блага кем-то другим. Во-вторых, содействие «целям других» в качестве жизненной позиции составляет подобие индивидуальной пассивности, подчиненности целям других, что образует еще одну границу. Обе границы – зависимости и подчиненности – задают пределы функционирования патерналистской модели биоэтики (пациент всецело подчинен решению врача и принимает позицию зависимости от понимания другими его блага) и сакральной модели (врач подчинен всей сумме догматов традиции врачевания и в зависимости от нее исполняет свою роль). В этих границах происходит функционирование большей части медицинских организаций. Иными границами заданы пределы существования организаций, реализующих биомедицинские новации. Данные организации охватывают техническая и информационная модели биоэтики. Третьей разновидностью границы становится устремленность к «своим целям» (см. таблицу), что получило обозначение «активность в выборе индивидуальной цели», а четвертым видом границы является партикулярность «своего понимания блага», что квалифицировано как «свобода в выборе понимания блага». Необходимо отметить еще одну особенность устанавливаемых границ: все они представляют собой жизненные устремления к желаемым будущим состояниям, что делает их подобием осей в координатном пространстве. Примером самого знакомого аналога могло бы выступить декартово пространство, где ось абсцисс соответствовала бы противоположно ориентированным осям зависимость / свобода, а ордината – осям активность / подчиненность. Со школьных лет известное изображение декартовой (прямоугольной) системы координат избавляет от необходимости приводить графическую иллюстрацию обсуждаемых здесь осей, «совпадающих» с границами моделей биоэтики. Стоит лишь оговорить принципиальное отличие «наших» осей от школьного примера: они задают четырехмерное пространство, поскольку зависимость

и активность не представляют собой множества отрицательных значений, соответственно, свободы и подчиненности. Из этого следует, что и локусы пространства, ограниченные осями, «не равны» между собой. Самым большим локусом является область сакральной (патерналистской) модели, ей уступает охват технической (информационной) модели, сформированной, как уже говорилось, новациями биомедицины. Коллегиальная (совещательная) и контрактная (интерпретационная) модели сформированы социальными реакциями на биомедицинскую революцию, а потому обладают пока малым ареалом.

Экспертиза инноваций и модели биоэтики: регулирование отношений субъектов биомедицины

Воздействия новых технологий на природу человека были определены в качестве «фазовых переходов» к плохо предсказуемому антропологическому будущему [10]. Отметим, что это базовое понятие нелинейной динамики, широко популяризированное синергетической беллетристикой, употреблено Б.Г. Юдиным в кавычках [10]. Такое употребление указывает на метафорическое использование данного понятия, поскольку для употребления его в прямом значении необходимо обладать возможностью применения численных методов к исследованию пространства состояний, т.е. – фазового пространства. В этом же смысле представленные выше оси – свобода, зависимость, активность и подчиненность – требуют своих кавычек, так как без объяснения здесь осталось то, в чем будут выражены единицы измерения этих числовых прямых. Остающиеся без ответов вопросы, связанные с измерениями в гуманитарных исследованиях, становятся проблемой для осуществления гуманитарной экспертизы, прежде всего, конвергентных технологий. Эти доминирующие технологии являются, во-первых, самоорганизующимися, что делает синергетическую парадигму единственно релевантной их моделированию, а именно операции моделирования актуальны для экспертизы в виде различного гуманитарного сопровождения инновационных разработок [1, 3–4]. Во-вторых, конвергентный характер технологий делает их устремленными к некоему одному состоянию в будущем, что должно сводить экспертизу их последствий к поиску конструируемого ими аттрактора в фазовом пространстве [11–12]. Причем искусственность процесса конструирования в качестве вмешательства в естественные процессы самоорганизации отнюдь не свидетельствует о том, что цель конструирования не будет достигнута, поскольку в истории известны факты достижения целевых состояний, «не совпадающих» с аттракторами социокультурной динамики, которыми являются «сбывшиеся» утопии [13. С. 193–208]. Наивно полагать, что утопия – это лишь недостижимая мечта. Главным признаком всех утопий является выбор одинакового счастья для всех, а следовательно, выбор одного счастья, одного образа человека. Примеров социокультурных систем, основанных на утопических идеях, достаточно, но эти же случаи реализованных утопий демонстрируют либо краткий срок своей жизни, либо очень неустойчивое, требующее перманентной поддержки существование. Но если гуманитарная экспертиза пока не может точно устанавливать совпадение целей инноваций и аттрактора динамики социокультурных систем, то проводить диагностику утопичности целей она способна. Удачу такой диагностики обеспечивает то, что она проведена с позиций биоэтики [14]. В позициях биоэтики заключено обстоятельство, часто упускаемое

из виду даже приверженцами этих позиций. Дело в том, что биоэтика не только существует в моделях отношений субъектов биомедицины и производит модели, биоэтика существует и создает ансамбли этих моделей. В таком ансамбле все модели имеют равные права на существование, поскольку главным является их совокупность, их сопряженность, их согласованность, их взаимная настройка, т.е. их когерентность. Именно моделирование когерентности позволяет биоэтике задавать аналоги пространства будущих состояний антропологических систем, трансформируемых инновациями. И именно принятие такой позиции позволяет биоэтике осуществлять «сборку» всех сценариев самоорганизации, инициируемых инновациями, что обеспечивает возможность проведения экспертизы этих инноваций. Без подобной «сборки» оценка инноваций становится конкуренцией прогнозов, каждый из которых относится к пространству, заданному только одной парой осей, что приводит к парадоксу: уточняющаяся оценка воздействий конвергентных технологий ведет к дивергенции прогнозов будущего человека [15].

У моделей биоэтики, представленных в ансамбле, есть еще одно преимущество, актуализированное тем, что часть «субъектов» биомедицины не совсем и не всегда обладает статусом человека [16–17], а, как следует из представленной выше таблицы, регулированию подлежат отношения людей. Актуальность обеспечивают два обстоятельства. «Антропологический» акцент позволяет различать и регулировать сферы ответственности исследователя в области конвергентных технологий, что уничтожает иллюзию этих инноваций как некой внешней и «бесчеловечной» силы, поскольку за каждым созданием и внедрением гибридизации форм жизни и небиологических форм стоят конкретные люди. Сопряженность моделей биоэтики создает возможность для сопровождения инноваций [3–4], поскольку делает реальным мониторинг изменений конфигураций внутри их ансамбля, что лишним раз объясняет необходимость в принятом способе формализации границ моделей (см. таблицу).

Резюме

Проведенное исследование служит основанием для уточнения исходного утверждения: биоэтика существует в моделях и производит модели. Уточнению подлежит то, что это исключительно семиотические модели, поскольку регулируют они способы коммуникаций субъектов биомедицины; роли, отводимые субъектам данных коммуникаций; интерпретацию моральных принципов, нормирующих поведение субъектов всех направлений биомедицинских инноваций. Обнаруженные потенциалы биоэтики осуществлять экспертизу инноваций как семиотическую диагностику «фазового пространства» социокультурных систем обеспечивают достаточно строгое применение понятийного аппарата нелинейной динамики без решения проблемы измерений в гуманитарных исследованиях.

Литература

1. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // Вопросы философии, 2015. № 12. С. 198–203.
2. Chambers T. The fiction of bioethics. London: Taylor & Francis Ltd., 2015. 288 p.
3. Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиуллина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8–21.

4. Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Стамбольский Д.В., Огородова Л.М., Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю. Задачи социально-гуманитарного сопровождения создания национального банка-депозитария биоматериалов в России // Вопросы философии, 2016. № 3. С. 124–138.
5. Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 4. С. 256–263.
6. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство. М. : Эксмо, 2007. 544 с.
7. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–72.
8. Emanuel E., Emanuel L. Four Models of the Physician-Patient Relationship // Journal of the American Medical Association. 1992. April 22. Vol. 267, № 16. P. 2221–2226.
9. Апресян Р.Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2008. № 1. С. 89–94.
10. Юдин Б.Г. Человек как объект технологического воздействия // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.
11. Melik-Gaykazyan I.V., Melik-Gaykazyan M.V., Mescheryakova T.V., Sokolova N.S. Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche // SHS Web of Conferences, 2016. Vol. 28. DOI: 10.1051/shsconf/20162801069.
12. Tarasenko V.F., Melik-Gaykazyan I.V., Melik-Gaykazyan M.V., Gorbulyeva M.S. “Rabbit effect”: the reasons of volunteer movements as the diagnostics of the role transformations of human resource management // Proceedings of The 28th International Business Information Management Association Conference (9–10 November 2016 Seville, Spain), 2016. P. 2179–2182.
13. Миф, мечта, реальность. М. : Научный мир, 2005. 256 с.
14. Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–186.
15. Конвергенция технологий и дивергенция будущего человека. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 160 с.
16. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: эксперименты и этика // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 109–117.
17. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М. : ИФРАН, 2017. 151 с.

Irina V. Melik-Gaykazyan, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: melik-irina@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 75–82.

DOI: 10.17223/1998863X/45/8

DIAGNOSIS OF BIOETHICS MODELS

Keywords: bioethics models; semiotic diagnostics; convergent technologies; divergence of prognoses.

Bioethics aims to assess all the risks, consequences and conditions of the implementation of specific procedures from the position of any subject of biomedical manipulations. Therefore, firstly, the interpretation of the basic principles and rules of bioethics is given depending on the role of the doctor/researcher and a patient/research participant which the subject chooses, and, secondly, making such an interpretation is possible only at the level of the development of models of morally acceptable communications of biomedicine subjects. The indicated consequences enable us to formulate the assertion: bioethics exists in models and produces models. Since it is the communications and role of biomedical subjects that bioethics models regulate, a conclusion about the semiotic nature of these models has been made. The juxtaposition of respectable classifications of bioethics models (Emanuel E. & Emanuel L.), classical ethical systems and their axiological interpretations (R. Апресян) makes it possible to determine the limits of applicability of bioethics models. The characteristic of these limits is given: the dependence on the predominant understanding of the good; the freedom to choose the understanding of the good; the activity in the choice of an individual goal; subordination to the goals of others. The similarity of these limits (freedom/dependence, activity/subordination) to the axes defining the ‘phase space’ has been established, which makes sense for assessing the consequences of the implementation of convergent technologies. The potential of bioethics to assess the consequences of biomedical innovations has been discussed. These abilities are the consequence of the fact that bioethics not only develops semiotic models, but also creates model ensembles. In such an ensemble, all the models have equal rights to exist because the main thing is their conjunction, their consistency, that is,

their coherence. It is the modeling of coherence that allows bioethics to set analogues of the space of future states of anthropological systems transformed by innovations. It allows bioethics to implement the 'assembly' of all self-organization scenarios initiated by innovations. Without such an 'assembly', the assessment of innovations leads to the competition of prognoses, and each of them refers to the space determined by only one pair of axes, which results in a paradox: a refined assessment of the impact of convergent technologies leads to the divergence of the human future prognoses. The observed potential of bioethics, realizing the expertise of innovations as semiotic diagnostics of the 'phase space' of sociocultural systems, provides a sufficiently strict application of the concept apparatus of nonlinear dynamics without solving the measurement problem in humanitarian studies.

References

1. Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2015) Zvezdnyy chas filosofii [The finest hour of philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 198–203.
2. Chambers, T. (2015) *The Fiction of Bioethics*. London: Taylor & Francis Ltd.
3. Bryzgalina, Ye.V., Alasaniya, K.Yu., Sadovnichiy, V.A., Mironov, V.V., Gavrilenko, S.M., Varkhotov, T.A., Shkomova, Ye.M. & Nabiulina, Ye.A. (2016) Sotsial'no-gumanitarnaya ekspertiza funktsionirovaniya natsional'nykh depozitariyev biomaterialov [The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterials]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 8–21.
4. Varkhotov, T.A., Gavrilenko, S.M., Stambolskiy, D.V., Ogorodova, L.M., Bryzgalina, Ye.V. & Alasaniya, K.Yu. (2016) Zadachi sotsial'no-gumanitarnogo soprovozhdeniya sozdaniya natsional'nogo banka-depozitariya biomaterialov v Rossii [The objectives of social and humanitarian support to the establishment of the national depository bank of biomaterials in Russia]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 124–138.
5. Mikhel, D.V. (2011) Medikalizatsiya kak sotsial'nyy fenomen [Medicalization as a social phenomenon]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universitet – Vestnik Saratov State Technical University*. 4. pp. 256–263.
6. Yalom, I.D. (2007) *Shopengauer kak lekarstvo* [The Schopenhauer Cure]. Translated from English by L. Makhalina. Moscow: Eksmo.
7. Veatch, R.M. (1994) Modeli moral'noy meditsiny v epokhu revolyutsionnykh izmeneniy [Models for Ethical Medicine in a Revolutionary Age]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 67–72.
8. Emanuel, E. & Emanuel, L. (1992) Four Models of the Physician-Patient Relationship. *Journal of the American Medical Association*. 267(16). pp. 2221–2226. DOI: 10.1001/jama.1992.03480160079038
9. Apresyan, R.G. (2008) Tsennostnyye paradigmy vospitaniya [Axiological paradigms of education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 1. pp. 89–94.
10. Yudin, B.G. (2011) Chelovek kak ob'yekt tekhnologicheskogo vozdeystviya [Human as subject to technological interventions]. *Chelovek*. 3. pp. 5–20.
11. Melik-Gaykazyan, I.V., Melik-Gaykazyan, M.V., Mescheryakova, T.V. & Sokolova, N.S. (2016) *Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche. SHS Web of Conferences*. 28. DOI: 10.1051/shsconf/20162801069.
12. Tarasenko, V.F., Melik-Gaykazyan, I.V., Melik-Gaykazyan, M.V. & Gorbulyeva, M.S. (2016) “Rabbit effect”: the reasons of volunteer movements as the diagnostics of the role transformations of human resource management. *Proceedings of The 28th International Business Information Management Association Conference*. Seville, Spain. November 9–10, 2016. pp. 2179–2182.
13. Melik-Gaykazyan, I. (ed.) (2005) *Mif, mehta, real'nost'* [Myth, Dream, Reality]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Tishchenko, P.D. (2014) Rossiya 2045: kotlovan dlya avatara (razmyshleniya v svyazi s knigoy “Global'noye budushcheye 2045. Konvergentnyye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya”) [Russia 2045: The Foundation Pit for avatar. Reflections in connection with a book “Global Future 2045: Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution”]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 181–186.
15. Tishchenko, P.D. (2017) *Konvergensiya tekhnologiy i divergentsiya budushchego cheloveka* [The convergence of technology and the divergence of the future man]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
16. Kozhevnikova, M. (2013) Hybrids and Chimaeras of Humans and Animals: Experiments and Ethics. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic Review*. 6. pp. 109–117. (In Russian).
17. Kozhevnikova, M. (2017) *Gibridy i khimery cheloveka i zhivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii* [Hybrids and Chimaeras of Human and Animal: From Mythology to Biotechnology]. Moscow: IF RAS.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/45/9

Т.С. Пронина

ТРАДИЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ «ЭКЗ-АПТАЦИЯ» ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Предпринят анализ трансформаций социальной системы, которые происходят в результате использования ее ресурсов иными социальными акторами. На примере использования наследия и потенциала религий в современном российском обществе автор делает вывод, что при сохранении названия и стереотипного представления о них мы имеем дело уже с чем-то принципиально отличным от их исходного состояния.

Ключевые слова: экз-аптация христианства, религия в современной России, традиция.

На примере конкретных социальных систем можно увидеть, как при использовании их ресурсов другими акторами происходят существенные изменения в самих системах. В результате при сохранении названия и стереотипного представления о них мы имеем дело уже с чем-то принципиально отличным от исходного состояния, с чем-то иным. В этом случае важно ответить на два вопроса. Первый: трансформация социальной структуры есть попытка самосохранения, или же существенные изменения происходят в результате использования ее ресурсов другими акторами для своих целей? Определяющее значение для характеристики объекта имеет тот, кто использует, а не тот, кого используют. «Использование» приводит к качественным изменениям первоначальной структуры, располагающей нужными ресурсами: меняются комплекс и иерархия исполняемых функций. В связи с этим возникает второй вопрос: не правильнее ли рассматривать структуру не как самостоятельную, но как подсистему эксплуатирующего ее ресурсы актора? В статье предпринимается попытка проанализировать трансформации религиозных систем, происходящие в результате использования потенциала религиозной традиции для конструирования социальных стереотипов, идеологий, мифологем.

Активно используя «наследие вероисповедания» – религиозную риторику, моральные кодексы, культурные символы и архетипы, связанные с религиозной традицией, иные социальные акторы осуществляют своеобразное взаимовыгодное заимствование, позволяющее им решать собственные задачи. Подобный симбиоз приносит определенную пользу и религии. В интересах религиозных институтов, имеющих прагматический характер, существенно изменяется кодекс религиозных норм, регулирующих социальные практики верующих, религиями легитимируются современные социальные порядки. Происходят изменения и в религиозности последователей: меняется

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в постсекулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

отношение к религиозной истине, восприятие вероучительных положений, комплекс исполняемых религиозных практик. По мнению Р. Беллы, современные религиозные системы являются мироутверждающими, но «утверждая» этот мир, они ставят под сомнение сами исторические религии, под которыми он подразумевает христианство, ислам, буддизм, конфуцианство, индуизм, иудаизм [1. С. 268–269]. Религии претерпевают столь кардинальные функциональные изменения, что возникает вопрос, с религиями ли мы все еще имеем дело, или это уже нечто другое.

Идеологическая рецепция религии в постсоветский период, когда она выполнила роль важнейшего ресурса конструирования гражданской идентичности, мы рассматриваем как экз-аптацию¹ религии. Представители православного мейнстрима активно включились в дискурс о национальной идее, настаивая на историческом праве Русской православной церкви формировать новую идеологию. По сути, они предложили актуальную реинтерпретацию знакомой традиции, используя привычные для россиян идеологемы, моральные авторитеты и ценности [2. С. 162]. Не лишенный противоречивости каркас новой гражданской идентичности соединяет унаследованные от советской эпохи и новые сакральные смыслы. Ретроспективно ориентированное массовое сознание, архаизировано и традиционализировано – склонно искать все лучшее в мифическом «золотом» прошлом. Идеологи РПЦ настойчиво представляют идеологему о золотом веке православной империи, принимая за образец, по меткому замечанию свящ. Г. Чистякова, не евангельский идеал, а Россию К.П. Победоносцева: «В качестве примера для подражания избирается Россия второй половины XIX в. с теми охранительными тенденциями, которые были присущи в ту эпоху церковному сознанию (Победоносцев, Леонтьев, черная сотня)», а не эпоха апостолов и Христа» [3. С. 70–71].

В российском массовом сознании сформировался устойчивый социальный стереотип о положительной роли традиции и позитивном характере всего традиционного. Однако, признавая позитивное значение, следует указать и на противоречивость проявлений традиционного. Как справедливо замечает А.Ф. Черняховский, один из инициаторов создания Изборского клуба², объединившего интеллектуалов консервативных взглядов, «традиции бывают разные. Была на Руси такая традиция – крепостное право. Патриот должен ее сохранять и приумножать? Была еще традиция битья кнутом и вырывания ноздрей. Так кого надо считать патриотом: того, кто сохраняет такие традиции, или того, кто хочет от них отказаться? Испытываю некую неловкость за обращение к хрестоматийным примерам, но была традиция самодержавного правления и была традиция восстаний и народных войн против самодержавия» [5].

¹ Термин «экз-аптация» используется в контексте идей С. Жижека [4], который, в свою очередь, позаимствовал его у Стивена Джея Гулда. Он перенес термин из области палеонтологии и адаптировал к анализу социальной реальности. Заимствование, на наш взгляд, оказалось продуктивным. Исходное значение данного термина – приспособление имеющихся свойств, факторов к новым условиям, что приводит к качественной трансформации носителя этих свойств.

² Сообщество, созданное в 2012 г. группой российских интеллектуалов, позиционирующих себя как экспертов во внутренней и внешней политике в городе Изборске (отсюда и название). Председатель клуба А.А. Проханов. «Идеологическое направление Изборского клуба можно обозначить как социальный консерватизм, синтез в единую идейную платформу различных взглядов русских государственников (от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов)». Официальный сайт клуба.

Неоднозначно проявляется традиционное и в религиозной сфере, где традиция нивелирует протест, интенсивность веры трансформирует в миропринимавшие и мироутверждающие социальные практики. В результате ритуалы, обычаи, формы социализации, культурные артефакты как внешние проявления религиозности начинают превалировать над внутренними религиозными переживаниями, духовным поиском. По словам П. Бергера, «традиция не только опосредует религиозный опыт, она его также приручает. По самой своей природе религиозный опыт является постоянной угрозой общественному порядку – не только в смысле того или иного социально-политического status quo, но также в более фундаментальном смысле жизнедеятельности. Религиозный опыт радикально релятивизирует, если не обесценивает вообще, обычные заботы человеческой жизни» [6. С. 220–221].

Понятие традиции многозначно. Мы используем концепт, синтезирующий наиболее значимые смыслы, принимая в качестве основного следующий – традиция как совокупность представлений, идей, навыков практической, интеллектуальной деятельности, стереотипов социального поведения, обычаев и др., передаваемых от поколения к поколению. В контексте рассматриваемой проблемы важно учесть особенности традиционного мышления. Оно опирается на оппозиции, чаще всего, дихотомического типа, когда третьего не может быть, ибо третье по определению предполагает сложность. Основываясь на дихотомическом принципе, традиционное мышление наиболее эффективно реализуется через абсолютизирование тезиса. Антитезис получает оценочную коннотацию с отрицательным знаком, иные, отличные от их собственных, взгляды, мнения рассматриваются как ошибочные, осознанно враждебные, их приверженцы маркируются как враги. Антитезис очень важен, так как тезис часто лишь знак, сигнал, не отсылающий к содержанию, но ориентирующий на оппозицию, на враждебность.

Носителям такого типа сознания присущ негативный тип идентичности, основной механизм формирования которой осуществляется через противопоставление «мы – они». При этом основной механизм формирования содержания «мы» – метод отрицания. Учитывая, что акты сравнения и узнавания составляют необходимую часть идентификации, следует признать, что дихотомия «мы – они» является неизбежной частью процесса коллективной идентификации. Сравнение через противопоставление позволяет осознать собственную уникальность, самобытность своего сообщества. В российском самосознании стереотип о враждебном западном мире имеет глубокие исторические корни. Столкновение политико-экономических интересов неразрывно переплетено с конкуренцией в религиозной сфере. Потому понятно, что одной из констант религиозной идентичности россиян является противопоставление Запада, с отпавшими от истины христианства католицизмом и протестантизмом, и России – хранительницы истинной веры – православной. Представители православного дискурса активно используют данный рефрен, как, например, один из главных идеологов РПЦ А. Щипков: «...именно мы являемся неовизантийцами, наследниками одной из великих европейских традиций, и по праву обладаем историческим гражданством Третьего Рима» [7].

Категория «мы» в негативной самоидентификации выступает олицетворением всего положительного, духовно высокого, здорового, нравственного. Негативное конструирование идентичности использует различные формы

эксклюзивизма, прежде всего этнического и религиозного. Сознанию, имеющему негативную идентичность, свойственны архаизация и традиционализм. Это приводит к ретроспективной обращенности, когда лучшее усматривается в прошлом и прошлое становится идеалом, который необходимо возродить. Этот процесс сопровождается активным социальным мифотворчеством, позволяющим легитимировать собственную позицию. Традиция, на самом деле, конструируется интеллектуалами, имеющими политические, идеологические цели. Отношение к наследию носит избирательный характер: используются только те ресурсы, которые позволяют обосновать свою версию традиции, исторические события получают вольную интерпретацию, культурные артефакты привлекаются для артикуляции современных смыслов. Остракизму подвергается не новое как таковое, но то, что не вписывается в отстаиваемую картину мира, подрывает устои. Мифологизируется как собственный образ, при описании которого используются только положительные эпитеты – «в этих людях сохранилось неповрежденное нравственное чувство», «являются опорой любой конструктивной власти», так и образ врага, характеризующийся с помощью набора отрицательных черт, – «циничные „креативные элиты“ без роду и племени всегда власть предадут, как только появится возможность сделать революцию или поработать на богатого заграничного дядю, заинтересованного в распаде России» – дихотомическое описание из «Заявления Совета православной патриотической общественности» [8]. Идеологи традиционализма активно конструируют и свою версию истории, манипулируя историческим материалом как средством для формирования мифологем. Некоторые версии весьма примитивны, но востребованы определенной аудиторией, которая ждет простых ответов, ориентирована на схематичную стереотипизированную картину мира, как, например, фрагмент беседы известного православного интеллектуала протоиерея Всеволода Чаплина на радио «Эхо Москвы»: «Ведущая: Да, но ведь позвольте, с такой логикой можно и Сталина, например, оправдывать. Мол, да, конечно, были перегибы, но... мол эффективный менеджер... Всеволод Чаплин: Он многое сделал... Слушайте, а что, в конце концов, плохого в уничтожении некоторой части внутренних врагов?» [9].

Не случайно также, что категория «мы» как таковая безлична. Использование обезличенных маркеров «мы», «наши» обнаруживает дефицит ресурсов для наполнения идентичности положительным содержанием. «Традиционное» в данном случае представляет собой синонимичную инверсию категории «наше» как, безусловно, лучшее.

Парадоксально, но коллективное «мы» не избавляет общество от атомизации и противостояния «всех против всех». Дело в том, что эта категория становится бессодержательной с точки зрения индивидуального бытия, заставляя его подменять свою идентичность некой сверхидентичностью сообщества. В результате тип с негативной идентичностью обречен на жизненную стратегию «постоянный поиск чужаков и врагов», что необходимо для осознания собственного Я. Противопоставление «мы – они» с отрицательной коннотацией «они» – чужие, чуждые, враждебные. С. Жижек назвал «псевдодialeктической противоположностью любви» [4]. Как пример дискурсов, обозначающих подобное противопоставление, можно привести фрагмент «Заявления Совета православной патриотической общественности»: «Она (ситуация с показом фильма «Матильда»)

выявила глубинный мировоззренческий и нравственный конфликт между большинством социально активных граждан России и узкой окологкультурной тусовкой, настроенной аморально, русофобски, антинародно. Речь идет о двух вселенных – народе Божиим и новом Вавилоне» [8].

Представители негативного типа идентичности эффективно реализуют виды деятельности по модели «вся жизнь – борьба». Установка на борьбу фундирует всю их жизнь, придавая ей пафосный смысл, который романтизирует в том числе и радикальные формы борьбы с инакомыслящими. Риторика оправдания и возвеличивания таких действий связывает их с высокими и нравственными целями: помочь «слабому», защитить Отечество, отстоять традиционные ценности. Как средство используется обращение к традиции, при этом сама традиция активно конструируется: исторические повествования, жития святых, литературно-художественная традиция становятся лишь инструментальным набором для обоснования актуальных смыслов и задач: «У нас есть святые Пересвет и Ослябля (сохранено написание источника) – это святые схимники, которых отправили на бой. Отправил их лично Сергей Радонежский. Эти люди погибли в бою, погибли за правое дело, и не просто погибли, а кого-то еще убивали»; «...у православных людей есть полное православное право на основе святых отцов, того же самого Александра Невского, взять и наказать своего врага» [8].

Первая задача в такой деятельностной стратегии – найти врага. На месте последнего может оказаться кто угодно. «Персональность» здесь не важна, главное, чтобы был объект для самоидентификации от противного. Как сформулировал при описании «одномерного» испуганного человека современных обществ Г. Маркузе, «мобилизация против врага действует как могучий стимул» [10. С. 29]. Но такой тип консолидации также носит негативный характер и имеет краткосрочный сценарий. Он не поставляет ресурсов для наполнения идентичности положительным содержанием и действует только на поддержание противостояния. Постоянное подпитывание образа «врага» превращает общество в обороняющееся общество. Подобная стратегия потенциально опасна, так как мифологический прагматизм способен рационализировать преступные акты с известной аргументацией: «во имя интересов многих будущих поколений», «ради сохранения духовности и традиционных ценностей» допустимо уничтожение стольких-то людей, ну, или, хотя бы ограничение их свободы, прав: «...пораженное безумием целое санкционирует безумность частных проявлений и превращает преступления против человечества в рациональную предприимчивость» [10. С. 68].

Представители негативного типа идентичности успешно разрабатывают стратегии противостояния и борьбы, но обнаруживают острый дефицит позитивных моделей деятельности, и при уходе от дихотомического принципа мышления и поведения теряются, наращивают агрессивные формы поведения, «ибо Враг существует постоянно – не только в чрезвычайной ситуации, но также и при нормальном положении дел. Он равно угрожает как во время войны, так и в мирное время (причем, пожалуй, даже больше, чем в военное); он, таким образом, встраивается в систему как связующая ее сила» [10. С. 67].

В дискурсах активно эксплуатируются в разных инверсиях категории добра и зла: все «наше» – доброе, иное – злое. Одобряемое в собственной системе координат оценивается как положительное, правильное; не одобряемое

же без осмысления содержания клеймится как негативное, деструктивное: «...провокации нескольких преступников для того, чтобы призывать к репрессиям против всей православной общественности, добиваться лишения ее права на голос и на участие в политическом процессе» [8].

Несмотря на активную эксплуатацию понятия добра, негативной идентичности свойствен нравственный тоталитаризм, так как зло – это то, что не вписывается в собственную моральную, мировоззренческую систему. Таким образом, категории добра и зла не имеют абсолютного содержания, релятивизируются в зависимости от актуальных смыслов. Данное положение служит еще одним аргументом в пользу основного вывода об экз-аптации христианства в такой конструкции идентичности, поскольку в христианстве присутствует моральный абсолют.

Т. Адорно в работе «Исследование авторитарной личности» анализирует причины того, почему приверженные традиции законопослушные немцы массово приняли нацистские идеи. Патриотизм и традиции он рассматривает как культурные эквиваленты христианства, свидетельствующие о его действительной нейтрализации: «Оторванные от своего происхождения, лишённые специфического содержания, эти элементы христианства легко становятся застывшими формулами и принимают просто непримиримые формы, проявляющиеся у лиц, подверженных предрассудкам и предубеждениям». В результате «принадлежность к вероисповеданию приобретает форму агрессивной фатальности, подобную чувству принадлежности к особой нации», и «чем традиционнее религия, тем в большей степени она совпадает со взглядами этноцентричного индивидуума». И для «приличных», т.е. традиционализированных, людей, «для которых „второй натурой“ стала привычка посещать церковь, и в то же время воспринимается как само собой разумеющееся, что евреи не допускаются в их клуб» [11].

Традиционное преломляет сквозь свою призму все ценностные константы. В результате черное может стать белым, и наоборот. Как пример такой манипуляции еще один фрагмент из беседы В. Чаплина: «Ведущий: ...Как ваша вера соотносится с уничтожением, фактически убийством людей? В. Чаплин: Самым прямым образом. Бог сам уничтожал целые народы – знаем это из Ветхого Завета, – он будет поражать смертью огромные массы людей, в том числе детей, женщин, инвалидов и так далее, и мы об этом знаем из Апокалипсиса» [9].

Чем более стереотипизировано сознание верующего религиозной традицией, тем более он сосредоточен на собственной избранности и более нетерпим к инакомыслящим, поскольку традиция провоцирует на «автоматические» реакции. Стереотипизация сознания и вовсе способна отрывать объект от его свойств, и тогда агрессия может быть направлена просто на объект, даже если он не обладает ненавидимыми свойствами. И главным оказывается само агрессивное поведение, которое ищет объект для приложения агрессии. Дело в том, что происходит обратное влияние – стереотипы формируют опыт, поскольку стереотипизирование лишает способности приобретать опыт. Стереотипизированное сознание создает псевдореальность, наделяя ее негативными характеристиками. В результате «носитель зла» обречен на ненависть и бессилен оправдаться. Усвоение стереотипов есть проекция индивидуальных страхов и отсутствия собственного мнения, понимания. Согласимся с Т. Адорно в том, что это тип ущербного сознания.

Стереотипизированное сознание тесно связано с традицией, основанной на партиципации. Оно оперирует константами, которые освящаются традицией. Поскольку оно невосприимчиво к противоречиям, то традиция оценивается внелогически как только положительное. Отсылки к православной традиции конструкторов негативной идентичности заключают в себе определенное противоречие. Национализация христианства, так же как и его «огосударствливание» – использование «наследия вероисповедания» для формирования национальной идеологии, есть экз-аптация христианства. Это позволяет не только нивелировать сущностную нереспектабельность христианства. Происходит эволюция самого христианства: при сохранении живой веры в людях и отдельных сообществах, образуется и крепнет его симулякр в форме гражданско-идеологической рецепции. Парадокс заключается в том, что Христос неудобен для всего традиционного: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание к Галатам 3 : 28.)

Интенсивный религиозный опыт имеет индивидуальное проявление, традиция же общезначима и предполагает формализацию религиозного опыта. Мессиянство плохо коррелирует с экономическими и политическими порядками, социальными институтами, не связано с хозяйством или семьей: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, и притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14 : 26). С точки зрения самосохранения для социальной системы предпочтительнее вера как традиция с «рутинизацией харизмы», со снижением интенсивности переживаний, миссианского порыва [12]. Социальная общность, стремясь к самосохранению, постепенно переносит харизму с ее носителя на формируемую традицию. Священным становится коллективный интерес. Со временем первоначальный идеал заслоняется освящением традиции и ее трансляторов. Формируются социальные институты, которым делегируются права представлять традицию и использовать ее харизматическое наследие, в том числе для решения задач, способствующих их самосохранению. По этой причине в идеологическом дискурсе национализированная инверсия христианства превалирует над содержанием проповеди Христа.

Таким образом, христианство для структурированной социальной системы – это опасная девиация, которая угрожает ее существованию, поскольку отменяет любую внешнюю иерархию, заменяя ее иерархией ступеней духовного пути. Христианство представляет потенциальную опасность и для институализированной религиозности, поскольку объявляет для каждого возможность непосредственного общения с Абсолютом, независимо от конфессиональной, национальной, территориальной принадлежности. Христиане, мы согласимся с С. Жижеком, сущностные «отщепенцы». Приходится признать верность парадоксального утверждения: христианство нетрадиционно, христианство – это неповторимый и уникальный опыт встречи каждого с Христом.

Литература

1. Белла Р. Социология религии // Американская социология : Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 265–281.
2. Пронина Т.С. Религия и идентичность: «Homo post-Sovieticus» в поисках себя // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 3. С. 161–173.

3. Чистяков Г., свящ. Проблемы самоопределения православного самосознания // Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Л. Степанянц. М., 2003. С. 68–81.
4. Жижек С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие // Медиатека. Предание.ру. URL: <https://predanie.ru/zhizhek-slavoy/book/216410-hrupkiy-absolyut-ili-pochemu-stoit-borotsya-za-hristianskoe-nasledie/> (дата обращения: 13.09.2018).
5. Черняховский С.Ф. Белое и красное // Плаха. 1917–2017. : Сборник статей о русской идентичности. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1> (дата обращения: 11.02.2018).
6. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество : Хрестоматия по социологии религии. М., 1994. С. 219–228.
7. Щипков А. Похищение русской идентичности // Плаха. 1917–2017 : Сборник статей о русской идентичности. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1> (дата обращения: 11.02.2018).
8. Заявление Совета православной патриотической общественности. 29.09.2017 // Ортодоксия. Территория жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ortodoksiya.ru/index.php/60-avstraliya/499-spory-vokrug-matildy-konflikt-dvukh-vselennykh-zayavlenie-soveta-pravoslavnoj-patrioticheskoy-obshchestvennosti> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Всеволод Чаплин – Персонально ваш – Эхо Москвы. 15.08.2016 // URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/> (дата обращения: 12.02.2018).
10. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.
11. Адорно Т. Исследование авторитарной личности // Библиотека Гумер. Социология [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno/index.php (дата обращения: 13.09.18).
12. Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 1: Социология. М., 2016. 445 с.

Tatiana S. Pronina, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: tania_pronina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 83–91.

DOI: 10.17223/1998863X/45/9

TRADITION AND THE IDEOLOGICAL “EXAPTATION” OF CHRISTIANITY IN MODERN RUSSIA

Keywords: exaptation of Christianity; religion in modern Russia; tradition.

The article analyzes the transformations of the social system that occur as a result of the use of its resources by other social actors. Using the example of the use of the heritage and the potential of the religious tradition for the construction of social stereotypes, ideologies, mythology in contemporary Russian society, the author concludes that, with the preservation of the name and stereotyped image of them, we are dealing with something fundamentally different from their original state. The ideological reception of religion in the post-Soviet period, when it fulfilled the role of the most important resource of creating a civic identity, is estimated as an exaptation of religion. This term, borrowed from Slavoj Žižek, is an instrument in the analysis of the transformations of the religious system. Thus, the author points to the ambiguity of the traditional manifestation in the religious sphere, where tradition neutralizes the protest, the intensity of faith transforms into world-accepting and world-affirming social practices. As a result, rituals, customs, forms of socialization, cultural artifacts as external manifestations of religiosity begin to prevail over internal religious experiences, spiritual search. The next important thesis about the connection between traditional thinking and negative identity is illustrated by an analysis of discourses on the themes of ideology, traditions, places and role of the church in society. Negative construction of identity uses various forms of exclusivism, primarily ethnic and religious. This process is accompanied by active social myth-making, which allows legitimizing one's own position. Tradition, in fact, is designed by intellectuals who have political, ideological intents. The attitude to the heritage is selective: only resources that allow one to substantiate their version of the tradition are used; historical events receive a free interpretation, cultural artifacts are used to articulate modern senses. Tradition is meaningful for everyone, and it formalizes religious experience. From the point of view of self-preservation, faith as a tradition is preferable for a social system. The social community, striving for self-preservation, transfers charism from personality to the formed tradition. The collective interest becomes sacred. Thus, Christianity for a structured social system is a dangerous deviation that threatens its existence; it is not traditional.

References

1. Bella, R. (1972) *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion]. In: Osipov, G.V. (ed.) *Amerikan-skaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody* [American Sociology. Prospects, Problems, Methods]. Translated from English by V.V. Voronin, E.V. Zinkovsky. Moscow: Progress. pp. 265–281.
2. Pronina, T.S. (2017) *Religiya i identichnost': "Homo post-Sovieticus" v poiskakh sebya* [Religion and identity: "Homo post-Sovieticus" in search of themselves]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 3. pp. 161–173.
3. Chistyakov, G. (2003) *Svyashch. Problemy samoopredeleniya pravoslavnogo samosoznaniya* [Holy. Problems of self-determination of Orthodox self-consciousness]. In: Stepanyants, M.L. (ed.) *Religiya i identichnost' v Rossii* [Religion and Identity in Russia]. Moscow: [s.n.]. pp. 68–81.
4. Žižek, S. (n.d.) *Khrupkiy absolyut, ili pochemu stoit borot'sya za khristianskoye nasledie* [The Fragile Absolute: Or, Why is the Christian Legacy Worth Fighting For?]. Translated by V. Mazin. [Online] Available from: <https://predanie.ru/zhizhek-slavoy/book/216410-hrupkiy-absolyut-ili-pochemu-stoit-borotsya-za-hristianskoe-nasledie/>. (Accessed: 13th September 2018).
5. Chernyakhovskiy, S.F. (2015) *Beloye i krasnoye* [White and Red]. In: Shchipkov, V. (ed.) *Plakha. 1917–2017. Sbornik statey o russkoy identichnosti* [Scaffold. 1917–2017. Collection of Articles on Russian Identity]. Moscow: Litres. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1>. (Accessed: 11th February 2018).
6. Berger, P. (1994) *Religioznyy opyt i traditsiya* [Religious experience and tradition]. In: Garadzha, V.I. (ed.) *Religiya i obshchestvo. Khrestomatiya po sotsiologii religii* [Religion and Society. A Reader on the Sociology of Religion]. Moscow: Nauka. pp. 219–228.
7. Shchipkov, A. (2015) *Pokhishcheniye russkoy identichnosti* [The abduction of Russian identity]. In: Shchipkov, V. (ed.) *Plakha. 1917–2017. Sbornik statey o russkoy identichnosti* [Scaffold. 1917–2017. Collection of Articles on Russian Identity]. Moscow: Litres. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1>. (Accessed: 11th February 2018).
8. Council of Orthodox Patriotic Public. (2017) *Zayavleniye Soveta pravoslavnoy patrioticheskoy obshchestvennosti* [Statement by the Council of the Orthodox patriotic public]. September 29, 2017. [Online] Available from: <http://www.ortodoksiya.ru/index.php/60-avstraliya/499-spory-vokrug-matildy-konflikt-dvukh-vselennykh-zayavlenie-soveta-pravoslavnoj-patrioticheskoy-obshchestvennosti>. (Accessed: 15th September 2017).
9. Chaplin, Vs. (2016) *Vsevolod Chaplin – Personal'no vash – Ekho Moskvy* [Vsevolod Chaplin – Personally yours – Echo of Moscow]. Interview with Vs. Chaplin. August 15, 2016. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/>. (Accessed: 12th February 2018).
10. Markuze, G. (1994) *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Translated from English by A. Yudin. Moscow: Yermak, Neoclassic, AST.
11. Adorno, T. (n.d.) *Issledovaniye avtoritarnoy lichnosti* [The study of the authoritarian personality]. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno/index.php. (Accessed: 13th September 2018).
12. Weber, M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Vol. 1. Translated from German by L.G. Ionin. Moscow.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/45/10

Г.Г. Антух

О САМОПРОТИВОРЕЧИВОСТИ АНТИФИЗИКАЛИЗМА В ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ Д. ЧАЛМЕРСА¹

Рассматривается проблема онтологического статуса сознания в дискуссии физикализма и антифизикализма. На примере концепции сознания Д. Чалмерса показывается несостоятельность антифизикалистской доктрины. Анализируются формальные, эпистемологические и языковые аспекты позиции дуализма свойств. Критикуется идея о сверхматериальной супервентной природе сознания, утверждается невозможность фактической констатации субъективного содержания опыта. Делается вывод о самопротиворечивости антифизикализма в философии сознания.

Ключевые слова: сознание, физикализм, антифизикализм, Д. Чалмерс, супервентность, дополнительные и позитивные факты.

Одна из актуальных задач современной философии заключается в прояснении онтологического статуса сознания в дискуссии физикализма и антифизикализма. В общем виде физикализм утверждает возможность объяснения феноменов сознания через понятия о физическом мире, антифизикализм отрицает такую возможность.

В философии сознания физикализм главным образом обращается к двум концептуальным моделям: физиологическому редукционизму и бихевиоризму. Физиологический редукционизм исследует нейрофизиологический и морфофункциональный субстрат психики, объектом бихевиоризма выступает функциональный анализ психической активности, выраженной в поведенческих актах и деятельности. Позиция антифизикализма имеет несколько размытые границы. Отчетливо выделяются три антифизикалистских проекта: ментализм (интенционализм / психологизм) [1], ненатуралистический дуализм (субстанциональный дуализм) [2] и натуралистический дуализм (дуализм свойств) [3]. Наиболее оживленные споры разворачиваются вокруг позиции натуралистического дуализма.

Натуралистический дуализм, или дуализм свойств, постулирует единый каузально замкнутый мир, представленный нередуцируемыми физическими и нефизическими свойствами, при этом за сознанием закрепляется статус фундаментального свойства универсума, несводимого к физическим свойствам. Таким образом, формулируется предположение о психофизической природе реальности и заявляется о необходимости пересмотра физикалистской доктрины с учетом возможности нередуктивного объяснения сознательного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

опыта. Конкретным примером натуралистического дуализма в философии сознания может служить теория Д. Чалмерса.

В общем и целом концепция Чалмерса, представленная обстоятельным анализом с привлечением различных методологических приемов в работе «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» (1996), достаточно прозрачна. Утрируя и без того очевидный посыл, обозначим пафос данного исследования следующим лозунгом:

Сознание есть потому, что неразумно думать, что его нет!

Автор отмечает, что замысел его работы заключается не столько в том, чтобы убедить сомневающихся, сколько в том, чтобы в конце концов получить работающую теорию сознания. Получить такую теорию, по убеждению философа, невозможно, если не следовать определенным правилам: «принимать сознание всерьез <...> всерьез принимать науку <...> признать сознание естественным феноменом» [3. С. 9–12]. Маловероятно, что найдется хотя бы одно убедительное возражение против позитивной роли указанных директив для дисциплины ума в исследовании проблемы сознания. Бывает, однако, и так, что при всей серьезности намерений реализация оставляет желать лучшего.

Основным выводом, проходящим лейтмотивом через все исследование Чалмерса, становится положение о том, *что сознание есть нередуцируемая к физическому, но производная от него данность, объяснение которой невозможно без принципиального пересмотра фундаментальных основ физической теории*. В своих выводах философ явно не скупится на широкий размах, который едва ли сгодится на то, чтобы оправдать незначительную силу выпада слабыми аргументами. Не нужно иметь глубоких познаний в философии, чтобы понять, что данный тезис противоречив, и это будет показано. Но прежде имеет смысл разобраться с тем, как сам Чалмерс видит возможным подобное положение вещей. Для этого потребуется обратиться к понятию *супервентности*, занимающему центральное место в антифизикалистской доктрине.

В широком смысле под супервентностью следует понимать тип нередуктивной причинной связи между разноуровневыми классами объектов [4]. Условно *объекты класса R супервентны на объектах класса S всегда, когда различия в R однозначно соотносятся с различиями в S, и никогда при тех же различиях в R с отсутствием различий в S*. Выделяются различные типы супервентности, нас интересуют следующие два: логическая и естественная.

Логическая супервентность определяется принципом: объекты класса R супервентны на объектах класса S только тогда, когда не существует логической возможности представить различия в R без соответствующих условиям различий в S. Другими словами, логическая супервентность подразумевает такой тип отношений, при котором объекты класса R необходимо супервентны на объектах класса S. С точки зрения логики альтернативных миров данный тип отношений задается правилом: *необходимым признается такое положение дел, пропозиция которого принимает истинностное значение в каждом из возможных миров*.

Естественная супервентность предусматривает такой тип связи, в котором объекты класса R супервентны на объектах класса S только тогда, когда не существует естественных предпосылок, при которых различия в R

могли бы возникать без соответствующих обстоятельствам различий в *S*. Данный тип отношений предполагает, что *пропозиция известного положения дел может принимать как истинностное, так и ложное значение в зависимости от логики альтернативной действительности*.

По отношению к фактам мира данные типы супервентности существенно различаются. Логическая супервентность указывает на то, что наличие в мире *S*-фактов с необходимостью влечет за собой наличие *R*-фактов. Например, если существуют базовые физические свойства, то физико-химические свойства даны по умолчанию – атомарная структура по умолчанию определяет молекулярные свойства. В случае с естественной супервентностью дело обстоит несколько иначе, здесь наличие в мире *S*-фактов с необходимостью *не* влечет наличия *R*-фактов. Представить такой тип отношений, при котором одни факты *естественно* супервентны на других, но логически некомплементарны им, достаточно проблематично. В силу того, что большинство известных науке физических фактов логически супервентны на других физических низкоуровневых фактах, правдоподобной кажется мысль, что естественная супервентность необходимо связана с логической. По сути, с этой мыслью за одним исключением соглашаются и сторонники позиции дуализма свойств; исключением становится сознательный опыт и его производные. Вследствие признания того, что факты сознания естественно супервентны на физических фактах, но логически некомплементарны им, утверждается, что факты сознания не редуцируемы к фактам физического мира. Так антифизикалисты приходят к выводу о ложности физикалистской доктрины и о необходимости ее пересмотра по нередуктивному типу. Говоря проще, Чалмерс с единомышленниками сходятся в том, что хотя между сознательным опытом и фактами физического мира отсутствует логическая связь, это совершенно не означает отсутствия естественной связи, прояснением которой, по их мнению, и следовало бы заняться науке о сознании после признания психофизического единства универсума.

В защиту своей позиции Чалмерс представляет критический аргумент против физикализма в теории сознания. Физикализм ложен, утверждает философ, потому что:

«1. В нашем мире существует сознательный опыт.

2. Имеется логически возможный мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты о сознании из нашего мира.

3. Поэтому факты о сознании – дополнительные факты нашего мира, обособленные от физических фактов.

4. Значит, материализм ложен» [3. С. 160].

Прежде стоит обратить внимание на то, что для основного аргумента своего учения Чалмерс выбирает не совсем удачный способ рассуждения, более напоминающий софизм. И в самом деле, не трудно заметить, что общая структура данного рассуждения позволяет подвести основания для чего угодно, хоть для существования пришельцев из космоса, машины времени или говорящей на суахили утки. Современный «Евбулид» склоняет нас к следующему умозаключению: «Если мы имеем все то, что не теряли, а сознание мы не теряли точно, то оно наверняка у нас есть». Конечно, последователь Чалмерса, увлеченный тонкой аналитикой, оправданно составляющей значительную часть работы его учителя, вероятно, отнесется к данному заме-

чанию с иронией. Но ведь в отличие от сторонника позиции дуализма свойств ничто не принуждает разумного скептика соглашаться с первой посылкой. Если хотя бы просто сместить акцент с утвердительного довода на условный, данный аргумент покажется уже не аргументом в пользу сознания, а, пожалуй, аргументом против обоснованной логики исследования, выучившей уроки философии. Действительно, а если в нашем мире не существует сознательного опыта, что тогда получается? Попробуем разобраться, какие еще детали свидетельствуют о необедительности данного аргумента.

Урок I. Первым решительным шагом в аргументации Чалмерса становится обоснование альтернативной реальности, в которой при отсутствии сознательного опыта сохраняются все физические референции нашего мира. Существует несколько возможностей для критического осмысления данного условия, первая возможность чисто формальная, вторая – концептуально-онтологическая.

Для формальной оценки первого условия проанализируем структуру 2-й посылки, представив ее таким образом: *имеется логически возможный мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты об x , где x – известный предмет, в отношении которого ведется доказательство*. Строго говоря, данное утверждение имеет смысл только тогда, когда x действительно существует, т.е. однозначно соотносится с известным положением вещей в мире. Неважно, подразумеваем ли мы под ' x ' сознание, единорогов, говорящую утку и т.п. До тех пор, пока нам ничего не известно об x , разговор о существовании логически возможного мира без x не имеет смысла. В исследовании Чалмерса такой проблемы нет потому, что существование сознательного опыта предполагается им как что-то само собой разумеющееся и вместе с тем как что-то неопределенное, о чем только и известно самому исследователю. Сказать, что «В нашем мире существует сознательный опыт» все равно, что сказать, что «В нашем мире существует нечто», т.е. не сказать при этом ничего, что могло бы хоть что-то значить. Дело в том, что с точки зрения логико-семантического анализа предикат существования служит для обозначения пропозициональной функции или логического класса, но никак не для обозначения объектов реального мира [5]. Забывая об этом, мы приходим к той разновидности ошибок, о которых, в частности, говорил Б. Рассел. Например, если мы утверждаем, что «Люди существуют» и «Сократ – человек», нам следовало бы заключить, что «Сократ существует». С таким же успехом из посылок «Великих ученых больше одного» и «Хокинг – великий ученый» можно сделать вывод, что «Хокингов больше одного». Понятно, что это ошибка. И если Чалмерс так не считает, то нас ничто не обязывает принимать правила сомнительной игры в несуществующие аргументы. Мы просто отказываемся от существования сознательного опыта в том виде, в котором его представляют антифизикалисты. Теперь для того, чтобы принять существование логически возможного мира, физически идентичного нашему, в котором отсутствуют позитивные факты об x , нужно признать одно из двух: либо эти факты не установлены, либо таковых фактов нет в принципе. Как видно, ни первое, ни второе из условий нельзя допустить без противоречия: *если в физически идентичном нашему миру не существуют неуставленные факты, то данный мир не есть мир, физически идентичный нашему; если в физически идентичном нашему миру тако-*

вых фактов нет в принципе, то данный мир не есть физически идентичный нашему. В обоих случаях существование такого мира невозможно вследствие нарушения условия логической непротиворечивости. Нужно ли еще что-либо говорить?

Урок II. Следующая возможность для критики второй посылки аргумента Чалмерса обнаруживается при прояснении концептуально-онтологических оснований. Особое внимание стоит уделить соотношению понятий «мир» и «позитивный факт».

Предположительно, *если бы в нашем мире существовали позитивные факты об x , то в опровержении физикализма не было бы необходимости.* Данная мысль представляется очевидной, ведь, как известно, именно физикалистская доктрина предлагает критерии позитивного знания, следовательно, идея о существовании позитивных фактов за границами физикализма недопустима по определению. Из определения физикализма, если только мы с Чалмерсом пониманием его одинаково, следует несколько простых фундаментальных истин. Уточним, что с точки зрения физикализма существовать означает:

быть в пространстве и времени,

быть познаваемым и

быть закономерно регулярным в опыте. Еще И. Кант учил, что существовать в пространстве и времени означает быть в каузально замкнутом мире. В свою очередь, быть в каузально замкнутом мире означает быть связанным необходимой естественной причинностью событий [6]. При этом всякой вещи, явлению или событию приписывается быть производным от y , быть частью или свойством y или возникать вследствие y , где y – такой же физический объект, существующий аналогичным образом в соответствии с заданными обстоятельствами. Вслед за пространством, временем и законом причинности безоговорочным для физикализма выступает требование, согласно которому *мир есть и он познаваем либо мира нет вообще* [7]. Познаваемость [физического] мира определяется онтологическим детерминизмом, устанавливающим методологическую возможность выведения индуктивных закономерных связей, притом что возможность установления таковых связей уже подразумевает их существование. Всякий объект реальности, таким образом, с необходимостью рассматривается через принадлежность предмета мышления системе наблюдаемых вещей и явлений в нецентрированном мире [8]. Отрицать это – значит отрицать возможность устойчивых закономерных отношений между наблюдаемыми феноменами и в конечном счете отрицать реальность. Чем, собственно, и занимаются антифизикалисты, когда постулируют существование познаваемой сверхматериальной действительности. В соответствии с данным убеждением нам следует поверить в неопределенные в пространстве и времени и не связанные причинностью объекты, которые не просто выводятся за границу [физической] реальности, но при этом еще называются позитивными фактами нашего мира, т.е. определяются, в сущности, познаваемыми феноменами. Думается, данное убеждение крайне непоследовательно. Эту же непоследовательность мы встречаем во второй посылке аргумента Чалмерса, в которой утверждается *существование некоторого x , которому приписывается быть производным от y (быть частью или свойством y , или возникать вследствие y) и одновременно не быть про-*

изводным от у. Наверное, следующая аналогия малоинформативна, однако представим ситуацию, в которой один человек пытается объяснить другому маршрут до «несуществующего музея» и делает это так старательно, что подробно расписывает все ориентиры, указывающие на данный маршрут, уверяя, что следуя именно этой дорогой можно скоро прийти к месту назначения. Нужно ли спрашивать, доберется ли человек до музея?

Ясно одно, что помимо формальных разночтений вторая посылка аргумента Чалмерса содержит в себе грубые концептуально-онтологические допущения.

Урок III. С учетом вышесказанного обратимся к 3-й посылке аргумента Чалмерса и предметно обсудим возможность сознательного опыта вне физикализма. Из содержания 3-й посылки мы узнаем, что *сведения о сознании есть дополнительные факты нашего мира, но они также не есть сведения о материальной природе вещей*. Данное утверждение, как, в общем, и вся философия Чалмерса, имеет силу только при условии того, что сознательный опыт вписывается в мир императивно. Без этого условия вопрос о том, являются ли сведения о субъективном содержании опыта дополнительными фактами мира и являются ли они фактами вообще, остается одним из центральных в современной философии сознания и аналитической философии. Проблема эта обычно формулируется в виде следующего вопроса: «Возможны ли осмысленные (имеющие устойчивое значение) высказывания об интрапсихической реальности»? Или иначе: «На что указывают предложения, содержащие ментальные, интенциональные и деятельностные предикаты»? Таким образом, некоторые философы всерьез полагают, что прежде чем решить, возможен ли сознательный опыт за границами физикализма, требуется решить, возможны ли осмысленные высказывания об интрапсихической реальности.

Известно авторитетное мнение, что проблема, сформулированная подобным образом, не то чтобы неразрешима, но вовсе некорректна [9]. При обсуждении данной темы можно встретить, например, вопросы, аналогичные такому: «Обозначает ли слово „ощущение“ ощущение» [10]? Казалось бы, что тут не так? Перед нами вопрос закрытого типа, соответственно, ответить на него можно либо утвердительно, либо отрицательно. Стало быть, есть всего два варианта ответа: «Да, слово „ощущение“ обозначает ощущение» и «Нет, слово „ощущение“ не обозначает ощущение». Утвердительный ответ не влечет за собой никаких противоречий, ведь если предполагается, что некоторое слово обозначает то, что оно обозначает, то наверняка предполагается и тождественность предмета, о котором идет речь, самому себе. При отрицательном ответе все немного сложнее. Если мы спрашиваем о значении слова, подразумевая, что оно не обозначает то, что оно обозначает, мы спрашиваем нечто подобное: «Обозначает ли слово, которое не обозначает того, чего оно не обозначает, то, что оно не обозначает»? Помимо абсурдности данного вопроса возникает другая серьезная проблема. Если мы с самого начала предполагаем возможность беззначимости слов, то сам вопрос об их значении теряет всякий смысл. Выражаясь иначе, если слова *in absolute* не обозначают ничего, то и слова о том, что слова не обозначают ничего, также ничего не обозначают. Каким бы спекулятивным ни казалось данное рассуждение, его прямым логико-эпистемологическим следствием становится за-

прет на самоотрицание значения языкового выражения. Таким образом, напрашивается, вывод, что заниматься поиском значения слов без ясного представления о том, что, собственно говоря, ожидается в результате отыскать, занятие малопродуктивное. Искать же факты за словами, о которых еще не известно, обозначают ли они фактически хоть что-то или нет, не имеет смысла. Другое дело, что слова обозначают не только факты, но и отношения и свойства и еще многое из того, что Б. Рассел осмотрительно называл логическими фикциями. Однако Чалмерс явно считает иначе.

Урок IV. Для подтверждения того, что сознательный опыт наличествует в мире фактически сверхматериально, Чалмерс обращается к известному мысленному эксперименту Ф. Джексона [11]. Суть его такова. Представим исследователя по имени Мэри, которая всю свою жизнь, находясь в черно-белой комнате и работая с черно-белым дисплеем монитора, изучала нейрофизиологию цвета. По условиям задачи Мэри знает о восприятии цвета все – от физических характеристик световых волн и оптических феноменов до функционирования зрительных рецепторов и работы зрительного анализатора в мозге. Ставится вопрос: Что произойдет, если Мэри окажется в реальном мире? Узнает ли она хоть один цвет? Применительно к аргументу Чалмерса «проблема Мэри» формулируется следующим образом: узнает ли Мэри что-то новое о мире? На этот вопрос Чалмерс отвечает однозначно, утверждая, что *каллитативное* содержание восприятия цвета станет дополнительным фактом в картине мира Мэри. Наше предположение состоит в том, что даже если Мэри и узнает что-то новое о мире, она фактически ничего не сможет об этом рассказать. Убедимся в этом на примере обыденного словоупотребления.

Для наглядности обратимся к привычному положению вещей и рассмотрим факт стоящего на столе стакана. Все, что нам нужно знать о мире физических объектов, дано в высказывании

«Стакан стоит на столе» (физикализм).

Зададимся вопросом: что с необходимостью должно быть прежде, чем станет возможным то, о чем утверждается? Ожидаемо, что это пространство, время и закон причинности. Есть известный стакан, который в определенный момент стоит на известном столе, а стол, в свою очередь, находится в определенной точке пространства. Справедливо заметить, что данное высказывание *ad litteram* не содержит в себе прямых указаний на существование пространства и времени. Прямо или косвенно (как в нашем случае) утверждение пространства и времени для высказываний о физическом мире происходит согласно принципу референциального ожидания, который устанавливает следующее правило: быть [осмысленным] – значит быть в пространстве и времени¹. Попробуем оспорить это положение. Допустим, никакого пространства нет, тогда верно, что стакан, который стоит на столе, на самом деле *нигде* не стоит, т.е. одновременно и стоит и не стоит на столе. Такое суждение явно противоречиво и не имеет никакого смысла. Аналогичным образом

¹ Речь тут совсем не об объективной реальности, которой, если верить епископу Беркли, может и не быть вовсе. Пусть так, но даже если у нас нет никаких возможностей для того, чтобы выйти за границы рефлексивных форм субъективности, пространство и время, в какой бы метафизический контекст мы их не вписали, должны подразумеваться нами с необходимостью, если только мы хотим высказываться осмысленно.

предположим, что осмысленность высказываний о физических объектах не требует обращения ко времени. Тогда стакан, который сейчас стоит или когда-либо стоял на столе, на самом деле *никогда* не стоял на этом столе и не стоит на нем сейчас. Думать, что стакан, стоящий перед нами на столе, никогда на нем не стоял, так же ошибочно, как думать, что он находится на столе и в то же время нигде не находится. Если же в качестве *reductio ad absurdum* допустить, что стакан стоял на столе *всегда*, то вряд ли мы обнаружим в этом противоречие, пусть даже стакан стоял на столе от сотворения мира, он тем не менее стоял на столе *все это время* до настоящего момента и, по всей видимости, продолжает стоять. Ошибкой будет допустить возможность того, что стакан стоял на столе до сотворения мира *вне времени*, только потому, что тогда следовало бы предположить, что существовало время, когда времени не существовало. Похожие противоречия возникают и при отрицании причинности событий; это достаточно тривиально, и нет необходимости это разбирать. Понятно, что без обращения к онтологическим категориям физикализма высказывания о физических объектах не имеют смысла. Мы вынуждены обращаться к данным категориям, но не только к ним. Так, Чалмерс мог бы добавить, что высказывание „На столе стоит стакан“ не отражает полноты универсума в отличие от следующего высказывания:

«**Я вижу, что** [стакан стоит на столе]» (*ментализм*).

И в этом случае Чалмерс был бы совершенно прав, нам пришлось бы согласиться с данным замечанием в силу определенных обстоятельств. Еще раз спросим, что с необходимостью должно быть прежде, чем станет возможным то, о чем утверждается? Как кажется, первым условием осмысленности высказываний данного типа служит существование некоего *Я*. Подразумевается, что если нечто *видится*, то должен быть тот, кто это видит и этот кто-то есть *Я*. А что же на самом деле есть это самое *Я*? Вопрос фундаментальный, но так ли трудно на него ответить. Известно, что традиционная метафизика пришла к утверждению *Я* через самоочевидные положения. Образцовым примером такого типа суждений считается картезианский принцип *Cogito ergo sum*. Декарт научил нас тому, что *Я есть*, но не научил, как быть с тем, что среди всех объектов материального мира ни один из них *не есть Я*. С тех пор философы бьются над решением этой дилеммы, упуская зачастую одну простую мысль: *если есть Я, то есть мир, в котором я есть*. И в этом мире я вижу, что стакан стоит на столе, и я понимаю, что есть известный стакан, который в определенный момент стоит на известном столе, который, в свою очередь, находится в определенной точке пространства. Где же в таком случае находится *Я*? Все очень просто – напротив стакана. Скажем, если я смотрю в зеркало и вижу себя в его отражении, значит, я нахожусь напротив зеркала. Когда я вижу, что стакан стоит на столе, я, выражаясь образно, и есть то самое зеркало, которое отражает то, что я вижу, а вижу я стоящий на столе стакан. И тогда никакого абстрактного *Я* уже не требуется, требуется только реальность, которая на данный момент представлена тем, что я вижу. Смысл не в том, что *видение* не представляется без *видящего*, если только *видение* не есть сам *видящий*, но в том, что *видение* совсем невозможно без того, что видится, т.е. без предмета видения [12]. Действительно, нельзя просто видеть, не видя ничего, видеть можно только что-то, и это что-то в данный момент я называю «стаканом, стоящим на столе». Или же, вновь выражаясь образно,

спросим: «Что отражает зеркало, когда оно ничего не отражает»? Разумеется, данный вопрос не имеет смысла, также бессмысленно искать того, *кто* видит без того, *что* видится. Как «красный» не существует независимо от красных вещей, так и *видение* немислимо без *видимого*. Стало быть, факт того, что я *вижу* невозможно представить без фактической констатации того, *что* я вижу. И если уж отношение не может мыслиться без соотносимых вещей, то о чем спрашивается, когда спрашивается об онтологическом статусе тех или иных отношений? И не является ли сознательный опыт тем самым отношением?

Как бы то ни было, Чалмерс не просто спекулирует на тему существования сознательного опыта за границами физикализма, он намеревается получить работающую теорию сознания. Теория же складывается из суждений и непротиворечивых связей между ними, и это необходимо учитывать, так же как необходимо учитывать то, что факт и констатация факта суть различные вещи. В нашем случае за утверждением того, что стакан стоит на столе и я его вижу, важно не упустить того факта, что имеет место констатация данного положения дел. Таким образом, мы подходим к следующему типу высказываний:

«Утверждается то, [что я вижу], что [стакан стоит на столе]» (универсализм).

Думается, сейчас возражений относительно полноты универсума возникнуть не должно. Поставим все тот же вопрос: что с необходимостью должно быть прежде, чем станет возможным то, о чем идет речь? Может сложиться неверное впечатление, что нам по-прежнему необходимы пространство, время, закон причинности, *Я* и интенциональное содержание. На самом деле разговор уже не о стаканах и столах и не о том, что их кто-то видит, а о форме мышления, которая в соответствии с принципами чистой рациональности должна оставаться неизменной при всяком содержании. Опуская детали (они обсуждались в другом месте [13]), скажем, что первым условием формального бытия мысли выступает закон непротиворечия – один из основополагающих принципов логики. Принцип непротиворечия устанавливает для нас правило: из двух противоречивых суждений оба не могут быть истинными. Согласно данному принципу никакое выражение двужанной логики не может быть выражено одновременно многозначно. Для выражения типа

«утверждается то, что x находится в известном отношении к y » (истинно) противоречивым выступает выражение

«утверждается то, что x не находится в известном отношении к y » (ложно). Теперь, если мы примем идею о фактической сверхматериальной природе сознания, нам вопреки законам логики придется доказать истинность противоречивых суждений. Антифизикалисты даже не скрывают данного противоречия, заявляя, что сознательный опыт якобы связан с материальным миром, но одновременно не связан с ним правилами материального мира, что *per se* означает, что он не связан с ним вообще. Можно, конечно, попытаться разыскать «несуществующий музей» – x среди ориентиров, которые наличествуют в мире – y . Что-то, однако, подсказывает, что никакая вещь не может мыслиться без отношения к другим вещам. Этого, надо полагать, требует не естественная необходимость в структуре реальности, но своеобраз-

зие нашего мышления, за которым отрицание данного положения вещей означает отрицание здравого смысла. О какой тогда работающей теории сознания говорит Чалмерс, если отстаиваемые им принципы с самого начала никак не согласуются с принципами теоретического познания? В свое время по этому поводу подходящим образом выразился Э. Гуссерль: «Выдвинуть теорию и в ее содержании явно или скрыто противоречить положениям, обосновывающим смысл и правомочность всякой теории вообще, – это не только неправильно, но и в принципе нелепо» [14. С. 107].

Совершенно ясно, что доктрина антифизикализма самопротиворечива и никакие спекулятивные рассуждения об альтернативных мирах, пусть они сами по себе и имеют некоторую ценность, за отсутствием действительно сильных аргументов не способны сделать правдоподобным то, что не может быть правдоподобным в принципе. Отсюда не следует, что работающая теория сознания невозможна, как раз наоборот, – она, хочется надеяться, возможна, но только в границах здравого смысла и обоснованной логики исследования, выучившей уроки философии. «Воспринимать философию всерьез!» – такого правила явно недостает в системе требований Чалмерса.

Литература

1. Lukas J. Minds, machines and Godel // *Philosophy*. 1961. Vol. 36. P. 112–127.
2. Popper K., Eccles J. The Self and its Brain. In *Defence of Interactionism*. Berlin; New York; London, 1977.
3. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М.: URSS : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Kim J. Supervenience as a Philosophical Concept // *Metaphilosophy*. 1990. Vol. 21. P. 1–27.
5. Рассел Б. Избранные труды / пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Целищева; вступ. ст. В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2009.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М., 2011.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Философские работы*. М., 1994.
8. Карнап Р. Значение и необходимость : Исследование по семантике и модальной логике. М. : Изд-во иностр. лит., 1959.
9. Райл Г. Понятие сознания. М. : Идея-Пресс, 2000.
10. Ладов В.А. Обозначает ли слово «ощущение» ощущение? (обсуждая аргумент индивидуального языка Л. Витгенштейна) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011. № 4. С. 18–30.
11. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // *Philosophical Quarterly*. 1982. № 3. P. 127–136.
12. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, РФО, 1996.
13. Антух Г.Г. Происхождение противоречий в суждениях и высказываниях // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 2(34). С. 137–146.
14. Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I : Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейна; под ред. С.Л. Франка; новая ред. Р.А. Громова. М. : Академ. проект, 2011.

Gennady G. Antukh, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 92–102.

DOI: 10.17223/1998863X/45/10

ON SELF-CONTRADICTION OF ANTIPHYSICALISM IN DAVID CHALMERS' THEORY OF CONSCIOUSNESS OF

Keywords: consciousness; physicalism; antiphysicalism; supervenience; David Chalmers; additional and positive facts.

An urgent task of modern philosophy is the interpretation of the ontological status of consciousness in the physicalism and antiphysicalism opposition. Physicalism postulates the possibility to explain the phenomena of consciousness through the concepts of the physical world; antiphysicalism denies this. The most discussed antiphysicalism project in the present-day theory of consciousness is the naturalistic dualism, or dualism of properties. Naturalistic dualism states a holistic causal closed world, represented by non-reducible physical and non-physical properties in which consciousness shall be given the status of a fundamental property of the universum that is not reducible to physical properties. Thus, a presumption about the psychophysical nature of reality is formulated, and the need to review the physicalistic doctrine given the possibility of non-reductive explanation of mental experience is stated. A concrete example of naturalistic dualism in the contemporary philosophy of mind is David Chalmers' theory. In his work *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* (1996), Chalmers comes to a conclusion that the facts of consciousness are associated with the physical world, but they are not reducible to them. Our understanding of the essence of matter requires a fundamental revision. The argument about the representability and logical possibility of the world without conscious experience is given as defending this thesis; therefore, an assumption is made that consciousness in our world has a supermaterial nature. This article analyzes the formal, conceptual-ontological and language contradictions in Chalmers' theory of consciousness. The idea of the supermaterial supervenient nature of consciousness has been criticized, and it is stated that the factual statement of the qualitative content of experience is impossible. In summary, a conclusion is made that antiphysicalism in the philosophy of consciousness contradicts itself.

References

1. Lukas, J. (1961) Minds, machines and Godel. *Philosophy*. 36. pp. 112–127. DOI: 10.1017/S0031819100057983
2. Popper, K. & Eccles, J. (1977) *The Self and its Brain. An Argument for Interactionism*. New York, London: Routledge.
3. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind]. Translated from English by V.V. Vasilyev. Moscow: URSS: LIBROKOM.
4. Kim, J. (1990) Supervenience as a Philosophical Concept. *Metaphilosophy*. 21. pp. 1–27. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1990.tb00830.x.
5. Russel, B. (2009) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Translated from English by V.V. Tselishchev, V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoye. universitetskoye izdatelstvo.
6. Kant, I. (2011) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: [s.n.].
7. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskiye raboty* [Works on Philosophy]. Moscow: Gnozis.
8. Carnap, R. (1959) *Znachenije i neobkhodimost'. Issledovaniye po semantike i modal'noy logike* [Meaning and Necessity. A Study on Semantics and Modal Logic]. Translated from English. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury.
9. Ryle, G. (2000) *Ponyatiye soznaniya* [The Concept of Mind]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
10. Ladov, V.A. (2011) Oboznachayet li slovo “oshchushcheniye” oshchushcheniye? (ob-suzhdaya argument individual'nogo yazyka L. Vitgenshteyna) [Does the word “sensation” mean sensation? (discussing the argument of the individual language of L. Wittgenstein)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 18–30.
11. Jackson, F. (1982) Epiphenomenal Qualia. *Philosophical Quarterly*. 3. pp. 127–136. DOI: 10.2307/2960077
12. Brentano, F. (1996) *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, RFO.
13. Antukh, G.G. (2016) The origin of the contradictions in propositions and statements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 137–146. (In Russian).
14. Husserl, E. (2011) *Logicheskiye Issledovaniya* [Logic Studies]. Vol. I. Translated from German by E.A. Bernshteyn. Moscow: Akademicheskii proyekt.

УДК 164

DOI: 10.17223/1998863X/45/11

К.А. Родин

КОНСТРУКТИВИЗМ В ЛОГИКЕ И МАТЕМАТИКЕ (ВИТГЕНШТЕЙН ПРОТИВ ГЁДЕЛЯ: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ)¹

Рассматриваются некоторые современные интерпретации заметок Л. Витгенштейна о Гёделе (о первой теореме о неполноте) в контексте решающего для Витгенштейна в философии математики различия между алгоритмическим и конструктивным (метаматематическим) типом доказательства. В рамках недавнего прочтения Т. Ламперта демонстрируется возможность соотнести соответствующие заметки Витгенштейна непосредственно с доказательством первой теоремы о неполноте.

Ключевые слова: Витгенштейн, первая теорема о неполноте, алгоритмическое доказательство, конструктивное доказательство, теория моделей, семантика.

В последние годы вокруг заметок Л. Витгенштейна о Гёделе ведутся многочисленные споры. Дискуссия вышла за рамки историко-философского исследования и непосредственно затрагивает целый ряд проблем – смежных с доказательством первой теоремы о неполноте. После публикации в 1956 г. «Заметок по основаниям математики» (ЗОМ) [1] (Гёделю посвящены фрагменты RFM App. III и RFM Part 5, § 18–22) Крайзель и Бернайс приписали Витгенштейну тотальное непонимание Гёделя [2, 3]. Были и апологетические прочтения (см. работу Гудстейна [4]). На сегодняшний день почти все дружественные или враждебные интерпретации рассматривают заметки Витгенштейна безотносительно к математическому (чисто синтаксическому) доказательству первой теоремы о неполноте (заметки Витгенштейна якобы следует понимать в контексте семантических и философских следствий теоремы). Среди таких интерпретаций можно выделить историко-философские изыскания Флойд (доказательство недоказуемости рассматривается в контексте общей позиции Витгенштейна относительно доказательства невозможности определенных геометрических построений) [5]. Встречаются и попытки записать Витгенштейна в пионеры паранепротиворечивой логики (см.: [6–8]). Несомненно, семантические и общеполитические следствия теоремы имеют сегодня огромное значение (см.: [9]) и в контексте заметок Витгенштейна могут быть лучше поняты. В статье мы рассматриваем дружественное прочтение Витгенштейна Патнэмом и Флойд [10] (с учетом критических замечаний Т. Бейса [11]) (этому посвящены I и II части статьи) и новаторское прочтение Т. Ламперта [12] (III часть). Ламперт примечателен тем, что он первым предложил апологетическое прочтение Витгенштейна при условии соотнесения заметок непосредственно с доказательством первой теоремы о неполноте (здесь учитывается и подход Витгенштейна к алгоритмическому и метаматематическому (конструктивному) доказательству). В заключительной

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-359).

части мы коротко останавливаемся на различии двух избранных прочтений Витгенштейна и на общем контексте прохладного отношения Витгенштейна к Гёделю.

I. Дружественная интерпретация Х. Патнема и Д. Флойд основана на достаточно экстравагантном понимании небольшого отрывка из восьмого параграфа III приложения ЗОМ. Там Витгенштейн утверждает: если допустить (или пусть такой результат фактически получен) доказуемость $\neg P$ (P – Гёделево предложение $G: \neg \exists y \text{Proof}(y, [G])$)), тогда придется отказаться от прочтения P через предложение русского языка « P недоказуемо». Х. Патнем и Д. Флойд понимают идею Витгенштейна так:

пусть доказательство $\neg P$ фактически найдено,

предположим непротиворечивость системы PM ,

тогда согласно первой теореме Гёделя о неполноте система PM оказывается ω -противоречивой. Следовательно, для системы PM не существует такой модели, где бы расширение для предиката, который мы прочитываем как « x – натуральное число», было бы изоморфно натуральным числам.

И действительно, запишем гёделево предложение G через: $\neg(\exists x)(\text{NaturalNo.}(x). \text{Proof}(x, t))$ (где значением t оказывается гёделев номер всего предложения G). Выражение может быть прочитано: «не существует такого x (x – натуральное число), которое оказывается гёделевым номером доказательства предложения с гёделевым номером t . $\text{Proof}(n, m)$ есть, соответственно, сокращение для предиката, который задает алгоритмически вычислимое отношение между двумя натуральными числами n и m (при этом обязательно n есть гёделев номер доказательства, последней строкой в котором записано предложение с гёделевым номером m). И тогда приходим к двум положениям:

1. $\text{NaturalNo.}(x)$ нельзя интерпретировать как « x – натуральное число». Во всех допустимых интерпретациях PM будут встречаться элементы – не натуральные числа (если x может не быть натуральным числом, x может не быть и гёделевым номером доказательства).

2. (Бесконечные) расширения для предикатов в системе PM ($\text{Proof}(x, t)$) неизбежно содержат в качестве элементов нечто помимо подмножества натуральных чисел.

И поэтому прочтение (интерпретация) P через « P недоказуемо в системе PM » невозможно.

Интерпретацию Патнема и Флойда подверг серьезной критике Т. Бейс. Сначала он кратко воспроизводит аргумент Гёделя.

Гёдель определяет формулы ($\text{Proof}(x, y)$ и $\text{Subst}(x, y, z)$) – они обладают следующим свойством:

Нумерическая выразимость: пусть m кодирует предложение ϕ и n – натуральное число. Тогда:

1. Если n кодирует доказательство ϕ , тогда (Бейс использует систему Пеано PA . Но это никак не влияет на его аргументацию: аналогичные рассуждения могут быть приведены и для системы PM) $PA \vdash \text{Proof}(\hat{n}, \hat{m})$.

2. Если n не кодирует доказательство ϕ , тогда $PA \vdash \neg \text{Proof}(\hat{n}, \hat{m})$.

Аналогично пусть $\phi(v_0)$ – формула с одной свободной переменной и пусть r кодирует ϕ , а n и m – натуральные числа. Тогда получаем:

1. Если m кодирует $\phi(\hat{n})$, тогда $PA \vdash \text{Subst}(\hat{p}, \hat{n}, \hat{m})$.

2. Если m не кодирует $\varphi(\hat{n})$, тогда $PA \vdash \neg \text{Subst}(\hat{p}, \hat{n}, \hat{m})$.

С использованием данных формул Гёдель и определил предложение, которое Л. Витгенштейн называет P (и которое мы обозначаем через G). Сначала конструируется следующая формула:

$$\varphi(v_0) = \exists y [\text{Subst}(v_0, v_0, y) \& \neg \exists z \text{Proof}(z, y)].$$

Пусть e_0 кодирует $\psi(v_0)$.

$$G = \psi(\hat{e}_0) = \exists y [\text{Subst}(\hat{e}_0, \hat{e}_0, y) \& \neg \exists z \text{Proof}(z, y)].$$

При допущении обоснованности (soundness) PA – при допущении $N \models PA$ (логический символ \models означает «семантически влечет») – нумерическая выразимость вышеопределенных формул $\text{Proof}(x, y)$ и $\text{Subst}(x, y, z)$ приводит к другому свойству:

Арифметическая выразимость: для любых двух чисел n и m $N \models \text{Proof}(\hat{n}, \hat{m})$ если и только если m кодирует предложение φ , а n кодирует доказательство предложения φ . Аналогично: для любых трех чисел n , m и r $N \models \text{Subst}(\hat{n}, \hat{m}, \hat{r})$ если и только если n кодирует формулу $\varphi(v_0)$, а r кодирует предложение $\varphi(\hat{m})$.

$G = \psi(\hat{e}_0)$ прочитывается следующим образом: {элемент \hat{e}_0 кодирует $\psi(v_0)$ } подставим в $\psi(v_0)$ вместо v_0 и получим, что, согласно определению $\text{Subst}(x, y, z)$ и определением самой функции $\psi(v_0)$ при замене \hat{e}_0 на y (теперь y кодирует $\psi(\hat{e}_0)$) одновременно не существует значения z , которое кодировало бы закодированное через y предложение. Арифметическая выразимость позволяет говорить, что G «принадлежит» теории чисел (а использованная кодировка или нумерация изоморфна подмножеству натуральных чисел). Приходим к прочтению:

$\neg \exists z \text{Proof}(z, y)$ говорит: предложение с гёделевым номером y недоказуемо.

$\text{Subst}(\hat{e}_0, \hat{e}_0, y)$ говорит: y – гёделев номер предложения G .

Поэтому и можно интерпретировать G через « G недоказуемо».

Нетрудно объяснить и семантическое прочтение первой теоремы о неполноте « G истинно и недоказуемо» (мы продолжаем следовать за статьей Т. Бейса). С учетом арифметической выразимости $N \models G$, если и только если существует n , что $N \models \text{Subst}(\hat{e}_0, \hat{e}_0, \hat{n})$ и $N \models \neg \exists z \text{Proof}(z, \hat{n})$, если и только если существует n , который кодирует G , и $N \models \neg \exists z \text{Proof}(z, \hat{n})$, если и только если не существует m , который кодирует доказательство G , если и только если $PA \not\models G$.

Подобная эквивалентность диктует выбор: $N \models G$ и $PA \not\models G$ или $N \not\models G$ и $PA \vdash G$. Вторая альтернатива противоречит обоснованности (soundness) PA ($N \not\models G$ и, следовательно, $N \not\models PA$). Поэтому мы вынуждены предпочесть первую. Поэтому « G истинно и недоказуемо».

Вернемся к интерпретации Патнема и Флойда (ПиФ). Предположим непротиворечивость PA и одновременно предположим $PA \vdash \neg G$. Это влечет $N \not\models PA$. ($N \models PA \Rightarrow N \models \neg G \Rightarrow N \not\models G \Rightarrow PA \vdash G \Rightarrow PA$ противоречиво). Отсюда следует, что только нестандартные (неизоморфные натуральным числам) модели теории чисел удовлетворяют системе PA . И поэтому PA ω -противоречива (хотя требование ω -противоречивости и более сильное в сравнении с утверждением о существовании для PA только нестандартных моделей). Действительно, ω -противоречивость подразумевает существование

некоторой определенной формулы $\varphi(x)$, такой что для любого n $PA \vdash \neg \varphi(\hat{n})$ и одновременно $PA \vdash \exists x \varphi(x)$. Для $PA \vdash \neg G$ для любого n $PA \vdash \neg \text{Proof}(\hat{n}, \hat{[G]})$ и одновременно $PA \vdash \exists x \text{Proof}(x, \hat{[G]})$.

Теперь аргумент ПиФ можно продолжить. Рассмотрим специфическую модель $PA - M$. Поскольку $PA \vdash \neg G$, справедливо $M \models \exists x \text{Proof}(x, \hat{[G]})$. А значит, существует элемент $m \in M$, такой что $M \models \text{Proof}(m, \hat{[G]})$. Однако согласно нумерической выразимости $M \models \neg \text{Proof}(n, \hat{[G]})$ для любого натурального числа n . Отсюда соответствующий элемент m не является обычным натуральным числом (m один из «нестандартных» элементов M). Но тогда непонятно, в каком смысле m все еще кодирует доказательство G (и вообще кодирует что угодно). И поэтому нет оснований полагать, что (при интерпретации в рамках модели M) формула $\text{Proof}(x, y)$ отображает понятие « y кодирует предложение – x кодирует доказательство данного предложения».

Интерпретация G через « G недоказуемо» на интуитивном уровне предполагает интерпретацию G на множестве натуральных чисел. «+» понимается как сложение. $\exists x$ определяется на множестве натуральных чисел и т.д. Но если предположить, что доказано $\neg G$, такая интерпретация становится несовместимой с PA (PA в данном случае имеет только нестандартные модели). Аналогично интерпретация G через « G недоказуемо» обязана интерпретации $\text{Proof}(x, y)$ в рамках свойства арифметической выразимости. Но интерпретация $\text{Proof}(x, y)$ через нестандартные модели несовместима с арифметической выразимостью. Таким образом, при допущении $PA \vdash \neg G$ необходимо отказаться от исходной интерпретации G и одновременно от исходного понимания $\text{Proof}(x, y)$. Однако в подобном заключении нет ничего необычного: синтаксическое доказательство Гёделя и показывает (посредством нумерической выразимости), что при ω -непротиворечивости системы PA : $PA \not\models G$ (что с учетом арифметической выразимости соответствует первому из двух возможных обозначенных выше вариантов). Здесь вообще (поскольку доказательство чисто синтаксическое) возможно не принимать никакую интерпретацию.

Интерпретация ПиФ Витгенштейна на деле оказывается малоинтересной и бесперспективной (даже если согласиться с возможным прозрением Л. Витгенштейна в теории моделей). Представленный Т. Бейс теоретико-модельный аргумент вместе с экспликацией интерпретации ПиФ неизбежно ставит перед выбором: следует либо модифицировать интуитивную стандартную интерпретацию и, стало быть, перестать рассматривать N в качестве подходящей модели для нашего формального языка PA (в таком случае придется отказаться от интерпретации G через « G недоказуемо»), либо считать неудовлетворительной аксиоматизацию арифметики в формальной системе PA и сохранить при этом «релевантность» стандартной интерпретации. Патнем и Флойд автоматически предпочли первый вариант. Но при $PA \vdash \neg G$ сообщество математиков предпочло бы второй вариант и занялось бы поиском более подходящей для аксиоматизации арифметики системы (или принялось бы за модификацию существующей). По справедливому замечанию Бейса, математики предпочли бы пересмотр PA и исключение приведших к подобному доказательству принципов аксиоматизации (хотя подобное и может привести к отказу от стандартной интерпретации G). В любом случае никто не станет

принимать нестандартные модели с целью сохранить ω -непротиворечивость РА. И если доказательство $\neg G$ будет фактически найдено, предпочтительным станет не отказ от стандартной интерпретации G и признание существования только нестандартных моделей для РА. Наоборот, стандартная модель скорее будет сохранена путем поиска более подходящей аксиоматизации для натуральных чисел.

II. Допустим – несмотря на соображения Т. Бейс – релевантность интерпретации ПиФ. Интерпретация имеет смысл только благодаря известной асимметрии в доказательстве Гёделя «между» G и $\neg G$. Гёдель доказал недоказуемость G при условии непротиворечивости системы РМ и недоказуемость $\neg G$ при условии ω -непротиворечивости РМ (более сильное допущение). Поэтому стало возможным при условии непротиворечивости РМ предположить доказуемость $\neg G$ и прийти к ω -противоречивости. Однако в 1936 г. Дж. Баркли Россер продемонстрировал необязательность подобной асимметрии в доказательстве неполноты системы РМ. Так называемая уловка Россера демонстрирует: если доказуемо R (предложение Россера отличается от G), тогда за меньшее число шагов доказуемо и $\neg R$. Таким образом, интерпретация ПиФ (и позиция Витгенштейна – совпадай она с данной интерпретацией) перестают иметь какое бы то ни было существенное значение. Предположение $PM \vdash \neg G$ остается возможным, однако не имеет никаких последствий для общего результата ввиду своей экстравагантности и фактической невероятности.

Патнем и Флойд рассматривают только первую часть «аргумента» Витгенштейна: если допустить (или пусть такой результат фактически получен) доказуемость $\neg G$, тогда придется отказаться от прочтения G через « G недоказуемо». Однако Витгенштейн (так кажется при первом прочтении) сразу же распространяет подобное соображение и на доказуемость G : «If you assume that the proposition is provable in Russell's system, that means it is true in the Russell sense, and the interpretation «P is not provable» again has to be given up». Если под «the proposition» Витгенштейн продолжает подразумевать G , тогда интерпретация ПиФ оказывается несостоятельной (потому что нельзя предположить по аналогии непротиворечивость РМ и одновременно $PM \vdash G$). Поэтому есть основания не только отвергнуть интерпретацию ПиФ изнутри (что сделал Бейс), но и продемонстрировать безыntересность вообще и нерелевантность подобной интерпретации относительно текста Витгенштейна «извне».

III. Теперь обратимся к интерпретации Т. Ламперта. Ламперт в 2017 г. первым предложил подойти к заметкам Витгенштейна о Гёделе как если бы заметки имели отношение к математическому доказательству 1-й теоремы о неполноте непосредственно. Предложенные ранее дружественные или враждебные прочтения Витгенштейна, напротив, почти всегда заранее исключали такой подход и опирались на семантический (не оригинальный) вариант теоремы. Так, при воспроизведении интерпретации ПиФ мы должны были обращаться к семантическому свойству арифметической выразимости и использовать понятие обоснованности системы РА (все аксиомы РА истинны в стандартной интерпретации $N: N \models RA$). На деле никакое понятие истины в доказательстве 1-й теоремы о неполноте не фигурирует. Доказательство не требует полной формальной интерпретации символов избранного языка и не привле-

кает понятие истины. Однако доказательство Гёделя нуждается в корреляции между натуральными числами и формальными выражениями (между натуральными числами и терминами избранного формального языка). В противном случае невозможно было бы доказать свойство нумерической выразимости.

Тим Ламперт отталкивается от такой формулировки:

При допущении доказуемости G ($\neg G$) вместо признания некорректности или противоречивости (ω -противоречивости) PM (PA) возможно отказаться от метаматематической интерпретации G {ничто не мешает принять данную формулировку за оригинальный тезис Витгенштейна}.

Под метаматематическим прочтением можно понимать одновременно « G недоказуемо» и « G истинно и недоказуемо» (в интерпретации ПиФ признание ω -противоречивости вследствие допущения $PM \vdash \neg G$, напротив, и приводило к отказу от прочтения G через « G недоказуемо»). Данная формулировка кажется на первый взгляд не связанной непосредственно с доказательством Гёделя.

Ламперт проводит ключевое для Витгенштейна различие между алгоритмическим и метаматематическим доказательством. Последнее (в случае доказательства недоказуемости) основано на представлении понятия «доказуемости» внутри языка избранной аксиоматической системы. Алгоритмическое же доказательство не требует никакой метаматематической интерпретации. В рамках доказательства геометрической невозможности (частые примеры Витгенштейна: невозможность трисекции угла с помощью циркуля и линейки, невозможность построения семиугольника) проблема некоторого геометрического построения редуцируется к проблеме разрешимости определенного алгебраического уравнения. И одними синтаксическими средствами демонстрируется неразрешимость уравнения при таких-то числах. Витгенштейн признает только алгоритмическое (чисто синтаксическое) доказательство невозможности (или недоказуемости). Нетрудно видеть, что доказательство Гёделя не является алгоритмическим доказательством: нигде не демонстрируется невозможность с помощью определенных «синтаксических средств» прийти к G или $\neg G$. Доказательство Гёделя основано на метаматематическом представлении в рамках языка избранной системы (метаматематического) понятия «доказуемости». Здесь ключевым в различении алгоритмического и метаматематического доказательства оказывается критерий недоказуемости: для Витгенштейна критерием должен быть синтаксический аргумент вне какой бы то ни было зависимости от метаматематической интерпретации формул (и наоборот, только на основании синтаксического аргумента мы можем перейти к метаматематическому утверждению о «невозможности построения...» или «недоказуемости...»). Тогда как (повторим) вывод Гёделя о противоречивости (или ω -противоречивости) PM при допущении доказуемости G ($\neg G$) основывается на представлении «доказуемости» внутри формального языка системы PM . Уже после принятия такого допущения приводится вывод о неразрешимости G при условии непротиворечивости (ω -непротиворечивости) PM . Доказательство основано на полностью гипотетическом предположении доказуемости G . И «доказуемость» G не связана ни с какими конкретными способами доказательства определенных формул внутри системы PM . В рамках аргументации Ламперта учитывается также специфическое отношение Витгенштейна к доказательству от противного

(через противоречие). Пусть некоторое неявно ошибочное утверждение противоречит алгоритмически доказанному математическому положению. Далее утверждение просто редуцируется к абсурду. И такой способ доказательства от противного Витгенштейн принимает. Однако противоречие между доказуемостью формулы и интерпретацией формулы в качестве основы для доказательства от противного отбрасывается.

Перейдем непосредственно к дружественному прочтению Витгенштейна Лампертом (Л).

Пусть:

$\mathfrak{Z}A(\varphi)$ – стандартная арифметическая интерпретация некоторой формулы РМ φ .

$\mathfrak{Z}M(\varphi)$ – метаматематическая интерпретация формулы φ .

Метаматематическая интерпретация – только частный случай (способ) сокращения формулы φ . Здесь не предполагается (в отличие от стандартной арифметической интерпретации $\mathfrak{Z}A(\varphi)$) парафраз логических и арифметических констант (при подстановке значений такая интерпретация не затрагивает элементов предложения φ). Соответствующее метаматематическое предложение просто должно быть представимо внутри языка системы РМ):

$$\mathfrak{Z}M(\varphi) = T, \text{ если и только если } \mathfrak{Z}A(\varphi) = T. \quad (1)$$

Метаматематическую интерпретацию G « G недоказуемо» (точнее: «не существует такого y , который был бы гёделевым номером формулы с номером $[G]$ ») как частный случай $\neg \exists y \text{Proof}(y, [G])$ можно допустить только при соблюдении условия (1).

Витгенштейн не отвергает $\mathfrak{Z}A(G)$ (допускается корректность РМ). Но Витгенштейн отвергает $\mathfrak{Z}M(G)$ (по словам Витгенштейна, ведь только номер (код) G , а не формула G фигурирует в G). Витгенштейн в действительности отрицает определимость понятия доказуемости внутри системы РМ и, соответственно, отрицает:

$$\mathfrak{Z}M(G) = T, \text{ если и только если } \mathfrak{Z}A(G) = T. \quad (2)$$

Грубо говоря, условия (2) самого по себе недостаточно (или оно требует доказательства).

Для доказательства 1-й теоремы о неполноте (при условии корректности РМ) необходимо только:

$$\mathfrak{Z}A(G) = T, \text{ если и только если } \nvdash G. \quad (3)$$

Данное равенство нужно доказать. Возникает вопрос, возможно ли доказательство без условия (2). Гёдель изначально предполагает определимость понятия доказуемости внутри РМ и поэтому допускает условие (2) (разница между семантической и синтаксической версией доказательства исчерпывается в данном случае заменой условия корректности на условие непротиворечивости).

Итак, определение доказуемости играет ключевую роль. Однако нам потребуется различать рекурсивно определенные функции (отношения) и репрезентацию данных функций (отношений) внутри языка РМ. Рекурсивные функции (и отношения) (заданы чисто синтаксически и поэтому) связаны с цифрами – не с числами. Привычная теоретико-числовая (арифметическая)

интерпретация рекурсивных функций выходит за пределы машинального (компьютерного) выполнения рекурсивно заданных определений. Автоматически приравнивать компьютерные операции с цифрами и оперирование с числами в арифметике не обязательно. В гёделевом рекурсивном определении доказательства гёделев номер (цифра) исходно присваивается заданным формулам или последовательности формул. Пусть характеристическая функция рекурсивного отношения $V^*(m, n)$ определяет для номера m некоторой последовательности формул и для номера n некоторой формулы, является ли m номером доказательства формулы с номером n . Тогда метаматематическая интерпретация рекурсивного отношения $V^*(m, n)$ ($\mathfrak{M}(V^*)$) может быть задана предложением «последовательность формул с номером m есть доказательство формулы с номером n ». Определимость « x есть доказательство y » в рамках языка избранной системы требует доказательства следующего утверждения: метаматематическую интерпретацию рекурсивного отношения $V^*(m, n)$ внутри РМ можно представить с помощью предиката $V(m, n)$. Или: для всех m и n должно выполняться

$$\mathfrak{M}(V^*(m, n)) = T, \text{ если и только если } \mathfrak{A}(V(m, n)) = T. \quad (4)$$

Фактически Гёдель доказал, что любая рекурсивная функция представима в рамках языка РМ. Однако доказательство относится к арифметической, а не к метаматематической интерпретации рекурсивных функций. Гёдель доказал для любых m и n

$$\mathfrak{A}(V^*(m, n)) = T, \text{ если и только если } \mathfrak{A}(V(m, n)) = T. \quad (5)$$

Чтобы из (5) вывести (4), необходимо соотнести $\mathfrak{M}(V^*(m, n))$ и $\mathfrak{A}(V^*(m, n))$. Необходимо предположить, что любые случайные номера m и n отсылают не только к формулам и последовательностям формул, но также и к числам в $V^*(m, n)$ (предположение П). Тогда, принимая (4) и, соответственно, П, возможно доказать эквивалентность (2) и (3). Если не принять (4), придется отказаться и от (2). Тогда безосновательным станет и (3). Соответствия между $\mathfrak{A}(G) = T$ и $\neq G$ не будет.

Совершенно упрощая аргументацию Ламперта: рекурсивная функция $V^*(m, n)$ определяет (вычисляет). Метаматематическая же интерпретация $\mathfrak{M}(V^*(m, n))$ нечто утверждает. Так, на основании компьютерного вычисления результата сложения некоторых (символов) цифр мы можем утверждать, что «сумма ... и ... чисел равняется ...». Любые случайные символы (гёделевы номера) отсылают к формулам и последовательностям формул в рамках рекурсивно заданного отношения $V^*(m, n)$. Подобное отношение вычисляется (имеет место интерпретация \mathfrak{A}). Согласно арифметической интерпретаций получается: в $V^*(\text{каракули}, \text{каракули})$ (представим, что каракули суть гёделевы номера) первые каракули отсылают к некоторой последовательности формул, вторые – к формуле. А при метаматематической интерпретации каракули должны будут отсылать одновременно и к числам, которые мы видим на месте каракулей. Подобная метаматематическая интерпретация необязательна, необязательно и (4). Отсюда Гёдель не доказал (2) – не доказал 1-ю теорему о неполноте (остается недоказанным: « G истинно, если и только если недоказуемо»). Корректность РМ влечет только взаимосвязь доказуемости G и $\mathfrak{A}(G)$ (и не влечет взаимосвязь доказуемости G и $\mathfrak{M}(G)$).

Синтаксический вариант доказательства 1-й теоремы о неполноте предполагает более слабое (взамен корректности) допущение непротиворечивости. Последнее влечет кроме определимости рекурсивных функций внутри РМ еще и следующее положение (6):

Для любых n и m :

если $\mathfrak{Z}A(B^*(m, n)) = T$, тогда $\vdash B(m, n)$;

если $\mathfrak{Z}A(B^*(m, n)) = F$, тогда $\vdash \neg B(m, n)$.

Доказательство положения (6) основывается на доказательстве (5). И поэтому критика Витгенштейна применима также и к синтаксической версии доказательства. Доказательство Гёделя считается конструктивным, что предполагает возможность перевести рекурсивные отношения в предикаты РМ чисто механическим способом. Однако доказательство переводимости исходно предполагает эквивалентность $\mathfrak{Z}M(B^*)$ и $\mathfrak{Z}A(B^*)$ во всех случаях.

Вернемся к семантической версии доказательства. Из возражения Витгенштейна в интерпретации (Л) получается: из предположения $\vdash G$ при допущении корректности РМ ($\mathfrak{Z}A(G) = T$) возможно заключить $\mathfrak{Z}M(G) = F$ (вместо заключения о некорректности РМ из гипотетического предположения $\vdash G$ возможно прийти к заключению: в системе РМ гёделев номер $[G]$ формулы G отсылает не к формуле РМ G , к числу, тогда как рекурсивное отношение $B^*(k, [G])$, напротив, отсылает к формуле и не отсылает к числу).

IV. В интерпретации (Л) доказательство G влечет выполнение $B^*(k, [G])$ и, следовательно, $B(k, [G])$, но из $\mathfrak{Z}A(B(k, [G])) = T$ не следует доказуемость $B(k, [G])$ (не следует $\mathfrak{Z}M(B(k, [G])) = T$). А если из доказательства не следует доказуемость, при доказательстве G (как и говорит Витгенштейн) необходимо отказаться от (метаматематической) интерпретации G через « G недоказуемо» (стало быть, доказательство G не будет в противоречии с метаматематической интерпретацией G). Нетрудно видеть, что (Л) и ПиФ поразному понимают «интерпретацию». Во втором случае (абсолютно вне контекста Витгенштейна) «интерпретация» понимается в современном теоретико-модельном смысле: ω -противоречивость РМ как следствие допущения доказуемости $\neg G$ влечет существование только нестандартных моделей для рассматриваемой аксиоматизации арифметики. В прочтении (Л) интерпретация (метаматематическая интерпретация) увязывается с «концепцией» доказательства Витгенштейна. Прочтение (Л) хорошо согласуется и с представлением Витгенштейна о непредставимости понятия «доказуемости» внутри избранной системы («метаматематики не существует»). Для Витгенштейна результат Гёделя изначально опирается на двусмысленность между арифметической и метаматематической интерпретацией и поэтому не является в строгом смысле математической теоремой.

Литература

1. *Wittgenstein L.* Remarks on the Foundations of Mathematics. Oxford: Blackwell, 1978.
2. *Kreisel G.* Wittgenstein's Remarks on the Foundations of Mathematics // British Journal for the philosophy of Science. 1958. № 9. P. 135–137.
3. *Bernays P.* Comments on Ludwig Wittgenstein's Remarks on the Foundations of Mathematics // Ratio. 1959. Vol. 2, № 1. P. 1–22.
4. *Goodstein R.L.* Wittgenstein's philosophy of mathematics // Ludwig Wittgenstein: Philosophie und Language. London: Allen&Unwin, 1972. P. 271–286.

5. Floyd J. On Saying What You Really Want to Say: Wittgenstein, Gödel, and the Trisection of the Angle // *Essays on the Development on the Foundations of Mathematics*. 1995. P. 373–425.
6. Priest G. Wittgenstein's Remarks on Gödel's Theorem // *Wittgenstein's Lasting Significance*. London, 2010. P. 206–225.
7. Berto F. The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons // *Philosophia Mathematica*. 2009. № 3 (17). P. 208–219.
8. Berto F. There's Something About Gödel: The Complete Guide to The Incompleteness Theorem. New Jersey: Blackwell, 2009.
9. Целищев В.В. Об интуитивной интерпретации оснований доказательства первой теоремы Гёделя о неполноте // *Сибирский философский журнал*. 2017. № 2. С. 5–17.
10. Floyd J., Putnam H. A Note on Wittgenstein's 'Notorious Paragraph' about the Gödel Theorem // *The Journal of Philosophy*. 2000. № 97 (11). P. 624–632.
11. Bays T. On Floyd and Putnam on Wittgenstein on Gödel // *Journal of Philosophy*. 2004. № 4. P. 197–210.
12. Lampert T. Wittgenstein and Gödel: An Attempt to Make "Wittgenstein's Objection" Reasonable // *Philosophia Mathematica*. 2017. August.

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 103–113.

DOI: 10.17223/1998863X/45/11

CONSTRUCTIVISM IN LOGIC AND MATHEMATICS (WITTGENSTEIN V. GÖDEL: SOME SELECTED CONTEMPORARY READINGS)

Keywords: Wittgenstein; first incompleteness theorem; algorithmic proof; constructive proof; model theory; semantics.

In recent years, Wittgenstein's remarks on Gödel have produced many disputes and publications. The discussion overcame the framework of historical and philosophical research, and directly touches upon series of problems adjacent to the proof of the first incompleteness theorem. After the publication in 1956 of *Remarks on the Foundations of Mathematics*, Kraisel and Bernays attributed a total misunderstanding of Gödel to Wittgenstein. There were also apologetic readings. To date, almost all friendly or hostile interpretations consider Wittgenstein's remarks irrespective of the mathematical (purely syntactic) proof of the first incompleteness theorem (Wittgenstein's notes must allegedly be understood in the context of the semantic and philosophical implications of the theorem). Among such interpretations it is important to point out the historical and philosophical studies of Floyd (proofs of unprovability are considered here in the context of Wittgenstein's general position regarding the proof of the impossibility of certain geometric constructions). Or there are attempts to see Wittgenstein as the pioneer of paraconsistent logic. Undoubtedly, the semantic and general philosophical consequences of the theorem are of great importance today, and can be better understood in the context of Wittgenstein's remarks. In the article, the author considers the friendly reading of Wittgenstein by Putnam and Floyd (also considering Bays' criticism) (Parts I and II of the article) and the ground-breaking reading by Lampert (Part III). Lampert is notable for the following: he was the first to propose an apologetic reading of Wittgenstein under the condition of correlating the remarks directly with the proof of the first incompleteness theorem (Wittgenstein's approach to algorithmic and metamathematical (constructive) kinds of proof is also considered). In the final part, the author briefly dwells on the difference between two selected interpretations of Wittgenstein's remarks and on the general context of Wittgenstein's attitude toward Gödel.

References

1. Wittgenstein, L. (1978) *Remarks on the Foundations of Mathematics*. Oxford: Blackwell.
2. Kraisel, G. (1958) Wittgenstein's Remarks on the Foundations of Mathematics. *British Journal for the Philosophy of Science*. 9. pp. 135–137. DOI: 10.1093/bjps/IX.34.135
3. Bernays, P. (1959) Comments on Ludwig Wittgenstein's Remarks on the Foundations of Mathematics. *Ratio*. 2(1). pp. 1–22.
4. Goodstein, R.L. (1972) Wittgenstein's philosophy of mathematics. In: *Ludwig Wittgenstein: Philosopher and Language*. London: Allen&Unwin. pp. 271–286.

-
5. Floyd, J. (1995) On Saying What You Really Want to Say: Wittgenstein, Gödel, and the Trisection of the Angle. In: Hintikka, Ja. (ed.) *Essays on the Development on the Foundations of Mathematics*. Springer Netherlands. pp. 373–425.
 6. Priest, G. (2010) Wittgenstein's Remarks on Gödel's Theorem. In: Kölbel, M. & Weiss, B. (eds) *Wittgenstein's Lasting Significance*. London: Routledge. pp. 206–225.
 7. Berto, F. (2009) The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons. *Philosophia Mathematica*. 3(17). pp. 208–219. DOI: 10.1093/phimat/nkp001
 8. Berto, F. (2009) *There's Something About Gödel: The Complete Guide to The Incompleteness Theorem*. New Jersey: Blackwell.
 9. Tselishchev, V.V. (2017) Ob intuitivnoy interpretatsii osnovaniy dokazatel'stva pervoy teoremy Godelya o nepolnote [On the intuitive interpretation of the grounds of the proof of Goedel's first incompleteness theorem]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*. 2. pp. 5–17.
 10. Floyd, J. & Putnam, H. (2000) A Note on Wittgenstein's 'Notorious Paragraph' about the Gödel Theorem. *The Journal of Philosophy*. 97(11). pp. 624–632. DOI: 10.2307/2678455
 11. Bays, T. (2004) On Floyd and Putnam on Wittgenstein on Gödel. *Journal of Philosophy*. 4. pp. 197–210. DOI: 10.5840/jphil2004101422
 12. Lampert, T. (2017) Wittgenstein and Gödel: An Attempt to Make "Wittgenstein's Objection" Reasonable. *Philosophia Mathematica*. August. DOI: 10.1093/phimat/nkx017

УДК 122/129

DOI: 10.17223/1998863X/45/12

Н.В. Серова

К.С. АКСАКОВ О РОЛИ ПОЭЗИИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассмотрено учение К.С. Аксакова о природе художественного слова и логике исторического развития поэтического искусства. Показана роль слова в познании и самопознании человека. Выявлены различия между поэтическим словом и словом, применяемым в повседневной речи. Сделан вывод о высоком духовном назначении поэзии в судьбе человека, восходящего благодаря ей от переживания временности этого мира к переживанию вечности в своей душе.

Ключевые слова: человек, поэзия, слово, душа, судьба.

В современной литературной и философской среде возрастает интерес к проблемам взаимосвязи философии и поэзии [1], к тематике философской поэзии [2] и к поэтическому творчеству философов [3]. В истории русской философии можно найти немало примеров, подтверждающих идейное родство философии и поэзии. Достаточно назвать имена М.В. Ломоносова, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, В.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева, чтобы удостовериться в этом. Философы принимали личное участие в поэтическом творчестве, пытались понять природу поэтического слова и раскрыть его особое воздействие на внутренний мир человека. Одним из первых философское исследование природы поэтического слова предпринял К.С. Аксаков.

В историю К.С. Аксаков вошел как выдающийся философ, талантливый публицист, литературный критик, лингвист и историк. Он внес вклад в развитие русской поэзии, не только проявив литературное мастерство, но и сделав поэтическое творчество предметом философского исследования. Сочетание в нем литературной одаренности и философского дарования позволило ему положить начало развитию философии языка в России. В своих работах К.С. Аксаков изучал природу языка, его историю развития и грамматику. Он раскрывал глубокую связь русского народа с историей русской словесности и восхищался богатством русского языка. К.С. Аксаков определил роль художественного слова в жизни русского народа и в судьбе каждого человека и дал самую высокую оценку поэтическому искусству.

В настоящее время отмечается возрастание интереса у отечественных исследователей к поэзии К.С. Аксакова. Они обращаются к гражданско-патриотической тематике его стихотворений, посвященных любви к Родине, вере в силу духа русского народа и надежде на простое и вместе с тем бесценное человеческое счастье [4]. Их интересуют его стихотворения, воспевающие силу и красоту родной природы и раскрывающие духовное единство человека и природы [5]. Другим предметом любви поэта, запечатленным в его стихах, стало само искусство слова – поэзия. Этой тематике посвящены такие стихотворения К.С. Аксакова, как «Орел и поэт» (1833), «Раздумье» (1834), «Как много чувств на мне лежат...» (1835), «О, *sehnsucht*» (1836),

«Свободное слово» (1854), «Поэту-укротителю» (1845). К.С. Аксаков воспринимал поэзию в качестве способа эстетического воспитания своих собственных чувств через восхождение к духовным идеалам. В ней он видел свое предназначение в жизни, дарованное ему свыше, и с ней он связывал свою судьбу. Неодолимое стремление к поэтическому творчеству, отвечавшему на самые высокие порывы его души, К.С. Аксаков выразил в стихотворении «Раздумье»:

О прилети ж скорей, моя отрада,
Лети скорей, воздушная мечта,
Тебя я жду, тебе душа вновь рада,
Поэзии святая Красота! [6. С. 31].

Поэзия для К.С. Аксакова была не только сферой творческого воплощения его сокровенных чувств, но вызывала в нем исследовательский интерес. Проблемам изучения природы слова, исторического развития поэзии, ее влияния на самосознание народа и ее роли в духовной жизни человека он посвятил свою магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846), а также работу «Опыт русской грамматики» (1860) и ряд статей в журнале «Русская беседа» (1857) и в газете «Молва» (1857). В данном исследовании нас интересует вопрос, почему К.С. Аксаков придавал решающее значение поэзии в собственной жизни, в судьбе каждого человека и в судьбе всего народа. Для ответа на него следует, во-первых, выяснить, в чем виделась К.С. Аксакову природа слова и его предназначение; во-вторых, установить, в чем состоит, по его мнению, отличие художественного слова от слов обычной речи; в-третьих, выявить роль поэзии в духовной жизни человека.

В рассуждениях об истории происхождения и о природе языка К.С. Аксаков исходил из традиционной религиозной концепции. В соответствии с ней он утверждал, что слово было даровано Богом людям как неотделимая часть их человеческой природы. Человек может существовать в согласии со своей разумной и нравственной природой исключительно благодаря слову, потому что, как писал К.С. Аксаков, «слово нераздельно с его существом, с духом, вложенным в него от Бога; это голос сознающего разума, данного свыше» [7. Т. 3. С. 1]. Своим появлением в мире слово свидетельствовало о присутствии в нем человека тем, что оно стало выражением его духовности, нравственности и разумности. В этом качестве слово принадлежит уже не божественному бытию, но внутреннему миру человека. Однако самостоятельно человек слов не создает, но он может по-своему истолковывать их смысл и по своему усмотрению выстраивать их в предложении. Слово настолько проникло во все существо человека, что ни изобрести, ни переменить слово он не может без того, чтобы не изменить собственной человеческой сущности и своей судьбы. В этом стремлении К.С. Аксакова представить слово частью внутреннего мира человека заключается антропологический смысл его учения о природе языка [8].

Слово, являясь условием именования различных по характеру явлений, помогает человеку осознать внутренний мир его души и познать внешний мир природы. В этом качестве, по мнению К.С. Аксакова, «слово стоит как посредник на рубеже двух миров, одухотворяя природу и воплощая мысль»

[7. Т. 3. С. 4]. Благодаря посреднической роли слова человек, разумно познавая природу, высвобождается из-под ее власти и преобразует ее соответственно разумным началам. Вместе с тем слово помогает человеку осознать свои чувства и сделать их понятными окружающим его людям. Людей, несмотря на своеобразие внутреннего мира каждого из них и различие в понимании ими окружающей природы, объединяет способность выражать результаты своей разумной деятельности благодаря слову. Все потому, что слово по своей природе разумно, и является, говоря словами К.С. Аксакова, «выразившимся сознанием» [Там же. С. 1]. В слове находят отражение все стороны человеческой души и вся полнота человеческой мысли, поэтому оно идеально и тем отличается от природных явлений. Предназначение слова видится К.С. Аксакову в том, что одним своим присутствием в мире оно очерчивает границы человеческого бытия в отличие от животного существования. По мнению философа, «слово – это знамя человека на земле» [9. С. 193], потому что оно представляет собой присущий человеку гуманный способ воздействия на окружающий мир. Этот способ воздействия выражается в разумном убеждении и нравственном увещании людей.

Отвечая на вопрос о существовании в мире многообразия языков, К.С. Аксаков приводил в качестве аргумента библейское предание о первородном грехе, вследствие которого человечество потеряло первоначальное духовное единство и было разделено на многие народы. С тех пор «различно смотрит сознание человеческое на мир» [7. Т. 3. С. 3], и потому в мире существуют разные национальные языки. Даже в каждом отдельном случае индивидуальной речи смысл слов варьируется. Но люди тем не менее стремятся к духовному объединению и потому постоянно находятся в духовном поиске. Одних он ведет к истине, других же приводит ко лжи. Отсюда происходит искажение смысла слов и, как следствие, неизбежность человеческих заблуждений. Будучи частью внутреннего мира человека, слово подвергается всем перипетиям человеческой судьбы. Под влиянием различных намерений людей оно может быть подвержено фонетическим изменениям и семантическим искажениям. Какие бы испытания не претерпевал человеческий дух, слово всегда остается с человеком и разделяет его судьбу.

Описывая историю развития языка, неотделимую от истории развития человечества, К.С. Аксаков выделяет в ней три этапа. В них раскрывается не только последовательное изменение целей применения слова в соответствии с насущными потребностями людей в общении и их совместной деятельности, но и достижение высокого уровня духовного развития языка. На первом этапе своей истории язык тесно связан с естественным существованием человека, всецело зависимым от природы. Слово тогда имело созерцательный и приближающийся к простоте природных явлений характер. «Это слово, – писал К.С. Аксаков, – обращенное лицом к природе, так сказать, ее изящно отражающее, возвышающееся над нею, являющее все свое величие уже присутствием и существом, делом своим, – во всей простоте, во всем спокойствии, как сама природа» [10. С. 72]. Но человек в силу своих нравственных устремлений и исканий разума оставляет естественную среду обитания в природе и строит отличающийся от нее мир духовной культуры.

Вместе с возвышением человека над природой слово перестало служить ему непосредственным выражением его созерцания естественных явлений,

ибо «слово последовало с ним; оно стало выражением его нужд, стало выражением его человеческой жизни, стало ему орудием, – и возмутилась его созерцательная ясность, побледнели его краски, стал отвлеченным его образ» [10. С. 73]. Мир, устраиваемый человеком, оказался далеким от совершенства, и в нем обнаруживаются признаки духовного упадка. Несовершенства самого человека и его жизни запечатлеваются в его сознании и выражаются в его речи. Следствием этого становится искажение назначения слов в жизни человека. «Среди этой жизни, обращенной в другую сторону, полной других интересов, в то же время мелкой и ничтожной, слово само получило характер, достойный ее состояния» [Там же. С. 75]. Несовершенства мира, построенного человеком, превратили слово в орудие искажения правды и распространения лжи. Слово обрело способность направлять человека к нарушению закона и пренебрежению нравственными устоями. Оно лишает человека надежд и обесценивает его жизнь, нисходящую в безвременье. Выражая «его внутренний, субъективный мир, с радостями и бедами, с долею и бездолею, с временем и безвременьем» [Там же. С. 44], слово воплощало в себе все стороны его жизни. Слово в своем содержании изменялось под влиянием нравственных метаний человека, но именно оно могло изменить безнадежную жизненную ситуацию и удержать его от нравственного падения.

Словом, имеющим такую власть над человеком, по мнению К.С. Аксакова, стало художественное слово поэзии. Именно оно подвигает человека стать на путь духовных исканий, подвергнуть свою душу испытаниям и отказаться от произвольного использования слов. Оно доводит до его понимания мысль о том, что он должен искать тех форм словесности, в которых могла бы воплотиться частица его души. Действительно, обращаясь к поэзии, человек осознает, что его духовное возрождение осуществляется через силу поэтического слова. В этой связи философ проводил различие между словами, слагавшимися стихийно во взаимодействии человека с природой, и словами, рождающимися в душе поэта. Существенным признаком обычного слова, применяемого в повседневном обиходе, является то, что оно воспринимает и несет в себе всю палитру человеческой души – от низменных до самых высоких чувств. Человек одинаково склонен и к любви, состраданию, честности, справедливости, и к жестокости, безразличию, лжи, предательству. Поэтическое слово изобличает неприглядные стороны человеческой натуры, чтобы воззвать к человеческой душе и освободить ее от всего того, что ее омрачает. Очищающее человеческую душу действие поэзии К.С. Аксаков описал в стихотворении «Свободное слово»:

Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнью ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово! [11. С. 42].

Поэтическое слово вскрывает все те чувства и желания, которые, зарождаваясь в душе человека, тлетворно воздействуют и разрушают ее изнутри. Оно указывает на пагубные мысли и низменные желания, которые своим искушающим действием заставляют человека подчинить свою жизнь безликому потоку безвременья. Все это подводит человека к поиску путей преодоления той жизненной ситуации, которая отягощает его душу и помыслы. «Поэзия сама, – писал К.С. Аксаков, – уже не может быть та, что была прежде; содер-

жание ее, также и жизнь переменились; она отрывает от случайности эту жизнь; перед ней падает в прах все мелкое, все корыстное и низкое, – и то высокое стремление, которое несется в жизни, с одной стороны, та скорбь и горькая насмешка, юмор, с другой – одушевляют ее» [9. С. 75]. Поэзия, выводя человека из состояния потерянности и безысходности, восстанавливает его духовные силы. Померкнуть порабошающие душу страсти художественное слово заставляет потому, что оно пробуждает в людях чувства сострадания и печали в скорбные минуты, рождает чувства любви в мгновенья счастья и вселяет чувство иронии, возвышая человека над жизненными несоответствиями и неурядицами. Во всех своих действиях поэзия преследует одну священную цель – освободить человеческий дух и вознести его к нетленному бытию вечности:

Ты – чудо из божьих чудес,
Ты – мысли светильник и пламя,
Ты – луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя! [11. С. 42].

В чем же заключается тайна одухотворяющего человеческую жизнь действия поэтического слова? К.С. Аксаков, применив диалектический метод, предпринял подробный анализ природы поэзии и этапов ее исторического развития. Поэзия на первоначальном этапе развития представляется философу как отвлеченная от реальности идея поэтического искусства. Поэзия, понимаемая в качестве идеи, тождественна самой себе и имеет всеобщий характер. Несмотря на высокое предназначение поэзии как искусства, она не существует в действительности иначе, как будучи воплощенной в конкретных литературных произведениях. В ее воплощении в действительности К.С. Аксаков видел отрицание поэзией себя в качестве идеи искусства слова. Второй этап развития поэзии связан с ее воплощением в конкретных литературных произведениях, различающихся по своему художественному достоинству. Не все из них удостоиваются высокой оценки и увековечения. «Развитие поэзии, как сферы абсолютного духа, заключающей в себе абсолютное содержание, – необходимо; множество произведений случайных не должны нас смущать; они носят смерть в самих себе и исчезают без следа; только те, в которых выразилось искусство, имеют постоянно значение, пребывающий интерес – те, на которых запечатлело оно судьбы свои» [9. С. 25]. В действительности многообразие литературных произведений не исчерпывают собой всю полноту духа, содержащегося в поэзии как искусстве. Различные по содержанию и художественной ценности, они отстоят от поэзии как от отдаленного своего образца. Появление ли гениального поэта, или создание им высокохудожественного произведения в определенную историческую эпоху обязаны не самим себе, но воплощению в них и выражению посредством них поэзии в качестве сферы пребывания абсолютного духа.

Третий этап в развитии поэзии должен быть связан, по мнению К.С. Аксакова, с преодолением того несовершенства в ней, которое присуще многим литературным произведениям, чья художественная ценность ставится под сомнение. Критическая оценка подобных произведений должна открыть путь к высоким образцам поэзии. К ним относятся самые выдающиеся художественные произведения гениальных поэтов и писателей. «Здесь нахо-

дим мы вновь поэзию, совокупляющую свои моменты, поэзию, прошедшую через отрицание себя, через особность, через отдельность произведений и вновь нашедшую себя в сфере единичности, в едином произведении, отрешившись от особности и вместе с ней условленным, – произведении, которое значит для себя и с которым уже, не как отвлеченное общее, является поэзия конкретно в присутствии всех своих моментов» [10. С. 31]. Выдающиеся образцы поэтического творчества единичны, неповторимы и представляют собой абсолютную ценность. На всех этапах поэзия являла собой возможность воплощения духовных стремлений человека и их действительную творческую реализацию. Таким образом, поэзия во всех ее формах и проявлениях в действительности стала условием развития и одухотворения человеческих чувств.

Поэзия в значении отвлеченной идеи искусства еще не связана с жизнью народа и деятельностью отдельной личности. Она еще не ограничена конкретной исторической эпохой. Переходя к действительному поэтическому творчеству, человек воплощал свои таланты в форме народных песен, сказаний и легенд. В форме своего действительного проявления поэзия связывается с народной жизнью, становится носительницей народной духовности и выражает в себе духовные потребности конкретного исторического времени. К.С. Аксаков писал, что «истинное произведение поэзии, непременно народное, должно быть таково, чтоб оно могло нравиться не некоторым только, а всему народу, который чувствует, что он в нем выражается» [7. Т. 3. С. 213]. В народных сказаниях и песнях воплощается духовная жизнь народа, его особый характер и мировосприятие. Народные сказания и песни передаются изустно от поколения к поколению и тем самым сохраняются преемственность и связь поколений и гарантируются единство и будущность всего народа.

На стадии народного литературного творчества развитие поэзии не останавливается, так как это ограничивало бы его конкретно-историческими условиями. В первоначальном же значении поэзия ничем не ограничена и имеет всеобщий характер. Поэзия не может быть достоянием только одного народа, даже если речь идет о созданных им национальных произведениях, она должна быть достоянием всего человечества. Преодоление узконационального характера поэзии совершается, по мнению К.С. Аксакова, через индивидуальное поэтическое творчество. В нем сохраняется все достоинство и богатство народной поэзии, а принадлежащие ей идеи и образы получают всеобщий и всечеловеческий смысл. «Период исключительной национальности проходит, индивидуум освобождается, и в то же время освобождается человек вообще; но национальность как необходимый момент не теряет своего места, а только становится как момент вечно пребывающий» [10. С. 36]. Одаренная художественным талантом личность открыта для понимания всечеловеческих ценностей и идей и вместе с тем действует от лица своего народа. Она способна возвести народный дух на наднациональный, всечеловеческий уровень, преодолеть временные ограничения литературного творчества и вывести его на уровень надвременного бытия. Человеческий гений создает произведения, которые становятся достоянием всего человечества и увековечивают проявления человеческого духа.

Проведенное К.С. Аксаковым философское исследование природы поэзии основывалось на опыте изучения им русского фольклора, русской народ-

ной песни и русских народных былин, а также поэзии М.В. Ломоносова, чей талант он высоко ценил. Его литературное наследие он признавал вершиной поэтического искусства. Применяв приемы диалектического метода к исследованию русской литературы разных эпох, К.С. Аксаков выявил логику исторического развития поэтического искусства: от искусства как сферы воплощения абсолютной идеи к многообразным формам реализации поэзии в действительности и, наконец, к единичным произведениям гениальных творцов. Он показал причины возможного упадка в сфере поэтического искусства и условия его высокого подъема и расцвета. Он был уверен, что без связи с народным литературным наследием невозможно рождение поэтического гения, потому что для его воспитания необходима благоприятная духовная среда. Предостерегая от возможных кризисов в сфере художественной словесности, К.С. Аксаков указывал на неразрывную связь судьбы человека от судьбы слова, которое вслед за нравственным падением человека превращается в орудие искажения правды и совершения зла. Он видел в поэтическом слове одну из немногих возможностей освободить человеческий дух от привязанности ко всему случайному, недостойному и конечному. Роль поэзии в духовной жизни человека состоит, по мнению философа, в том, что она выявляет безнравственные наклонности души, подвигает человека к борьбе с недостатками собственной натуры и наставляет его на путь нравственного самосовершенствования. Поэтическое слово обладает такой силой влияния на духовную жизнь человека потому, что оно помогает ему преодолевать несовершенства в его временном существовании и открывает для него признаки вечности в его временном бытии. Поэзия, по мнению К.С. Аксакова, возносит человеческий дух к вечности и тем самым увековечивает даже мгновенное чувство, достойное ее высот.

Литература

1. *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, текст). М. : Логос-Гнозис, 2010. 496 с.
2. *Шайтанов И.О.* Дело вкуса : Книга о современной поэзии. М. : Время, 2007. 656 с.
3. *Поэзия как жанр русской философии* / сост. И.Н. Сиземская. М. : ИФРАН, 2007. 340 с.
4. *Аношкина-Касаткина В.Н.* Стихотворения Константина Сергеевича Аксакова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 2. С. 1–20. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/vi/Articles/View/660>
5. *Ожерельев К.А.* Образные представления об универсуме в лирике К.С. Аксакова // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 154–157.
6. *Аксаков К.С.* Избранное // ЛитРес. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2669555 (дата обращения: 13.09.2018).
7. *Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики // Полн. собр. соч. М., 1880. Т. 3. С. 1–470.
8. *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России. СПб. : Искусство-СПб, 2002. 264 с.
9. *Аксаков К.С.* Русское воззрение // Государство и народ. М., 2009. С. 39–297.
10. *Аксаков К.С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 21–91.
11. *Аксаков К.С.* Стихотворения. М., 1909. 72 с.

Natalia V. Serova, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk, Russian Federation).

E-mail: nserova1@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 114–121.

DOI: 10.17223/1998863X/45/12

KONSTANTIN AKSAKOV ON THE ROLE OF POETRY IN THE SPIRITUAL LIFE OF A PERSON

Keywords: person; poetry; word; soul; destiny.

In the history of Russian philosophy, there were many outstanding thinkers who are authors of original philosophical ideas and authors of sublime poetic imagery. One of them was Konstantin Aksakov, a Russian philosopher, publicist, historian and poet. He viewed poetry as a way to nurture human feelings by rising to spiritual ideals. For him, poetry was not only the sphere of realization of his creative work, but also the subject of his philosophical research. Aksakov developed an anthropological approach to the study of the essence and history of the language. He believed that the word was the distinctive feature of a person, by which a person organized life in accordance with moral laws. A person may be inclined to do both moral and immoral acts. The word is deeply connected with a person's essence, and varies depending on the person's inner experiences. However, one changes oneself and one's fate by distorting the meaning of words. The historical path of the development of the humankind is also inextricably linked with the historical stages in the development of the language. Aksakov distinguished ordinary words from poetic words. Ordinary words express feelings of different moral value. Poetic words give an unconditional moral value to human feelings. Wondering about the spiritualizing action of poetry, Aksakov distinguishes three stages in its development: from poetry as an abstract idea of art to the embodiment of this idea in specific literary works of different artistic merits and, finally, to high samples of poetic art. He expressed confidence that the birth of a poetic genius is possible only with its direct connection with the national literary heritage. A genial poet creates works that become the property of all humankind and perpetuate the phenomena of the human spirit. Aksakov saw the role of poetry in the spiritual life of a person in the fact that it helps one overcome the imperfections of one's temporary existence, and reveals manifestations of eternity in one's temporary existence.

References

1. Azarova, N.M. (2010) *Yazyk filosofii i yazyk poezii – dvizheniye navstrechu (grammatika, tekst)* [The language of philosophy and the language of poetry - a movement towards (grammar, text)]. Moscow: Logos/ Gnozis.
2. Shaytanov, I.O. (2007) *Delo vkusa: Kniga o sovremennoy poezii* [A Matter of Taste: A Book on Modern Poetry]. Moscow: Vremya.
3. Sizemskaya, I.N. (2007) *Poeziya kak zhanr russkoy filosofii* [Poetry as a Genre of Russian Philosophy]. Moscow: IF RAS.
4. Anoshkina-Kasatkina, V.N. (2015) Stikhotvoreniya Konstantina Sergeyevicha Aksakova [Konstantin Aksakov's poetry]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University*. 2. p. 1–20. [Online] Available from: <http://www.evestnik-mgou.ru/vi/Articles/View/660>.
5. Ozherelyev, K.A. (2012) Obraznyye predstavleniya ob universume v lirike K.S.Aksakova [Figurative ideas about the universe in K.S. Aksakov's lyrics]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 5(112). pp. 154–157.
6. Aksakov, K.S. (n.d.) *Izbrannoye* [Selected Works]. [Online] Available from: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2669555. (Accessed: 13th September 2018).
7. Aksakov, K.S. (1880) *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare. pp. 1–470.
8. Aksakov, K.S. (2009) *Gosudarstvo i narod* [State and People]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. pp. 39–297.
9. Aksakov, K.S. (2011) *Lomonosov v istorii russkoy literatury i russkogo yazyka* [Lomonosov in the history of Russian literature and Russian language]. Moscow: Moscow State University. pp. 21–91.
10. Aksakov, K.S. (1909) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig.
11. Bezlepkina, N.I. (2002) *Filosofiya yazyka v Rossii* [The Philosophy of Language in Russia]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334:61

DOI: 10.17223/1998863X/45/13

Н.А. Вялых

МЕХАНИЗМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Предлагается новый взгляд на современные исследования социальных механизмов дифференциации потребителей медицинской помощи, базирующийся на принципе социологического конструктивизма. В рамках данной методологической проекции фокус социологических исследований неравенства в доступе к медицинской помощи смещается с анализа внешних барьеров ее оказания на изучение социальных моделей поведения людей.

Ключевые слова: потребление медицинской помощи, доступность медицинской помощи, российское здравоохранение, социальное поведение, механизмы дифференциации, социологический конструктивизм.

Введение

В современной российской научной литературе до сих пор доминирует интенция на макросоциологическую перспективу в изучении социальных процессов в сфере здравоохранения. Зачастую эмпирико-социологические исследования сводятся к констатации того, как «все плохо» или как «почти все плохо» с последующим вынесением рекомендаций по устранению хронической дисфункции системы отечественного здравоохранения. Практические рекомендации научного сообщества связаны преимущественно с обоснованием необходимости значительного ресурсного (кадрового, технологического, финансового) вливания в систему здравоохранения и ее отдельные подсистемы, а также с научным обоснованием необходимости принятия радикальных политических решений по модификации организационно-финансовой модели самой системы [1]. Однако здравоохранение, как и любая социальная система, стремится к поддержанию внутренней стабильности, порядку и балансу с окружающей средой. Любые реформы в здравоохранении, а тем более «революции сверху», во-первых, чреваты еще большей дестабилизацией в силу разбалансировки и без того разновекторных интересов различных агентов (государства, страхового медицинского бизнеса, медицинских организаций, врачебного сообщества, производителей лекарств и медицинского оборудования); во-вторых, требуют политической воли и сме-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе».

лости от принимающих решения лиц; в-третьих, и самое главное, должны быть ориентированы на реальные потребности людей и социальные ожидания различных социальных групп. Миссия современной социологии состоит не только в том, чтобы диагностировать проблемные зоны в системе оказания медицинской помощи, хотя и это очень важно, но и в том, чтобы понимать, каким образом модели социального поведения людей формируют вторичное стратификационное деление в сфере потребления медицинской помощи.

Таким образом, актуальность данного теоретико-социологического исследования продиктована значимостью не только выявления дисфункций в организации и финансировании самой системы и связанных с ней объективных неравенств в доступе к медицинской помощи, но и определения механизмов социального поведения, которые дифференцируют людей «на входе» в систему здравоохранения, а не только как пациентов внутри нее.

Сущность социологического подхода к изучению дифференциации потребления медицинской помощи

По нашему мнению, социологический подход к исследованию дифференциации потребления медицинской помощи базируется на нескольких теоретических посылах.

1. Потребление медицинской помощи – это разновидность социального действия.

2. Потребление медицинской помощи опосредуется ментальной программой конкретного общества, стилем жизни социальной общности или социальной группы, к которой принадлежит человек. Уточним, что под ментальной программой общества, в дискурсе социологической науки, мы понимаем систему рефлексивных (осознанных) и нерефлексивных (неосознанных) представлений, ценностей и установок, комбинация которых определяет тот или иной тип (модель) поведения человека в определенной ситуации.

3. Социально-статусные и социокультурные различия продуцируют неодинаковые социальные действия, являющиеся продуктом жизненных стратегий, в результате которых складывается побочное стратификационное деление общества в сфере потребления медицинской помощи как интегральном компоненте медицинской активности личности, социальной группы и общества в целом.

В русле объективистской методологической проекции ментальная программа общества определяет, во-первых, «знания» или «незнания» (либо «знания о незнании») о социальной реальности здравоохранения; во-вторых, формирует предпочтения и социальные нормы в отношении своего здоровья и здоровья социального окружения и, в-третьих, устанавливает предрасположенности (осознанные и неосознанные) к определенным моделям социального поведения, например к поиску медицинской помощи в случае манифестации симптомов заболевания.

Классическое понимание сущности социального действия было заложено М. Вебером. В структуре социального действия ученый выделял смысловую ориентацию на ожидание определенного поведения других и в соответствии с этим субъективную оценку шанса на успех собственных действий [2]. Эта идея справедлива и для оценки поведения потребителей медицинской

помощи, так как поведение потенциального или реального пациента всегда соотносится с ожиданием поведения других акторов, например поддержки семьи и близкого окружения, профессиональной помощи со стороны медицинского персонала, понимания руководства, если человек вынужден брать отпуск из-за временной нетрудоспособности.

Указанные примеры подтверждают методологически важную идею Э. Дюркгейма о том, что социальные нормы влияют на индивидуальное поведение не непосредственно, а через определенные механизмы их интериоризации. Внешняя детерминация социального поведения осуществляется через ценностные ориентации, поэтому действенность социальных регуляторов определяется не только их принудительностью, но и желательностью для индивидов [3. С. 112]. В современной американской социологии поведение в ситуации болезни («illness behaviour») рассматривается не просто как решение об актуализации поиска профессиональной медицинской помощи или процесс совладания с симптомами, но как многоплановая, конструируемая индивидом и социальным окружением «карьера болезни» [4. С. 984]. Подобный взгляд раскрывает динамический аспект функционирования стратегии поведения заболевших в противовес статической «доминантной модели», в фокусе которой – социальные, экономические, территориальные и иные барьеры потребления, существующие независимо от человека.

При обращении к стратификационному аспекту потребления медицинской помощи возникает логичный вопрос: существуют ли именно социальное неравенство и социальная дифференциация в сфере здравоохранения, не является ли эта научная проблема одной из псевдопроблем, которых в социологии, скажем прямо, достаточно много? Номинальные группы потребителей медицинской помощи сами по себе не могут выступать единицей стратификационных процессов и механизмов, так как они являются, по П. Бурдье, «группами на бумаге». Но если потребление медицинской помощи коррелирует с социально-статусными и демографическими параметрами, то можно говорить о появлении нового типа стратификационного деления общества.

Отличие социологического подхода к анализу потребления медицинской помощи от медико-социального, на наш взгляд, состоит в исследовании типических форм поведения людей не только как пациентов в профессиональном поле медицинской практики, но и за пределами институционального поля здравоохранения. Социологический инструментарий позволяет изучать способы ориентации личности на потребность, включая бездействие, факторы отказа от медицинского вмешательства, а также мотивы внеинституциональных парамедицинских практик.

С позиций субъективистской традиции методологическое значение имеет концептуальная модель, разработанная группой ученых из Великобритании [5]. На основе обзора литературы по проблеме доступа уязвимых социальных групп к медицинскому обслуживанию научный коллектив пришел к выводу, что индивид («кандидатура») сам конституирует доступ к медицинской помощи, признавая себя «подходящим» объектом медицинского внимания и медицинского вмешательства. При этом модель учитывает социальный контекст и факторы макроуровня, которые оказывают влияние на распределение и конфигурацию медицинских ресурсов. В этой модели доступ предстает как динамичное взаимодействие различных переменных, как процесс

взаимодействия индивидов и системы медицинского обеспечения в постоянно меняющемся социальном контексте.

И.Б. Назарова связывает доступность медицинской помощи с самосохранительной активностью трудящегося человека [6]. Ценность теорий самосохранительной активности заключается в признании сознательной деятельности личности в качестве основополагающего условия доступа к медицинской помощи, поскольку оказание медицинской помощи во многом зависит от того, посчитает ли человек необходимым и целесообразным вступить во взаимоотношения с медицинскими организациями социального института здравоохранения.

Л.В. Панова и Н.Л. Русинова также связывают доступность медицинской помощи с сознанием человека. По замыслу ученых, измерение доступности на уровне сознания личности «позволяет оценить не только возможность попасть в систему здравоохранения (осуществить первичный доступ), но и получение качественной медицинской помощи, адекватной потребности в ней» [7. С. 129]. Социально-структурные параметры потребителей и параметры системы оказания медицинской помощи, в свою очередь, детерминируют индивидуальное восприятие доступности медицинской помощи.

Группа ученых из Швейцарии, Швеции и Танзании рассматривает доступ в трех проекциях: «поиск медицинской помощи»; собственно «медицинская помощь»; «средства к существованию» [8. Р. 1584].

В фокусе исследований «поисковых стратегий» находятся люди, а точнее, модели поведения, которые выбирают индивиды, социальные группы и общности. Подобные исследования дают ответы на вопросы, почему, когда и каким образом социальный субъект реализует доступ к медицинской помощи. В рамках данного направления изучаются формы взаимодействия индивидов и профессионалов от медицины. Это достаточно перспективный вектор исследований, поскольку большинство авторов преувеличивают значение физического наличия необходимой помощи, пренебрегая изучением воли и способности человека добиваться помощи либо, напротив, изучением мотивов отказа пациентов от медицинского вмешательства.

Исследования «медицинской помощи» концентрируются на объективных факторах, которые обуславливают доступ. Критерием доступа в таких исследованиях выступает частота обращения за медицинской помощью и количество оказанных медицинских услуг. В центре внимания данной методологической проекции находятся институт и политика здравоохранения.

Подход, изучающий «средства к существованию», демонстрирует, каким образом домохозяйства и социально-территориальные общности мобилизуют материальные и социальные ресурсы для получения медицинской помощи. «Средства к существованию» включают: человеческий капитал (знания, навыки, образование), социальный капитал (социальные связи и знакомства), природный капитал (условия жизни), физический капитал (инфраструктура) и финансовый капитал (наличные деньги и кредиты). Данный подход комбинирует два предыдущих и предлагает более широкий взгляд на природу социальной дифференциации потребления медицинской помощи.

Таким образом, доступность медицинской помощи отражает как степень адаптации института здравоохранения к потребностям и ресурсам населения, так и возможность общества и отдельного человека использовать имеющиеся

ресурсы с целью удовлетворения потребности в здоровье в социальном поле профессиональной медицинской практики. Социология как наука, обладающая многомерным методологическим потенциалом, способна обнаружить скрытые, но реальные по своим последствиям социальные механизмы конституирования доступа к медицинской помощи в условиях ограничительной вариабельности позитивных форм медицинской активности, которые и приводят к значимым несправедливым социальным различиям.

Проблема справедливости, на наш взгляд, более актуальна для социальной философии, имеющей дело с универсальными ценностями, значение которых можно принимать аксиоматически в зависимости от социального контекста. Социологи же работают с категориями, которые можно измерить с помощью эмпирических референтов. Поэтому в социологическом плане справедливость – это социально относительные представления общества и человека о должном порядке вещей. Традиционно объектом социологических исследований являются именно несправедливые социальные различия, при которых представители разных социальных страт имеют неодинаковые шансы получить адекватную медицинским потребностям профессиональную помощь. Другими словами, если пол, возраст, территория проживания, уровень дохода, род деятельности и другие социально-статусные параметры существенно снижают доступность медицинской помощи, то мы говорим о несправедливых различиях.

Однако далеко не все неравенства потребителей медицинской помощи можно дефрагментировать как несправедливые, поскольку доступность отдельных функций здравоохранения зависит от целерациональной активности человека. Допустим, если при одинаковой конфигурации экономического и социального капиталов (дохода, связей, знакомств, среды обитания) один из двух пациентов обладает большим культурным и символическим капиталом (осведомленность о деятельности регионального здравоохранения, информационная и правовая грамотность, знание медицинских терминов, понимание «статуса» своего здоровья и т.п.) и в силу этого достигает быстрее и менее затратно по ресурсам своей цели (получение адекватной медицинской помощи), то едва ли можно говорить о том, что такое различие оказалось несправедливым. Ниже представим теоретико-методологический бекграунд данного предположения.

Социальные механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в современном российском обществе

Действие механизмов дифференциации потребителей медицинской помощи зависит от «правил игры», устанавливаемых институтом здравоохранения, и от характеристик ключевых акторов: потребителей, провайдеров медицинской помощи, страховых медицинских организаций, органов государственного и муниципального управления в системе здравоохранения. Причем один и тот же фактор дифференциации может быть источником механизма неравенства одновременно на двух уровнях: личностном и системном. Подобно механизму двигателя внутреннего сгорания, преобразующего прямолинейное движение поршня во вращательное движение коленчатого вала, механизмы социальной дифференциации потребителей медицинской помощи преобразуют фактические социальные различия в неравный доступ к

медицинской помощи. Механизмы социальной дифференциации представляют собой систему взаимосвязанных переменных (факторов), ограничивающих потребление медицинской помощи различными социальными группами или вовсе препятствующих ее получению. Результат функционирования механизмов социальной дифференциации – формирование значительного несоответствия потенциальной и реальной доступности медицинской помощи для отдельного человека и номинальных групп общества.

Какие факторы и механизмы имеют решающее значение для формирования социального неравенства, и в частности неравенства в доступе к медицинской помощи? Единого мнения на этот счет в науке не сложилось. О.И. Шкаратан говорит о том, что «российские исследователи, изучающие стратификацию, нередко придают решающее значение активности социального субъекта – индивида, который преследует свои цели, используя все имеющиеся ресурсы... При этом нередко основными ресурсами для достижения и поддержания статуса признаются личностные, социально-психологические качества индивида» [9. С. 147]. О.И. Шкаратан отмечает, что придерживается «более традиционной позиции, согласно которой индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры) и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социоэкономических отношений. Либо индивиды рассматриваются как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре» [Там же. С. 148].

Анализируя механизмы социальной дифференциации потребления медицинской помощи, мы опираемся на социологический конструктивизм – подход, интегрирующий поведенческие и системные (надындивидуальные) факторы неравенства потребителей. Целесообразно различать три типа механизмов дифференциации потребителей медицинской помощи: экономический, организационно-управленческий и социокультурный. Подобный взгляд на природу социального неравенства в сфере здравоохранения позволяет упорядочить конгломерат факторов дифференциации потребления и выявить закономерности воспроизводства неравенства в системе здравоохранения в зависимости от доступности частных функций этой системы. Представленная типология, как теоретическая модель исследуемого процесса, способна расширить методологический и методический инструментарий социологической диагностики дисфункций в здравоохранении на общероссийском, региональном и локальном уровнях.

Типология социальных механизмов дифференциации потребления медицинской помощи

Тип механизма	Источники механизма	Эффект действия механизма	
		Поведенческий уровень	Системный уровень
Экономический	Коммерциализация здравоохранения	Отказ от медицинской помощи и / или ее потребление не в полном объеме	Концентрация здравоохранения на платежеспособных группах
Организационно-управленческий	Инфраструктурные ограничения и региональные различия	Сложности социальной адаптации населения к условиям оказания медицинской помощи	Неэффективное распределение и перераспределение медицинских ресурсов
Социокультурный	Ментальные программы общества	Неэффективные стратегии медицинской активности	Явное и латентное сокращение вариантов позитивной медицинской активности

Каждый механизм действует на уровне индивидуального сознания и на надындивидуальном уровне. Основной вопрос состоит в том, что является первичным ограничителем потребления медицинской помощи: структурные барьеры или сознание человека, социальной группы, общества? Мы полагаем, что первично именно социальное действие.

Источником экономического механизма дифференциации являются коммерческие отношения в сфере здравоохранения. Под коммерциализацией мы подразумеваем, во-первых, расширение количества частных медицинских организаций при одновременном сокращении бюджетных; во-вторых, подчинение медицинской деятельности даже бюджетных организаций целям извлечения прибыли. Финансовые барьеры на уровне системы (дорогостоящие услуги, отсутствие бесплатной или приемлемой по цене, времени ожидания, помощи) приводят к отказу социальных групп от услуг либо их потреблению в объеме, недостаточном для позитивных сдвигов в здоровье из-за угрозы значительных расходов. По мнению экспертов Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, типичные оценки доступа игнорируют факт стоимости лечения различных заболеваний, поскольку используют усредненные показатели расходов населения на медицинскую помощь. Практически в любой системе здравоохранения происходит неизбежная концентрация провайдеров медицинской помощи на группах, которые могут позволить себе формально или неформально ее софинансировать [10].

Источником организационно-управленческого механизма дифференциации представляются несовершенства политики здравоохранения на всех уровнях (общенациональный, региональный, локальный). Наиболее значимыми факторами, которые активизируют организационно-управленческий механизм на системном уровне, являются территориальные различия в отношении кадрового, технического и технологического потенциала медицинской отрасли здравоохранения, относительная закрытость информационного пространства, неэффективный менеджмент. На поведенческом уровне неравенство в доступе формируется в результате различной степени социальной адаптации к перечисленным факторам. Речь идет о способности социальных групп конвертировать различные виды капитала в доступ к медицинской помощи, преодолевая организационно-управленческие барьеры.

Проиллюстрируем логику функционирования механизма примерами.

Практически во всех развитых странах мира практикуются рационирование и стандартизация медицинской помощи. Рационирование – подход к справедливому использованию ограниченных ресурсов, который заключается в сокращении расходов на неэффективные виды медицинских вмешательств и концентрации усилий на предоставлении гражданам равного доступа к самым эффективным медицинским услугам. Это экономически оправданный механизм распределения дефицитных благ, но рационирование в сфере здравоохранения может значительно препятствовать удовлетворению потребности в медицинской помощи, особенно когда происходит так называемое скрытое рационирование: «очереди, из-за которых невозможно получить лечение в разумные сроки, бюрократические препоны, исключение отдельных видов лечения из списка бесплатных услуг» [11].

Еще одним ограничителем доступности на управленческом уровне является стандартизация медицинской помощи. Стандартизация – «деятельность,

закрывающаяся в нахождении решений для повторяющихся задач в сфере науки, техники, экономики и др., направленных на достижение оптимальной степени упорядоченности в определенной области» [12]. Стандартизация медицинской помощи – процесс формирования стандартов (правил, норм, требований) ее производства и оказания. Стандарты – это устанавливаемые на международном, национальном, региональном и локальном уровнях минимальные объемы помощи при определенных заболеваниях, типические схемы лечения и диагностики, наборы лекарственных средств. Они упорядочивают процесс предоставления услуги, делают его ожидаемым и наполняют конкретным содержанием. В сущности, это один из главных признаков здравоохранения как социального института.

Однако стандартизация может отрицательно сказаться на доступности медицинской помощи. Мы солидарны с мнением Г.Э. Улумбековой относительно того, что «жесткая регламентация порядков и способов лечения пациентов может привести врачей к упрощенным подходам к лечению. Врачи могут, не задумываясь, применять медицинские технологии («все же прописано»), а пациенты – необоснованно требовать назначения лекарственных средств, которые им, например, противопоказаны («нам положено»))» [13. С. 135].

Организационно-управленческий механизм дифференциации потребления актуализируют длительные и затратные поездки в медицинские организации, очереди к специалистам, сложности регистрации, неудобные графики приема врачей. Низкий уровень качества медицинской помощи в целом продуцирует такие негативные поведенческие стратегии в отношении индивидуального здоровья, как самолечение, отказ от лечебно-диагностических мероприятий, незавершенность лечения, обращение к альтернативной медицине. Самыми уязвимыми группами, испытывающими организационные барьеры, являются инвалиды, пожилые люди, пациенты со специфическими потребностями, которые в силу функциональных ограничений не способны адаптироваться к «агрессивным» (ограничительным) условиям оказания медицинской помощи.

В масштабах российского общества существенным фактором дифференциации потребления являются региональные различия в обеспеченности медицинскими организациями, количестве койко-мест в стационарах, укомплектованности кадровыми и иными ресурсами. География медицинских ресурсов коррелирует с уровнем социально-экономического развития региона. Причем главным фактором межрегионального неравенства выступает население региона, которое определяет масштаб рынка и потенциальные доходы медицинских работников [14. Р. 51]. Чаще всего асимметричное распределение ресурсов происходит между сельской местностью и городской средой в результате концентрации таких ресурсов здравоохранения, как лечебные учреждения, кадры, оборудование, финансовые средства, в крупных городах и мегаполисах.

Информационное неравенство представляет собой значимый источник организационно-управленческого типа дифференциации. Еще в 1963 г. известный экономист К.Дж. Эрроу писал о неуловимом характере информации на рынке медицинских услуг. Дело в том, что потребители вынуждены приспосабливаться к неопределенности и риску относительно возможности бо-

лезни и действенности лечения. Допустим, если речь идет о непосредственной оплате медицинской помощи, то провайдер заинтересован оказать больший объем услуг и может предлагать помощь, которая не имеет принципиального значения для больного или имеет сравнительно недорогие альтернативы. Д. Норт пишет: «Оценка степени проявления нужных свойств требует слишком больших затрат, чтобы быть полной и достаточно точной. Информационные издержки определения степени проявления индивидуальных свойств у каждой единицы объекта обмена порождают затратность данного вида транзакции» [15. С. 48]. Информационная асимметрия в системе здравоохранения приводит к дополнительным финансовым, временным и психологическим расходам, углубляя, таким образом, степень неравенства. Нельзя не согласиться с И.М. Шейманом в том, что наличие информации для выбора – один из ключевых факторов потребительской мобильности [16. С. 183]. К информационным ограничениям можно отнести отсутствие или неполноту открытых данных о работе специалистов, профиле деятельности тех или иных медицинских учреждений, правах и обязанностях агентов в системе здравоохранения, возможностях использования высокотехнологичной диагностики и новых методов лечения.

Сложнее всего дело обстоит с теоретической препарацией социокультурного механизма дифференциации потребления медицинской помощи в современной России. Однако именно этот механизм и отражает методологическую переориентацию современных социологических исследований неравенства в доступе к медицинской помощи с констатации экономических, организационно-управленческих деформаций институциональной среды и рефлексии этих деформаций в общественном сознании россиян (посредством социологических замеров пресловутой «удовлетворенности») на изучение реальных практик медицинской активности пациентов и «предпациентов», а также тех ценностей, установок и представлений, которые влияют на формирование и воспроизводство стратегий потребительской активности.

Во многом на потребность влияют идентификация индивидом проблемы со здоровьем и способность, воля к поиску необходимой помощи, зависящие от гендерной принадлежности, традиций общества, религиозности, морали. Увеличение потребности является более широким феноменом, чем простое предоставление информации о здоровье и здравоохранении, поскольку связано с образованием членов семьи пациента и иерархией внутри нее [17. Р. 73].

Один из базовых показателей медицинской активности, регистрируемый статистикой, – обращаемость за медицинской помощью. Обращаемость за медицинской помощью, в свою очередь, один из индикаторов доступности медицинской помощи и степени институционального доверия. По мнению Л.С. Шиловой, «...обращение за медицинской помощью на поздних стадиях заболеваний, частичный или полный отказ от посещения врачей и лечения оборачиваются самолечением населения. Практически это означает, что заболевший человек сам себе ставит диагноз и выбирает лекарство. Он ориентируется чаще всего на широко представленную в СМИ фармацевтическую рекламу, которая часто сопровождается информацией о симптомах заболеваний и склонна многим средствам и лекарствам приписывать универсальные свойства» [18. С. 20].

Так складывается порочный круг недоступности медицинской помощи: недоверие → отказ от квалифицированной помощи → реклама, информация из книг, социальных сетей, советы других людей, личная интуиция → самолечение, бездействие, неформальная помощь → потенциальный отрицательный эффект → обращение к профессионалам на поздней стадии недуга → недоверие из-за возможной сложности лечения → потенциальный отказ от профессиональной помощи. Подобная типичная цепь повседневности также вносит вклад в социальное неравенство потребителей. Причем каждый последующий отказ от официального медицинского вмешательства может быть обусловлен не только недоверием, но и опустошенными на ранних стадиях финансовыми и временными ресурсами.

Важным условием действия социокультурной дифференциации является комплекс ценностей здравоохранения как социального института. А.В. Решетников выделяет различия между западными и восточными медико-социальными системами: «Для первой характерна естественно-научная, а для второй – гуманитарная направленность... Например, китайские медико-социальные системы отличаются непосредственным участием индивидуумов в лечебном процессе, большим личным участием целителей в делах своих пациентов и, как следствие, более широкими возможностями для выполнения своих ролей и приспособления лечебной практики к конкретному времени, определенному месту и данному пациенту. Для западной медицинской культуры характерны разграничение болезни и личности пациента, нетерпимость к существованию медицинской практики другого рода» [19. С. 350]. Понятно, что это идеально-типические парадигмы медицинской культуры, но их абсолютизированные варианты даже на уровне взаимодействия «лицом к лицу» могут существенно снизить доступность. Примером служат коммуникативные препятствия между потребителем и провайдером, когда пациент не способен эффективно взаимодействовать с медицинским персоналом из-за неумения описать симптомы, объяснить проблемы со здоровьем или, наоборот, из-за неумения, нежелания врача находить общий язык с пациентом. Причиной коммуникативных барьеров, как правило, является социальная дистанция между провайдерами и потребителями (разный уровень образования и грамотности, неравное положение в профессиональной иерархии, незнание государственного языка, отсутствие общей эрудиции в вопросах здоровья и медицины).

Таким образом, систему здравоохранения можно рассматривать как пространство социальных отношений между государством, гражданином и собственно здравоохранением, которое и определяет поведение акторов, детерминирует социальные различия, формирует представления и идеологию, осмысливает закон [20. С. 16].

Н.Л. Русинова и Дж.В. Браун доказали связь между уровнем образования и информированностью, которая в конечном итоге приводит к удачной стратегии поведения. Авторы пришли к следующему заключению: высокообразованные слои лучше информированы о городской системе здравоохранения и активнее использовали сеть личных связей, которые могли обеспечить неформальный доступ к широкому спектру квалифицированной медицинской помощи. Респонденты со средним образованием, во-первых, были менее внимательны к своему здоровью; во-вторых, большинство из них искало ме-

дицинскую помощь в границах «старой государственной» системы здравоохранения [21. Р. 59]. Исследователи показали, как изначально неравный социальный капитал (информированность, личные связи) ведет к разным стратегиям потребления медицинской помощи. Из этого следует, что доступность определяется не только готовностью и возможностью пациента платить за услугу, но и информированностью, способностью использовать пусть даже очень ограниченные ресурсы влияния.

Таким образом, в условиях недостаточной социальной защиты со стороны государства «...для сохранения здоровья людей с низким общественным положением может оказаться особенно важной актуализация остающихся в распоряжении некоторых из них резервов: помощи и поддержки близкого окружения и других людей, а также психологических ресурсов» [22. С. 64].

О.П. Недоспасова, И.П. Шибалков также связывают доступность медицинской помощи с индикатором «классового градиента», т. е. зависимостью здоровья и поведения человека в сфере здравоохранения от его социально-экономического статуса. Высокий образовательный ценз, по мнению ученых, позволяет пациенту «...устанавливать паритетные отношения с врачом и влияет на степень удовлетворенности от контакта с ним и от лечения. Низкий материальный и, особенно, образовательный статус сужает возможности выбора в пользу государственной медицины, причем не только в связи с меньшими денежными затратами, но и из-за предубеждений в отношении частных медицинских услуг; способствует накоплению негативного опыта в сфере взаимодействия с системой здравоохранения; препятствует созданию личных социальных сетей альтернативного консультирования по вопросам здоровья» [23].

Заключение

Методологический поворот современных научных исследований с изучения внешнего по отношению к людям контекста здравоохранения на анализ моделей поведения самих людей возник не случайно и обусловлен как минимум двумя группами предпосылок. Первая группа предпосылок носит интерналистский (внутринаучный) характер, поскольку социологические исследования в любой предметности – это поле бесконечной конкуренции и одновременно кооперации количественников и качественников, микросоциологов и макросоциологов, структуралистов и конструктивистов. Вторая группа предпосылок методологического поворота в отечественной социологии здравоохранения представлена экстерналистским трендом в развитии науки. Социология в современной России – наука публичная и финансируемая государством. Это означает, что в обществе сохраняется социальный заказ на объективную социальную диагностику системы здравоохранения. Чтобы эта социальная диагностика была действительно объективной, нужно принимать в расчет субъективные причины дисфункций, поскольку социальная реальность здравоохранения – результат деятельности различных агентов, наделенных волей, сознанием и имеющих свои интересы и потребности.

Доступность медицинской помощи и дифференциация в этой сфере зависят не только от социальной политики государства по обеспечению равных условий для полноценного удовлетворения реальных медицинских потребностей человека и общества, но и от поведения самих потребителей медицинской помощи как результата интериоризации ими субъективных и объектив-

ных ограничений. В поиске аналитических инструментов оценки равенства и справедливости в сфере здоровья зачастую поднимается проблема личной ответственности. Л.М. Мухарямова и И.Б. Кузнецова новое понимание здоровья связывают с идеологией хэлсизма. Согласно данной парадигме, как отмечают исследователи, здоровье индивида «представляет собой цель, достигаемый статус, зависящий во многом от личных усилий человека» [24].

Для повышения уровня общественного здоровья и сглаживания социального неравенства необходима не только позитивизация потребления медицинской помощи, представляющая собой систему мероприятий по обеспечению доступной среды здравоохранения и формированию культуры здоровья и культуры болезни в обществе, но и изменение поведения самих потребителей. Сейчас, по оценкам социологов ФНИСЦ РАН (социологическое исследование «Российское общество после президентских выборов-2018: запрос на перемены». N – 4 тыс. человек старше 18 лет из разных регионов страны), в российском обществе по-прежнему значителен запрос на патерналистскую социальную политику правительства. Чаще всего россиянам необходима поддержка государства в решении проблем с медицинской помощью (36%). «Ухудшение медицинского обслуживания (и образования) не беспокоит только 12% россиян, более половины из них испытывают по этому поводу или сильную тревогу (39%), или постоянный страх (15%). Уже сейчас заметной части населения приходится использовать платные медицинские услуги (44% в среднем за последние три года перед опросом), и более чем в половине случаев (57%) это связано с отсутствием бесплатных аналогов», – говорится в аналитической записке по материалам исследований [25].

С учетом характера социальных ожиданий в нашей стране необходимы качественные изменения в ментальной программе общества посредством формирования нового типа мышления, в котором ценности, установки и представления о здоровье будут синхронизированы с трансформационными процессами в социальной сфере, так как институт здравоохранения не функционирует автономно, а является одним из полей социального пространства, в котором наблюдаются избыточные социальные неравенства [26]. Однако перенастройка ментальной программы общества – это долгосрочная перспектива, требующая кооперации ресурсов целого ряда социальных институтов: семьи, образования, массовых коммуникаций, религии и собственно здравоохранения. Переход на активную модель здравоохранения предполагает целенаправленную систему мер по выходу из сложившейся институциональной ловушки, а не просто построение новых больничных комплексов, «накачку» некоторых из них деньгами и выборочное наполнение этих комплексов высокотехнологичным оборудованием [27. С. 23].

Модальный (рефлексируемый) вектор социального поведения в обществе можно скорректировать относительно быстро, но есть еще и нормативные компоненты ментальной программы, которые носят более устойчивый неосознанный характер. Следовательно, задача социологов состоит в постоянном измерении динамики социальных представлений, ценностей и установок различных агентов, а задача государства – принимать социально ответственные решения в сфере здравоохранения, опирающиеся не только на макроэкономические и статистические показатели общественного здоровья, но и на реальные потребности и возможности различных социальных слоев в этой сфере.

Литература

1. *Здравоохранение: необходимые ответы на вызовы времени* : Совместный доклад Центра стратегических разработок и высшей школы экономики от 21.02.2018 г. / отв. ред. С.В. Шишкин. М. : Центр стратегических разработок, 2018.
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX века. М., 1996. С. 491–507.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1995.
4. Biddle L., Donovan J., Sharp D., Gunnell D. Explaining non-help-seeking amongst young adults with mental distress: A dynamic interpretive model of illness behavior // *Sociology of Health & Illness*. 2007. Vol. 29, № 7. P. 983–1002.
5. Dixon-Woods M., Cavers D., Agarwal S. Conducting a critical interpretive synthesis of the literature on access to healthcare by vulnerable groups // *BMC Medical Research Methodology*. 2006. № 6 (35). URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2288/6/35> (дата обращения: 24.09.18).
6. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М. : МАКС Пресс, 2007.
7. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127–135.
8. Obrist B., Iteba N., Lengeler C., Makemba A., Mshana C. Access to health care in contexts of livelihood insecurity : A framework for analysis and action // *PLoS Med*. 2007. Vol. 4 (10). P. 1584–1588.
9. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
10. Whitehead M., Dahlgren G. Европейские стратегии по преодолению социального неравенства в отношении здоровья: Восходящее выравнивание. Ч. 2: Европейское региональное бюро. Всемирная организация здравоохранения, 2007. URL: <http://www.euro.who.int/pubrequest>
11. Шарабчиев Ю.Т., Дудина Т.В. Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха // Медицинские новости. 2009. № 12. С. 6–12.
12. Дьяченко В.Г. Качество в современной медицине. Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО Дальневосточный государственный медицинский университет Росздрава, 2007. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=94> (дата обращения: 24.09.18).
13. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010.
14. *Quality in and Equality of Access to Healthcare Services* / European Commission Report, 2008. URL: <https://docplayer.net/8300312-Quality-in-and-equality-of-access-to-healthcare-services.html>
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
16. Шейман И.М. Теория и практика рыночных отношений в здравоохранении. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
17. Ensor T., Cooper S. Overcoming barriers to health service access : influencing the demand side // *Health Policy and Planning*. Oxford University Press. 2004. № 19 (2). P. 69–79.
18. Шилова Л.С. Получение медицинских услуг и модернизация здравоохранения // Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, М.А. Ворона. М., 2009.
19. Решетников А.В. Социология медицины: руководство. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010.
20. Гареева И.А. Неравенства в социальном пространстве здравоохранения // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках 3-й Всерос. науч. форума «Наука будущего – наука молодых» : в 2 т. / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. 2017. С. 16–19.
21. Rusinova N.L., Brown J.V. Social inequality and strategies for getting medical care in post-Soviet Russia // *Health : An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. 2003. Vol. 7 (1). P. 51–71.
22. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Социальные неравенства в здоровье и психологические ресурсы личности: проект сравнительного исследования в странах Европы и России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 1. С. 21–29.
23. Недоспасова О.П., Шибалков И.П. Социально-экономический статус человека как один из факторов формирования его здоровья // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 140–144.

24. Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 651–659.

25. Мануйлова А. Медицина важнее пенсий : Россияне ждут реформ в здравоохранении // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/3636615?from=doc_vrez

26. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / отв. ред. А.В. Лубский. М. : Социально-гуманитарные знания, 2017.

27. Давыденко В.А., Ромашина Г.Ф., Тарасова А.Н. Институциональные ловушки развития сферы здравоохранения (на примере Тюменской области) // *Primo aspectu*. 2016. № 3 (27). С. 12–25.

Nikita A. Vyalykh, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 122–137.

DOI: 10.17223/1998863X/45/13

DIFFERENTIATION MECHANISMS OF MEDICAL CARE CONSUMPTION IN RUSSIA: A METHODOLOGICAL TURN IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL RESEARCH

Keywords: medical care consumption; medical care accessibility; Russian healthcare; social behavior; differentiation mechanisms; sociological constructivism.

The article deals with the specific features of the medical care consumption phenomenon in the sociological discourse. The author focuses on theoretical and methodological backgrounds of a sociological understanding of medical care consumption strategies, and determines differentiation mechanisms of medical care consumption in the context of transformation of the healthcare institution in Russia today. The aim of the article is to create a theoretical approach to a complex assessment of the healthcare system accessibility. The novelty of this endeavor consists in the application of the sociological constructivism methodology to a consumer's behavior study in the health sphere. The possibility of integrating economic, organizational and socio-cultural dimensions for a better sociological understanding of inequality factors in healthcare is argued. The concept of medical care consumption is analyzed as a dynamic interaction of different variables, the interaction of actors in the medical system in a changing social context. Special attention is given to the analysis of behavioral and structural dimensions of medical care accessibility. Despite considerable efforts by the health authorities to promote legislative and regulatory innovations, achievements in this field are minor. The limitation of the modern concepts of differentiation in healthcare is connected with the reduction of social inequality to objective geographical and economic factors, although it should rather be about the intersection of external and internal barriers of inequality. The study of the differentiation in the sphere of medical care consumption is dominated by two approaches: personality and situational. Currently, there is a tendency of overcoming the cognitive one-sidedness of personality and situational approaches. In line with this trend, the social inequality of consumers is not regarded as the result of influence of the social situation or individual traits, social values, attitudes and cultural predispositions. The social differentiation of medical care consumption is seen primarily as a result of people's interpretation of the social situation of health problems and "attributing" values and meanings to it in the socio-cultural context of the health care system.

References

1. Shishkin, S.V. (ed.) (2018) *Zdravookhraneniye: neobkhodimyye otvety na vyzovy vremeni. Sovmestnyy doklad Tsentra Strategicheskikh Razrabotok i Vyshey shkoly ekonomiki ot 21.02.2018 g.* [Health: The necessary responses to the challenges of the time. Joint report of the Centre for Strategic Research and Higher School of Economics as of February 21, 2018]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok.

2. Weber, M. (1996) O nekotorykh kategoriakh ponimayushchey sotsiologii [About some categories of understanding sociology]. In: Dobrenkov, V. (ed.) *Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European Sociology of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: International University of Business and Management. pp. 491–507.

3. Durkheim, E. (1995) *Sotsiologiya. Yeye predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon.
4. Biddle, L., Donovan, J., Sharp, D. & Gunnell, D. (2007) Explaining non-help-seeking amongst young adults with mental distress: A dynamic interpretive model of illness behavior. *Sociology of Health & Illness*. 29(7). pp. 983–1002. DOI: 10.1111/j.1467-9566.2007.01030.x
5. Dixon-Woods, M., Cavers, D. & Agarwal, S. (2006) Conducting a critical interpretive synthesis of the literature on access to healthcare by vulnerable groups. *BMC Medical Research Methodology*. 6(35). [Online] Available from: <http://www.biomedcentral.com/1471-2288/6/35>. (Accessed: 24th September).
6. Nazarova, I.B. (2007) *Zdorov'ye zanyatogo naseleniya* [Health of the Employed Population]. Moscow: MAKSS Press.
7. Panova, L.V. & Rusinova, N.L. (2005) Neravenstva v dostupe k pervichnoy meditsinskoj pomoshchi [Inequalities in access to primary health care]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 127–135.
8. Obrist, B., Iteba, N., Lengeler, C., Makemba, A. & Mshana, C. (2007) Access to health care in contexts of livelihood insecurity: A framework for analysis and action. *PLoS Med*. 4(10). pp. 1584–1588.
9. Shkaratan, O.I. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo i yego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: OLMA Media Grupp.
10. Whitehead, M. & Dahlgren, G. (2007) *Yevropeyskiye strategii po preodoleniyu sotsial'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya: Voskhodyashcheye vyравnivaniye* [European strategies to tackle social inequities in health: Levelling Upward]. Part 2. [Online] Available from: <http://www.euro.who.int/pubrequest>.
11. Sharabchiyev, Yu.T. & Dudina, T.V. (2009) Dostupnost' i kachestvo meditsinskoy pomoshchi: slagayemyye uspekha [Availability and quality of medical care: components of success]. *Meditsinskiye novosti*. 12. pp. 6–12.
12. Dyachenko, V.G. (2007) *Kachestvo v sovremennoy meditsine* [Quality in modern medicine]. Khabarovsk: The Far-Eastern State Medical University. [Online] Available from: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=94>. (Accessed: 24th September 2018).
13. Ulumbekova, G.E. (2010) *Zdravookhraneniye Rossii. Chto nado delat': nauchnoye obosnovaniye "Strategii razvitiya zdravookhraneniya RF do 2020 goda"* [Russian Healthcare. What to do: scientific substantiation of the "Strategy of Development of Health of the Russian Federation Until 2020"]. Moscow: GEOTAR-Media.
14. European Commission. (2008) *Quality in and Equality of Access to Healthcare Services / European Commission Report, 2008*. [Online] Available from: <https://docplayer.net/8300312-Quality-in-and-equality-of-access-to-healthcare-services.html>.
15. Nort, D. (1997) *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Performance]. Translated from English by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala".
16. Sheyman, I.M. (2008) *Teoriya i praktika rynochnykh otnosheniy v zdravookhraneni* [Theory and Practice of Market Relations in Healthcare]. Moscow: HSE.
17. Ensor, T. & Cooper, S. (2004) Overcoming barriers to health service access: influencing the demand side. *Health Policy and Planning*. 19(2). pp. 69–79. DOI: 10.1093/heapol/czh009
18. Shilova, L.S. (2009) Poluchenie meditsinskikh uslug i modernizatsiya zdravookhraneniya [Medical services and health modernization]. In: Yarskaya-Smirnova, Ye.R. & Voron, M.A. (eds) *Natsional'nyye proyekty i reformy 2000-kh godov: modernizatsiya sotsial'noy politiki* [National projects and reforms of the 2000s: modernization of social policy]. Moscow: Variant.
19. Reshetnikov, A.V. (2010) *Sotsiologiya meditsiny: rukovodstvo* [Sociology of Medicine: A Guidance]. Moscow: GEOTAR-Media.
20. Gareyeva, I.A. (2017) Neravenstva v sotsial'nom prostranstve zdravookhraneniya [Inequalities in the social space of health]. In: Saraliyeva, Z.Kh. (ed.) *Transformatsiya chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletiya* [Transformation of Human Potential in the Context of the Century]. Nizhny Novgorod: NISOTs. pp. 16–19.
21. Rusinova, N.L. & Brown, J.V. (2003) Social inequality and strategies for getting medical care in post-Soviet Russia. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. 7(1). pp. 51–71. DOI: 10.1177/1363459303007001618
22. Rusinova, N.L. & Safronov, V.V. (2018) Sotsial'nyye neravenstva v zdorov'ye i psikhologicheskiye resursy lichnosti: proyekt sravnitel'nogo issledovaniya v stranakh Yevropy i Rossii [Social

inequalities in health and psychological resources of the individual: comparative research project in Europe and Russia]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 1. pp. 21–29.

23. Nedospasova, O.P. & Shibalkov, I.P. (2017) Socioeconomic status (SES) of a person as a health factor. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye – ASR. Economics and Management*. 1(18). pp. 140–144. (In Russian).

24. Mukharyamova, L.M. & Kuznetsova, I.B. (2017) Health Equality and Justice: Searching for Analytical Tools in Evaluating Healthcare. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Research*. 15(4). pp. 651–659. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659

25. Manuylova, A. (n.d.) *Meditsina vazhneye pensiy. Rossiyanе zhдут reform v zdравookhranenii* [Medicine is more important than pensions. Russians are waiting for reforms in health care]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3636615?from=doc_vrez.

26. Lubskiy, A.V. (2017) *Mental'nyye programmy i modal'nyye modeli sotsial'nogo povedeniya na Yuge Rossii* [Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya.

27. Davydenko, V.A., Romashkina, G.F. & Tarasova, A.N. (2016) Institutional traps of development in the field of health (on the example of Tyumen region). *Primo aspectu*. 3(27). pp. 12–25. (In Russian).

УДК 316.42

DOI: 10.17223/1998863X/45/14

В.А. Галицкая

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ГОСПРОГРАММ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ» И «НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»)

Анализируется успешность внедрения инноваций в наиболее значимые сферы жизнедеятельности человека – образование и здравоохранение в процессе выполнения госпрограмм, отвечающих за развитие в данных сферах в Томской области. Названы факторы, негативно влияющие на качество жизни в регионе.

Ключевые слова: качество жизни, инновационный регион, социокультурное развитие, Особая экономическая зона.

В условиях жесткой межрегиональной конкуренции, продиктованной неравномерностью распределения производственного, инвестиционного, образовательного, социального и других видов капитала, региону необходимо четко определять точки роста для внутреннего развития. Томская область обладает высоким инновационным потенциалом, что отмечает не только научно-техническая элита, но и правительство страны [1]. С 2016 г. Томская область входит в группу сильных инноваторов, поднявшись на 4 пункта в рейтинге инновационных регионов, и занимает четвертое место, уступая лишь городам-миллионникам (Москве, Санкт-Петербургу и Казани). По уровню инновационной активности Томская область и вовсе занимает вторую строчку с показателем 250,6% от общероссийского [2]. В то же время нужно отметить, что по социально-экономическим условиям инновационной деятельности область находится только на 27-й позиции [3]. Неразвитость социальной инфраструктуры, низкая инвестиционная привлекательность, затрудненное транспортное сообщение наряду с суровыми климатическими условиями, оказывают негативное влияние на качество жизни в регионе [4. С. 259]. При этом нельзя забывать, что конечной целью создания и внедрения новых технологий является улучшение качества жизни людей, поскольку никакая экономическая деятельность не может считаться успешной, если в своем итоге не приводит к улучшению благосостояния людей [5. С. 48]. В случае игнорирования вопроса социокультурного развития Томская область может лишиться достигнутых позиций.

Власти страны осознают необходимость диверсифицирования ресурсов из центра в регионы, создавая механизмы привлечения и удержания талантливых специалистов, готовых развивать инновационную деятельность области [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что роли человеческого капитала в вопросах развития Томской области придают большое значение. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть, насколько успешно происходит внедрение инноваций в наиболее значимые сферы жизнедеятельности чело-

века, такие как образование и здравоохранение. В данной статье проводится анализ госпрограмм, отвечающих за развитие в данных сферах.

Программа «Развитие образования в Томской области» направлена на решение перспективных задач развития российского общества и экономики. Работа по обновлению материально-технической базы образовательных учреждений города проходила наряду с отработкой новых технологий по созданию электронной оценки качества образования, а также установлению научно-исследовательских связей между школами и ведущими учреждениями города, среди которых университеты, Особая экономическая зона, ТНЦ СО РАН. Для выявления одаренных детей в 2016 г. была учреждена автономная некоммерческая организация дополнительного образования «Кванториум», цель которого – стимулировать развитие технических способностей и сформировать интерес к инновационной деятельности среди школьников [7]. По статистике Минобрнауки РФ, из 50% российских школьников, занимающихся в учреждениях дополнительного образования, лишь 4% вовлечены в научно-техническое творчество [8]. В связи с этим в стране создаются технопарки для детей, формирующие особую образовательную среду. Так, ведущие университеты города и высокотехнологичные предприятия могли бы взаимодействовать со школами, возвращая молодое поколение профессионалов, подготовленных к актуальным сферам труда [9]. Помимо мастерских и лабораторий «Кванториум» оборудован цехами общего пользования с доступом к высокотехнологичному оборудованию, медиабiblioteкой, интерактивным музеем, а также зоной отдыха. Обучение в детском технопарке проводится по 8 направлениям: робототехника, информационные технологии, космические технологии, биотехнологии, промышленный дизайн, дополненная и виртуальная реальность. Ожидается, что технопарк сможет принять до 1 000 школьников, обучающихся с 5-го по 11-й класс, а все обучение будет проходить за счет средств бюджета. В дальнейшем планируется расширить географию технопарка и открыть филиалы в районах области [7].

Аналогичные проекты по развитию потенциала школьников в сфере высоких технологий успешно реализуются в московских кванториумах, расположенных на базе технопарка «Мосгормаш» и технополиса «Москва». Одной из особенностей работы московского кванториума является система отложенного трудового договора. Цель проекта – трудоустройство молодых специалистов, обучающихся по специальности, востребованной компанией. Эта инициатива должна способствовать ориентированию школьников на наиболее передовые области производства [10].

Подготовка специалистов, занимающихся высокотехнологичным производством, занимает десятилетия, поэтому необходимо возвращать будущих инноваторов уже со школьной скамьи. В долгосрочной перспективе это должно привести к развитию малого инновационного бизнеса и стартапов, у которых будут шансы перерасти в большие проекты. Интерес к технопаркам в России проявлялся неравномерно, в частности из-за вопросов финансирования. Сегодня их деятельность стремительно развивается и эффективно проявляет себя при решении научно-технических задач. В контексте развития региона деятельность молодежных технопарков позволяет выстраивать инновационную экосистему, включающую не только подготовку студентов в университетах города, но также и школьников со всей области [11. С. 731].

Теперь рассмотрим внедрение инноваций в сферу здравоохранения в Томской области. Значительные технологические нововведения замечены в реализации подпрограммы «Охрана здоровья матери и ребенка». Как отметил Минздрав России, Томская область демонстрирует лучшие показатели по перинатальной диагностике беременных женщин среди всех регионов России. Младенческая смертность имеет наименьшее значение среди СФО, а в 2016 г. достигла исторического минимума [12]. Во многом это связано с созданием перинатального центра шесть лет назад. Данный центр отличает создание и внедрение инновационных разработок, в частности проводится неинвазивное перинатальное исследование, здесь впервые за Уралом стали проводить уникальные внутриутробные операции. Кроме того, обладминистрация снабдила перинатальный центр новым оборудованием, отвечающим международным стандартам [13].

Одним из наиболее значимых проектов в сфере здравоохранения является работа инновационного территориального кластера «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии» (с недавнего времени – «Smart Technologies Tomsk»), созданного на базе Особой экономической зоны [14]. Проект был запущен в 2012 г. и по сей день считается лидером в своей области. Данный кластер объединяет прорывные организации, осуществляющие разработку и выпуск медицинской продукции. Преимущества совместной работы компаний позволяют привлечь иностранные инвестиции и выйти на международный уровень. Работа инновационных кластеров подразумевает развитие сектора исследования и разработок, повышение квалификации научных кадров, установление международной кооперации. Томской области удалось добиться успехов в кластерной политике, что привлекло за собой федеральное финансирование. Благодаря развитому медицинскому кластеру Томская область вошла в топ 5 регионов, получивших субсидию Минэкономразвития РФ в размере 197,5 млн рублей. Одним из примеров успешной кооперации предприятий является объединение усилий трех известных не только на российском, но и на международном рынке компаний «ИФАР», «Артлайф» и «Солагифт», организовавших новое предприятие «СИАтек» для создания инновационной лекарственной продукции. Это препараты для ранней диагностики и лечения рака, БАДы, препараты на основе стволовых клеток и полипrenoлов – список включает 77 наименований [15]. Объем инвестиций в развитие производства, разработку и продвижение на рынок новых продуктов кластера составил 1,71 млрд рублей, количество технологических «стартапов» (малых инновационных предприятий), созданных при участии организаций-участников кластера выросло до 29. Более 140 заявок было подано организациями-участниками кластера на конкурс по продвижению инновационной продукции, 10 прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ были поддержаны, 2 из которых были направлены на реализацию проектов по созданию высокотехнологичных производств. В результате реализации данных мероприятий рост совокупной выручки организаций-участников кластера от продаж продукции на внешнем рынке увеличился до 23%, в Томскую область привлечено более 590 млн рублей из внебюджетных источников на реализацию программ инновационного развития трех государственных корпораций и 345 млн руб-

лей – на выполнение прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [8].

Таким образом, значительный вклад в развитие инновационной экономики региона оказывает Особая экономическая зона. За 10 лет существования ТВЗ было произведено инновационной продукции на 8 млрд рублей, а налоговые отчисления в бюджеты всех уровней составили порядка 1,5 млрд [16]. Однако ситуация осложняется тем, что с 2016 г. ведение ТВЗ было передано на региональный уровень. Пока остается неясным, как регион будет содержать весь этот многомиллиардный комплекс [17]. После передачи ТВЗ на баланс области регион вынужден компенсировать убытки по содержанию объектов инфраструктуры, не приносящих доход (к примеру, улично-дорожная сеть, ливневая канализация, электро- и водоснабжение). При этом расходы увеличатся после того, как будут запущены Экспо и Инжиниринговый центры [18]. В 2017 г. их строительство было приостановлено на неопределенный срок [19].

Падает инвестиционная привлекательность ТВЗ. Так, в 2016 г. Минэкономразвития оценил томскую ТВЗ на максимальную оценку в 100 баллов, но уже в следующем году Особая экономическая зона потеряла более 10% и заняла 13-е место из 15 в I Национальном рейтинге инвестиционной привлекательности ОЭЗ РФ [20]. Теперь Томская ТВЗ относится к третьей группе по инвестиционной привлекательности и характеризуется как ОЭЗ, «находящаяся на стадии развития или требующая улучшений» [21]. Прослеживается и другая тревожная тенденция: отмена налоговых льгот. Налоговые льготы были одним из главных стимулов вступления в Особую экономическую зону у инновационных компаний, чье существование связано с повышенным экономическим риском и требует постоянных модификаций. В частности, отсутствовал налог на прибыль, а размер тарифов в страховые взносы составлял 14%. Однако Минфин, желая избежать падения доходов, стремится изменить ставки социальных взносов с 14 до 21% в 2018 г. и до 28% в 2019 г., а также ввести налог на прибыль в размере 2%. Эта мера грозит оттоком резидентов, а значит, и инвесторов из ТВЗ [22].

Если же говорить о вкладе в развитие Томска, по словам полпреда Сибирского федерального округа, в социально-экономическом плане ОЭЗ пока оказывает минимальное влияние на развитие региона. Это связано с отставанием в сроках строительства объектов инфраструктуры, низкой инвестиционной привлекательностью, бюрократическими барьерами. Потенциал области так и остается нераскрытым [23]. К наиболее очевидным городским изменениям, случившимся благодаря ТВЗ, относят строительство Пушкинской и Балтийской дорожных развязок, а также более 50 км инженерных сетей, ремонт аэровокзала «Богашово» и придание ему международного статуса, возведение пожарного депо, обслуживающего не только ОЭЗ, но и прилегающие к ней районы [24]. Однако для поддержания статуса Томска как города, удобного для жизни, этого недостаточно. Для удержания перспективных специалистов и достигнутых позиций, регион должен уделять особое внимание повышению качества социальных благ, развитию информационных технологий, условиям жизни населения [25. С. 185]. Внедрение новых технологий должно идти параллельно с ростом благосостояния людей, поскольку осознание необходимости инновационного пути возможно лишь в том обще-

стве, в котором полностью удовлетворены его базовые потребности. Как показывает мировая практика, наибольшее развитие инноваций происходит в тех странах, где на фоне технологического прорыва появляется развитая инфраструктура и есть сильный внутренний спрос [26. С. 18]. В связи с этим необходимо учитывать прямую зависимость: развитие общества способствует развитию инновационных технологий, которые, в свою очередь, должны менять условия жизни людей к лучшему [27. С. 45].

Литература

1. *Медведев* назвал Томскую область успешным инновационным регионом [Электронный ресурс] // РИА Томск: регион. информ. агентство. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20170116/tomskaya-oblastj-rejting-innovacionnih-regionov/> (дата обращения: 02.03.2018).
2. *Томская* область заняла 4-е место в рейтинге инновационных регионов РФ [Электронный ресурс] // РИА Томск: регион. информ. агентство. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20170116/tomskaya-oblastj-rejting-innovacionnih-regionov/> (дата обращения: 02.03.2018).
3. *Рейтинг* инновационных регионов России [Электронный ресурс] // АИРР. Ассоциация инновационных регионов России. Электрон. дан. М., 2017. URL: АИРР 2017 <http://www.i-regions.org/images/files/airr17.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).
4. *Атлас* модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-кор. РАН Н.И. Лапин. М. : Весь мир, 2016. 360 с.
5. *Архипова М.Ю.* Инновации и уровень жизни населения: взаимосвязь, тенденции, перспективы // Вопросы статистики. 2013. № 4. С. 45–53
6. *Эксперты* назвали человеческий капитал важным ресурсом развития региона [Электронный ресурс] // Томск.ru городской портал. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/129601> (дата обращения: 10.03.2018).
7. «*Кванториум*» придет зимой : В Томске появится новая модель развития творчества школьников – детский технопарк [Электронный ресурс] // Томский обзор. Электрон. дан. Томск, 2016. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/505923> (дата обращения: 10.03.2018).
8. *Отчеты* о реализации государственных программ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Электрон. дан. Томск. URL: <https://tomsk.gov.ru/Otcheti-o-realizatsii-gosudarstvennih-programm> (дата обращения: 10.03.2018).
9. *The Knowledge Relationship between Science Parks and Large Multinational Corporations* [Электронный ресурс] // Lund university School of Economics and Management. Электрон. дан. // URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8922187&fileId=8922462> (дата обращения: 20.03.2018).
10. *Московские кванториумы*, или Как растят новое поколение профессионалов [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэра Москвы. Электрон. дан. Москва, 2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/18976073/> (дата обращения: 10.03.2018).
11. *Кочева А.К., Лысак Л.В.* Активизация деятельности технопарков как фактор инновационного развития экономики регионов [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. Электрон. дан. Краснодар., 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktivizatsiya-deyatelnosti-tehnoparkov-kak-faktor-innovatsionnogo-razvitiya-ekonomiki-regionov> (дата обращения: 18.07.2017).
12. *В Томской* области самая низкая по России младенческая смертность [Электронный ресурс] // Томск.ru городской портал. Электрон. дан. Томск, 2016. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/111977> (дата обращения: 15.03.2018).
13. *Показатель* материнской смертности в России снизился почти вдвое за пять лет [Электронный ресурс] // РИА Томск : регион. информ. агентство. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <https://ria.ru/society/20170309/1489650023.html> (дата обращения: 25.03.2018).
14. *ИНО-Томск 2017: отчет губернатора* [Электронный ресурс] // tv2-today. Электрон. дан. Томск, 2018. URL: <http://tv2.today/Istori/Ino-tomsk-2017-otchet-gubernatora> (дата обращения: 25.03.2018).
15. *Сияние* чистого кластера [Электронный ресурс] // ЭКСПЕРТ ONLINE Электрон. дан. М., 2017. URL: <http://expert.ru/siberia/2014/49/siyanie-chistogo-klastera/> (дата обращения: 25.03.2018).
16. *Томская* ОЭЗ предложила перевести часть функций управления на региональный уровень [Электронный ресурс] // TV tomsk.ru. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <http://www.tvtomsk.ru/>

vesti/economic/16822-tomskaaya-oez-predlozhila-perevesti-chast-funkciy-upravleniya-na-regionalnyy-uroven.html (дата обращения: 26.03.2018).

17. *Особые* зоны по специальным ценам : Правительству поручено остановить создание ОЭЗ [Электронный ресурс] // Kommersant. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3008286> (дата обращения: 26.03.2018).

18. *Когда* станет своей. В Томской области внедряют новый механизм развития особой экономической зоны [Электронный ресурс] // Российская газета Экономика Сибири. Электрон. дан. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/03/23/reg-sibfo/v-tomske-vnedriat-novyj-mehanizm-razvitiia-oez.html> (дата обращения: 25.07.2018).

19. *Строительство* экспоцентра ОЭЗ приостановлено на неопределенный срок [Электронный ресурс] // tv2.today – Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <http://tv2.today/News/Stroitelstvo-ekspocentratomskoe-oez-priostanovleno-na-neopredelennyi-srok> (дата обращения: 30.03.2018).

20. *Эффективность* томской ОЭЗ составила 100% [Электронный ресурс] // Городской портал «В Томске». Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <https://news.vtomske.ru/news/155178-minekonomrazvitiya-effektivnost-oez-tomsk-sostavila-100> (дата обращения: 17.07.2018).

21. *ОЭЗ «Томск»* заняла 13-е место в рейтинге Минэкономразвития [Электронный ресурс] // РИА Томск: регион. информ. агентство. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20171108/oez-tomsk-rejting-minekonomrazvitiya/> (дата обращения: 10.07.2018).

22. *Эксперты*: снижение льгот может вызвать отток резидентов из ОЭЗ «Томск» [Электронный ресурс] // Городской портал «В Томске». Электрон. дан. Томск, 2018. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20180330/snizhenie-ljgot-vozmozhnyj-ottok-rezidentov-oez-tomsk/> (дата обращения: 10.07.2018).

23. *Полпред* президента РФ в СФО С.Меняйло: «Огромный потенциал Сибири, к сожалению, еще не раскрыт» [Электронный ресурс] // Интерфакс Россия. Электрон. дан. М., 2017. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/exclusives.asp?id=873819> (дата обращения: 30.03.2018).

24. *Жвачкин*: ОЭЗ оказалась полезна не только ученым, но и всему Томску [Электронный ресурс] // РИА Томск: регион. информ. агентство. Электрон. дан. Томск, 2016. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20160512/zhvachkin-oez-tomsk-itogi/> (дата обращения: 20.08.2018).

25. *Мостовая Е.Б.* Модернизация экономики и креативный класс / Мостовая Е.Б., Афанасьева Ю.А., Шумилова С.И. [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. Электрон. дан. М., 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-i-kreativnyy-klass> (дата обращения: 30.03.2018).

26. *Кораблева О.Н., Калимуллина О.В., Магомедова В.Р.* Оценка инновационной активности стран на основе индексации и формирования рейтингов [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. Электрон. дан. М., 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-innovatsionnoy-aktivnosti-stran-na-osnove-indeksatsii-i-formirovaniya-reytingov-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 02.02.2018).

27. *Архипова М.Ю.* Инновации и уровень жизни населения: взаимосвязь, тенденции, перспективы // Вопросы статистики. 2013. № 4. С. 45–53.

Veioletta A. Galitskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: gal@ums.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 138–145.

DOI: 10.17223/1998863X/45/14

SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION FEATURES IN TOMSK REGION (ANALYZING FEDERAL SUPPORT PROGRAMS “INNOVATIVE DEVELOPMENT AND MODERNIZATION OF ECONOMY” AND “NEW QUALITY OF LIFE”)

Keywords: quality of life; innovative region; social and cultural development; Special Economic Zone.

Tomsk Region has a high innovative potential. It is ranked fourth in Russia among the most innovative regions. At the same time, according to the social and economic criteria, the region is only on the 27th position. Underdevelopment of social infrastructure, low investment attractiveness, along with severe climatic conditions, have a negative impact on the quality of life in the region. In this regard, it seems relevant to consider how successfully innovations are introduced into the regional economy. The study showed that the largest contribution to the development of the region's innovative economy is provided by the Tomsk Special Economic Zone (SEZ). However, the situation is complicated by the fact that since 2016 the maintenance of the SEZ has been transferred to the regional level. Managing

the SEZ infrastructural development is a difficult task for the region's economy. Already now, the SEZ began to lose its positions in the rankings and is characterized as a SEZ "at the development stage or requiring improvements". There is also another disturbing feature: the abolition of tax benefits. It is important to note that the benefits were one of the main incentives for entering the SEZ by innovative companies whose existence is associated with increased economic risk. This measure threatens the outflow of residents, and hence investors, from the SEZ. In social and economic terms, the SEZ still has a minimal impact on the regional development. The city changes that happened as a result of the SEZ include the construction of the Pushkin and Baltic road junctions, the repair of the Bogashevo airport and its international status, the construction of a fire station serving not only the SEZ, but also the surrounding areas. However, to maintain the status of Tomsk as a city convenient for life, this is not enough. The introduction of new technologies should go hand in hand with the growth of people's well-being. The awareness of the need for an innovative path is possible only in the society in which its basic needs are fully satisfied. The societal development promotes the improvement of innovative technologies, which in turn must change people's living conditions for the better.

References

1. RIA Tomsk. (2017) *Medvedev nazval Tomskuyu oblast' uspešnym innovatsionnym regionom* [Medvedev called Tomsk a successful and innovation region]. [Online] Available from: <https://www.riat omsk.ru/article/20170116/tomskaya-oblastj-rejting-innovacionnih-regionov/> (Accessed: 2nd March 2018).
2. RIA Tomsk. (2017) *Tomskaya oblast' zanyala 4 mesto v reytinge innovatsionnykh regionov RF* [Tomsk region ranked 4th in the rating of innovative regions of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.riat omsk.ru/article/20170116/tomskaya-oblastj-rejting-innovacionnih-regionov/>. (Accessed: 2nd March 2018).
3. AIRR. Association of Innovative Regions of Russia. (2017) *Reyting innovatsionnykh regionov Rossii* [Rating of innovative regions of Russia]. [Online] Available from: <http://www.i-regions.org/images/files/airr17.pdf>. (Accessed: 10th March 2018).
4. Lapin, N.I. (ed.) (2016) *Atlas modernizatsii Rossii i yeye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problemy* [Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems]. Moscow: Ves' mir.
5. Arkhipova M.Yu. (2013) *Innovatsii i uroven' zhizni naseleniya: vzaimosvyaz', tendentsii, perspektivy* [Innovations and the standard of living of the population: the relationship, trends, prospects]. *Voprosy statistiki*. 4. pp. 45–53.
6. Tomsk.ru. (2017) *Eksperty nazvali chelovecheskiy kapital vazhnym resursom razvitiya regiona* [Experts called human capital an important resource for the development of the region]. [Online] Available from: <http://www.tomsk.ru/news/view/129601>. (Accessed: 10th March 2018).
7. Mikhailov, V. (2016) *"Kvantorium" pridet zimoy. V Tomske poyavitsya novaya model' razvitiya tvorchestva shkol'nikov – detskiiy tekhnopark* ["Kvantorium" will come in the winter. A new model for the development of schoolchildren's creativity will appear in Tomsk – the children's technology park]. [Online] Available from: <https://obzor.westsib.ru/article/505923>. (Accessed: 10th March 2018).
8. Russia. Administration of Tomsk Region. (n.d.) *Otchet y o realizatsii gosudarstvennykh programm* [Reports on the implementation of state programs]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/Otcheti-o-realizatsii-gosudarstvennih-programm>. (Accessed: 10th March 2018).
9. Lund University School of Economics and Management. (n.d.) *The Knowledge Relationship between Science Parks and Large Multinational Corporations*. [Online] Available from: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8922187&fileId=8922462>. (Accessed: 20th March 2018).
10. Russia. The Mayor of Moscow Official Website. (2017) *Moskovskiiy kvantoriumy, ili kak rastyat novoye pokoleniye professionalov* [Moscow quantoriums, or how a new generation of professionals is being raised]. [Online] Available from: <https://www.mos.ru/news/item/18976073/> (Accessed: 10.03.2018).
11. Kochiyeva, A.K. & Lysak, L.V. (2017) *Aktivizatsiya deyatel'nosti tekhnoparkov kak faktor innovatsionnogo razvitiya ekonomiki regionov* [Activation of technology parks as a factor of innovative development of the regional economy]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktivizatsiya-deyatelnosti-tehnoparkov-kak-faktor-innovatsionnogo-razvitiya-ekonomiki-regionov>. (Accessed: 18th July 2017).
12. Tomsk.ru. (2016) *V Tomskoy oblasti samaya nizkaya po Rossii mladencheskaya smertnost'* [Tomsk region demonstrates the lowest infant mortality in Russia]. [Online] Available from: <http://www.tomsk.ru/news/view/111977>. (Accessed: 15th March 2018).

13. RIA Tomsk. (2017) *Pokazatel' materinskoj smertnosti v Rossii snizilsya pochtu vdvoe za pyat let* [The maternal mortality rate in Russia has almost halved for 5 years]. [Online] Available from: <https://ria.ru/society/20170309/1489650023.html>. (Accessed: 25th March 2018).
14. Tv2. (2018) *INO-Tomsk 2017: otchet gubernatora* [INO-Tomsk 2017: Governor's Report]. [Online] Available from: <http://tv2.today/Istorii/Ino-tomsk-2017-otchet-gubernatora>. (Accessed: 25th March 2018).
15. Mikhailov, V. (2017) *Siyanie chistogo klastera* [The Shining of Pure Cluster]. [Online] Available from: <http://expert.ru/siberia/2014/49/siyanie-chistogo-klastera/>. (Accessed: 25th March 2018).
16. TV tomsk.ru. (2017) *Tomskaya O EZ predlozhila perevesti chast' funktsiy upravleniya na regional'nyy uroven'* [The Tomsk SEZ proposed to transfer part of the management functions to the regional level]. [Online] Available from: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/economic/16822-tomskaya-oez-predlozhila-perevesti-chast-funktsiy-upravleniya-na-regionalnyy-uroven.html>. (Accessed: 26th March 2018).
17. Okun, S. & Skorobogatko, D. (2018) *Osobyie zony po spetsial'nym tsenam. Pravitel'stvo porucheno ustanovit' sozdaniye O EZ* [Special zones at special prices. The Government is instructed to stop the creation of the SEZ]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/3008286>. (Accessed: 26th March 2018).
18. Burov, A. (2017) *Kogda stanet svoey. V Tomskoy oblasti vnedryayut novyy mekhanizm razvitiya osoboy ekonomicheskoy zony* [When it will be our own. Tomsk Region introduces a new mechanism for the development of a special economic zone]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/03/23/reg-sibfo/v-tomske-vnedriat-novyy-mekhanizm-razvitiia-oez.html>. (Accessed: 25th July 2018).
19. TV2. (2017) *Stroitel'stvo ekspotsentra O EZ priostanovleno na neopredelennyi rok* [The construction of the SEZ Expocentre is suspended for an indefinite period]. [Online] Available from: <http://tv2.today/News/Stroitel'stvo-ekspocentratomskoe-oez-priostanovleno-na-neopredelennyi-rok>. (Accessed: 30th March 2018).
20. Kirsanova, A. (2017) *Effektivnost' tomskoy O EZ sostavila 100%* [The efficiency of the Tomsk SEZ makes 100%]. [Online] Available from: <https://news.vtomske.ru/news/155178-minekonomrazvitiya-effektivnost-oez-tomsk-sostavila-100>. (Accessed: 17th June 2018).
21. RIA Tomsk. (2017) *O EZ "Tomsk" zanyala 13 mesto v reytinge Minekonomrazvitiya* [The SEZ "Tomsk" ranked 13th in the rating of the Ministry of Economic Development]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20171108/oez-tomsk-rejting-minekonomrazvitiya/>. (Accessed: 10th July 2018).
22. RIA Tomsk. (2018) *Eksperty: snizheniye l'got mozhет vyzvat' ottok rezidentov iz O EZ "Tomsk"* [Experts: a reduction in benefits may cause an outflow of residents from the Tomsk SEZ]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20180330/snizhenie-ljgot-vozmozhnyj-ottok-rezidentov-oez-tomsk/>. (Accessed: 10th July 2018).
23. Menyailo, S.I. (2017) *Polpred prezidenta RF v SFO S.Menyaylo: "Ogromnyy potentsial Sibiri, k sozhale-niyu, yeshche ne raskryt"* [Plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the Siberian Federal District S.Menyailo: "The huge potential of Siberia, unfortunately, has not yet been revealed"]. [Online] Available from: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/exclusives.asp?id=873819>. (Accessed: 30th March 2018).
24. RIA Tomsk. (2016) *Zhvachkin: O EZ okazalas' polezna ne tol'ko ucheyam, no i vsemu Tomsku* [Zhvachkin: The SEZ is useful not only to scientists, but to the whole of Tomsk]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20160512/zhvachkin-oez-tomsk-itogi/>. (Accessed: 20th August 2018).
25. Mostovaya, Ye.B., Afanasyeva, Yu.A. & Shumilova, S.I. (2017) *Modernizatsiya ekonomiki i kreativnyy klass* [Modernization of the economy and the creative class]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-i-kreativnyy-klass>. (Accessed: 30th March 2018).
26. Korableva, O.N., Kalimullina, O.V. & Magomedova, V.R. (2017) *Assessment of innovative activity of countries on the basis of indexation and rating formation: challenges and prospects*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-innovatsionnoy-aktivnosti-stran-na-osnove-indeksatsii-i-formirovaniya-reytingov-problemy-i-perspektivy>. (Accessed: 2nd February 2018). (In Russian).
27. Arkhipova, M.Yu. (2013) *Innovatsii i uroven' zhizni naseleniya: vzaimosvyaz', tendentsii, perspektivy* [Innovations and the standard of living of the population: the relationship, trends, prospects]. *Voprosy statistiki*. 4. pp. 45–53.

УДК 22.00.00

DOI: 10.17223/1998863X/45/15

Т.В. Захарова, О.В. Устюжанцева

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЭКОКАМПУСЫ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ДИНАМИКА¹

Существует определенный пробел в исследовании и обобщении мирового опыта развития эко-кампусов, а также анализа российских практик, отражающих российское понимание вопросов экологизации кампусов и практики их реализации. Статья призвана заполнить данный пробел. Исследуются основные модели эко-кампусов, осуществляемые в мире. Анализируются экологические практики Томского государственного университета. Цель – определить, какие составляющие модели эко-кампуса уже применяются в ТГУ, а также очертить направления для дальнейшего развития.

Ключевые слова: экокампус, «зеленый» университет, инновационное развитие, урбанизация, университетские кампусы.

Тема экокампусов и «зеленых» университетов относительно недавно начала появляться в исследованиях российских ученых, которые в основном охватывают вопросы экологизации архитектурного строительства и рассматривают различные текущие проекты в этой сфере в различных вузах [1–5]. Однако существует определенный пробел в исследовании и обобщении мирового опыта в этой связи, а также практически отсутствует анализ российских практик, отражающий то, как вопросы экологизации кампусов понимаются российскими вузами и какие существуют тенденции в реализации этого понимания. Статья призвана заполнить данный пробел. В первой части статьи исследуются существующие модели экокампусов, реализуемые в мире, и на их базе агрегируются основные составляющие эко-кампуса, а также направления экологизации вузов. Вторая часть работы посвящена анализу экологических практик Томского государственного университета (ТГУ). Данное исследование призвано определить, какие составляющие модели экокампуса уже применяются в ТГУ, а также очертить направления для дальнейшего развития с тем, чтобы соответствовать мировым практикам в этой сфере.

В последние годы идеи «зеленой» экономики и создаваемых на ее основе экокампусов обретают все большую популярность в мире [6–10], однако концептуализация этого понятия находится все еще в процессе развития. В этой связи имеет смысл посмотреть на основные модели экокампусов, которые существуют и реализуются в мире.

Городские университеты во многих отношениях являются микрокосмами большой сложности, которые оказывают влияние на окружающую среду через загрязнение воды и воздуха, отходы, использование опасных химикатов и деградацию используемой земли [11]. Непрямое влияние университетов за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-22001.

ключается в использовании различных ресурсов и материалов (строительных и отделочных), пищи, энергии и бумаги – через их потребление и утилизацию. Посредством применения структурированных стратегий устойчивого развития университеты могут активно создавать экокампусы, которые не только снизят экологическую нагрузку на город, но и смогут влиять на общественное мнение и поведение горожан в целях выработки экологически ответственного поведения и жизнедеятельности.

Кроме того, что университеты трансформируют и облагораживают пространство вокруг себя, они могут быть источниками экоинноваций, которые затем постепенно распространяются на уровне не только города, но и региона. Экоинновации заключают в себе концентрацию гуманистических, природосберегающих и законодательных идей (право человека на чистую окружающую среду), что помогает развивать «демонстрационные эффекты» – создавать прототипы и модели «зеленых» технологий на улицах университетских городов. Например, университет города Шеньян в КНР [12] использует широкий ассортимент экоинноваций (солнечная энергия, тепловые насосы, энергосбережение, сбор дождевых вод, «зеленое» образование и исследования). При всех этих усилиях, были получены значительные экономические, экологические и социальные выгоды. Достижения университета г. Шеньян используются как модель для других китайских вузов.

Китай, который демонстрирует заметный прогресс в этой области, определяет экокампусы как искусственные экосистемы, в которых отношения между природой и человеком гармоничны; все ресурсы, включая материалы, энергию, информацию, эффективно используются, а среда для обучения, преподавания, работы и отдыха спланирована, разработана и функционирует на основе принципов и методов экологической устойчивости [13]. В течение последних лет Китай занимается созданием системы оценки эко-кампусов, где основные критерии это:

- экологическое планирование – планирование физического развития кампуса и его энергетических систем с точки зрения экологичности;
- экологичные технологии – эффективность использования энергии, воды и других ресурсов;
- экологический комфорт – качество воздуха внутри помещений, акустика помещений, освещение, влажность и температура, сквозняки;
- экологический менеджмент – управление процессами и технологиями, основанное на принципах экологичности;
- экологическое образование – образовательные программы, исследования, популяризация среди населения [14].

С 2010 г. действует рейтинг самых зеленых университетов мира (UI Green Metric Ranking of World Universities). В методологии рейтинга определены следующие критерии оценки экологичности вузов: показатели потребления и экономии энергии, рационального использования водных ресурсов, хранения и переработки отходов, использования экологически чистых транспортных средств, оценивается площадь зеленых насаждений на территории кампуса, число опубликованных научных работ по экологической проблематике и др.

Существует также международный стандарт экокампуса, выполняя требования которого вузы могут получить сертификат качества управления

окружающей средой ISO 14001¹. Сертификация вузов выполняется в рамках программы Эко-кампус, которая представляет собой пошаговую схему внедрения Системы рационального природопользования (Environmental Management System, EMS). Данная система включает анализ влияния функционирования университета на окружающую среду, анализ соответствия деятельности вуза текущему законодательству в области защиты окружающей среды, разработку стратегии и политики экологической устойчивости развития вуза, определение ролей и распределение ответственности в отношении EMS, разработку мер и мероприятий по минимизации воздействия деятельности вуза на окружающую среду, предотвращению загрязнений и обеспечение постоянного улучшения функционирования вуза с точки зрения охраны окружающей среды.

Кроме того, существуют другие модели экологического управления в вузах, как, например, Оснабрюкская модель [15], модель внедрения мер по охране окружающей среды для американских вузов [16], а также разнообразные модели интеграции университетских кампусов и городской среды (внутригородской университетский квартал, распределенный, пригородный, смешанные модели). И хотя наполнение этих моделей варьируется по акцентам и аспектам политики эко-кампуса, в целом можно выделить следующие основные элементы экокampusа:

- инфраструктура экологического менеджмента кампуса (разработка стратегий, операционализация, мониторинг и управление);
- исследования и НИОКР, включая технологические инновационные разработки по обеспечению экологической эффективности вуза;
- образование (основные образовательные программы и программы дополнительного образования);
- популяризация вопросов экологически устойчивого развития и жизнедеятельности (взаимодействие с городским сообществом).

К основным направлениям развития эко-кампуса можно отнести:

- снижение энергозатрат и повышение эффективности использования энергии;
- предотвращение загрязнений;
- консервация ресурсов;
- улучшение архитектурного облика университетских корпусов и озеленение территорий.

Необходимо подчеркнуть, что все программы и модели экокampusов содержат в себе меры по вовлечению сотрудников, преподавателей и студентов во все этапы разработки и внедрения программ экологически устойчивого развития вуза.

Томск часто называют университетским городом в связи с наличием в нем шести крупных университетов. Неудивительно, что вопрос о создании экокampusов в вузах был поднят на площадке международного форума университетских городов «Энергия университета для развития города и региона», который был организован на базе Томского государственного университета в 2017 г. [17]. В рамках различных тематических секций международные эксперты, представители вузов и городов обсуждали, каким образом вузы

¹ Подробнее можно узнать на официальном сайте NQA (<https://www.nqa.com/en-gb/certification/standards/ecocampus>).

могут стать движущей силой устойчивого развития урбанизированных территорий. Ректор ТГУ Эдуард Галажинский так определил понимание места и роли университетов в этих процессах: «...под новые задачи требуются другие типы пространств – в старых стенах новые задачи не решаются» [18. С. 6]. Необходима новая комплексная пространственная организация территории университетов. Ректор ТГУ считает, что современные архитектурно-пространственные решения являются ключевым фактором привлечения талантов со всего мира и катализатором развития человеческого капитала регионов и страны в целом. В идеологию кампуса должны быть включены защита философии экологичности и энергосбережения, умные технологии. Комфортный, яркий и зеленый кампус должен создавать лицо научно-образовательного центра и являться местом притяжения для ученых и студентов.

Задача создания экокампуса была обозначена ТГУ еще в 2013 г. в рамках плана мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности вуза. Разработка проекта экокампуса и его внедрение были отнесены к дополнительному элементу целевой модели университета и позиционировалась как часть социальной миссии университета. Однако в программе нет определения экокампуса. Документов, описывающих стратегию и программу создания экокампуса также нет. Судя по тому, что данная инициатива призвана «сформировать городскую среду, комфортную для обучения и проживания» с тем, чтобы «привлечь студентов в ТГУ и удержать лучших», экокампус рассматривается ТГУ не как самостоятельная стратегическая инициатива, а, скорее, как дополнительный элемент повышения конкурентоспособности вуза.

Тем не менее анализ инициатив и мероприятий ТГУ, связанных с экологизацией вуза, позволяет выделить основные направления, которые возможно сопоставить с элементами модели экокампуса, агрегированными в первой части статьи¹. Среди основных направлений были выявлены следующие.

1. Вовлечение студентов и сотрудников в процесс экологизации кампуса и города.

Так, проект «Создание инициативной среды в Томском государственном университете» поддерживает инициативы студентов и сотрудников по развитию университета и университетской среды. Среди поддержанных проектов – апробация и реализация мер по воспитанию экологической ответственности, которые включают установку контейнеров для раздельного сбора мусора, разработку информационного путеводителя по теме «Экология» (актуальные научные и научно-популярные ресурсы, видеолекции, список экоорганизаций Томска и пр.), включение темы по экоосознанности в экскурсионный маршрут Научной библиотеки ТГУ, проведение серии открытых научно-популярных лекций, мастер-классов по экологической ответственности. Проект реализуется сотрудниками Научной библиотеки ТГУ.

В рамках международного волонтерского экологического лагеря, организованного волонтерской организацией ТГУ, реализуется схема взаимодействия студенческих волонтерских сообществ, городских властей и горожан с тем, чтобы создать городское природное место отдыха для студентов ТГУ и

¹ Информация об инициативах и мероприятиях собрана из официальных новостных сообщений администрации ТГУ.

жителей Томска, привлечь внимание горожан к проблемам экологии региона и города, а также создания на базе ТГУ постоянной команды, занимающейся волонтерством в сфере экологии и сохранением родниковой системы ТГУ. Были поддержаны также инициативы по созданию на территории Научной библиотеки (дворик за старым зданием) летнего сада – открытой среды для посещения студентов, гостей, жителей города; установке экоконтейнеров на территории кампуса для раздельного сбора мусора.

2. Участие в совместных с бизнесом, властью и горожанами проектах по выработке стратегии экоразвития города и улучшению городской среды.

Например, ТГУ совместно с ТГАСУ, администрацией Томской области, архитектурным бюро «Стиль» и архитекторами из Нидерландов разработали проект по созданию современных общественных пространств на территории «Живой лаборатории» в Томске¹. Представители вузов, бизнеса и власти разрабатывали идеи по улучшению студенческого кампуса Томска – территории, объединяющей корпуса и общежития университетов. Планируется также разработать дизайн устойчивых и инклюзивных общественных пространств, формирующих «умную» и комфортную среду.

В 2017 г. магистранты ТГУ совместно со школьниками одной из томских гимназий начали совместную реализацию проекта «Город зеленого цвета», который заключается в мониторинге состояния окружающей среды возле главных образовательных учреждений Томска и выявлении источников загрязнения для дальнейшего прогнозирования изменения состояния городской среды. Студенты ТГУ изучают мнение томичей относительно комфортности городских общественных пространств, чтобы впоследствии сформулировать рекомендации органам власти по конструированию объектов городской инфраструктуры. Экологи ТГУ провели также анализ всех водных источников города – Ушайки, Томи, ключей и колодцев – и составили карту-схему, на которой обозначены все несанкционированные свалки.

3. Образование.

В ТГУ есть несколько образовательных программ уровня бакалавриата и магистратуры по направлению «Экология и природопользование», которые реализует Биологический институт ТГУ, ГГФ, автономные программы различных научно-образовательных центров. В 2017 г. на платформе Coursera был запущен бесплатный онлайн-курс «Жизнь в почве», разработанный ТГУ. Слушателям предлагается ознакомиться со спецификой животного населения почв городских экосистем и сельскохозяйственных угодий; в результате прохождения курса слушатели смогут использовать сведения по экологии почвенных организмов для переработки органических отходов, создания почво-замещающих смесей и улучшения почвенного плодородия.

4. Разработка экологических инноваций и технологий.

Научные подразделения и лаборатории ТГУ разрабатывают технологии, применимые для обеспечения экологически устойчивого развития не только Томской области, но и других регионов России и мира. Лазер для экологиче-

¹ «Живая лаборатория» сформирована в Томске в 2017 г. Это консорциум из организаций и горожан-энтузиастов, нацеленный на объединение мирового опыта архитекторов, урбанистов и студентов для поиска новых решений по созданию комфортной городской среды. Первым объектом томского проекта стала территория «Живой лаборатории», ограниченная улицами Усова, Вершинина и Лыткина. Подробнее см. на сайте администрации Томской области (<https://gorsreda.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/27677>).

ского мониторинга атмосферы, разработанный в ТГУ, используется над Новосибирском для оценки наличия аэрозолей в атмосфере. Изобретения биологов ТГУ применяются для решения экологических проблем арктических экосистем. Разработки радиофизиков ТГУ позволяют осуществлять дистанционное зондирование леса и предотвращать пожары.

Таким образом, в ТГУ присутствуют основные элементы эко-кампуса, причем особенно сильны составляющая вовлечения студентов и сотрудников и взаимодействие вуза с основными стейкхолдерами города – властью, бизнесом и горожанами. Однако поскольку в вузе не разработана единая стратегия развития эко-кампуса и, по сути, нет инфраструктуры экологического менеджмента кампуса, эффект от реализуемых проектов и инициатив размывается. Инициативы ТГУ несут в себе большой инновационный потенциал и могут способствовать формированию «зеленой» инфраструктуры, обеспечивая благоустройство и «зеленое» развитие города и региона в целом. Но для полномасштабного использования данного потенциала ТГУ не хватает системного и стратегического осмысления своего развития как эко-кампуса и как движущей силы в процессах развития «зеленого» города. Первым шагом может стать создание эко-стратегии университета, в обсуждение и выработку которой необходимо вовлечь не только ученых, изучающих вопросы экологии, но и представителей администрации вуза, города, а также студентов и преподавателей университета, которые являются активными пользователями кампусной инфраструктуры. В дальнейшем этот опыт может быть применен в формировании городской платформы для обсуждения, выработки и реализации программ экологического развития всего города.

Литература

1. Стоцкая Т.Г. Экологизация современного научного знания // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре : Социально-гуманитарные и экономические науки : сб. ст. Самара, 2015. С. 38–41.
2. Кузнецова А.И. Инфраструктура как необходимое условие устойчивого развития инновационной экономики города // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2012. № 1. С. 45–50.
3. Низамутдинова З.Ф. Разработка модели архитектурно-ландшафтного каркаса университетского кампуса // Вестник ИрГТУ. 2015. № 10 (105). С. 144–150.
4. Пучков М.В. Стратегии развития урбанизированных территорий: кампусные модели как средство управления региональным развитием // Академический вестник Уралниипроект. 2011. № 1. С. 30–34.
5. Чудинова Я.Н., Коротаев В.Н. Урбанистические и экологические аспекты устойчивого развития университетского кампуса // Материалы междунар. науч.-практ. конф. Секция 1. «Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе», 23–24 апреля 2015 г. Пермь, С. 304–307.
6. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14.
7. Брославский Л.И. Ответственность за окружающую среду и возмещение экологического вреда : законы и реалии России, США и Евросоюза. М: ИНФРА-М, 2017. 229 с.
8. Глобальный «зеленый» новый курс : Доклад ЮНЕП, 2009, март. Издано Программой ООН по окружающей среде в рамках Инициативы по «зеленой» экономике. 2009. 42 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unep.org/greenconomy/portals/30/docs/GGND-policy-brief> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Morrow K. Rio-20, the Green Economy and Re-orienting Sustainable Development // Environmental Law Review. 2012. № 14. P. 279–297.
10. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14.

11. Dahle M, and E. Neumayer E. Overcoming barriers to campus greening: A survey among higher educational institutions in London, UK: International Journal of Sustainability in Higher Education. 2001. Vol. 2, № 2. P. 139–160.
12. Yong Geng, Kebin Liu, Bing Xue, Tsuyoshi Fujita. Creating a “green university” in China: a case of Shenyang University // Journal of Cleaner Production. 2013. № 61. P. 13–19.
13. ZANG Shuliang and TAO Fei. Discussion and Analysis on Ecological Campus, Journal of Liaoning University (Philosophy and Social Sciences Edition). Vol. 32, № 4. 2004. P. 21–29.
14. Xinpei Jiang, Bao Zheng, Haifeng Wang. The Research on Eco-campus Evaluation Index System and Weight // Wseas Transactions on Environment and Development. 2010. Iss. 12. Vol. 6. P. 793–803.
15. Viebahn P. An environmental management model for universities: from environmental guidelines to staff involvement. Journal of Cleaner Production. 2002. № 10. P. 3–12.
16. Savely S., Carson A., Delclos G. An environmental management system implementation model for U.S. colleges and universities // Journal of Cleaner Production. 2007. № 15. P. 660–670.
17. Кузнецов А. Спираль закрутилась: как Томск станет центром новой экономики // Риа Томск Новости. 2017. 2 дек.
18. Галажинский Э.В. Востребованные компетенции руководителей университетов: мировые тренды vs российские процессы в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 6–8.

Tatyana V. Zakharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ztv@t-sk.ru

Olga V. Ustyuzhantseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: olgavust@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 146–153.

DOI: 10.17223/1998863X/45/15

UNIVERSITY ECO-CAMPUS: WORLD EXPERIENCE AND RUSSIAN DYNAMICS

Keywords: eco-campus; green university; innovation development; urbanization; university campus.

There is a certain gap in Russian research and generalization of the world experience in the development of eco-campuses, as well as in the analysis of Russian practices to see how the issues of greening campuses are understood and implemented by Russian universities. The paper is designed to fill this gap. The first part of the paper explores the leading models of eco-campuses implemented in the world. Based on the features identified, the main components of the eco-campus are aggregated, and strategies of greening universities are identified. The second part of the paper is devoted to the analysis of environmental practices of Tomsk State University (TSU). This study is intended to determine which constituents of the eco-campus model are already being applied in TSU, and to outline possible strategies for further development in order to comply with world practices in this field. As world practice shows, universities create eco-campuses to achieve several goals that range from the creation of a comfortable and sustainable campus environment to the achievements of the leadership in promoting the principles of sustainable living being an example of how these principles can be implemented. Tomsk is often called a “university city” due to the presence of six large universities in it. This title suggests a more advanced, innovative development of the whole city, which should be provided by the spillover of knowledge from universities to the “city”, the prevalence of highly skilled employees with a large share of scientific and technological personnel in it. Due to the fact that Tomsk universities have urban, not suburban, campuses, their synergy with the urban environment is quite high, which means a high degree of influence of the university on the development of the whole city. TSU actively uses various practices to interact with various stakeholders in the field of environmentally sustainable development, but they are not implemented systematically, which reduces the effectiveness of this interaction significantly. The initiatives of TSU have a great innovative potential and can contribute to the formation of a “green” infrastructure, ensuring the improvement and “green” development of the city and the region as a whole. However, for the full-scale use of this potential, TSU needs to develop a systemic and operational strategy, which allows creating a full-fledged eco-campus and become a driving force in the processes of developing a “green” city.

References

1. Stotskaya, T.G. (2015) Ekologizatsiya sovremennogo nauchnogo znaniya [Ecologization of modern scientific knowledge]. In: Balzannikov, M. (ed.) *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i*

arkhitekture. Sotsial'no-gumanitarnyye i ekonomicheskiye nauki [Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Socio-Humanitarian and Economic Sciences]. Samara: Samara State University of Architecture, Building and Civil Engineering. pp. 38–41.

2. Kuznetsova, A.I. (2012) Infrastructure as necessary condition of sustainable development of the city's innovative economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.YU. Vitte. Seriya 1. Ekonomika i upravleniye – Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 1. pp. 45–50. (In Russian).

3. Nizamutdinova, Z.F. (2015) Developing a university campus architectural and landscape framework model. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 10(105). pp. 144–150. (In Russian).

4. Puchkov, M.V. (2011) Strategii razvitiya urbanizirovannykh territoriy: kampusnyye modeli kak sredstvo upravleniya regional'nym razvitiem [Development strategies of urbanized areas: campus models as a means of managing regional development]. *Akademicheskii vestnik Uralniiprojekt*. 1. pp. 30–34.

5. Chudinova, Ya.N. & Korotayev, V.N. (2015) *Urbanisticheskiye i ekologicheskiye aspekty ustoychivogo razvitiya universitetskogo kampusa* [Urban and Environmental Aspects of the Sustainable Development of a University Campus]. Perm: PNIPU. pp. 304–307.

6. Bobylev, S.N. & Solovyeva, S.V. (2016) New targets for the new economy. *Mir novoy ekonomiki*. 1. pp. 6–14. (In Russian).

7. Broslavskiy, L.I. (2017) *Otvetstvennost' za okruzhayushchuyu sredu i vozmeshcheniye ekologicheskogo vreda: zakony i realii Rossii, SSHA i Yevrosoyuza* [Responsibility for the environment and compensation for environmental harm: the laws and realities of Russia, the United States and the European Union]. Moscow: INFRA-M.

8. UNEP. (2009) *Global'nyy "zelenyy" novyy kurs* [Global "green" new course]. [Online] Available from: <http://www.unep.org/greeneconomy/portals/30/docs/GGND-policy-brief>. (Accessed: 1st November 2017).

9. Morrow, K. (2012) Rio-20, the Green Economy and Re-orienting Sustainable Development. *Environmental Law Review*. 14. pp. 279–297.

10. Bobylev, S.N. & Solovyeva, S.V. (2016) New targets for the new economy. *Mir novoy ekonomiki*. 1. pp. 6–14. (In Russian).

11. Dahle, M. & Neumayer, E. (2001) Overcoming barriers to campus greening: A survey among higher educational institutions in London, UK. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2(2). pp. 139–160. DOI: 10.1108/14676370110388363

12. Yong Geng, Kebin Liu, Bing Xue & Tsuyoshi Fujita. (2013) Creating a "green university" in China: a case of Shenyang University. *Journal of Cleaner Production*. 61. pp. 13–19. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.07.013

13. Zang Shuliang & Tao Fei. (2004) Discussion and Analysis on Ecological Campus. *Journal of Liaoning University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 32(4). pp. 21–29.

14. Xinpei Jiang, Bao Zheng & Haifeng Wang. (2010) The Research on Eco-campus Evaluation Index System and Weight. *Wseas Transactions on Environment and Development*. 12(6). pp. 793–803.

15. Viebahn, P. (2002) An environmental management model for universities: from environmental guidelines to staff involvement. *Journal of Cleaner Production*. 10. pp. 3–12. DOI: 10.1016/S0959-6526(01)00017-8

16. Savely, S., Carson, A. & Delclos, G. (2007) An environmental management system implementation model for U.S. colleges and universities. *Journal of Cleaner Production*. 15. pp. 660–670. DOI: 10.1016/j.jclepro.2006.01.013

17. Kuznetsov, A. (2017) *Spiral' zakrutilas': kak Tomsk stanet tsentrom novoy ekonomiki* [The spiral began to turn: how Tomsk will become the center of a new economy]. *Ria Tomsk Novosti*. 2nd December.

18. Galazhinskiy, E.V. (2017) *Vostrebovannyye kompetentsii rukovoditeley universitetov: mirovyye trendy vs rossiyskiye protsessy v obrazovanii* [Competencies of university leaders: global trends vs Russian processes in education]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz – The Journal University Management: Practice and Analysis*. 21(2). pp. 6–8.

УДК 174:364.2

DOI: 10.17223/1998863X/45/16

В.О. Титова

РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В МОТИВАЦИИ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

В статье изучена роль этических основ трудовой мотивации специалистов помогающих профессий. Выделено два подхода к определению объекта деятельности помогающих профессий, формирующих их аксиологическую основу. Определены элементы модели мотивационного профиля специалиста помогающих профессий и модусы бытия, влияющие на реализацию их деятельности.

Ключевые слова: этика, помогающие профессии, трудовая мотивация, профессиональное выгорание.

Социономический профиль профессий традиционно интересен современным социологам, философам и психологам. Чаще всего к данному кластеру специальностей относят медицину, социальную работу, педагогику и психологию, а также другие направления, связанные с оказанием помощи людям, нуждающимся в социальной, образовательной или физической адаптации в обществе.

Начиная с 90-х гг. XX в. происходит интенсивный рост разнообразного аналитического знания относительно этических основ помогающих профессий по отдельным направлениям (психология, организация работы с молодежью, медицина, социальная педагогика и др.). При этом профессии социономического профиля в своей целостности, как единый кластер, до сих пор не стали частым предметом изучения социальной философии. Чаще профессии социального работника, педагога, врача и ряда других рассматриваются исследователями отдельно.

Современный автор Г.А. Каржина считает, что «комплексное исследование профессиональной этики помогающих профессий с позиций социальной философии невозможно без определения их культурно-исторических, этических оснований, поскольку только в этом случае можно понять просоциальную основу трудовой мотивации у специалистов помогающих профессий на протяжении становления и развития всей системы социальной помощи в России» [1. С. 105]. Важная черта помогающих профессий как единого кластера – это прежде всего схожие этические основы гуманизма и высшей ценности человеческой жизни, а также свободы воли, которые существенно трансформировались в ходе исторического становления теории и практики профессий.

Современная профессиональная этика включает изучение особых социальных контекстов, которые помимо обсуждения моделей и принципов построения описаний социальной реальности и профессионального знания выносят в сферу рефлексии отношение к этой реальности, так же как и систему нравственных и оценочных суждений, определяющих задачи, цели профессии и профессионала. На основе подобных суждений формируются профес-

сиональные нормы, этические ценности и принципы. Потребность в этическом и социокультурном анализе помогающих профессий сформирована особенностями современной социальной реальности.

Наиболее перспективными сегодня, по мнению А.Л. Журавлева, в профессиональной этике помогающих профессий становятся «исследования социальной ответственности и ответственного поведения, справедливости, обязательности и принципиальности в отношениях между людьми и соответствующего поведения, уважительности по отношению к людям и уважительного поведения, правдивости и честности в межличностных и межгрупповых отношениях и правдиво-искреннего поведения (а не только исследования лжи, неправды, обмана, дезинформации, манипулятивного поведения и т.п.) и многих других свойств нравственного сознания, самосознания и нравственного социального поведения личности и группы» [2].

Корни первого философского осмысления этики помощи как профессиональной деятельности необходимо рассматривать в контексте выявления объекта деятельности помогающих профессий, а именно «человека-нуждающегося», а также в осмыслении значимости отдельного человека в целом. Еще в философии античного периода у Сократа существовало учение о человеке, выделяющее его из общего космического миропорядка, объявляющее человека мерой всех вещей. Гуманистические идеи человека как самой высокой ценности и высшей цели сформулированы и другими античными философами, например, Протагор считал, что «человек есть мера всех вещей» [3]. Вместе с общественным прогрессом эти идеи развивались в Средние века и в Новое время, а после широко распространились в русской и зарубежной современной социальной философии. Например, с именем античного врача и философа Гиппократом связано представление о высоком моральном облике и этике поведения отдельных представителей кластера помогающих профессий – врачей. Он стал первым, кто сформулировал морально-этические нормы врача, которому согласно Гиппократу, должны быть присущи трудолюбие, приличный и опрятный вид, постоянное совершенствование в своей профессии, серьезность, чуткость, умение завоевывать доверие больного, умение хранить врачебную тайну [4]. Философскими основами медицины становится «философия врачевания», которая значительно позже, в XIX–XX вв., найдет отражение в других помогающих профессиях: психиатрии и психологии, социальной работе и педагогике. Теория постановки диагноза, лечения, реабилитации и рефлексии, выстроенная в соответствии с пониманием сущности человека как психо-био-социального существа становится фундаментальной схемой взаимодействия с клиентом / пациентом (объектом помогающих профессий), построенной на определенных этических ценностях общества.

Позже, в конце XVIII в., И. Кант в работе «Основы метафизики нравственности» утверждал, что «долг человека перед другими заключается в обязанности уважения, благожелательности и любви. Способствовать счастью ближнего – нравственный долг человека, гораздо более благородный и достойный, чем цель стремиться к собственному счастью» [5. С. 234]. Идеи И. Канта можно считать этической основой помогающих профессий и сегодня. Постепенно они укрепляются и развиваются в других направлениях, часто в том или ином виде можно встретить упоминание чувства долга перед

другими людьми и обществом как основу трудовой мотивации, указываемую самими представителями помогающих профессий.

В XIX в. идея «человека-нуждающегося», базируясь на философии жизни В. Дильтея и феноменологии Э. Гуссерля, рассматривает его как пассивного субъекта, который не имеет возможности в силу разных причин принимать активное участие в жизнедеятельности общества. В данной концепции специалист помогающей профессии рассматривает своего клиента не как способного к взаимодействию, а как нуждающегося в конкретной помощи (пособие, восстановление документов, одежда, еда и т.д.) [6. С. 68]. И в этом случае задачей является не помощь клиенту в нахождении собственных ресурсов для самостоятельного разрешения жизненных проблем, а решение проблем за него. Однако данная концепция оказания помощи имеет риски, заключающиеся в том, что негативная ситуация, приведшая клиента к жизненным проблемам, имеет тенденцию повториться. Особенно это актуально для решения проблем, требующих включения ресурсов самого индивида (например, алкоголизм, наркомания).

В процессе институционального становления помогающих профессий с конца XVII и до начала XX в. возникшие регламенты деятельности, регулирующие помощь, в конечном счете повлекли за собой ее дегуманизацию. Из этики помощи постепенно уходили ценности милосердия, зато появлялись ценности утилитарной эффективности как баланса затрат и результатов выполненной работы. Например, в царской России преобладало благотворительное отношение к нищим. Нищий, согласно нормам христианской морали, являлся «божьим человеком», возвышаемым религией и царем: «...просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся», – упоминается в Евангелии от Матфея [7]. Народ относился к нищим как к людям, причастным святости, с которыми надо делиться своим достоянием. Раскрывая сущность древнерусского благотворения, В.О. Ключевский пишет: «Человеколюбие у наших предков было то же, что нищелюбие, и любить ближнего значило прежде всего – накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице...» [8]. В XX в. сформировалось совершенно иное отношение государства к ниществу и бродяжничеству, давняя традиция благотворения и попечения о нуждающихся, проявлявшаяся в дореволюционной России в многообразных формах, после октября 1917 г. была разрушена. Представители партии большевиков смотрели на модель благотворительности как на буржуазный пережиток и средство обмана трудящихся, как стремление спрятать свою эксплуататорскую суть за унижительной «помощью бедным» и тем отвлечь их от классовой борьбы.

Уже к началу 1950-х гг., по мере оргштатного и материально-технического укрепления всех правоохранительных органов, появились нормативно оформленные меры борьбы с ниществом и бродяжничеством. Так, в постановлении Совета Министров СССР от 19 июля 1951 г. № 2590-1264с «О мероприятиях по ликвидации нищества в Москве и в Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» отмечается, что меры, предпринимаемые для профилактики и ликвидации бродяжничества и попрошайничества, стали неэффективными, поэтому устанавливается «порядок, согласно которому органам милиции и органам охраны МВД СССР на железнодорожном и водном транспорте предоставлялось пра-

во вносить предложения о выселении в отдаленные районы СССР на пять лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности по месту поселения бродяг, не имеющих определенных занятий и места жительства» [9. С. 105].

В связи с историческим контекстом важным аспектом в процессе институализации помогающих профессий в России советского периода является возвышение государственных интересов над интересами индивида, нуждающегося в помощи. Это неизбежно выводит на переориентацию деятельности специалистов помогающих профессий с гуманистических к иным ценностям: объективности, полезности и рациональности для общества.

Можно сказать, что помогающие профессии на различных этапах развития имеют свою специфику: на первом этапе с XVII до начала XX в., от момента, где помогающие профессии были тесно связаны с филантропией, до более позднего этапа развития кластера профессий в XX–XXI вв., где гуманизм уже заменяют ценности утилитарной эффективности, продиктованные Советским государством.

Стоит отметить, например, что в начале XXI в. в профессии социальной работы в мире практики уже научились выражать свою приверженность предельным ценностям, таким, как, например, ценность самодетерминации и самоопределения клиента – ориентации на клиенториентированную модель в оказании помощи, где запрос нужд определяется самим нуждающимся. М.Э. Ричмонд, основатель научной школы социальной работы в конце XIX в., рассматривала основную задачу социальной работы в «социальном врачевании» индивидов, находящихся в неудовлетворительном состоянии, и подготовке их к возможности самостоятельно решать свои проблемы. Прежде всего, это характерное для XX в. развитие социальной работы со случаем по методологии М.Э. Ричмонд, также данную работу называют индивидуальной, где нуждающийся в помощи индивид находится в роли «пациента», получающего помощь исходя из нужд и потребностей в собственной социальной адаптации [10]. Эти нужды выявляются в ходе бесед по результатам «диагностирования» социальных проблем индивида социальным работником. В основе западной и американской модели оказания помощи и на современном этапе сохраняются тенденции применения именно данной модели взаимодействия.

Также с середины XX в. происходит рост числа некоммерческих организаций, профессиональных сообществ помощи отдельным группам нуждающихся в западных странах и США [11]. Наряду с государством общественные организации играют важнейшую роль в организации квалифицированной социальной и медицинской помощи населению с применением клиенториентированного подхода. Данные институты помощи начинают развиваться в России только с 90-х гг. XX в.

Помощь остается структурированной и результативной, когда субъект помогающей деятельности начинает осознанно и целенаправленно применять специальные знания и навыки в работе, использует научный подход в изучении проблемы нуждающегося в помощи индивида. Профессиональную философию помогающих профессий, в частности медицину или педагогику, на современном этапе также начинает образовывать совокупность методологических принципов анализа социальной реальности, этических убеждений и идеалов и норм, задающих ориентиры для восстановления самого субъекта

помощи. Специалист социономического профиля в рамках профессиональной деятельности обращается к персонально значимым ценностным основам самого клиента и его окружения (семья, дети, здоровье, гражданственность и др.). Примером может служить ситуация, когда педагог общеобразовательной школы, работая с ребенком с особенностями развития, поддерживает в учебном классе сотрудничество и совместную кооперацию детей в коллективно-творческой деятельности, воспитывает уважение и толерантность по отношению к особому ребенку у сверстников.

По мнению Е.Н. Башук и А.В. Орлова, «группу помогающих профессий отличает тесное повседневное межличностное взаимодействие лицом к лицу с потребителями услуг, клиентами. Также эти профессии характеризуются тем, что в них средством познания другого человека и помощи ему является личность специалиста с высокой степенью ответственности за результаты своих воздействий» [12]. Исследователь Р.Д. Каверина считает, что «в качестве основных и наиболее важных функций работника профессий типа „человек – человек“ следует рассматривать оценку состояния социальных объектов, руководство людьми, обучение, воспитание, информационное, социально-бытовое, медицинское обслуживание людей» [13. С. 187]. Таким образом, специалист в социономических профессиях реализует свои функции, которые предполагают и особый тип взаимодействия, так называемое «помогающее поведение». К. Роджерс помогающими называет такие отношения, в которых «...по крайней мере одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, в умении ладить с другими» [14]. Личность специалиста помогающих профессий имеет огромное значение в процессе профессиональной деятельности и реализации социально значимых гуманистических ценностей. От ценностной ориентированности личности специалиста, его этических убеждений и потребностей (мотивации) зависит эффективность его деятельности, осуществляемой в рамках взаимодействия с конкретным клиентом / пациентом, и, следовательно, развитие общества в целом, темпы, качество и направленность социального прогресса. Философско-аксиологическая основа помогающих профессий включает идеалы и убеждения гуманизма, нравственности, эмпатии к человеку и выступает в качестве потребности в трансляции данных ценностей другим людям у самой личности специалиста [15. С. 50]. Это напрямую выводит на потребность в изучении персональной трудовой нематериальной мотивации у специалистов помогающих профессий, так как от мотивации, того, насколько специалист вовлечен в деятельность и имеет готовность профессионально развиваться и транслировать нравственные ценности общества, напрямую зависит в том числе и качество оказываемых населению услуг.

Однако в трудовой деятельности отношение представителей помогающей профессии к своим профессиональным обязанностям, долгу пока оставляет много вопросов. Судя по показателям многих социологических исследований, российское общество переживает ценностный и нравственный кризис. Согласно данным Института социологии РАН 2011 г. вопрос морального состояния общества в 2000-е гг. лидировал среди таких сфер, как уровень жизни, состояние социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры), борьба с коррупцией и состояние правопорядка. При этом моральный упадок

характеризовался как основной вектор, направляющий и определяющий развитие общества в последние 20 лет [16]. Другой анализ, проведенный Центром научной политической мысли и идеологии в 2014 г., показывает, что «для русской ментальности характерны 12 ценностных блоков, определяющих жизнеспособность российского государства: труд, душа (духовность), коллективизм, нематериальные ценности, любовь (семья, дети), инновационность, альтруизм, терпимость, ценность человеческой жизни, сопереживание, креативность, стремление к совершенству» [17]. Однако при этом большинство россиян (60–80%) негативно оценивают изменение морального климата за последние 10–15 лет [Там же].

Общее снижение уровня нравственности населения России затрагивает не только клиентов деятельности помогающих профессий, но и самих специалистов. В контексте философско-аксиологической основы помогающих профессий, воплощающей в себе идеалы нравственности, гуманизма и эмпатии к ближнему, возникает вопрос, каков мотивационный профиль современного специалиста помогающих профессий?

В качестве модели эффективного специалиста помогающих профессий можно использовать модель, предложенную К. Шнейдером. Он выделяет три важных элемента оказания квалифицированной помощи:

1. Личная зрелость, подразумевающая успешность специалиста в решении собственных жизненных проблем; откровенность, терпимость и искренность по отношению к себе.
2. Социальная зрелость, включающая способность специалиста оказывать помощь другим людям в различных жизненных ситуациях; откровенность, терпимость и искренность по отношению к другим.
3. Зрелость как специалиста, подразумевающая потребность в самообразовании, постоянном развитии профессиональных и личных качеств [13. С. 66].

Важно отметить, что мы понимаем трудовую мотивацию «как побуждение человека к труду, являющееся результатом, с одной стороны, взаимодействия таких элементов, как потребности, интересы, ценностные ориентации, с другой – отражаемых и фиксируемых сознанием человека факторов внешней среды, так называемых внешних стимулов, побуждающих к трудовой деятельности» [18. С. 129]. Необходимо подчеркнуть, что личные ценностные установки, лежащие в основе трудовой мотивации, играют наиболее значимую роль именно в помогающих профессиях, где предусмотрено непосредственное взаимодействие нуждающегося в помощи человека и оказывающего помощь.

А.Р. Фонарев характеризует три модуса человеческого бытия, которые определяют проявление и использование индивидуальных особенностей в процессе профессиональной деятельности медицинского работника. Этот же подход применим к анализу проявления индивидуальных особенностей трудовой мотивации представителей других помогающих профессий:

- модус служения, в котором основа отношения к жизни – это любовь к ближнему (другим людям), что позволяет человеку альтруистично осуществлять профессиональную деятельность;
- модус социальных достижений, согласно которому основное жизненное отношение, прежде всего, заключено в позиции соперничества и кон-

курентной борьбы, что может являться проблемой для становления профессионала;

– согласно модусу обладания другой человек служит только объектом, средством для достижения собственных целей, нравственные преграды отсутствуют [19. С. 186].

Каждый из данных модусов составляет важную часть мотивационной основы для реализации помогающих профессий: модус служения является основой толерантного и честного отношения к клиенту – основным принципам организации помощи согласно Профессиональному этическому кодексу социальной работы в России [20]. Социальный работник должен приложить все усилия к тому, чтобы стать и оставаться специалистом-экспертом в своей профессиональной практике и в выполнении своих профессиональных обязанностей согласно данному документу. Показателем может быть эмпатия со стороны специалиста к нуждающемуся в помощи клиенту – когда социальный работник сопереживает и поддерживает клиента, что находит отражение внешне в вежливом отношении, ответственности за качество работы и т.д.

Модус социальных достижений также возможен при реализации помогающих профессий, однако он в большей степени характерен для работы в условиях стандартизированного результата труда, который можно оценить через ключевые показатели эффективности (КПЭ). Например, значимым результатом труда для такого специалиста может быть количество жизнеустроенных в приемные семьи детей-сирот. Данный модус имеет двойственную природу: с одной стороны, как стимулирующего фактора, когда специалист с высокой трудовой мотивацией стремится к профессиональным достижениям и получает высокие результаты работы, а с другой стороны, у специалиста появляется возможность свести свою деятельность к формальному выполнению обязанностей согласно требуемым КПЭ профессии, организации.

Превалирование третьего модуса – модуса обладания, согласно классификации А.Р. Фонарева, в трудовой мотивации индивида серьезно затрудняет осуществление профессиональной деятельности в сфере помогающих профессий, так как одной из основных обязанностей социального работника как представителя помогающей профессии по отношению к клиенту является сохранение приоритета интересов клиента в разрешении сложившейся проблемной, кризисной ситуации.

Модус трудовой мотивации отдельного специалиста сформирует определенное отношение к своей деятельности, а также к клиенту / пациенту как к объекту деятельности. Понимание этических оснований своей трудовой мотивации самим специалистом социономического профиля может оказать большое влияние на конечный результат его деятельности как прием саморефлексии.

Низкая оценка роли помогающих профессий в обществе, отсутствие их престижа, низкая оплата труда специалистов, публичное обсуждение ошибок деятельности (особенно часто привлекают внимание и вызывают резонансный отклик ошибки врачей и учителей) – все это неизбежно ведет к тому, что снижается трудовая мотивация специалистов, что может привести к появлению синдрома профессионального выгорания («burnout») [21. С. 447]. Также постоянная необходимость общения с людьми, находящимися в сложной

жизненной ситуации, риск чрезмерного погружения в проблемы клиента оказывают постепенное, но тем не менее сильное влияние на способность специалиста выполнять свои функции и способствуют появлению синдрома эмоционального выгорания [12]. Ведущую роль в регулировании конкретных форм поведения в этом случае может играть этикет, но заменить просоциальную личную трудовую мотивацию, основанную на этических принципах помогающей профессии, он не сможет.

Согласно мнению А.В. Бачуриной помощь как вид деятельности – это и есть проявление состоятельности или компетентности как особого качества, но не врожденного, а развиваемого человеком на основе самобытности внутренней культуры и образованности. Таким образом, в различных видах профессиональной деятельности, реализуемых в системе «человек – человек», от соблюдения специалистом этических норм во многом зависит конечный результат (благополучие, здоровье клиента, повышение качества жизни и др.). Специалист помогающей профессии достаточно автономен в деятельности, и это актуализирует дополнительную необходимость (помимо нормативно-правовой и технологической) этической саморегуляции собственного поведения [22]. Эта регуляция должна не противоречить формальной регуляции, а дополнять ее, приобретая форму трудовой мотивации самого специалиста через обучение этическим принципам профессии, с учетом модуса мотивации личности. А через систему этических принципов на всех уровнях помогающих профессий, начиная с образовательного, необходимо транслировать и методы профилактики профессионального выгорания.

Историческое рассмотрение аксиологических оснований помогающих профессий показало, что этика помогающих профессий прошла долгий путь становления от гуманистических идей человека как самой высокой ценности и поддержки его жизнедеятельности как высшей цели (в античной философии) до дегуманизации ценности помощи нуждающимся в конце XX в., когда произошла актуализация ценности утилитарной эффективности, например баланса затрат и результатов государства на поддержание уровня и качества жизни граждан в разных сферах (социальная поддержка, медицина, образование).

Литература

1. Каржина Г.А. Гуманитарные и гносеологические аспекты развития новых научных направлений // Социология социальных трансформаций. Н. Новгород, 2003. С. 104–107.
2. Журавлев А.Л. Современные тенденции развития социальной психологии в России // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-razvitiya-sotsialnoy-psihologii-v-rossii> (дата обращения: 11.09.2018).
3. Компанец В.В., Травова Н.В. Человек как Высшая ценность бытия в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова // Вестник ВолГУ. Сер. 8 : Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-vyshshaya-tsennost-bytiya-v-kolymskih-rasskazah-varlama-shalamova> (дата обращения: 11.09.2018).
4. Александрова Д.П. Становление медицинской этики // Ученые записки ОГУ. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-meditsinskoy-etiki> (дата обращения: 11.09.2018).
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999. 1472 с.
6. Фирсов М.В. История социальной работы в России. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.
7. Толкование Священного Писания // Толкования на Мф. 5:42. Евангелие от Матфея. URL: <https://bible.optina.ru/new%3Aмф%3A05%3A42> (дата обращения: 11.09.2018).

8. Годунский Ю. Откуда есть пошла благотворительность на Руси // Наука и жизнь. 2006. № 10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7597/> (дата обращения: 11.09.2018).
9. Беркутов А.С. Кравченко Е.В. Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950–1960-е годы // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 104–111.
10. Фокин В.А., Фокин И.В. Потенциалы индивидуальной работы со случаем и их реализация в социальном воспитании // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialy-individualnoy-raboty-so-sluchaem-i-ih-realizatsiya-v-sotsialnom-vospitanii> (дата обращения: 13.09.2018).
11. Малкова А.Н. Опыт взаимодействия некоммерческих организаций с органами власти в США // Концепт. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-vzaimodeystviya-nekommercheskiy-organizatsiy-s-organami-vlasti-v-ssha> (дата обращения: 13.09.2018).
12. Башук Е.Н., Орлов А.В. Особенности проявления трудовой мотивации в различных профессиональных группах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 4 (36). [Электронный ресурс]: Портал научной информации «КиберЛенинка». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-trudovoy-motivatsii-v-razlichnykh-professionalnykh-gruppah> (дата обращения: 07.02.2018).
13. Шмелева Н.Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала. М.: Дашков и К, 2004. 196 с.
14. Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПбГУ, 2009. URL: <http://diplom.psy.spbu.ru/component/fabrik/details/1/386/html.html> (дата обращения: 07.02.2018).
15. Мельников Д.А. Становление профессии социальной работы // Международный журнал прикладных и фундаментальных наук. Пенза, 2013. С. 49–52.
16. Двадцать лет реформ глазами россиян: научный доклад / Институт социологии РАН. М., 2011. С. 217.
17. Сулакишин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9. С. 1065–1081. URL: <http://rusrand.ru/analytics/nravstvennost-rossijskogo-obschestva-i-factory-vlijaniya-internet-televidenie> (дата обращения: 07.02.2018).
18. Аврашков Л.Я. Экономика предприятия. М.: ЮНИТИ, 2007. 455 с.
19. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. Москва; Воронеж, 2005. 558 с.
20. Профессиональный этический кодекс социального работника России // Сайт Института Общинных и социальных работников им. В. Розенвальда; 2003. URL: <http://alcostad.ru/professionalnyj-eticheskij-kodeks-sotsialnogo-rabotnika-rossii/> (дата обращения: 07.02.2018).
21. Богомякова Е.С. Помогающие профессии: пересмотр аналитических перспектив // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: материалы международного. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 15–16 сентября 2016 г. / сост. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 447–451.
22. Бачурина А.В. Помогающие профессии в контексте компетентностного подхода // Учен. зап. ЗабГУ. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4. URL: Портал научной информации «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pomogayushchie-professii-v-kontekste-kompetentnostnogo-podhoda> (дата обращения: 21.04.2018).

Valerya O. Titova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: titova.lera.pr@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 154–164.

DOI: 10.17223/1998863X/45/16

THE ROLE OF ETHICAL VALUES IN THE MOTIVATION OF SPECIALISTS (HELPING PROFESSIONS)

Keywords: ethics; helping professions; job burnout; work motivation.

The relevance of socio-philosophical analysis from the standpoint of the ethical and sociocultural foundations of helping professions is due to a dynamic change in the values of society and the reflection of these changes in the motivational profile of a specialist in helping professions. Being a special kind of social activity, the profession of the socionic profile contributes to the creation of a space of the main directions of people's life activity (medicine, education, social support, etc.). Therefore, it is

necessary to take into account the need to identify two approaches to the definition of the object of activity of the helping professions that form their axiological basis. It can be said that the object of the helping profession at different stages of its historical development has its own specifics: at the first stage from the 17th to the beginning of the 20th century, from the moment when the professing professions were closely connected with philanthropy and applying the client-oriented approach in rendering assistance to the “needy”, until the later stage of the development of the cluster of professions in the 20th–21st centuries, where humanism already replaces the values of utilitarian effectiveness dictated by the Soviet state and the object of assistance in this period is no longer an individual, but a social group of people united by an artificially unified problem, through the introduction of standardization and KPI in the organization of assistance. At the same time, activities in helping professions remain focused on helping individuals in need to integrate them into society with optimum quality. Specialists in the socionic type professions remain sufficiently autonomous in their activities, which necessitates the need for additional (in addition to normative and legal and technological) moral reflection of their own behavior. This gives grounds for determining the elements of different models of the motivational profile of specialists in the helping profession, taking into account their moral values, as well as the modes of being, answering the main question: what effect do they have on the quality and results of conducting professional activity by a specialist in relation to the object – the “needy”.

References

1. Karzhina, G.A. (2003) *Gumanitarnyye i gnoseologicheskiye aspekty razvitiya novykh nauchnykh napravleniy* [Humanitarian and epistemological aspects of the development of new scientific directions]. Nizhny Novgorod: NISOTS. pp. 104–107.
2. Zhuravlev, A.L. (2011) Sovremennyye tendentsii razvitiya sotsial'noy psikhologii v Rossii [Modern trends in the development of social psychology in Russia]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-razvitiya-sotsialnoy-psikhologii-v-rossii>. (Accessed: 11th September 2018).
3. Kompaneyets, V.V. & Travova, N.V. (2010) Chelovek kak Vysshaya tsennost' bytiya v “Kolymских rasskazakh” Varlama Shalamova [Man as the Highest Value of Being in Varlam Shalamov's “Kolyma Tales”]. *Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika*. 9–8. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-vyshshaya-tsennost-bytiya-v-kolymskih-rasskazah-varlama-shalamova>. (Accessed: 11th September 2018).
4. Aleksandrova, D.P. (2015) Stanovleniye meditsinskoy etiki [The formation of medical ethics]. *Uchenyye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-meditsinskoy-etiki>. (Accessed: 11th September 2018).
5. Kant, I. (1999) *Osnovy metafiziki nravstvennosti* [Fundamentals of the Metaphysics of Morality]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
6. Firsov, M.V. (1999) *Istoriya sotsial'noy raboty v Rossii* [The History of Social Work in Russia]. Moscow: VLADOS.
7. Bible.optina.ru/. (n.d.) *Tolkovaniye svyashchennogo pisanii* [Interpretation of Scripture]. [Online] Available from: <https://bible.optina.ru/new%3Amf%3A05%3A42>. (Accessed: 11th September 2018).
8. Godunskiy, Yu. (2006) Otkuda yes' poshla blagotvoritel'nost' na Rusi [Where does charity come from in Russia]. *Nauka i zhizn'*. 10. [Online] Available from: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7597/>. (Accessed: 11th September 2018).
9. Berkutov, A.S. & Kravchenko, Ye.V. (2016) Bor'ba s brodyazhnichestvom v SSSR v 1950–1960-ye gody [The fight against vagrancy in the USSR in the 1950–1960s]. *Filosofiya prava*. 2(75). pp. 104–111.
10. Fokin, V.A. & Fokin, I.V. (2010) Potentsialy individual'noy raboty so sluchayem i ikh realizatsiya v sotsial'nom vospitanii [Potentials of individual work with the case and their implementation in social education]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialy-individualnoy-raboty-so-sluchaem-i-ih-realizatsiya-v-sotsialnom-vospitanii>. (Accessed: 13th September 2018).
11. Malkova, A.N. (2018) Opyt vzaimodeystviya nekommercheskikh organizatsiy s organami vlasti v SSHA [Interaction of non-profit organizations with US authorities]. *Kontsept*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-vzaimodeystviya-nekommercheskikh-organizatsiy-s-organami-vlasti-v-ssha>. (Accessed: 13th September 2018).
12. Bashuk, Ye.N. & Orlov, A.V. (2014) Special aspects related to the employee's motivation in various professional groups. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 4(36).

[Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-trudovoy-motivatsii-v-razlichnyh-professionalnyh-gruppah>. (Accessed: 7th February 2018). (In Russian).

13. Shmeleva, N.B. (2004) *Formirovaniye i razvitiye lichnosti sotsial'nogo rabotnika kak professionala* [Formation and development of the personality of a social worker as a professional]. Moscow: Dashkov i K.

14. Grishina, N.V. (2009) *Pomogayushchiye otnosheniya: professional'nyye i ekzistentsial'nyye problemy* [Helping relationships: professional and existential problems]. [Online] Available from: <http://diplom.psy.spbu.ru/component/fabrik/details/1/386/html.html>. (Accessed: 7th February 2018).

15. Melnikov, D.A. (2013) Stanovleniye professii sotsial'noy raboty [Formation of the social work profession]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh nauk*. 1. pp. 49–52.

16. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (2011) *Dvadsat' let reform glazami rossiyan* [Twenty years of reform in the eyes of Russians]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. pp. 217.

17. Sulakshin, S.S. (2014) Nravstvennost' rossiyskogo obshchestva i faktory vliyaniya (internet, televideniye) [Morality of the Russian society and factors of influence (Internet, television)]. *Politika i obshchestvo*. 9. pp. 1065–1081. [Online] Available from: <http://rusrand.ru/analytics/nravstvennost-rossijskogo-obshchestva-i-faktory-vliyanija-internet-televidenie>. (Accessed: 7th February 2018).

18. Avrashkov, L.Ya. (2005) *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise Economy]. Moscow: YUNITI.

19. Fonarev, A.R. (2005) *Psikhologicheskiye osobennosti lichnostnogo stanovleniya professionala* [Psychological features of personal development of a professional]. Moscow; Voronezh: [s.n.].

20. Institute of Community and Social Workers named after V. Rosenwald. (2003) *Professional'nyy eticheskii kodeks sotsial'nogo rabotnika Rossii* [Professional ethical code of a social worker in Russia]. [Online] Available from: <http://alcostad.ru/professionalnyj-eticheskij-kodeks-sotsialnogo-rabotnika-rossii/>. (Accessed: 7th February 2018).

21. Bogomyagkova, Ye.S. (2016) [Helping Professions: Revising Analytic Perspectives]. *Pomogayushchiye professii: nauchnoye obosnovaniye i innovatsionnyye tekhnologii* [Helping Professions: Scientific Justification and Innovative Technologies]. Proc. of the International Conference. Nizhny Novgorod, September 15–16, 2016. Nizhny Novgorod: NISOTS. pp. 447–451. (In Russian).

22. Bachurina, A.V. (2011) Helping Professions in the Context of the Competency Approach. *Uchenyye zapiski ZabGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota – Scholarly Notes of Transbaikal State University. Philosophy, Culturology, Sociology, Social Work*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pomogayushchie-professii-v-kontekste-kompetentnostnogo-podhoda>. (Accessed: 21st April 2018). (In Russian).

УДК 304

DOI: 10.17223/1998863X/45/17

В.Н. Ярская-Смирнова, Е.Р. Ярская-Смирнова

ПРАВО НА ГОРОД В ПАРАДИГМЕ МОБИЛЬНОСТИ¹

Речь идет о понятии «мобильного гражданства» и концепте «право на город» в русле новой парадигмы мобильности и социальной урбанистики. Право на город понимается в аспектах свободы передвижения, доступности городских зеленых зон, мобилизации гражданской позиции социально уязвимых групп. Познавательный потенциал интервью по методу walk along раскрывается в контексте социальных наук и применимости в городском планировании.

Ключевые слова: право на город, мобильность, гражданство, уязвимые группы.

Введение

В настоящем обзоре речь пойдет о применении концепта «право на город» в русле новой парадигмы мобильностей, при этом мы также обратимся к понятию «мобильное гражданство». Быть мобильным горожанином – значит комфортно перемещаться по городу, двигаться с минимальными рисками, достигать мест учебы, работы, покупок, отдыха, иметь возможность наслаждаться воздухом в зеленых зонах, пользоваться правом на город. Физические и социальные барьеры инвалидизируют людей, лишая их возможности полноценного мобильного гражданства.

Городские парки, скверы сегодня – признанный фактор снижения рисков, связанных с образом жизни горожан в целом и наиболее уязвимых групп в частности. Обеспечение равного доступа людей к безопасным и инклюзивным городским зеленым пространствам становится актуальной темой международных деклараций, приоритетом стратегии устойчивого развития ООН.

Проблематика доступности городских зеленых зон в данном случае будет представлена в перспективе мобильного гражданства социально уязвимых групп – людей с инвалидностью, мигрантов, женщин и других категорий населения. Вначале мы дадим краткое теоретическое обоснование выбранного угла зрения: право на город в перспективе мобильного гражданства. Затем доступность городских парков как фактор качества жизни и полноценного гражданства особых групп населения будет рассмотрена по материалам Всемирной организации здравоохранения. Мобилизация гражданской идентичности горожан связана в том числе и с реализацией права на город, на доступные маршруты и комфортные зеленые зоны. При помощи интервью на прогулке с информантом, качественного метода, который также относится к новой парадигме мобильностей, были получены данные о том, как горожане реализуют свое мобильное гражданство. В обзоре показаны познавательные возможности и партисипаторный характер метода walk along, который сего-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00321.

дня востребован в социальных науках и городском планировании. В заключении подводятся итоги обзора и представляются перспективы использования новых технологий сбора и применения данных в целях расширения доступности городского пространства.

Право на город в перспективе мобильного гражданства

Сегодня в городских исследованиях и социальной политике используется понятие «право на город» [1]. Это право осязать свой город, жить в нем, использовать его, участвуя в принятии решений и разделяя ответственность за них. Быть активным, вовлеченным членом общества, разделяющим все его права и обязанности, в парадигме мобильности означает быть гражданином не только в юридическом, политическом и экономическом смысле. В данном случае Дж. Урри предлагает говорить о сфере «социопространственного доступа к участию в основных практиках нашего общества» [2. С. 9]. При этом важно, «чтобы деление по классовой, половой, этнической, возрастной линиям не вело к значимым формам социально-пространственного отчуждения», не лишало людей мобильности [Там же].

Некоторые люди практически полностью исключены из отношений гражданства или же их права как граждан серьезно недооцениваются. Например, у инвалидов с детства и особенно инвалидов с нарушениями развития доступ к любой форме эффективного участия в жизни общества весьма ограничен, они депривированы от возможности исполнения важных ролей в публичной и приватной, в том числе домашней или семейной, сферах. Не только мигранты, чей маргинальный статус сильно затрудняет их мобильность и снижает качество жизни, но и многие из людей с инвалидностью, особенно женщины, а также люди преклонного возраста, некоторые группы молодежи фактически исключены из классической концепции гражданства [3].

А в условиях неолиберальных реформ, влекущих сокращение социального государства, граждане оказываются один на один со своими проблемами. Их маргинализация усиливается, неуверенность в завтрашнем дне растет. Но одновременно такая ситуация побуждает и обучает их бороться за свои права, находить собственные пути совладания. Кстати, одно из значений термина «мобильное гражданство», по мнению С. Филлипса [4], а также отечественных авторов [5, 6], – это как раз мобилизация коллективной идентичности людей, активизация общественной позиции.

Множественные барьеры, возникающие в окружающей среде, в социальных отношениях и установках, мешают людям исполнять обычные роли в обществе. Именно с этой позиции в Конвенции ООН трактуется инвалидность – не только и не столько как заболевание или нарушение, а как результат социальных взаимодействий, который конструируется и рекрутируется в конкретных исторических условиях, создаваемых государством, рынком, обществом, семьей, друзьями или случайными прохожими [7].

В России, по данным Минтруда, на начало 2017 г. было 12 млн взрослых и детей с инвалидностью и 40 млн других маломобильных граждан [8]. К ним относятся пожилые люди с трудностями в передвижении, взрослые, использующие коляску для перевозки детей. Многие из этих людей зачастую не только лишены возможности учиться и работать, посещать музеи, театры и парки наравне со всеми, но попросту не могут выйти из дома. Им пытаются

помогать члены их семей, с учетом которых речь идет о весьма масштабной группе в 70–80 млн человек.

Конвенция признает право инвалидов на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом [7. Ст. 30]. Отдельная статья Конвенции ООН посвящена вопросу доступности объектов и услуг инвалидам «наравне с другими». Речь, таким образом, здесь идет об универсальном дизайне. Иными словами, как указывается в Конвенции, окружающая среда (а также объекты, услуги, оборудование) должна быть обустроена таким образом, чтобы ее не нужно было подгонять, адаптировать под конкретные нужды инвалида [Там же. Ст. 1].

Именно такой подход к окружающей среде, включая и транспорт, и зоны отдыха, и рабочие места, и школы, магазины, является универсальным, поскольку позволит улучшить жизнь всех людей, а людям с ограниченными возможностями – стать более независимыми и всесторонне участвовать в общественной жизни. Универсальный дизайн, таким образом, становится ключевым условием улучшения доступности окружающей среды, общественных благ и услуг для всех людей. Концепция универсального дизайна делает акцент на человеческом многообразии и инклюзии [9]. Нередко эта проблематика анализируется в контексте партисипаторного городского планирования, инклюзивной архитектурной среды [10].

На выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности, с 2011 г. направлена государственная программа «Доступная среда», на реализацию которой выделяются существенные объемы бюджетных средств. Однако барьеры окружающей среды по-прежнему серьезно ограничивают права людей с инвалидностью и иных маломобильных групп граждан. Важное место среди объектов социально значимой городской инфраструктуры занимают зеленые зоны – парки, скверы.

Доступность городских парков как фактор качества жизни уязвимых групп

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) поднимает вопрос о важнейшей роли зеленых зон в городах для здоровья людей со ссылками на многочисленные исследования по самым разнообразным аспектам. Снижение риска сердечно-сосудистых заболеваний, диабета 2-го типа, снижение смертности, улучшение протекания беременности – вот лишь несколько преимуществ городских зеленых зон для здоровья людей и устойчивого развития общества, доказательно представленных в отчете ВОЗ [11. С. 5–12]. К тому же парки помогают наращивать социальный капитал, спасая людей от социальной изоляции, поощряя социальные взаимодействия и формируя чувство общности, мотивируют на экологически ответственное поведение.

Доступ к одним и тем же маршрутам, пространствам, способам мобильности «ограничен гендером, возрастом, этнической принадлежностью, социальным классом, здоровьем» [2. С. 13]. Были изучены эффекты парков для особых групп, в частности экономически депривированных и меньшинств. В исследованиях, проведенных в Великобритании и США, было выявлено, что эффект, оказываемый на здоровье прогулками на свежем воздухе в парках, максимален для экономически депривированных групп (как правило, компактно проживающих на территориях с низкими экологическими показа-

телями) [11. С. 18–19]. Качество таких зон и доступ к ним, а также их использование являются важным предиктором общего состояния здоровья для указанных групп, чье здоровье также оценивается в самых низких баллах. Таким образом, обеспечение и поддержание качественных зеленых пространств в городах может внести важный вклад в сокращение неравенства по здоровью [Там же. С. 19–20].

ВОЗ специально фокусируется на проектах, посвященных доступности парковых зон для уязвимых групп, включая пожилых, людей с инвалидностью и других маломобильных категорий населения, а также мигрантов. Так, разработчики проекта *Stepping Stones into Nature* в *Plymouth City* в Англии отталкивались от данных о том, что среди мигрантов именно женщины редко бывали в парках. В рамках проекта женщины познакомились на мастер-классах по лозоплетению, после чего они определились с парком, который бы они хотели и могли посещать. Теперь женщины регулярно бывают в зеленых зонах и даже создают там красивые ивовые арки и туннели [12. С. 116].

Проект *Moved by Nature* реализуется в Куоріо (Финляндия). Здесь жителей, включая тех, кто относится к группам повышенного риска, в том числе недавних иммигрантов, вовлекают в различные виды деятельности в рекреационных и заповедных природных зонах. Активный образ жизни, по убеждению инициаторов проекта, позволит участникам улучшить качество жизни, в том числе детям мигрантов лучше интегрироваться в школу [Там же. С. 139]. Многие другие проекты, упомянутые в отчете ВОЗ, фокусируются на тех социальных группах, которые по тем или иным причинам депривированы от активного времяпрепровождения в скверах и парках или даже просто посещения, отдыха в зеленых зонах.

Расширение доступа людей к городским зеленым пространствам становится темой международных деклараций, приоритетом стратегий развития. Для того чтобы оценивать наличие и доступность городских зеленых пространств в городах и странах, разрабатываются системы индикаторов и методы сбора и анализа данных (см. об этом [11, 12]). В этих оценочных схемах акцент делается на факторах равного доступа, а обследования предлагается вести на основе количественных методик, в том числе измеряющих объективные индикаторы и параметры восприятия зеленых зон людьми. Качественные исследования могут стать особым ресурсом понимания проблем доступности городских парков.

Доступность парков для горожан: познавательный потенциал интервью на прогулке

Социальные географы, антропологи и социологи в последние годы все чаще обращаются к методу интервью на прогулке с информантом (*walk along* или *go along*), сочетая опросные и неопросные техники: интервью, участвующее наблюдение, фото- и видеосъемка, картографирование, даже привлекая технологии геоинформационных систем (см. например, [13]). Во многом *walk along* близок методу *photo-voice* и другим партисипаторным методам. Суть состоит в том, что интервьюер проходит вместе с информантом по заранее выбранному или спонтанно меняющемуся маршруту, обсуждая запланированные и попутно возникающие вопросы [14]. При этом информанты могут

выступать гидами для интервьюера, обращая внимание на привычные, знакомые места и объясняя их смыслы, испытывают эмоции и обсуждают с исследователем свои переживания.

Эта методология происходит из новой парадигмы мобильностей [2], открывая новые перспективы исследований пространства и перемещения [15. С. 850]. Получается, что прогулка с информантом становится тестом окружающей среды на ее доступность.

Кроме того, интервью на прогулке с информантом относится к феноменологическим методам, позволяющим узнать о взаимодействии людей с окружающей средой в процессе непосредственного переживания этого опыта, в том числе в исследованиях опыта миграции [16], здоровья и благополучия [17], инвалидности [18]. В ходе такого исследования город предстает как целостная система, организм с его собственной внутренней динамикой [19], а территория насыщенной социально-пространственной информацией, важной для исследователя. Истоки этого подхода к интерпретации городской жизни можно найти в городских исследованиях, проводимых в 1920–1930-е гг. в Чикаго [20, 21], городской антропологии [22, 23] и подходах, относящихся к новой урбанистике (см. об этом: [13, 19]). Исследователи обращались к проблемам жилищной политики, городского планирования, показывали растущую сложность городской жизни, преимущества микро-подходов, а распространение партисипаторных и акционистских подходов повышало практическую значимость и гражданское звучание городских исследований. Этот поворот и обусловил возникновение такого метода, как *walk along* (*go along*).

Исследователи начали задаваться вопросами социального производства городского пространства, трансформации города в процессе постоянного и не всегда мирного взаимодействия городских властей, дизайнеров и планировщиков, архитекторов, строителей и обычных людей – старожилов и приезжих, словом, повседневных пользователей, ежедневно производящих изменения в городах. Все эти акторы, вступая во взаимодействие друг с другом и окружающей средой, с разным эффектом и разными способами вносят вклад в производство и реконфигурацию городского пространства [24], отсюда и возникла идея «права на город». Это касается не только повседневности городской жизни и планирования городского пространства. Речь идет и о методологии исследования, которая должна предоставить слово обычным людям. Мы предоставили нашим информантам – собеседникам и попутчикам – право высказываться и дать нам возможность прочувствовать их опыт, следуя их прогулочным маршрутом.

Насколько город доступен и комфортен для разных людей, в том числе тех, кто использует различные приспособления для перемещения? В ходе исследования с использованием метода интервью на прогулке с информантами в саратовских парках и других зеленых прогулочных зонах были получены уникальные материалы о восприятии своего права на город людей с различными возможностями передвижения: пожилых и юных, людей с инвалидностью и без инвалидности, родителей с маленькими детьми.

Их взгляд на окружающую среду и мобильность представляет перспективу реально проживаемого пространства, «а не ту, которая получается из сравнения с воображаемым так называемым обычным пешеходом» [18.

С. 186]. С точки зрения мамы подростка с инвалидностью, доступная среда – это возможность быть вовлеченным «в активный образ жизни, просто банальный отдых. То есть вот, например, тоже сделана спортивная площадка, очень удобное место. Но человек с ограниченными возможностями попасть на эту площадку [не сможет]... везде здесь бордюрный камень». И она предпринимает героические усилия, «чтобы ребенку было интересно, и так у него четыре стены» (Марина, 45 лет, высшее образование, не работает, ухаживает за 15-летним сыном инвалидом детства, детский церебральный паралич).

Это рассказы не только о сопротивлении и преодолении, но и об исключении и дискриминации. Наши собеседники показывают, что иногда они воздерживаются от выхода в город из-за физических барьеров и недружественного окружения, их жизнь ограничена недоступной средой, эксклюзивной в том смысле, что она предназначена не всем людям, а лишь исключительно «для здоровых и молодых...» (С.П., муж., 77 лет, слабовидящий, проблемы с опорно-двигательным аппаратом, при передвижении использует трость). Социальная и пространственная среда может поддерживать или препятствовать самооценке граждан и, таким образом, влиять на их возможность участвовать в жизни общества [18. С. 191]. Ограничение мобильности уменьшает социальный капитал и создает новые формы социального отчуждения [2. С. 9]. Вот почему Конвенция ООН помещает вопросы доступности в перспективу прав человека. Поскольку социальное гражданство на практике сталкивается с барьерами, речь следует вести о факторах, которые облегчают ориентацию, мобильность и безопасность, тем самым гарантируя людям право на город.

Заключение

Право на город в перспективе мобильного гражданства становится важной перспективой исследования. Анализ выявил разные аспекты доступности в контексте взаимодействия человека со средой, в проживаемом пространстве, где соединяются восприятие и критическая рефлексия. Информанты активно используют рекреационные зоны города, они перемещаются в пространстве парков, занимаются спортом и общаются, проводят время за созерцанием людей и природы. Порой их возможности ограничены коротким сезоном года и небольшим участком парка – или одной дорожкой и единственной лавочкой. Их право на участие неотрывно связано с правом на активное освоение городских парковых зон, они испытывают и ищут новые для себя маршруты, высказывают свою позицию. Некоторые пытаются повлиять на властные структуры, а другие лишь сетуют, рассказывая о своих неудобствах интервьюеру. Но их конструктивный настрой в любом случае выступает ресурсом действия, одиночного или коллективного, потенциалом реализации их права на город.

Сроки реализации программы «Доступная среда» планируется продлить до 2025 г., и можно надеяться, что в Саратове будет развиваться универсальный дизайн и жить станет удобнее всем. Во время прогулки мы проводили фотосъемку элементов окружающей среды, на которые обращали наше внимание информанты. Рамки настоящей публикации не позволяют представить эти образы, однако мы надеемся, что как когда-то зонирование, картирование городов, проводимое чикагскими социологами, получило применение и в городском планировании, криминалистике, социальной работе, и наши мате-

риалы смогут послужить основой для начала независимой экспертизы обновления и расширения доступности российских городов, станут учебными материалами, а возможно, будут использованы для создания фильма о праве на город. В дальнейшем, как представляется, важно было бы включать в методологию исследования новые технологии (в частности, использование GIS and GPS), которые могут не только позволить усовершенствовать сбор и обработку данных, но и реализовать прикладной характер проекта, повлиять на перспективы мобильности и улучшение доступности городского пространства.

Литература

1. Харви Д. Социальная справедливость и город. М. : НЛО, 2018. 440 с.
2. Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.
3. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. 2011. № 2(76). С. 65–80. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ro6.html> (дата обращения: 24.07.2018).
4. Phillips S.D. Disability and mobile citizenship in postsocialist Ukraine. Bloomington : Indiana University Press, 2010. 318 с.
5. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности : социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов : Науч. книга, 2006. 260 с.
6. Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М. : Вариант, 2012. 334 с.
7. Конвенция ООН о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 24.07.2018).
8. Минтруд России подготовил законопроект о сопровождаемом содействии занятости инвалидов. Минтруд России, 03.05.2017. URL: <https://rosmintrud.ru/social/invalid-defence/375> (дата обращения: 24.07.2018).
9. Imrie R., Hall P. Inclusive design: Designing and Developing Accessible Environments. London : Spon Press, 2001. 187 p.
10. Jones P. Situating universal design architecture: designing with whom? // Disability Rehabilitation. 2014. Vol. 36(16). P. 1369–1374.
11. Urban green spaces and health. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2016. 91 p.
12. Green Space Interventions and Health A review of impacts and effectiveness. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2017. 203 p.
13. Verd J.M., Porcel S. An Application of Qualitative Geographic Information Systems (GIS) in the Field of Urban Sociology Using ATLAS.ti: Uses and Reflections // Forum: qualitative social research. 2012. Vol. 13. № 2. Art. 14 – May 2012. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1847/3373> (дата обращения: 24.07.2018).
14. Kusenbach M. Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // Ethnography. 2003. Vol. 4, № 3. P. 455–485.
15. Evans J., Jones Ph. The walking interview: Methodology, mobility and place// Applied Geography. 2011. № 31. P. 849–858.
16. Kochan D. (Re)placing migrants' mobility: A multi-method approach to integration space and mobility in the study of migration // Migration studies, 2016. Vol. 4, № 2. P. 215–37.
17. Carpiano R.M. Come take a walk with me: The “Go-Along” interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being // Health & Place, 2009. Vol. 15, № 1. P. 263–272.
18. Lid I.M., Solvang P.K. (Dis)ability and the experience of accessibility in the urban environment // ALTER, European Journal of Disability Research. 2016. Vol. 10. P. 181–194.
19. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–234.
20. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
21. Вурт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. В.Г. Николаева // Вурт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.
22. Merry S.E. Urban Anthropology // ed. Th. Barfield. The Dictionary of Anthropology. Blackwell publishers, 1997. P. 479–480.

23. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 387 с.

24. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

Valentina N. Yarskaya-Smirnova, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation).

E-mail: jarskaja@mail.ru

Elena R. Yarskaia-Smirnova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: eiaarskaia@hse.ru; elena.iarskaia@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 165–173.

DOI: 10.17223/1998863X/45/17

THE RIGHT TO THE CITY IN THE PARADIGM OF MOBILITY

Keywords: rights to the city; accessible environment; mobility; citizenship; vulnerable groups; urban green zones.

The article discusses the epistemological interconnections of such concepts as the right to the city, mobile citizenship, urban mobility and universal design. The problem of accessibility of and barriers in the urban environment has become extremely important today for the researchers, since it is directly related to the issues of the quality of life, overcoming the marginalization of millions of ordinary Russian citizens. The authors emphasise that universal design is becoming a key condition for improving the accessibility of the environment, public goods and services for all people. The right to the city is considered in terms of freedom of movement, accessibility of socially significant objects, including urban green areas, as well as in the perspective of mobilizing a civic position. The mobile citizenship of such vulnerable groups as people with disabilities, migrants, women and other categories of population, is associated with their right to accessible city routes and inclusive parks. Focus on the accessibility of urban green spaces reveals the growing complexity of urban life. The problems of equal access of people to safe and inclusive urban green spaces are presented here on the basis of the materials of the World Health Organization and empirical data obtained through walk along. It is shown that the turn to the new urbanism caused the emergence of the walk along method in such a theoretical perspective that considers the right to the city in the process of interaction of city authorities, designers, architects, builders and ordinary people, old-timers and newcomers, everyday users who make changes in cities. The cognitive potential of the walk along interview method is shown not only in the context of social sciences. Its applicability in urban planning is also emphasized. As the interviews showed, social citizenship is faced with obstacles in practice, and one should think about factors that facilitate orientation, mobility, security, improving the accessibility of urban space.

References

1. Harvey, D. (2018) *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the City]. Translated from English by E. Gerasimova. Moscow: NLO.
2. Urry, J. (2013) Mobil'nost' i blizost' [Mobility and proximity]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 3–14.
3. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, Ye.R. (2011) Telo i diskriminatsiya: invalidnost', gender i grazhdanstvo v postsovetском кино [Body and Discrimination: Disability, Gender, and Citizenship in Post-Soviet Cinema]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2(76). pp. 65–80. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ro6.html>. (Accessed: 24th July 2018).
4. Phillips, S.D. (2010) *Disability and mobile citizenship in postsocialist Ukraine*. Bloomington: Indiana University Press.
5. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, Ye.R. (2006) *Politika invalidnosti: sotsial'noye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability Policy: Social Citizenship of Persons with Disabilities in Modern Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga.
6. Naberushkina, E.K. (2012) *Invalidy v bol'shom gorode: problemy sotsial'nogo grazhdanstva* [The Disabled in a Big City: Problems of Social Citizenship]. Moscow: Variant.
7. UNO. (2006) *Konventsia OON o pravakh invalidov. Prinyata rezolyutsiyey 61/106 General'noy Assamblei ot 13 dekabrya 2006 goda* [UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly Resolution 61/106 of December 13, 2006]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. (Accessed: 24th July 2018).

8. Russia. The Ministry of Labour of Russia. (2017) *Mintrud Rossii podgotovil zakonoprojekt o soprovozhdayemom sodeystvii zanyatosti invalidov* [The Ministry of Labour of Russia has prepared a draft law on the accompanying promotion of employment for disabled people]. [Online] Available from: <https://rosmintrud.ru/social/invalid-defence/375>. (Accessed: 24th July 2018).
9. Imrie, R. & Hall, P. (2001) *Inclusive Design: Designing and Developing Accessible Environments*. London: Spon Press.
10. Jones, P. (2014) Situating universal design architecture: designing with whom? *Disability Rehabilitation*. 36(16). pp. 1369–1374. DOI: 10.3109/09638288.2014.944274
11. WHO Regional Office for Europe. (2016) *Urban green spaces and health*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
12. WHO Regional Office for Europe. (2017) *Green Space Interventions and Health: A review of impacts and effectiveness*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
13. Verd, J.M. & Porcel, S. (2012) An Application of Qualitative Geographic Information Systems (GIS) in the Field of Urban Sociology Using ATLAS.ti: Uses and Reflections. *Forum: qualitative social research*. 13(2). Art. 14 – May 2012. [Online] Available from: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1847/3373>. (Accessed: 24th July 2018).
14. Kusenbach, M. (2003) Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*. 4(3). pp. 455–485.
15. Evans, J. & Jones, Ph. (2011) The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*. 31. pp. 849–858. DOI: 10.1016/j.apgeog.2010.09.005
16. Kochan, D. (2016) (Re)placing migrants' mobility: A multi-method approach to integration space and mobility in the study of migration. *Migration Studies*. 4(2). pp. 215–37. DOI: 10.1093/migration/mnw003
17. Carpiano, R.M. (2009) Come take a walk with me: The “Go-Along” interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being. *Health & Place*. 15(1). pp. 263–272.
18. Lid, I.M. & Solvang, P.K. (2016) (Dis)ability and the experience of accessibility in the urban environment. *ALTER, European Journal of Disability Research*. 10. pp. 181–194. DOI: 10.1016/j.alter.2015.11.003
19. Amin, E. & Trift, N. (2002) Vnyatnost' povsednevnogo goroda [The Catchiness of an Everyday City]. *Logos*. 3–4. pp. 209–234.
20. Park, R. (2002) Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [City as a social laboratory]. *Sotsiologicheskiye obozreniye – Russian Sociological Review*. 2(3). pp. 3–12.
21. Wirth, L. (2005) *Izbrannyye raboty po sotsiologii* [Selected Works on Sociology]. Translated by V.G. Nikolayev. Moscow: INION RAS. pp. 93–118.
22. Merry, S.E. (1997) Urban Anthropology. In: Barfield, Th. (ed.) *The Dictionary of Anthropology*. Blackwell. pp. 479–480.
23. Yarskaya-Smirnova, Ye.R. & Romanov, P.V. (2004) *Sotsial'naya antropologiya* [Social Anthropology]. Rostov on Don: Feniks.
24. Lefevre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production Space]. Translated from French by I. Staff. Moscow: Strelka Press.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 323.84; 323.85; 323.82; 323.22
DOI: 10.17223/1998863X/45/18

F.B. Vaysov

THE PROBLEM OF RADICALIZATION AND TERRORIST RECRUITMENT IN PRISONS¹

Recent observations and events demonstrate that prisons serve as safe-haven for radicalization of the criminals and further development of terrorist networks. The traditional penitentiary system shows helpless when it comes to imprisonment of extremists. The article examines the problem of radicalization among the incarcerated in places of confinement. The author touches upon the following questions: What do radicalism, radicalization and de-radicalization mean? How does radicalization take place? What stages does the process of radicalization flow through? What are de-radicalization measures taken by the governments? To what extent are these measures effective? The research demonstrates that while the traditional penitentiary system only exacerbates the process of radicalization of terrorists we still do not have a universally applicable and effective alternative yet.

Keywords: prison radicalization, terrorism, terrorist recruitment, extremism, counter-radicalization².

Introduction

Over the past decade it has become a common belief that prisons are very favorable places for religious radicalization to flourish. The shocking events of January 2015 that endowed European cities with blood and horror have only reinforced such an apprehension. Two of the three gunmen who carried out the Charlie Hebdo attack in January 2015 had first met both each other and a dangerous al-Qaida-linked militant in the country's largest jail Fleury-Mérogis in 2005. Two of the suicide bombers in the Brussels attacks, brothers Ibrahim and Khalid el-Bakraoui, had spent time in Belgian prisons for offenses that included armed robbery and carjacking. The list goes on, and what unites almost all of these young men is that none of them had any links with terrorist organizations before serving time in places of strict regime.

Radicalization and terrorist recruitment in prisons in general are not new phenomena. Prisons have always served as places for recruitment and headquarters for ideological extremists, where the masterminds developed extremist ideologies and recruited others into their teachings. Sergey Nechaev, a Russian nihilist and one of the founding fathers of Russian revolutionary terrorism in XIX century whose deeds served as a basis for Dostoevsky to write *Demons*, spent 10 years in prison where he proselytized the inmates and converted them into his followers and the

¹ Проблема радикализации и вербовки террористов в тюрьмах.

² Ключевые слова: радикализация тюремных заключенных, терроризм, вербовка террористов, экстремизм, противодействие радикализации.

guard into his agents through whom he kept in touch with and guided his “People’s Will” party [1. P. 73]. Felix Dzerzhinsky, a revolutionary and the founder of Cheka (the Soviet secret police forces), which immediately gained fame for mass summary executions conducted particularly during the Russian Civil War, served 15 years in jail where he got acquainted with radical revolutionary ideas before he soaked hands in blood during and after the Russian revolution [1. P. 74]. The list goes on and on.

Despite being historically an actual issue “prisoner radicalization” still lacks thorough theoretical development. This phenomenon is not fully explored and is very complex to be well understood. It is difficult to learn the process of radicalization in prison in particular because of the very limited information researchers can obtain to develop the necessary methodology. Also the process of radicalization is not sequential; it flows without a certain consistent pattern which makes it almost impossible to coin a theoretical apparatus. Furthermore, radicalization does not inevitably lead to terrorism. Many radicalized inmates do not accept jihadist or other violent ideology, preferring to follow their own path. Finally, it is hard to create a theoretical background for prisoner radicalization when there is no a commonly accepted consensus on the definition of “radicalization”.

This paper starts with defining what is “radicalization” and what is “radicalism”. Then, it will analyze the process of radicalization in prisons. Finally, it will conclude with examining what methods are some countries using to tackle this problem and to what extent they are effective.

Defining the concepts of radicalism and radicalization

There is no universally accepted consensus among academicians and politicians regarding the definition of radicalization. Thus, the concept of radicalization is by no means solid and clear, lacking a generic definition which could be used across all disciplines. According to Oxford English Dictionary “to radicalize” means: 1) to cause someone to become an advocate of radical political or social reforms and 2) introduce fundamental or far reaching change; while “radicalization” is defined as “The action or process of making or becoming radical, esp. in political outlook” [2]. Nevertheless, such a definition of radicalization is vague.

Many scholars and political institutions have their own definitions of radicalism. According to The United Kingdom Home Office radicalization implies “The process by which people come to support terrorism and violent extremism and, in some cases, then join terrorist groups” [3. P. 41]. This is an extremely subjective and even, to a certain extent, dangerous definition. It automatically stamps a terrorist label to all sort of radicalism.

In contrast, The Royal Canadian Mounted Police provides a more tolerant definition of radicalization: “the process by which individuals – usually young people – are introduced to an overtly ideological message and belief system that encourages movement from moderate, mainstream beliefs towards extreme views. While radical thinking is by no means problematic in itself, it becomes a threat to national security when Canadian citizens or residents espouse or engage in violence or direct action as a means of promoting political, ideological or religious extremism. Sometimes referred to as ‘homegrown terrorism’, this process of radicalization is more correctly referred to as domestic radicalization leading to

terrorist violence” [4. P. 1]. This definition is better since it acknowledges that radicalism is by no means equal to or synonym of terrorism.

A publicist and political philosopher T. Fraihi brings a definition that is considered to be inclusive and very close to radicalization. According to Fraihi: “Radicalization is a process in which an individual's convictions and willingness to seek for deep and serious changes in the society increase. Radicalism and radicalization are not necessarily negative. Moreover, different forms of radicalization exist. This concentration on the individual is indicative of the focus of expert and government concern” [5. P. 135]. It is very important that Fraihi outlines that radicalization is not negative by nature; it has various forms and it is not always a precursor to terrorism.

With such heterogeneous definitions it is hard to ignore the fact that the concepts of radicalization and radicalism are problematic. A look through historical roots of these phenomena helps us better understand radicalization. The term “radical” became widespread in 19th century. It often referred to a political agenda advocating thorough social and political reform. “Radical” also implied representing or supporting an extreme section of a party [6. P. 1]. In the course of history the concept of radicalism has changed significantly. Many political parties that, in the 19th century called themselves ‘radical’, were ‘radical’ mainly on their advocating republicanism rather than royalism. Some radicals were arguing for the establishment of a democratic system in which the privilege to vote was not connected with property or gender. Most of them were reformists. In the mid and late 19th century “Radical” was even as honorable and respectable as liberal. Moreover, some of the radical demands of 19th century such as women’s franchise, secularism and democratic government have become mainstream entitlements today. However, the content of the notion of “radical” has changed dramatically. While in 19th century “radical” was associated with liberal, progressive, anti-clerical and democratic, the contemporary meaning of radical has shifted to completely opposite implications: anti-liberal, regressive and fundamentalist. Thus, we shall never forget that in the past two hundred years, people labelled ‘radicals’ have been both non-violent and violent and their radicalism has been both illegal and legal.

Dr. Alex Schmid from The International Centre for Counter-Terrorism (ICCT) describes the concept of “radicalism” in terms of two main elements reflecting thought/attitude and action/behavior respectively: “1) Standing for drastic political change, based on a belief that the status quo is unacceptable while at the same time a fundamentally different alternative seems to be available to the radical; 2) The means used to ensure the game-changing radical solution for government and society can be non-violent and democratic (encouragement and reform) or violent and non-democratic (enforcement and revolt)” [7. P. 679].

Such a description of radicalism seems to be the most inclusive one in relation to other definitions that one can come across with. This definition is less overwhelming and helps us distinguish radicalism from other notions, such as terrorism and extremism.

The process of radicalization

Ahmed el-Houmass, a practicing Muslim and a well-built guard at Fresnes (one of France’s biggest jails), describes an occasion of a newly converted inmate: “His name was Stephane. His parents were doctors. He was top of the class. He

parted his hair at the side. You know the type. But then he mowed down a little girl when drunk-driving and got five years [8. P. 17].”

According to El-Houmass when Stephane arrived at Fresnes he suffered from so called prison shock: “During the first two weeks he was weeping like a baby”. One day an Algerian detainee called Mohamed approached Stephane in the prison yard and asked why he was crying. It was the start of Stephane’s journey. As the ex-guard puts it, “Mohamed was promising him forgiveness for what he had done. Stephane was in two minds. His parents were Catholic. They would not take it kindly. But Mohamed gave him books and CDs.” Two weeks later Stephane had converted and was growing a beard [Ibid. P. 18].

Usually, when a person is incarcerated he suffers from emotional trauma which makes him vulnerable to recruitment. Emotionally and physically weak a detainee becomes easy to be spotted and brainstormed by the recruiters. All start when these impressionable detainees enter into contact with the “preachers”. We do not have information whether Stephen became radical at the end since he was soon transferred to another prison after his parents had been informed about his conversion. Also, his conversion does not necessarily mean he was to become a terrorist. Yet, Stephen was given a trigger. The end of his journey largely depends on the Algerian guy’s intentions.

Opinions on the process of radicalization differ. Some researchers assert that radicalization cannot be described by a sequence of fixed stages while others believe that radicalization has series of stages with terrorism being the final destination. In 2009 there was a study published by the Intelligence Division of the New York Police Department (NYPD) which suggests four stages of radicalization: pre-radicalisation, self-identification, indoctrination and jihadisation. These four stages are described as a ‘funnel’ through which ordinary individuals’ religious beliefs become progressively more radical and this once ordinary individual becomes a terrorist [9. P. 19].

According to the research, the first stage, pre-radicalization, occurs when detainees are placed in circumstances that make them susceptible to extremism. It may be related with either intrinsic motivations (the result of a personal trauma, experiences of discrimination or alienation) or extrinsic motivations (any external factor such as economic, political, religious, or social deprivation) [Ibid. P. 22]. The second stage, self-identification, occurs when the individual associates him/herself with a certain extremist cause and fundamentally changes his/her religious beliefs or behaviors. The help of recruiters reinforces the process of radicalization. The third stage, indoctrination, sharpens this mindset and readiness for action. It occurs once a convert has accepted the radical ideology but may be unsure or unfamiliar with how to participate. This stage also includes becoming an active participant. The final stage is engaging directly in terrorist activities (which can be violent or nonviolent).

The authors of the research outline that “these stages do not have chronological order and sometimes individuals may skip stages, quickly reaching more violent actions”. It also means that individuals do not necessarily reach the final stage escaping full radicalization. Besides, even if they are totally radicalized they won’t necessarily engage in terrorist attacks: “Commitment is constantly calibrated and re-calibrated. Some drop out along the way. A component of our counter-

recruiting strategy must be to always offer a safe way back from the edge” [9. P. 83].

Although well organized, this description of radicalization process has some flaws. Firstly, it presumes that radicalization can be divided into concrete stages. This can hardly be true since radicalization occurs without a certain consistent pattern. Two individuals may reach the final level by different paths, different motivations and driven by different goals. Secondly, this model lacks a full understanding of psychological, organizational, and social processes that lead people into radicalization and their continuation towards committing acts of terrorism. Finally, the authors of the report assume that every form of radicalization is negative and it necessarily leads to terrorism, which is, considering the facts noted above, by no mean accurate.

Considering the facts stated above, there are two forms of radicalization in prison. First – radicalization by infection: when the radical inmates spread violent ideology through proselytizing and conversion of the mentally weak and impressionable fellow inmates. Second - self-radicalization: detainees’ beliefs sharpen under the influence of the circumstances in which they serve time (enhanced interrogation, hatred, anger, etc.). Both of these forms have chaotic process with no particular stages.

The occasion of Stephen mentioned above is a common example of radicalization by infection. As for the second – self-radicalization – it is common for the individuals who were imprisoned for their involvement in extremist groups. Often these individuals come to jail hesitant and leave it as professional terrorists – more determined, violent, and resolute. The former leader of Al-Qaeda in Iraq (AQI) Abu Musab az-Zarqawi achieved an overwhelming success in building huge authority and developing a huge extremist net during his imprisonment in Jordan [10. P. 43]. As a representative of an influential clan of Bani Hasan az-Zarqawi, by employing the authority of his clan, strengthened his influence inside the bars. Having proclaimed himself the supreme preacher, he beat those who didn’t hesitate to ignore his commands, including the detainee who wrote a criticizing article about Zarqawi in the prison’s magazine called “Sauka” [10. P. 48]. As an unskilled debater Zarqawi pumped up muscles using the back-stick of his bed and oil jerry-cans filled with stones. In prison Zarqawi overshadowed authority of his fellow jihadist Al-Maksidi who was the ideologue of AQI and Zarqawi’s teacher. Al-Maksidi helped Zarqawi strengthen his ideological base and together they coined fatwas and religious orders that later were published in internet [11. P. 33]. According to a former official from Pentagon and a specialist on fight against terrorism, Richard, the prison made with Zarqawi the same as it did with Whitney Bulger, the head of a criminal organization in Boston: “We sent him to the Harvard of American penitentiaries. He was a wily criminal who had a little IQ and put together some good streams of income. He comes out of the pen with great street cred that helped him form his own gang, which ran Boston for four or five years. Same with al-Zarqawi. Prison was his university” [Ibidem].

The same could be told 20 years later about the current leader of IS Abubakr Al-Baghdadi as fellow ISIS inmates recounted his similar leadership qualities and maneuverability with the guards at Camp Bucca, the US-run detention facility in southern Iraq.

De-radicalization or counter-radicalization measures taken by governments

Before we consider de-radicalization and counter-radicalization techniques we must be more precise about the definitions of these two phenomena. The UN Counter-Terrorism Implementation Task Force (CTITF) Working Group on Radicalization and Extremism that lead to Terrorism adopted a definition of de-radicalization provided by John Horgan, which describes it as “programmes that are generally directed against individuals who have become radical with the aim of reintegrating them into society or at least dissuading them from violence” [12. P. 2].

Almost over thirty countries have presented various de-radicalization programs aimed at de-radicalizing both inside and outside the prison. There are two types of de-radicalization efforts: (1) individual ideological de-radicalization, using psychological and religious counseling to produce a change of mind, and (2) collective de-radicalization, using political negotiations to obtain a type of change of behavior (e.g. cease fire, de-commissioning of arms) [6. P. 40]. For prison de-radicalization only first approach is applied. An example for the first approach would be the efforts undertaken by the government of Singapore while the second approach has been utilized in Egypt. There are also combinations of the two models, such as in the Indonesian approach. Studies on de-radicalisation programmes exist for both the Western world and for Muslim majority countries [Ibidem].

According to Dr. Alex Schmidt national de-radicalization programmes have often multiple goals. Their objectives have been summarized by Bjorgo and Horgan in 2009:

- Reducing the number of active terrorists;
- Reducing violence and victimization;
- Re-orientating ideological views and attitudes of the participants;
- Re-socializing ex-members back to normal life;
- Acquiring intelligence, evidence and witnesses in court cases;
- Using repentant ex-terrorists as opinion builders;
- Sowing dissent within the terrorist milieu;
- Providing an exit from terrorism and ‘underground’ life;
- Reducing the dependency on repressive means and make more use of more humane means in counterterrorism;
- Reducing the economic and social costs of keeping a large number of terrorists in prison for a long time;
- Increasing the legitimacy of the government or state agency [Ibid. P. 41].

Among these rehabilitation programmes the one from Saudi Arabia sometime was claimed to be relatively successful. This programme was forged and developed under Mohammed Nayef, a close relative of the late Crown Prince Nayef, and focused on de-radicalizing and rehabilitating captured jihadists as well as radical prisoners [13. P. 32]. The programme, which lasts from 8 to 12 weeks, has processed over 4,000 radical inmates, releasing nearly half of them to society since 2003. It is very expensive programme that includes psychological counseling, religious re-education, vocational training, sports and arts therapy. It also includes helping the ‘rehabilitated’ extremists to find jobs and even wives. The post-release phase of the programme involves intense surveillance of the former extremists [6. P. 43].

To what extent the Saudi method is efficient? According to initial Saudi claims, of those detainees who proceeded through this programme only 10–20 percent had been rearrested for recidivism. However, such a claim seems to be fantastic. In fact, an unknown but not unsubstantial number of the graduates of the Saudi de-radicalization programme reportedly fled to Yemen and re-joined al-Qaeda in the Arab Peninsula cells [14; 15. P. 85]. At one point, the Saudi authorities admitted that 10–20 percent of those released may have returned to their initial activities [14. P. 1]. According to Jeff Addicott, Director of the Centre for Terrorism Law in Texas, the true number is more likely to be 30–40 percent [16]. Thus, we may not surely say that Saudi rehabilitation programme is flawless and effective. It also depends on the way the Saudis and the rest understand what “rehabilitation” actually is. Where it starts and where are its boundaries? Nevertheless, the Saudi de-radicalization programme is a significant achievement: losing 10–20 percent of detainees is still better than letting all of them radicalize in prisons.

Also, there are some states where the radicalization is challenged by isolation and physiotherapy. Such a program was recently introduced in France when investigations showed that the masterminds and implementers of Charlie Hebdo terrorist attacks in Paris turned radical during their time in jails. According to this programme the detainees are placed in “dedicated units”. They will be supervised by a larger number of specially trained wardens, and receive visits by psychologists, sociologists and historians (to argue against their unrealistic ideas about medieval caliphates). The daily routine for those individuals will involve theatre workshops, political discussions, as well as lessons that include reading and writing for the less literate, foreign languages for the intellectually developed. Those who refuse to engage in rehabilitation will be expelled back to the less welcoming corners of the prison [8].

Although challenging radicalization by isolation with its intellectual aspects seems far reaching, in fact, it has some unexpected consequences. First of all, isolation of the most radical inmates may even exacerbate radicalization. Isolated from others but brought together, a bunch of radical individuals may sharpen their ideas as a result of close interaction. There will always be some individuals with robust beliefs that survive ideological and intellectual filtration and who may help the fellow inmates maintain radical outlook. Moreover, since the radical extremists are more prone to taking actions, isolation is a chance for them to coin new operations for the future. Most of the huge terrorist plots carried out by Al-Qaida proved to have been coined by their masterminds during their close interaction in prisons.

Thus, none of the employed counter-radicalization and de-radicalization strategies showed to be inclusive and universally effective. Also, we do not know how to fight radicalization in prison since there is a lack of up to date empirical data. There is only a small number of cases that serve ground for the whole literature on this issue. Therefore, it is very difficult to draw universally applicable conclusions regarding counter-radicalization [17. P. 40].

Conclusion

Despite being a phenomenon with long history “prison radicalization” is still surrounded by a large number of unsolved problems such as defining the concept of radicalization, providing a solid distinction of radicalization from extremism and terrorism, collecting empirical data, and building integrative theory. Also, without

a proper theoretical apparatus the understanding of prisoner radicalization seems hopeless. As a result, most important questions - What are the fundamental reasons for radicalization? Does a particular logic exist in the process of radicalization? Where is the most appropriate place to contain terrorists? How to hinder radicalization in prisons? What measures should be taken to combat radicalization? – still remain with no all-encompassing response.

The process of radicalization is by no means strictly sequential. It may develop both spontaneous as well as according to a series of stages. At the same time, radicalization does not inevitably end up with terrorism. Some detainees after radicalization manage to choose their own path avoiding contact with extremist groups. There are a millions of followers of Salafism who live a peaceful life without engagement in terrorist organizations. Moreover, radical is not necessarily bad or terrorist. Some of the history's most pivotal changes were brought by radical minds, starting with Moses, Jesus, Mohammed, and not ending with Martin Luther, Gandhi, Martin Luther King, Nelson Mandela and Gloria Steinem.

The traditional penitentiary system faces a deep collapse when it comes to dealing with detainees accused of terrorism. Experience shows that prison becomes a safe-haven for terrorists where they easily radicalize, recruit and train new members, organize plots and develop networks. De facto prison becomes a training base for terrorists, except for it is the government who pays for security and food supply. The methods of rehabilitating the radicalized individuals employed in different states instill some hope but yet they haven't achieved much. The Saudi rehabilitation programme, though showing some shift, is too expensive for the majority of states to afford. De-radicalization by isolation, in its turn, may even be more dangerous. Some commentators believe that isolating the radicals will only exacerbate their radicalization.

We do not know how to fight radicalization in prison since there is a lack of up to date empirical data. There is only a small number of cases that serve ground for the whole literature on this issue. Therefore, it is very difficult to draw universally applicable conclusions regarding counter-radicalization. Besides, it is not easy to collect empirical data since researchers face difficulties in contacting the radical inmates. Thus, encouraging more empirical researches, particularly interviews with detainees, staff-members and families could be helpful in understanding and developing effective strategies. In addition, even though prison radicalization is nowadays mainly concerned with Islamic fundamentalism, there are also other radical ideologies flourishing in prisons (far right-wing extremism). Therefore, intelligence agencies, the police, policy-makers and researchers should widen their focus to include all forms of violent and extremist ideologies.

References

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMCA-Pres, 1955.
2. OED Online. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018. [Electronic resource]. URL: <http://www.oed.com/viewdictionaryentry/Entry/11125> (access date: 10.05.2018).
3. Pursue, Prevent, Protect, Prepare: The United Kingdom's Strategy for Countering International Terrorism. HM Government, March 2009. [Electronic resource]. URL: [http://www.northants.police.uk/sites/default/files/The%2520Governments%2520Counter%2520Terrorism%2520Strategy\[1\].pdf](http://www.northants.police.uk/sites/default/files/The%2520Governments%2520Counter%2520Terrorism%2520Strategy[1].pdf) (access date: 15.05.2018).
4. Radicalization: A Guide for the Perplexed. National Security Criminal Investigations. Royal Canadian Mounted Police (CMRP), June 2009. [Electronic resource]. URL: <https://info.publicintelligence.net/RCMP-Radicalization.pdf> (access date: 15.05.2018).

5. Fraihi, T. (De)-Escalating Radicalisation: The Debate within Immigrant Communities in Europe. In: *Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Perspectives*, edited by R. Coolsaet. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2011.
6. Schmid, A.P. *Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review (Research Paper)*. Hague: ICCT – The Hague, 2013.
7. Schmid, A.P. (Ed.). *The Routledge Handbook of Terrorism Research*. UK: Taylor & Francis, 2011.
8. De Bellaigue, C. Are French Prisons “fishing schools” for Terrorism? *The Guardian*, March 17, 2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/17/are-french-prisons-fishing-schools-for-terrorism> (access date: 01.05.2018).
9. Silber, M. & Bhatt, A. *Radicalization in the West: The homegrown threat*. New York : New York City Police Department, 2009. [Electronic resource]. URL: <http://www.nypdshield.org/public/SiteFiles/documents/NYPDRReport-RadicalizationintheWest.pdf> (access date: 01.06.2018).
10. Brisard, J-Ch. & Martinez, D. Zarqawi: The New Face of Al-Qaeda. New York: Other Press, 2005.
11. Weiss, M. & Hassan, H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. New York: Regan Arts, 2015.
12. *Tackling Extremism: De-Radicalisation and Disengagement*. Institute for Strategic Dialogue, (Conference Report). Copenhagen: Danish Presidency of the Council of the European Union, 2012.
13. Shooting the sheiks [Editorial]. *The Economist*, Vol. 404, No. 8793, July 2012.
14. Porges, M.L. The Saudi De-radicalisation Experiment, ‘US Council on Foreign Relations’, Expert Brief, January 22, 2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/saudi-deradicalization-experiment> (access date: 16.05.2018).
15. Horgan, J. and Altier, M.B. The Future of Terrorist De-Radicalisation Program // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2012, Vol. 13, No. 2. P. 83–89.
16. Macedo, D. ‘More Guantanamo Detainees Are Returning to Terror Upon Release’. *Fox News*, March 29, 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.foxnews.com/us/2010/03/29/gitmo-detainees-return-terror.html> (access date: 18.05.2018).
17. Christiansen, S. Preventing Radicalization Within Prisons. A Comparative Analysis of the Danish and Swedish Prison and Probation Services’ Counter-Radicalization Strategies within Prisons. Degree project in Criminology 30 credits. Malmö University: Faculty of Health and Society, Department of Criminology, 2017.

Firdavs B. Vaysov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: firdavays1@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 174–183.

DOI: 10.17223/1998863X/45/18

THE PROBLEM OF RADICALIZATION AND TERRORIST RECRUITMENT IN PRISONS

Keywords: prison radicalization; terrorism; terrorist recruitment; extremism; counter-radicalization.

Experience has shown that prisons are very favorable places for ideological radicalization and terrorist recruitment to flourish. Observations demonstrate that the majority of the active terrorists had no links with terrorist organizations before serving time in prison. Going to jail for some minor offenses such as robbery, ordinary and psychologically weak individuals leave it as professional and confident extremists. Radicalization and terrorist recruitment in prisons are not new phenomena. Prisons have always served as places for recruitment and headquarters for ideological extremists, from the anarchists, and Marxists to the contemporary jihadists. However, despite being historically an urgent issue “prisoner radicalization” still lacks a thorough theoretical development. This phenomenon is not fully explored and is very complex to be well understood because of the very limited empirical data, the lack of necessary methodology and the complexity of the phenomenon. The process of radicalization is not sequential; it flows without a certain consistent pattern, which makes it almost impossible to coin a theoretical apparatus. Besides, radicalization does not inevitably lead to terrorism. Many radicalized inmates do not accept jihadist or other violent ideology, preferring to follow their own path. Finally, there is no commonly accepted consensus on the definition of “radicalization”, which makes it difficult to create a theoretical background for prisoner radicalization. This paper starts with defining

the phenomena of “radicalization” and “radicalism”. Then, the process of radicalization in prisons is analyzed. Finally, the paper concludes with examining what methods some countries are using to tackle prison radicalization and to what extent they are effective.

References

1. Berdyaev, N. (1955) *Istoki i Smisl Russkogo Kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Paris: YMCA-Press.
2. *OED Online*. (2018) Oxford, UK: Oxford University Press. [Online] Available at: <http://www.oed.com/viewdictionaryentry/Entry/11125>. (Accessed: 10th May 2018).
3. HM Government. (2009) *Pursue, Prevent, Protect, Prepare: The United Kingdom's Strategy for Countering International Terrorism*. [Online] Available at: [http://www.northants.police.uk/sites/default/files/The%2520Governments%2520Counter%2520Terrorism%2520Strategy\[1\].pdf](http://www.northants.police.uk/sites/default/files/The%2520Governments%2520Counter%2520Terrorism%2520Strategy[1].pdf). (Accessed: 15th May 2018).
4. Royal Canadian Mounted Police. (2009) *Radicalization: A Guide for the Perplexed. National Security Criminal Investigations*. [Online] Available at: <https://info.publicintelligence.net/RCMP-Radicalization.pdf>. (Accessed: 15th May 2018).
5. Fraihi, T. (2011) (De-)Escalating Radicalisation: The Debate within Immigrant Communities in Europe. In: Coolsaet, R. (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Perspectives*. Farnham: Ashgate Publishing Limited.
6. Schmid, A.P. (2013) *Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review (Research Paper)*. Hague: ICCT – The Hague.
7. Schmid, A.P. (ed.). (2011) *The Routledge Handbook of Terrorism Research*. UK: Taylor & Francis.
8. De Bellaigue, C. (2016) Are French Prisons “fishing schools” for Terrorism? *The Guardian*. 17th March 2016. [Online] Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/17/are-french-prisons-fishing-schools-for-terrorism>. (Accessed: 1st May 2018).
9. Silber, M. & Bhatt, A. (2009) *Radicalization in the West: The homegrown threat*. New York: New York City Police Department. [Online] Available at: http://www.nypdshield.org/public/SiteFiles/documents/NYPD_Report-Radicalization_in_theWest.pdf. (Accessed: 1st June 2018).
10. Brisard, J. & Martinez, D. (2005) *Zarqawi: The New Face of Al-Qaeda*. New York: Other Press.
11. Weiss, M. & Hassan, H. (2015) *ISIS: Inside the Army of Terror*. New York: Regan Arts.
12. Institute for Strategic Dialogue. (2012) *Tackling Extremism: De-Radicalisation and Disengagement (Conference Report)*. Copenhagen: Danish Presidency of the Council of the European Union.
13. The Economist. (2012) Editorial: Shooting the sheiks. *The Economist*. 404(8793).
14. Porges, M.L. (2010) The Saudi De-radicalisation Experiment, ‘US Council on Foreign Relations’. *Expert Brief*. 22nd January 2010. [Online] Available at: http://www.cfr.org/publication/n/21292/saudi_de-radicalisation_experiment.html. (Accessed: 16th May 2018).
15. Horgan, J. & Altier, M.B. (2012) The Future of Terrorist De-Radicalisation Program. *Georgetown Journal of International Affairs*. 13(2). pp. 83–89.
16. Macrdo, D. (2010). ‘More Guantanamo Detainees Are Returning to Terror Upon Release’. *Fox News*. March 29, 2010. [Online] Available from: <http://www.foxnews.com/us/2010/03/29/gitmo-detainees-return-terror/>. (Accessed: 18th May 2018).
17. Christiansen, S. (2017) *Preventing Radicalization Within Prisons. A Comparative Analysis of the Danish and Swedish Prison and Probation Services' Counter-Radicalization Strategies within Prisons*. Degree Project in Criminology 30 credits. Malmö University: Faculty of Health and Society, Department of Criminology.

УДК 329.1/.6 (437)

DOI: 10.17223/1998863X/45/19

Е.И. Гайданка

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКО-ПАРТИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: КОНТЕКСТ МЕСТНЫХ ВЫБОРОВ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Определяются институциональные свойства фрагментации политико-партийного пространства на региональном уровне в Чешской Республике (2014–2016 гг.). С целью сравнительного анализа партийной фрагментации регионов применена методика транзитивных партийных систем В. Меркель и В. Швейцера, определены типичные / девиантные электоральные регионы (евклидово расстояние), особенности двухполюсной партийно-идеологической центровки, разработана политико-географическая карта Чешской Республики и изучена специфика структурирования местных политических элит.

Ключевые слова: политико-партийное пространство, краевые выборы в Чешской Республике, фрагментация партийной системы.

Введение

Эрозия социалистической государственно-идеологической системы и разрушение обеспечивающих ее стабильность институциональных государственных систем конца прошлого столетия поставили перед мировым сообществом целый ряд вопросов относительно будущих траекторий постсоциалистических трансформаций. Постепенное оформление политических партий как действенных субъектов демократической трансформации на общенациональном уровне существенно активизирует процессы децентрализации управленческих систем на региональном уровне. Подавляющее большинство парламентских партий выстраивают стратегию закрепления партийных институтов на местном уровне, с одной стороны, с целью увеличения общего уровня национализации партии, с другой стороны, для активного привлечения к процессам развития разветвленной системы местного самоуправления. Кроме того, в соответствии с уровнем устойчивости электоральной поддержки партии концентрируются на борьбе за административно-управленческие ресурсы в регионах.

В успешном ряде постсоциалистических трансформаций Чешская Республика не стала исключением. В соответствии с логикой демократического транзита постепенная демократизация в течение 1990-х гг. пролонгировалась в формате инсталляции демократического управления на местах. Именно с 2000 г. в стране начинается институциональная фаза по децентрализации публичной власти, которая обеспечивается рядом реформистских нормативно-законодательных актов, в частности концептуальным Законом о поддержке регионального развития 2000 г. [1]. Понятно, что новый формат организации публичного управления на местах должен был обеспечиваться высоким институциональным уровнем деятельности партийных субъектов и проведением прозрачных электоральных циклов на местном уровне. На основе анализа политологических аспектов последних местных выборов, которые состоялись в период 2014–

2016 гг., следует определить тенденции национального / регионального партийного влияния в современной Чехии, специфику политико-идеологической фрагментации регионов, структурирование местных политических элит.

Методология и показатели

С позиций методологии современной сравнительной политологии существует целый спектр универсального инструментария изучения политико-партийной конъюнктуры на местном уровне в транзитивных и постсоциалистических странах. Во-первых, В. Меркель выделяет пять базовых факторов, непосредственно влияющих на институциональный дизайн постсоциалистических партийных систем: 1) трансформационный конфликт (эволюция / революция); 2) институт исторических партий; 3) характер влияния политической системы на партийную (форма правления + избирательная модель); 4) наличие системы политических отношений клиентального типа; 5) система разграничений (социально-политические, этнические, религиозные, лингвистические) [2. С. 45–46]. Во-вторых, В. Швейцер группирует региональные политические партии по принципу доминирующего идентификационного признака: 1) регионально-лингвистические; 2) регионально-конфессиональные; 3) этнолингвистические; 4) регионально-этноконфессиональные [3. С. 88]. В-третьих, необходимо выделить эмпирические расчеты конфигурации национализации / регионализации партийной системы. Соотношение между результатами на парламентских и региональных выборах дает возможность определить уровень территориальной электоральной гомогенности, выделяя типичные (близость национального и региональных результатов) и девиантные (отклонение в национальном и региональных результатах) электоральные регионы. Разница в голосовании за партию на национальном уровне и в конкретном регионе / регионах определяется на основе расчетов евклидова расстояния [4]¹.

Очерченные теоретико-эмпирические направления анализа региональной партийной сферы должны определить однотипные явления функционирования политико-партийного сегмента Чехии с учетом специфики последствий постсоциалистической трансформации и имеющих социально-политических разграничений в регионах.

При рассмотрении процессов консолидации / разграничения партийного пространства в современной Чехии был использован массив эмпирического материала: а) электоральные показатели местных (в том числе региональных) выборов 2014–2016 гг.; 2) отдельные результаты экспертного социологического исследования по актуальным проблемам децентрализации системы управления в Чешской Республике (май 2017 г.).

Анализ местных выборов 2014–2016 гг.

Под «местными выборами» в современной Чешской Республике следует понимать выборы в местные советы органов самоуправления, т.е. прежде всего избрание глав и депутатского корпуса органов высшего уровня само-

¹ Формула расчета евклидова расстояния в проекции на конфигурацию партийной системы:

$$d(x, y) = \frac{\sqrt{\sum (x_k - y_k)^2}}{N}, \text{ т.е. расстояние} = \text{квадратный корень суммы квадратов разностей между}$$

результатом партии: а) региональный и б) общенациональный, разделенный на количество регионов. Низкое значение = типичные регионы; высокое значение = девиантные регионы.

управления краев (kraj – всего 14 на конец 2015 г.), количественного состава муниципалитетов (města, obce – 6262 ед.) [5]. Наиболее весомым в управленческом сегменте на региональном уровне остается избрание главы края (Hejtman), депутатского корпуса краевых советов (Zastupitelstvo); на местном уровне – мэра (Primátor), депутатов местных советов (Zastupitelstvo obce, města).

На высшем уровне местного самоуправления (избрание в краевые советы) было проведено пять избирательных кампаний за период 2000–2016 гг. Фактически выборы начали проводиться после имплементации Закона «О крае» 2000 г. [6] и регулируются Законом «О выборах в Ассамблеи краев» 2000 г. [7]. Основными принципами избирательного законодательства являются: пропорциональная модель выборов, выдвижение кандидатов только политической партией или коалицией, 5% проходной барьер, четырехлетний срок полномочий члена совета.

Следует отметить, что по результатам последних выборов в краевые советы в октябре 2016 г. политико-партийное пространство характеризуется умеренной многопартийностью. Основная борьба за депутатские мандаты ведется между пятью-шестью политическими силами; общее партийное представительство составляет 23 политические партии и партийные коалиции.

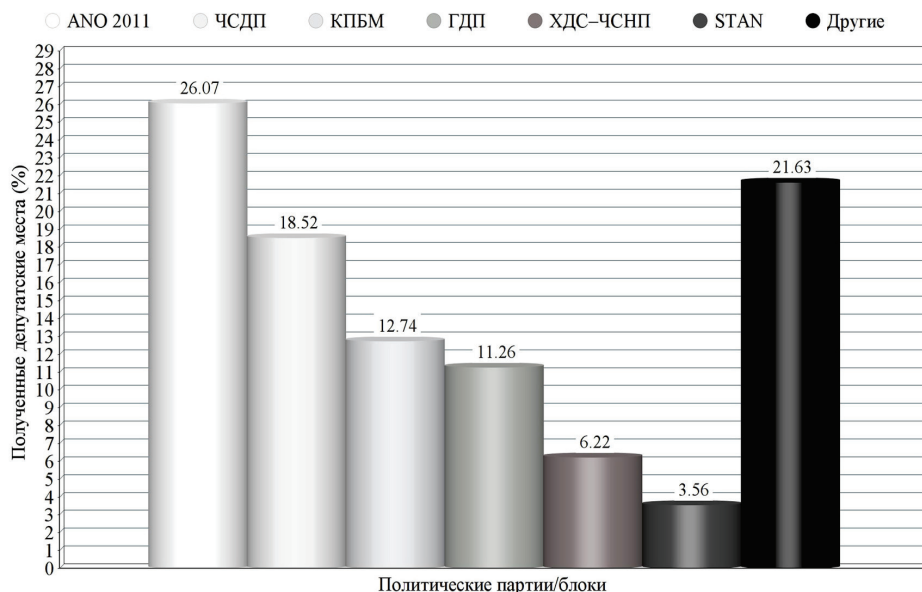

Рис. 1. Распределение депутатских мандатов краевых советов в соответствии с партийной принадлежностью [8]

Основная электоральная борьба ведется между двумя традиционными идеологическими полюсами:

1) партиями центра / правоцентристами: ANO-2011, Гражданская демократическая партия (ГДП), Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия (ХДС – ЧСНП), STAN;

2) левоцентристами: Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП), Коммунистическая партия Богемии и Моравии (КПБМ).

В сравнительном контексте электоральных результатов заметно незначительное доминирование ANO-2011; более 3% депутатских мандатов в Краевых советах получили другие пять общенациональных политических сил [8].

Наряду с общенациональными политическими силами своих представителей в краевые советы делегировали региональные политические объединения или коалиции. Такие политические союзы преимущественно основаны на коалиционном принципе или формируются как самостоятельные региональные партийные структуры общенациональных партий.

Таблица 1. Распределение краев по представительству в них региональных политических объединений

Географическая фрагментация (количество партийных субъектов)	Край	Региональные партии (блоки)
Запад (1)	Пльзенский	Koalice pro Plzeňský kraj (KDU-ČSL, Strana zelených, hnutí Nezanedbali)
	Карловарский	—
	Устецкий	—
Восток (2)	Оломоуцкий	Starostové Pro Olomoucký kraj; Koalice pro Olomoucký kraj společně se starosty
	Злинский	—
	Моравско-силезский	—
Юг (5)	Высоčina	Starostové PRO VYSOČINU
	Южночешский	Jihočeši 2012; PRO JIŽNÍ ČECHY (Starostové, HOPB, TOP 09)
	Южноморавский	Starostové pro Jižní Moravu; TOP 09 + «Žit Brno»
Север (2)	Краловоградский	Piráti a Strana zelených + Změna pro Královéhradecký kraj; Koalice pro Královéhradecký kraj (KDU-ČSL, Hradecký demokratický klub, Volba pro město)
	Либерецкий	—
Центр (1)	Пардубицкий	Koalice pro Pardubický kraj
	Среднечешский	—
	г. Прага	—

На низшем уровне органов местного самоуправления выборы в муниципальные советы проводились семь раз в период 1990–2014 гг. Фактически местные выборы состоялись синхронно с трансформацией политической системы страны, начались в период чехословацкого федерализма и модернизировались как политический институт в условиях широкой муниципальной реформы согласно Закону «О муниципалитетах (муниципальное управление)» 2000 г. [9]. Последние общенациональные выборы в советы муниципалитетов состоялись в октябре 2014 г., в отдельных округах – в мае 2017 г. Муниципальные выборы регулируются Законом «О выборах в муниципалитеты» 2001 г. [10], согласно которому сохранены демократические основы избирательной системы, которая опирается на пропорциональную модель и четырехлетний срок депутатского мандата.

По результатам муниципальных выборов 2014 г. прослеживается тенденция к доминированию местных политических сил по отношению к партиям / блокам общенационального масштаба. Так, на долю локальных политических движений приходится более половины мандатов (почти 53%); более

10% мандатов получили независимые кандидаты. Среди общенациональных партий мандаты распределены почти пропорционально от 6 до $\geq 1\%$; традиционно наиболее влиятельны семь политических сил полярного идеологического направления.

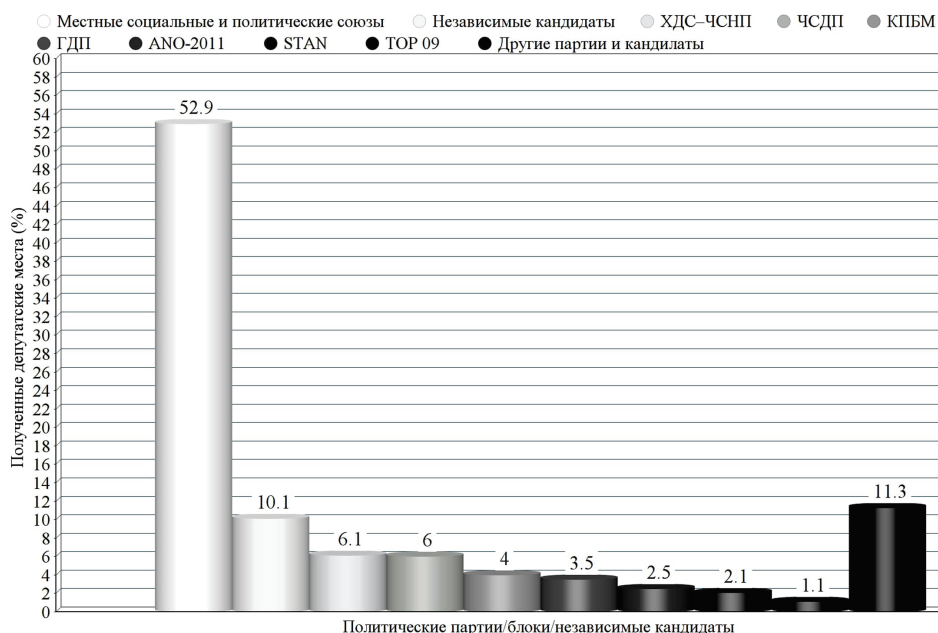

Рис. 2. Распределение депутатских мандатов советов муниципалитетов соответственно партийной принадлежности (2014–2018 гг.) [11]¹

Обсуждение и выводы

Проанализировав нормативную составляющую и электоральные результаты партийных субъектов на выборах в местные советы (краевые и муниципальные) в течение 2014–2016 гг., можем подвести итоги в конфигурации регионального политико-партийного пространства в современной Чешской Республике.

1. В соответствии с концептуальным подходом В. Меркель для постсоциалистической Чехии свойственны несколько институциональных составляющих функционирования партийной системы. Первое, определенный алгоритм институционализации партийной системы актуален для периода инсталляции демократических институтов (трансформации политической системы) и проведения нескольких избирательных кампаний на демократической основе в 1990-х гг. Исходя из этого, чешская партийная система испытала влияние следующих институциональных факторов: 1) основой транзита по направлению «социалистический авторитаризм → национальная демократизация» стал эволюционный переговорный процесс, 2) имеется политический опыт демократических партий периода межвоенной Чехословакии; 3) конфигурация плюральной политической системы с минимализацией управленческого веса института президентства: смешанная парламентская

¹ Приведены результаты политических сил, получивших более 1% депутатских мандатов.

республика + доминанта пропорциональной избирательной модели; 4) незначительное влияние клиентализма и олигархата на реализацию государственной политики; 5) незначительная система социально-политических разграничений: традиционное лево-правое политико-идеологическое противостояние, один из самых высоких в Европе уровней атеистичности общества, общая этнически лингвистическая целостность страны.

2. Отождествление региональных политических партий с общенациональной идеологией и соответствующее отсутствие доминирующего признака в деятельности партий на местном уровне (по В. Швейцеру). В то же время слабость конфессиональных, этнолингвистических и этноконфессиональных межпартийных связей на местном уровне не лишила Чехию влияния общеевропейских тенденций партийного строительства последнего времени вроде правого популизма, евроскептицизма, антимигрантства и т.д. (среди наиболее влиятельных выделяется отдельная часть партийного кокуса ANO-2011, Чешская партия пиратов, «Свобода и прямая демократия» Томио Окамуры).

3. Показателем политических разграничений на электоральной карте Чехии является измерение евклидова расстояния партий, получивших значительную электоральную поддержку. На примере вычисления показателей ANO-2011 следует отметить наиболее девиантный Восточный регион с углубленной электоральной девиацией в Моравскосилезском крае; электорально типичным является регион Центра, в котором зафиксирован результат 0,4 в Среднечешском крае; наиболее типичным следует назвать Южноморавский край – результат 0,3.

Таблица 2. Евклидово расстояние регионов на основе данных электоральной поддержки ANO-2011 (октябрь 2016 г.)

Географическая фрагментация	Край	Значение
Запад	Пльзенский	1,52
	Карловарский	2,66
	Устецкий	2,87
Восток	Оломоуцкий	3,19
	Злинский	3,79
	Моравскосилезский	4,18
Юг	Высочина	3,31
	Южночешский	3,05
	Южноморавский	0,30
Север	Краловеградский	3,93
	Либерецкий	3,30
Центр	Пардубицкий	1,86
	Среднечешский	0,40

4. Политико-идеологические настроения электората в разных уголках страны формируют вариации с географической политической фрагментацией. В подавляющем большинстве главными партийными субъектами, между которыми ведется борьба на краевом уровне, выступают правоцентристы ANO-2011 и левоцентристы ЧСДП. По результатам последних выборов в краевые советы 2016 г. (включая коммунальные выборы 2014 г. в краевой совет столицы Праги) правоцентристы доминируют в восьми краях, левоцентристы – в шести. Вместе с тем, несмотря на двухполюсное доминирование ANO-2011 и ЧСДП, в трех краях преобладают другие политические субъекты, которым удалось сформировать в представительных органах власти пра-

вающие коалиции: 1) Устецкий край – доминирование КПБМ; 2) Либерецкий – региональная *Starostové pro Liberecký kraj*; 3) Злинский – ХДС–ЧСНП.

В соответствии с политико-партийной конъюнктурой на региональном уровне сформирована географическая партийная фрагментация Чехии. На востоке страны (большинство границы с постсоциалистическими Словакией и Польшей) доминируют правоцентристские силы; также правоцентристы прочно закрепились в столичном регионе (Среднечешский край), частично на севере (Либерецкий край) и крайнем западе (Карловарский край); левоцентристы преобладают на юге (граница с Австрией и Германией), охватывают три края, приближенных к центральной части страны (Краловеградецкий, Пардубицкий и Высочина), и один западный (Устецкий).

Партийная двухполярность проявляется также и по отношению к высшей должности в регионе – главе края. Согласно первым назначениям после региональных выборов 2016 г. заметным является доминирование двух политических сил, так как ANO-2011 делегирует шесть своих представителей, за ЧСДП – пять делегатов.

Рис. 3. Политико-географическая фрагментация краев Чешской Республики соответственно партийному составу краевых советов (2014–2018 гг.)

5. Местная политическая элита играет роль коммуникатора между регионом и центральной властью, отвечает за проведение реформ и социально-экономическое развитие регионов, является отождествлением власти. Политический вес местных лидеров актуализируется в состоянии транзитивности страны, особенно в вопросах экономического и политического сепаратизма, евроскептицизма, укрепления популистских общественно-политических движений. В мае 2017 г. нами было проведено экспертное социологическое анкетирование представителей местного управленческого аппарата в регионах Чешской Республики [12]. В вопросах количественного определения представителей политической элиты в конкретном чешском крае большинство респондентов (44,4%) к местным лидерам засчитывает от двух до пяти

региональных лидеров. При этом респондентами были выбраны все предложенные варианты ответов – от одного до более десяти региональных лидеров.

Конкретизируя состав местных элит, среди наиболее влиятельных представителей местной элиты в крае респонденты выделили конкретных лидеров – глава края, сенаторы, члены краевого совета, независимые политики (66,7%), причем должность главы края отмечают более половины респондентов (55,6%), или не выделяли никаких местных политических лидеров (33,3%).

Таким образом, полученные результаты в ходе проведения эмпирического политологического анализа последних местных выборов в Чешской Республике свидетельствуют о незначительной фрагментации политико-партийного пространства, в основном по классическому двухполюсному идеологическому принципу – правоцентризм и левоцентризм. С другой стороны, все более возрастает вес региональных политических объединений, делегирующих своих представителей на высокие управленческие должности и претендующих на электоральное поле, в котором ранее доминировали местные партии общенациональной деятельности. Все больше углубляется географическая политическая фрагментация с однозначным правоцентристским большинством на востоке и левоцентристским доминированием на юге страны.

Литература

1. *Zákon o podpoře regionálního rozvoje 248/2000 Sb.* [Электронный ресурс] // *Zákony pro lidi – Sbírka zákonů ČR v aktuálním konsolidovaném znění*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-248> (дата обращения: 09.07.2018).
2. Михалева Г. Российские партии в контексте трансформации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 352 с.
3. Швейцер В. Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. № 4. С. 84–93.
4. *Euclidean Distance – Raw, Normalised, and Double-Scaled Coefficients* [Электронный ресурс] // *Technical Whitepaper*. September, 2005. № 6. 26 p. URL: <http://www.pbarrett.net/technicalpapers/euclid.pdf> (дата обращения: 01.05.2016).
5. *Regional data* [Электронный ресурс] // *Czech Statistical Office*. URL: <https://www.czso.cz/csu/czso/home> (дата обращения: 03.07.2018).
6. *Zákon o krajích 129/2000 Sb.* [Электронный ресурс] // *Zákony.centrum.cz*. URL: <http://zakony.centrum.cz/zakon-o-krajich/> (дата обращения: 03.06.2016).
7. *Zákon o volbách do zastupitelstev krajů a o změně některých zákonů 130/2000 Sb.* [Электронный ресурс] // *Zákony pro lidi – Sbírka zákonů ČR v aktuálním konsolidovaném znění*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-130> (дата обращения: 18.06.2016).
8. *Volby do zastupitelstev krajů konané dne 7.10. – 8.10.2016* [Электронный ресурс] // *Volby.cz – Český statistický úřad*. URL: <http://volby.cz/pls/kz2016/kz2?xjazyk=CZ&xdatum=20161007> (дата обращения: 25.01.2017).
9. *Zákon o obcích (obecní zřízení) 128/2000 Sb.* [Электронный ресурс] // *Zákony pro lidi – Sbírka zákonů ČR v aktuálním konsolidovaném znění*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-128> (дата обращения: 19.08.2016).
10. *Zákon o volbách do zastupitelstev obcí a o změně některých zákonů 491/2001 Sb.* [Электронный ресурс] // *Zákony pro lidi – Sbírka zákonů ČR v aktuálním konsolidovaném znění*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2001-491> (дата обращения: 28.09.2016).
11. *Results of Elections and Referendums: Regional Councils* [Электронный ресурс] *Czech Statistical Office*. URL: <http://www.volby.cz/pls/kz2016/kz9?xjazyk=EN&xdatum=20161007> (дата обращения: 07.03.2017).
12. Haydanka Y. Decentralization in the Czech Republic: Political and Administrative Dimensions: Abstract of Studies. Prague ; Uzhhorod, 2017. 36 p.

Yevheniy I. Haydanka, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine).

E-mail: haydankayew@ukr.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 184–193.

DOI: 10.17223/1998863X/45/19

POLITICAL AND PARTY ENVIRONMENT FRAGMENTATION AT A REGIONAL LEVEL IN THE LIGHT OF LOCAL ELECTIONS IN THE CZECH REPUBLIC

Keywords: political and party environment; regional elections in the Czech Republic; party system fragmentation.

Transitional processes in the political systems of post-socialist countries predetermined a range of correlations between the country democracy score and the party pluralism implementation. Party evolution in the contemporary Czech Republic at an all-national, i.e. parliamentary level caused the democratic shift of the country in the 1990s, amplifying the empiric local democracy model. The main electoral competition arises at the highest self-governmental level in 14 regions, particularly during elections of the Regional Assembly, the public administration body, and the President of the Region. According to the October 2014 elections results, the regional party system illustrates characteristics of a moderate multiparty nature, in which the right-centrists ANO 2011 and the left-centrists CSSD are the main rivals, with maximum four other parties entering the competition. The recent electoral environment is characterized by the increasing role of regional political organizations, representing their candidates in Regional Assemblies in more than half of the regions; moreover, regional social and political unions and independent candidates dominate in municipal elections. The regional political and party environment is characterized by moderate fragmentability. It does not bear any traces of the post-communist party evolution syndrome, e.g. Electoral Clientelism and Oligarchic Patrimonialism (W. Merkel); however, it illustrates an insignificant all-national/regional demarcation exempt from religious differences factors (V. Shweytser). According to the Euclidean distance formula, the central regions are characterized as the most typical, whereas East regions appear to be the most deviant. The party system proves to be of a bipolar character, with a right-centrist dominance in the East (post-socialist area) and a left-centrist majority in the South (pro-western area), another feature being a factual party equality in holding the Office of the President of the Region: six offices, held by ANO 2011, five offices held respectively by CSSD. A noticeable factor is a feature of the so-called current Party Modernism, connected with Euroscepticism, as illustrated by party leaders of ANO 2011, the Czech Pirate Party, the Freedom and Direct Democracy – Tomio Okamura. Traditionally, local political elite is composed of party leaders, including the President of the Region (more than 50 %).

References

1. The Czech Republic. (2000) *Zákon o podpoře regionálního rozvoje 248/2000 Sb.* [Act on the Support of Regional Development 248/2000 Coll.]. [Online] Available from: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-248>. (Accessed: 9th July 2018).
2. Mikhaleva, G. (2009) *Rossiyskiye partii v kontekste transformatsii* [Russian Parties in the Context of Transformation]. Moscow: LIBROKOM.
3. Shveytser, V. (2006) Regional'nyye partii vykhodyat na avantsenu [Regional Parties Take the Floor]. *Sovremennaya Yevropa – Contemporary Europe*. 4. pp. 84–93.
4. Pbarrett.net. (2005) Euclidean Distance – Raw, Normalised, and Double - Scaled Coefficients. *Technical Whitepaper*. 6. [Online] Available from: <http://www.pbarrett.net/techpapers/euclid.pdf>. (Accessed: 1st May 2016).
5. *Czech Statistical Office*. (n.d.) Regional data. [Online] Available from: <https://www.czso.cz/csu/czso/home>. (Accessed: 3rd July 2018).
6. The Czech Republic. (n.d.) *Zákon o krajích 129/2000 Sb.* [Act on Regions 129/2000 Coll.]. [Online] Available from: <http://zakony.centrum.cz/zakon-o-krajich/>. (Accessed: 3rd June 2016).
7. The Czech Republic. (2000) *Zákon o volbách do zastupitelstev krajů a o změně některých zákonů 130/2000 Sb.* [Act on Elections to Councils of Regions and on Amendments to Certain Acts 130/2000 Coll.]. [Online] Available from: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-130>. (Accessed: 18th June 2016).
8. The Czech Republic. (2016) *Volby do zastupitelstev krajů konané dne 7.10. – 8.10.2016* [Elections to Regional Councils held on October 7 – October 8, 2016]. [Online] Available from: <http://volby.cz/pls/kz2016/kz2?xjazyk=CZ&xdatum=20161007>. (Accessed: 25th January 2017).

-
9. The Czech Republic. (2000) *Zákon o obcích (obecní zřízení) 128/2000 Sb.* [Act on Municipalities (municipal establishment) 128/2000 Coll.]. [Online] Available from: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-128>. (Accessed: 19th August 2016).
 10. The Czech Republic. (2001) *Zákon o volbách do zastupitelstev obcí a o změně některých zákonů 491/2001 Sb.* [Act on Elections to Municipal Councils and on Amendments to Certain Acts 491/2001 Coll.]. [Online] Available from: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2001-491>. (Accessed: 28th September 2016).
 11. Czech Statistical Office. (2016) *Results of Elections and Referendums: Regional Councils.* [Online] Available from: <http://www.volby.cz/pls/kz2016/kz9?xjazyk=EN&xdatum=20161007>. (Accessed: 7th March 2017).
 12. Haydanka, Y. (2017) *Decentralization in the Czech Republic: Political and Administrative Dimensions.* Abstract of Studies. Prague – Uzhhorod: [s.n.].

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/45/20

О.Е. Столярова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА

Рассматривается историческая взаимосвязь онтологии и эпистемологии. Обсуждаются механизмы перехода от истории эпистемологии к исторической эпистемологии. Показывается, что переход от истории онтологии к исторической онтологии не может быть объяснен по аналогии с переходом от истории эпистемологии к исторической эпистемологии. Рассматривается ряд дискурсов, которые позиционируют себя в качестве исторической онтологии. Показывается, что изменение принципов познания и переход от одной системы рефлексивного обоснования познания к другой обнаруживают разрывы между концептуальным и концептуальным. Утверждается, что, если мы имеем представление об этих разрывах, то мы имеем представление и формулируем знание о чем-то ином, нежели само знание, и выходим за границы эпистемологии.

Ключевые слова: историческая онтология, историческая эпистемология, философская история науки, трансцендентальное обоснование познания, реализм.

If my dear love were but the child of state,
It might for Fortune's bastard be unfather'd,
As subject to Time's love or to Time's hate,
Weeds among weeds, or flowers with flowers gather'd.
No, it was builded far from accident;
It suffers not in smiling pomp, nor falls
Under the blow of thrall'd discontent,
Whereto th' inviting time our fashion calls:
It fears not policy, that heretic,
Which works on leases of short-number'd hours,
But all alone stands hugely politic,
That it nor grows with heat, nor drowns with showers.
To this I witness call the fools of time,
Which die for goodness, who have lived for crime¹.

William Shakespeare, Sonnet CXXIV

“Now, gods, stand up for bastards!”

William Shakespeare, King Lear

К исторической эпистемологии мы мало-помалу привыкли. И правда, почему бы эпистемологии не быть исторической? Вполне традиционная философская субдисциплина в рамках общей истории философии, а именно история эпистемологии, или история теории познания, убедительно свидетельствует в пользу своего предмета. Она собирает эпистемологические

¹ «О, будь моя любовь – дитя удачи, / Дочь времени, рожденная без прав, – / Судьба могла бы место ей назначить / В своем венке иль в куче сорных трав. / Но нет, мою любовь не создал случай. / Ей не сулит судьбы слепая власть / Быть жалкою рабой благополучий / И жалкой жертвой возмущенья пасть. / Ей не страшны уловки и угрозы / Тех, кто у счастья час берет внаем. / Ее не холит луч, не губят грозы. / Она идет своим большим путем. / И этому ты, временщик, свидетель, / Чья жизнь – порок, а гибель – добродетель». – Перевод С.Я. Маршака.

доктрины в виде исторических фактов и предлагает нашему вниманию картину диахронического плюрализма эпистемологических методов и стандартов. Следуя за историей знания о знании, мы видим, как менялось представление о канонах научности, критериях истинного знания, роли наблюдения, правилах подтверждения теорий, объективности и т.д. [1–3]. Отсюда от истории эпистемологических учений всего лишь шаг до исторической эпистемологии. Допустим вместе с историками эпистемологии, что стандарты рационального или научного познания претерпевают изменения. Тогда сама дисциплина «история эпистемологии» не может остаться в стороне от этого изменения, поскольку она как дисциплина (или проект дисциплины) основывается на определенных, возможно, исторически уникальных стандартах рациональности. Историческое измерение этих стандартов, или принципов, и становится предметом исторической эпистемологии, которая, по сути, является философской рефлексией над историей эпистемологии и ее основаниями.

Не так обстоит дело с исторической онтологией. Чтобы в этом убедиться, попробуем произвести с ней такую же операцию, какую мы произвели с исторической эпистемологией, т.е. извлечь ее из истории онтологии. В рамках общей истории философии мы можем выделить историю метафизики, или историю онтологических доктрин, как мы сделали в отношении доктрин эпистемологических. Следуя, например, Александру Койре или Артуру Лавджою, мы наблюдаем радикальные изменения в наших фундаментальных представлениях о Вселенной [4–6]. На протяжении веков мыслители (или эпохи) давали разные ответы на вопросы об устройстве мироздания, о том, что считать существующим (реальным) и что иллюзорным, что вечным и что временным, что сакральным и что профанным, един ли мир или множествен, как связаны причина и следствие, что такое пространство, время, движение и т.д. Выделяя и описывая историческую последовательность онтологических доктрин мы так же, как и в случае истории эпистемологических доктрин, следуем определенным стандартам рациональной реконструкции, но эти стандарты не являются онтологическими как минимум потому, что относятся к эпистемологии, к принципам организации материала, а не к самому материалу. Поэтому заключить, что историческая онтология есть рефлексия философии по поводу истории онтологии, мы не можем, или как минимум не можем сделать это на тех же основаниях, на каких мы заключили это об исторической эпистемологии.

И все же историческая онтология, как и историческая эпистемология, состоит из двух компонентов – истории как построения последовательности определенного рода событий (фактов) и философии как поиска скрытых оснований этой последовательности с целью ее объяснения посредством этих оснований, или принципов. Пусть историческая эпистемология может включить себя в тот событийный ряд, который она же и исследует, и одновременно извлечь себя из этого событийного ряда как взгляд со стороны (историческая эпистемология – это одно из событий истории эпистемологии). Но историческая онтология не может одновременно включить себя в тот же событийный ряд, который она исследует, и рефлексивно исключить себя из него, потому что она исследует не стандарты построения событийного ряда, а сами события, не как, а что. Она, конечно, может и должна быть включена в

событийный ряд истории онтологических учений в том смысле, в каком любая идея бытия есть часть бытия идей, а любая идея истории есть часть истории идей (историческая онтология – это часть истории онтологических доктрин). Однако такое включение возможно только с внешней по отношению к ней стороны, только извне, а не изнутри. Историк или коллекционер идей могут сделать это. Сама же она по определению возможна только в «наивной» форме, и те скрытые основания изменения (сменяемости) онтологических доктрин, которые она отыскивает и к которым отсылает, не могут быть извлечены из событийного ряда онтологических доктрин в виде рефлексии над принципами построения этого ряда. Переход от истории онтологических учений к исторической онтологии далеко не так очевиден или, во всяком случае, скрывает в себе какие-то иные механизмы, нежели переход от истории эпистемологии к исторической эпистемологии.

Откуда же историческая онтология извлекает свои интенции и интуиции, методы и концепции, как она относится к истории идей и исторической эпистемологии? Обозначим этот круг вопросов как Проблему 2, поскольку ей предшествует Проблема 1. Последнюю мы сформулируем в виде незатейливого вопроса: почему мы вообще спрашиваем об исторической онтологии?

Начнем с Проблемы 1. Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Онтология и эпистемология всегда шли и идут бок о бок, поскольку первая удовлетворяет (или стремится удовлетворить) вечный метафизический запрос, вечное метафизическое беспокойство мыслящего субъекта, тогда как задача второй состоит в том, чтобы легитимизировать усилия и результаты первой. Ответ на вопрос, как мы познаем, не мог бы быть даже намечен, если бы мы уже не обладали неким чем, неким содержанием нашего познания. В свою очередь, ответ на вопрос, что существует, прозвучал бы голословно и стяжал обвинения в беспочвенности, если бы мы не подкрепили его удовлетворительными критериями его правомерности, продемонстрировав познавательный путь (метод), ведущий к этому ответу. Эта взаимная обязанность онтологии и эпистемологии, однако, отнюдь не образует незыблемой гармонии, излучающей тихий и благодный свет всеобщего согласия. Напротив, она создает напряжение, возможно, даже исторически нарастающее напряжение (во всяком случае, признаков его уменьшения мы не наблюдаем), потому что точка пересечения бытия и познания, которая и является целевым пунктом огромного массива, если не подавляющего большинства, философских размышлений (особо впечатлительные называют это «примирением» бытия и познания), все время смещается от центра к периферии. Тот факт, что все, о чем мы говорим, что оно существует, доступно нам только как результат познания, равно как и тот факт, что наше познание возможно лишь по отношению к тому, что так или иначе существует еще до всякого познания, взятые совместно, образуют коллизию, в которой стороны попеременно оказываются в подчиненном положении, как если бы мы спорили о яйце и курице. Таким образом, онтология и эпистемология всегда являются в истории мысли как взаимозависимые, хотя эта взаимная зависимость продуцирует сомнительные (для последующих попечителей «примирения») редукции одного к другому (полное игнорирование, которое тоже иногда встречается, есть разновидность редукции) и нередко провоцирует воинственные реакции тех, для которых добрая ссора лучше худого мира.

Историческая эпистемология, которая в последние десятилетия все более настойчиво о себе заявляет [7–18], произрастая на благодатной почве некумулятивистских историй науки и способствуя умножению этих историй, также намекает на некоего онтологического компаньона. Если существует историческая эпистемология, то не можем ли мы хотя бы предположить (и попытаться продумать это предположение), что возможна и некая историческая онтология, которая приходит на смену прежним онтологическим доктринам, сопровождавшим (скрыто или открыто) прежнюю (фундаменталистскую, неисторическую) эпистемологию? Наше предположение подкрепляется тем, что мы действительно обнаруживаем сегодня на академической сцене историческую онтологию, которая к тому же, что еще сильнее подпитывает наши догадки, располагается где-то явно неподалеку от исторической эпистемологии [19].

Теперь перейдем к Проблеме 2. Я полагаю, и ниже представлю соображения в пользу моей точки зрения, что историческая онтология есть следствие, или порождение исторической эпистемологии, но порождение, если так можно выразиться, незапланированное, ее в каком-то смысле побочный продукт, ребенок, незаконно прижитый на стороне, бастард, чье существование отрицать невозможно, а признать право наследования проблематично. Этот незаконнорожденный дискурс выступает как отрицание исторической эпистемологии, ее «альтер эго» и способен, образуя петлю обратной связи, если не полностью переопределить историческую эпистемологию, то как минимум заново поставить перед ней вопрос о ее достоинстве, сиречь основании.

Первое употребление термина «историческая онтология» относят к Мишелю Фуко, который прибегнул к нему в эссе «Что такое Просвещение?», написанном по мотивам и в перекличке с одноименным текстом Канта [20; 21]. Фуко называет исторической онтологией «археологическую и генеалогическую» работу по «определению исторически своеобразных форм, в которых были проблематизированы общие моменты нашего отношения к вещам, к другим людям и к нам самим» [20. С. 357]. Речь здесь идет о том, что Кант определял как условия возможности познания, которые он понимал как формы, организующие познавательный материал. Условия возможности принадлежат субъекту, поскольку, согласно Канту, мы познаем не вещи (сущности), а наше отношение к вещам, так как именно это отношение превращает случайный опыт в необходимое знание. Исследование этого отношения (метода, или способа познания) и составляет предмет трансцендентальной философии (критики разума). Трансцендентальная философия не только не является онтологией, но, напротив, впервые в истории мысли систематически отстаивает приоритет эпистемологии по отношению к онтологии, помещая онтологию и эпистемологию в двух разных «плоскостях» – пространственно-временной и логической и подчиняя при этом первую второй, поскольку пространство и время тоже относятся к априорным формам (чувственного созерцания). Онтология изучает «внешнее», тогда как трансцендентальная философия изучает универсальные (априорные, необходимые, вневременные) принципы изучения «внешнего», которые позволяют конструировать «внешнее» как теоретический (т.е. универсальный, необходимый, вневременный) объект. Обращаясь к кантовской концепции, Фуко вместе с тем настаивает на том,

что рефлексивное исследование условий возможности должно стать историческим. В отличие от кантовской трансцендентальной рефлексии эта новая, «генеалогическая по своему предназначению и археологическая по своему методу» [20. С. 353], рефлексия «осуществляется уже не в поиске формальных структур, обладающих всеобщей значимостью» [20. С. 357], а как ретроспективное исследование событий, в которых «единичное и случайное» конституирует нас самих вместе с нашими границами «всеобщего и необходимого» [20. С. 352]. Навязывая кантовской трансцендентальной философии историзацию, Фуко, казалось бы, остается в границах критического метода, подчеркивая, что эта новая критика «не пытается сделать возможной метафизику» [20. С. 353], не пытается восстановить в правах наивный подход к реальности, ее цель – это своеобразная критическая онтология нас самих, а не реальности. Но ключевое слово «онтология», на мой взгляд, вновь и вновь возникает в данном тексте Фуко отнюдь не по небрежности или недосмотру. Оно свидетельствует о том, что, как только мы ступаем на тернистый путь историзации условий возможности познания, как только мы подключаем историографию к исследованию знания о знании и пытаемся удерживать разведенные Кантом временной (для онтологии) и логической (для эпистемологии) планы вместе, мы сталкиваемся лицом к лицу с проблемой онтологического референта для открывшегося теперь нам нового предмета исследования – изменения принципов познания, изменения, которое не подчиняется больше неизменным логическим структурам и не может быть редуцировано к неизменному. Этот онтологический референт, давно, казалось бы, приведенный к подчиненному положению результата познавательной активности субъекта, вновь проступает как настойчивый вопрос, устранить который оказывается совсем не тривиальной задачей.

Наше утверждение выглядит странно в свете распространенного убеждения в том, что историзация познания, напротив, приводит к релятивизму, вычищая из философии последние остатки реализма. Так называемый «аргумент научных революций» был взят на вооружение как раз критиками реализма, полагавшими вслед за Томасом Куном, что в ходе революционных переворотов онтологические референты отживших научных теорий уничтожаются наподобие того, как «враги революции» уничтожаются победившими политическими силами, что свидетельствует об иллюзорном (возможно, социальном) характере онтологических референтов. Этот аргумент представляется настолько важным, что вопрос, может ли философски ориентированный историк науки быть реалистом относительно ненаблюдаемых объектов научных теорий, почти превратился уже в риторический. Ответ на него, который иногда все же предлагается, советует особо упорствующим занять агностическую позицию (навсегда расправиться со всеми онтологическими референтами), обратив философскую волю против самой же философии (онтологии), т.е. элиминировать сам вопрос как лишний и непродуктивный для философской истории науки [22].

Я считаю, напротив, что избавиться от этого вопроса совершенно невозможно, более того, философски ориентированный историк науки, который имеет дело с изменением принципов познания, с «разрывами», «несоизмеримостью», «переключениями гештальтов» и т.п., едва ли может не быть реалистом. Когда рефлексия над изменяющимися условиями возможности позна-

ния сама становится объектом знания, возникает историческая эпистемология. Но переход к исторической эпистемологии содержит в себе неожиданный онтологический эффект. Дело в том, что знания изменения, знания перехода невозможно достичь без нарушения закона тождества, но когда нарушается закон тождества, мы встречаемся с тем, что не является концептуальным. Разрыв между концептуальным и концептуальным требует объяснения. И если мы можем не быть реалистами относительно собственных познавательных актов (в конце концов, такой антиреализм можно было бы описать тавтологией – наши акты познания – это (только) наши акты познания), то мы едва ли можем не быть реалистами относительно разрывов, потому что в последнем случае мы сталкиваемся с альтернативой: либо мы вообще не знаем этих разрывов и переходов, так как они неконцептуальны, либо мы знаем, что они неконцептуальны, и если мы знаем последнее, то мы знаем нечто такое, что не является знанием о знании.

Онтологическая интуиция Фуко, порожденная его вниманием к условиям возможности познания, которые обретают себя в историческом времени, не была развернута им в позитивную программу. Но сегодня мы наблюдаем продолжение этой истории. Мы видим, что историческая онтология упорно пробивает себе дорогу в историографических исследованиях познавательных практик и материальных условий познания [23, 24], в которых исторические эпистемологи (философски ориентированные историки науки) пытаются отыскать «внешнюю детерминацию» познавательных процессов. Тот факт, что «внешняя детерминация» облекается в исторически и социально нагруженные понятия, не должен нас обескуражить. Я не думаю, что мы могли бы найти какое-то волшебное слово или набор слов (будь то «практика», «культура», «социальное», «коммуникация», «сети» и т.п.), которые могли бы без остатка заполнить пробелы исторической эпистемологии и удержать ее в собственных границах. Сегодня историческая онтология задает вопрос о том, как возникают новые объекты и концепции, т.е. как объекты и концепции «становятся существующими» (come into being [24. P. 2]; come into existence [23. P. 117])¹. Этот вопрос, говоря словами Фуко, «генеалогический по своему предназначению и археологический по своему методу», не является риторическим и не содержит готового ответа. Он помещает нас в ситуацию эксперимента, в которой наукам о природе отводится отнюдь не второстепенная роль. И хотя, как подсказывает история, эти науки также не способны снабдить нас волшебным набором слов (будь то «материя», «атомы», «энергия», «информация», «нейроны» и т.п.), который навсегда снял бы напряжение между онтологией и эпистемологией, но они способны экспериментально производить новые онтологии, с которыми историческая эпистемология так или иначе вынуждена считаться.

¹ Ян Хакинг замечает, что скептически относится к слову «онтология», будучи воспитан в аналитической традиции, которая тяготеет к номинализму. Вместе с тем он называет себя «диалектическим реалистом, который заинтересован во взаимодействии между тем, что существует (и тем, что становится существующим), и нашими концепциями существующего» [24. P. 2]. Хакинг признает, что термин «историческая онтология» адекватно описывает его исследовательский интерес и метод. Прежде всего, это, действительно, онтология, поскольку она выражает нашу потребность «говорить об объектах в целом... что включает не только «материальные» объекты, но и классы, человеческие типы и, конечно, идеи. Наконец, поскольку мы интересуемся самой возможностью объектов становиться существующими, то какая же это онтология, если не историческая?» [24. P. 2].

Историческая онтология, конечно, остается проблемой. Но ничто, кроме истории, не подсказывает нам, что эта проблема не может быть разрешена. И ничто, кроме истории, не подсказывает нам, что эта проблема может быть разрешена, как в свое время была разрешена проблема бастардов, права которых были узаконены.

Литература

1. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, 1996. 212 p.
2. Хьюбнер К. Критика научного разума. М. : ИФРАН, 1994. 326 с.
3. Daston L., Galison P. Objectivity. New York : Zone Books, 2007. 501 p.
4. Коппе А. От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М. : Логос, 2001. 288 с.
5. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
6. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М. : Университетская книга, 2000. 455 с.
7. Daston L. Historical Epistemology // Questions of Evidence / ed. by J. Chandler, A.I. Davidson, and H.D. Harootunian. University of Chicago Press, 1994. P. 282–289.
8. Renn J. Historical Epistemology and Interdisciplinarity // Physics, Philosophy and the Scientific Community / Ed. by K. Gavroglu, J. Stachel, and M. W. Wartofsky. Dordrecht : Kluwer, 1995. P. 241–251.
9. Hacking I. Historical Meta-Epistemology // Wahrheit und Geschichte / ed. by W. Carl and L. Daston. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. P. 53–77.
10. Касавин И.Т. Эпистемология и историческое сознание // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 3, № 1. С. 5–14.
11. Gingras Y. Naming Without Necessity: On the Genealogy and Uses of the Label “Historical Epistemology” // Revue de Synthèse. 2010. Vol. 131. P. 439–454.
12. Rheinberger H.-J. On Historicizing Epistemology. An Essay. Stanford University Press, 2010. 126 p.
13. Feest U., Sturm T. What (Good) Is Historical Epistemology? // Erkenntnis. 2011. Vol. 75, № 3. P. 285–302.
14. Stroud B. Epistemology, the History of Epistemology, Historical Epistemology // Erkenntnis. 2011. Vol. 75, № 3. P. 495–503.
15. Sturm T. Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment // Erkenntnis. 2011. Vol. 75, № 3. P. 303–324.
16. Nasim O. Was ist historische Epistemologie? // Nach Feierabend / ed. by M. Hagner and C. Hirschi. Zurich, Berlin : Diaphanes, 2013. S. 123–144.
17. Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: Зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 20–28.
18. Шиповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 18–28.
19. Arabatzis T. Toward a Historical Ontology? // Studies in History and Philosophy of Science. 2003. Vol. 34. P. 431–442.
20. Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 335–359.
21. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собр. соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 25–35.
22. Arabatzis T. Can a Historian of Science Be a Scientific Realist? // Philosophy of Science. 2001. Vol. 68, № 53. P. 531–541.
23. Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science // Isis. 2008. Vol. 99. P. 111–124.
24. Hacking I. Historical Ontology. Harvard University Press, 2002. 288 p.

Olga E. Stoliarova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 194–202.

DOI: 10.17223/1998863X/45/20

HISTORICAL ONTOLOGY AS A PROBLEM

Keywords: historical ontology; historical epistemology; history and philosophy of science; transcendental justification of knowledge; realism.

The article deals with the historical interrelation of ontology and epistemology. The mechanisms of the transition from the history of epistemology to historical epistemology are discussed. It is shown that the transition from the history of ontology to historical ontology cannot be explained by analogy with the transition from the history of epistemology to historical epistemology. It is suggested that when epistemology becomes historical, it re-poses the question of realism, but it cannot answer it, remaining within its own boundaries. A number of discourses, which position themselves as historical ontology, are considered. It is shown that revolutionary changes in structures of knowledge and the transition from one system of a reflexive justification of knowledge to another reveal gaps between the conceptual and the conceptual. It is shown that these gaps contain an unavoidable ontological problem. It is asserted that if we have an idea of these discontinuities, then we have a representation and formulate knowledge about something other than knowledge itself, and thus we go beyond the boundaries of epistemology.

References

1. Kuhn, T. (1996) *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press.
2. Hübner, K. (1994) *Kritika nauchnogo razuma* [Criticism of the Scientific Mind]. Translated from German by I.T. Kasavin. Moscow: IF RAS.
3. Daston, L. & Galison, P. (2007) *Objectivity*. New York: Zone Books.
4. Koyré, A. (2001) *Ot zamknutogo mira k beskonechnoy Vseleynoy* [From the Closed World to the Infinite Universe]. Translated from English by K. Golubovitch, O. Zaitseva, V. Strelkova. Moscow: Logos.
5. Lovejoy, A.O. (2001) *Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]. Translated from English by V. Sofronov-Antomoni. Moscow: Dom intelektual'noy knigi.
6. Gaydenko, P.P. (2000) *Istoriya novoyevropeyskoy filosofii v yeye svyazi s nauкой* [A History of European Philosophy of the Modern Age in Its Relation to Science]. Moscow: Universitetskaya kniga.
7. Daston, L. (1994) Historical Epistemology. In: Chandler, J., Davidson, A.I. & Harootunian, H.D. (ed.) *Questions of Evidence*. University of Chicago Press. pp. 282–289.
8. Renn, J. (1995) Historical Epistemology and Interdisciplinarity. In: Gavroglu, K., Stachel, J. & Wartofsky, M.W. (eds) *Physics, Philosophy and the Scientific Community*. Dordrecht: Kluwer. pp. 241–251.
9. Hacking, I. (1999) Historical Meta-Epistemology. In: Carl, W. & Daston, L. (ed.) *Wahrheit und Geschichte* [Truth and History]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 53–77.
10. Kasavin, I.T. (2005) Epistemologiya i istoricheskoye soznaniye [Epistemology and Historical Consciousness]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 3(1). pp. 5–14.
11. Gingras, Y. (2010) Naming Without Necessity: On the Genealogy and Uses of the Label “Historical Epistemology”. *Revue de Synthèse*. 131. pp. 439–454. DOI: 10.1007/s11873-010-0124-1
12. Rheinberger, H.-J. (2010) *On Historicizing Epistemology. An Essay*. Stanford University Press.
13. Feest, U. & Sturm, T. (2011) What (Good) Is Historical Epistemology? *Erkenntnis*. 75(3). pp. 285–302. DOI: 10.1007/s10670-011-9345-4
14. Stroud, B. (2011) Epistemology, the History of Epistemology, Historical Epistemology. *Erkenntnis*. 75(3). pp. 495–503. DOI: 10.1007/S10670-011-9338-3
15. Sturm, T. (2011) Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment. *Erkenntnis*. 75(3). pp. 303–324. DOI: 10.1007/S10670-011-9338-3
16. Nasim, O. (2013) Was ist historische Epistemologie? In: Hagner, M. & Hirschi, C. (2013) *Nach Feierabend* [After Work]. Zurich, Berlin: Diaphanes. pp. 123–144.
17. Gavrilenko, S.M. (2017) Historical Epistemology: Zone of Uncertainty and Space for Theoretical Imagination. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 20–28. (In Russian). (In Russian). DOI: 10.5840/eps201752224

-
18. Shipovalova, L.V. (2017) Should We Conceive Science Historically? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 18–28. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175112
 19. Arabatzis, T. (2003) Toward a Historical Ontology? *Studies in History and Philosophy of Science*. 34. pp. 431–442. DOI: 10.1016/S0039-3681(03)00028-1
 20. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Translated from French by S.Ch. Ofertas. Moscow: Praxis. pp. 335–359.
 21. Kant, I. (1966) *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works. In 6 vols]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 25–35.
 22. Arabatzis, T. (2001) Can a Historian of Science Be a Scientific Realist? *Philosophy of Science*. 68(53). pp. 531–541.
 23. Galison, P. (2008) Ten Problems in History and Philosophy of Science. *Isis*. 99. pp. 111–124.
 24. Hacking, I. (2002) *Historical Ontology*. Harvard University Press.

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/45/21

А.Л. Никифоров

А РОДИЛСЯ ЛИ УЖЕ МАЛЬЧИК?

В статье высказана критическая оценка рассуждений О.Е. Столяровой о возможности построения исторической эпистемологии и исторической онтологии. Обосновывается мысль о том, что рассуждения на эту тему в новых терминах воспроизводят традиционные эпистемологические проблемы.

Ключевые слова: метафизика, онтология, познание, эпистемология, картина мира.

В своей интересной статье О.Е. Столярова представляет картину обсуждения вопроса о существовании исторической эпистемологии и исторической онтологии в современной западной философии¹. Поскольку язык этого обсуждения еще не вполне устоялся и может быть неправильно понят, я попробую сначала кратко сказать о том, что же я все-таки понял.

Что такое историческая эпистемология? Историк философии представил мне ряд философских концепций, говорящих о том, что такое человеческое познание, какими познавательными способностями мы обладаем, каковы основные методы познания, что такое истина. Этот ряд начинается, по крайней мере, с Платона и включает в себя концепции Аристотеля, средневековых схоластов, Декарта, Локка, Юма, Канта и т.д. Я могу сравнивать эти теоретико-познавательные концепции, выявлять различия между ними, ставить вопрос о том, какие социальные факторы вызвали изменение философских взглядов на природу и методы познания. Ольга Евгеньевна пишет, что историческая эпистемология «является философской рефлексией над историей эпистемологии и ее основаниями» (с. 195). Но, как представляется, это обычная теория познания, или гносеология, ничего специфически исторического здесь нет. Когда я пытаюсь создать новую эпистемологическую концепцию, я прежде всего начинаю с изучения концепций прошлого, я задумываюсь над тем, почему Аристотель не принял концепцию познания своего учителя Платона, от какого «догматического сна» Юм пробудил Канта и т.п. Если я в своих философских размышлениях не обращаюсь к мыслителям прошлого, то я просто дилетант, не заслуживающий серьезного внимания.

Я до некоторой степени понимаю, что такое «социальная» эпистемология: это теория (научного) познания, учитывающая влияние социальных коммуникативных [1. С. 39–49], эволюционных [2. С. 201–214] факторов на познание и пути его развития. Это новый этап в развитии традиционной философии науки. Но мне пока трудно понять, в чем состоит специфика исторической эпистемологии по сравнению с обычными теоретико-познавательными исследованиями.

¹ Здесь и в следующих статьях раздела анализируется статья О.Е. Столяровой «Историческая онтология как проблема» (см. с. 194–202 настоящего издания).

О.Е. Столярова полагает, что историческая эпистемология, создаваемая на базе анализа эпистемологических концепций прошлого, сама включается в их ряд в качестве определенной концепции, но в то же время она содержит в себе взгляд на эти концепции как бы со стороны, следовательно, стоит вне этого ряда. Поэтому О.Е. Столярова считает историческую эпистемологию законным порождением ряда эпистемологических концепций, законным отпрыском и наследником эпистемологии прошлого.

Не так, по ее мнению, обстоит дело с исторической онтологией.

Кстати сказать, вот еще одно слово, способное приводить к недоразумениям, – «онтология». По крайней мере, начиная с работ У. Куайна под онтологией понимают совокупность объектов, задаваемых теорией, т.е. языком. Утверждения пропозициональной логики истинны в онтологической модели, состоящей из ситуаций или положений дел. Утверждения логики первого порядка истинны в модели, состоящей из объектов, их свойств и отношений между ними. Утверждения классической механики истинны в модели, состоящей из материальных точек, масс, сил, ускорений. Под философской онтологией обычно имеют в виду философское учение о бытии – общее представление о мире, картину мира. Традиционно такое учение называлось метафизикой. В своей статье автор говорит именно о метафизике, а не об онтологических моделях, задаваемых теми или иными теориями.

И здесь приводится любопытное соображение. Опять-таки историческая онтология возникает в результате рассмотрения ряда сменяющих друг друга метафизических картин мира: мир идей и мир чувственно воспринимаемых вещей у Платона; мир, состоящий из четырех стихий, у каждой из которых свое естественное место, у Аристотеля; мыслящая и протяженная субстанции у Декарта и т.д. Современная метафизика включает в себя научную картину мира, дополняемую разнообразными спекулятивными соображениями. Так что же мы получаем в результате рассмотрения ряда сменяющих друг друга метафизических концепций? Новую метафизическую концепцию, включенную в ряд других аналогичных концепций? Нет, отвечает исследователь, этого мы не получим. Историческая онтология не является простой метафизической концепцией, т.е. она рождается не так, как это происходит с исторической эпистемологией.

Насколько можно понять, О.Е. Столярова считает историческую онтологию побочным продуктом исторической эпистемологии, ее, так сказать, незаконным отпрыском – «бастардом», как она изящно выражается. Когда мы рассматриваем ряд сменяющих друг друга теорий и осознаем, что, скажем, теория Т2 отличается от теории Т1 в каких-то отношениях, то осознание этого различия и принадлежит исторической онтологии. Оно лежит уже не в сфере познания, а в сфере бытия. Это звучит несколько туманно, но, может быть, я просто не понял разговоров об «археологии и генеалогии» М. Фуко, да еще в применении к Канту.

Чрезвычайно интересным является вопрос о взаимоотношениях метафизики и эпистемологии. Совершенно справедливо указывается на их связь и взаимозависимость: утверждать, что нечто существует, можно только в том случае, если у нас есть методы обоснования такого утверждения; познавать же можно только то, что уже как-то существует до процесса познания, как-то привлекает наше внимание.

Мне кажется, что здесь автор приходит к центральной проблеме теории познания: в какой мере образ мира, создаваемый нашим познанием, похож на сам реальный мир? Это вопрос об истине, о соответствии наших представлений о вещах и явлениях самим этим вещам и явлениям. Современные конструктивисты полагают, что картина мира, создаваемая с помощью средств и способов познания, целиком определяется этими средствами и никакого отношения к внешней реальности не имеет [3. С. 68–75]. Предмет познания формируется самим процессом познания. Реалисты же считают возможным говорить о том, что нашим представлениям о мире что-то соответствует в самой реальности. Между конструктивизмом и реализмом [4. С. 3–37] ныне имеется огромное количество разнообразных позиций, говорить о которых здесь было бы неуместно.

Кажется, О.Е. Столярова верит в существование внешнего мира. Интересно, как бы она смогла ответить на аргумент Х. Патнема, известный под названием «мозг в сосуде»? – Представим себе мозг, помещенный в сосуд с питательной жидкостью. К нему подключены датчики, выполняющие функции наших органов чувств. На эти датчики подаются сигналы, имитирующие внешние воздействия и вызывающие разнообразные ощущения. Опираясь на эти ощущения, мозг создает некоторую картину мира – картину, в которой есть предметы, свойства, ситуации, люди и т.д. Можно ли доказать, что мы живем и действуем в некотором реальном мире, а не являемся таким мозгом в сосуде? Или возьмем современные компьютерные игры. Вот я мчусь в танке по улице, стреляю и вижу взрыв, вижу, как рушится дом; в мой танк попал вражеский снаряд, и я чувствую потрясение от удара, ожог от языка пламени. Я живу в мире, созданном компьютером. Но, может быть, и тот мир, в котором мы живем и который считаем объективным, на самом деле является виртуальным миром, кем-то создаваемым для нас?

Как и автор статьи [5. С. 47–51], я верю в существование объективного мира. Наша повседневная деятельность с вещами и явлениями, чувственное восприятие и язык, наука создают некоторую картину мира, и я верю, что эта картина адекватно воспроизводит какие-то стороны реальности. Когда фотоаппарат, доставленный на поверхность Марса, шлет нам фотографии и мы видим на них пески и холмы, то если мы сами когда-нибудь высадимся на Марс, то увидим примерно ту же картину. Правда, тот образ мира, который мы создаем, является миром человека, существа с иной биологической организацией, летучие мыши, например, создают иную картину и живут в ином мире. Реальный мир можно сравнить с рядом действительных чисел. Скажем, человек в этом ряду выделяет и познает, например, только четные числа; летучая мышь выделяет и ориентируется в мире нечетных чисел; другое существо может воспринимать и исследовать только простые числа и т.п. Но все эти последовательности принадлежат миру действительных чисел. Конечно, реальный мир намного богаче и многообразнее того, который создает и исследует человек. Тем не менее мир человека – это часть, срез, аспект подлинной реальности. И вера в это является рациональной, ибо она вдохновляет нас на познание и действие в том срезе реальности, который важен для нашего существования.

Конечно, онтология или картина мира, которую мы создаем, зависит от нашей биологической организации, от наших познавательных средств и ме-

тодов, от нашего языка. Однако успешное развитие нашего биологического вида внушает надежду на то, что мы схватываем какие-то черты объективной реальности, а не фантазируем.

Проблемы, поставленные в статье О.Е. Столяровой, являются центральными для теории познания. Они по-разному обсуждаются в различных школах современной эпистемологии. Языки этих обсуждений порой не вполне понятны. Но насколько я понял изложенное, историческая онтология еще не родилась и вряд ли можно надеяться на ее рождение.

Литература

1. Kasavin I.T. Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism // *Voprosy Filosofii*. 2014. Iss. 7. P. 39–49.
2. Antonovski A.Yu. Evolutionary approach to the development of science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 52, Iss. 2. P. 201–214.
3. Antonovski A.Yu. Social philosophy of science as the guardian of the “incarnation of truth in the world” // *Epistemology & Philosophy of science*. 2017. Vol. 51, № 1. P. 68–75.
4. Lektosky A. et al. Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion) // *Voprosy Filosofii*. 2008. Iss. 3. P. 3–37.
5. Stoliarova O.E. Should we conceive science outside the history // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, iss. 1. P. 47–51.

Aleksandr L. Nikiforov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nikiforov_first@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 203–206.

DOI: 10.17223/1998863X/45/21

HAS THE BOY BEEN BORN YET?

Keywords: ontology; metaphysics; truth; epistemology; cognition.

The article attempts a critical analysis of Olga Stoliarova’s discussion of historical epistemology and historical ontology. It is shown that the so-called historical epistemology is a traditional theory of knowledge that takes into account the results of epistemological conceptions proposed by the thinkers of the past. As far as historical ontology is concerned, the meaning of this term remains unclear. It is argued that the main value of Stoliarova’s paper is that it clearly states that well-known philosophical problems are currently discussed in the European and Anglo-American philosophy. In most cases, foreign writers mean to give something new to philosophy when they introduce new terms. However, it is often easy to recognize old and well-known problems of philosophy behind all these new words.

References

1. Kasavin, I.T. (2014) Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 39–49.
2. Antonovski, A.Yu. (2017) Evolutionary approach to the development of science. On the Russian translation of N. Luhmann’s “Evolution of Science”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 201–214. DOI: 10.5840/eps201752239
3. Antonovski, A.Yu. (2017) Social philosophy of science as the guardian of the “incarnation of truth in the world”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 68–75. DOI: 10.5840/eps201751110
4. Lektosky, A. et al. (2008) Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion). *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–37.
5. Stoliarova, O.E. (2017) Should we conceive science outside the history. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201751117

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/45/22

А.Ю. Антоновский

ОНТОЛОГИЯ – ЧЬЯ ЖЕ ОНА ВСЕ-ТАКИ ДОЧЬ?¹

Предлагается критика историко-эпистемологического подхода О.Е. Столяровой. Приводятся доводы, способные разорвать круг самообоснования, в который попадает эпистемология: всякая философская онтология обосновывается эпистемологически, а языку эпистемологических понятий уже предпослана некоторая онтология. Обосновывается, что Столярова спорит с конструктивистским подходом, согласно которому все, что постулируется как существующее, является следствием наблюдения. Обосновывается, что онтологические суждения – это удел наблюдателей-ученых, который (каждый из своей наблюдательной перспективы) формулирует свою региональную онтологию.

Ключевые слова: историческая онтология, историческая эпистемология, О.Е. Столярова, социальная эпистемология, философия науки, коммуникация.

Онтологический взгляд на мир, с точки зрения О.Е. Столяровой, должен быть сохранен, хотя его притязания и существенно ограничены его, мягко выражаясь, неблагородным, происхождением. Пусть он и порожден эпистемологией, но эпистемология отказывается от родительских прав, дистанцируясь от него и этим объективируя [1. С. 47–51]. Правда, автор рассматривает означенную проблему не в общем, а в более конкретном виде – применительно к соотношению исторической эпистемологии и исторической онтологии².

Для лучшего понимания проблемы рассмотрим некоторый базовый инвариант парадокса самообоснования. Все-таки и оба подхода (и ИЭ, и ИО), очевидно, являются некоторыми модусами *общеисторического* взгляда на мир и его познание. Для этого нам придется осуществить некоторую редукцию и рассмотреть более фундаментальное соотношение *истории как познания* и *истории как процесса*.

Базовый парадокс: история в эпистемном и онтическом модусе

Собственно, в размышлениях автора речь идет о типичном случае парадокса самореференции или самонаблюдения, когда наблюдатель³ обнаруживает себя включенным в наблюдаемое и словно раздваивается на того, кто

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02227, «Социальная философия науки. Российская перспектива».

² Изначально во всей аргументации я вижу некоторую недостаточную радикальность. Действительно, историческую эпистемологию О.Е. Столярова считает возможным включать в историю эпистемологии, как ее этап. Но ведь и историю эпистемологии можно было бы включить в историческую эпистемологию как ее этап. В этом смысле всю историю эпистемологии можно понимать как постепенное развитие эпистемологии к ее самой адекватной, последней или наиболее зрелой, историко-эпистемологической форме или стадии. Она, как гегелевская идея, приходит наконец к самой себе. Правда, тогда, историческая эпистемология не сможет вычленить себя в истории эпистемологии. Ведь все будет исторической эпистемологией.

³ Под наблюдателем в данном случае мы понимаем в том числе и научную дисциплину, т.е. некоторый корпус текстов.

наблюдает, и того, кто наблюдается. В качестве такого наблюдателя может выступить кто угодно. *Сознание* наблюдает внешний мир сознания, а потом обнаруживает в нем и себя, как его конституирующую часть. *Познание* рассматривает себя как часть и свойство мира, который в форме познания познает сам себя и обнаруживает познание как свою часть, в котором он в каком-то смысле присутствует целиком. Наука рассматривает общество, а потом обнаруживает себя как часть общества, как его отдельную подсистему в этом обществе и затем в форме социальной эпистемологии рассматривает себя в общественном контексте. *Понятие* определяет себя с помощью понятий и затем (например, в виде известной книги Войшвилло) фиксирует само себя как одно из таких понятий.

В этом общем смысле и *история* как процесс должна включать себя *историю* как учение, которое затем обнаруживает (наблюдает) себя (обычно в форме историографии) как некую подсоединяющуюся часть самого исторического процесса. В этом смысле история как учение не только наблюдает, но *генерирует* историю как этот процесс. Правда, история-учение в процессе такого порождения истории-процесса не может одновременно наблюдать само это порождение-подсоединение к истории-процессу. Это ее слепое пятно¹.

История как учение (т.е. как активность или коммуникация историков) предстает в *эпистемологическом* модусе: историки анализируют историю, и в том числе задаются методологическими вопросами, пытаются определить *границы* событий и процессов, а также их причинно-следственные связи. И в этом смысле они рассматривают историю *онтологически*: как бы исходя из самой истории как процесса и, опираясь на источники, определяют ее пространственно-временную размерность и структурность. Они полагают, что эта структурность (формации, страны, эпохи, цивилизации и т.д.) не являются следствиями наложения на них каких-то исторически априорных наблюдательных дистинкций *причин/следствий*, *дискретности/континуальности* и т.д.). История как учение пытается в этом смысле решить онтологическую проблему: определить, что является «элементом», неким базовым и неразложимым проявлением истории как процесса. А это, конечно, зависит от наблюдательного стандарта и исторического интереса. Это может быть человеческое *действие*, это может быть историческая *эпоха*, война, история государства, история их отношений, история мирового общества и т.д. Но в любом случае перед историком встают как минимум две проблемы: требуется задать критерии *континуальности* исторического периода и критерии ее *прерываний*.

Очевидно, что в таком общем случае онтологического интереса историка произвольность в фиксации онтологической размерности – пространственно-временных границ исторического события или процесса определяется только его интересом, эрудицией и наличием и характером источников и ресурсов, доступных из других дисциплин (экономики, социологии, культурологии), особым аппаратом распределения причин и следствий, так называемых *факторов* истории.

¹ Лишь потом появляются «специальные» историки, которые специализируются на механизмах влияния второй на первую: например, на том, как истории войн, прочитанных Наполеоном, меняли (или не меняли) историю и характер самих войн.

Но ведь и *история эпистемологии* есть часть истории науки и, как следствие, часть истории общества, и в этом смысле ее онтологическое притязание не может существенно отличаться от базового инварианта истории, который мы рассмотрели выше.

Конкретизация базового парадокса. Случай исторической эпистемологии

Итак, в общем случае речь идет о связи *двух историй – историй самих событий и истории наблюдения событий (эпистемология)*. Мне представляется, что только историческая эпистемология (под которой О.Е. Столярова понимает особую историческую реконструкцию научных идей в смысле Дюгема, Койре, Башляра, Фуко и др.) подпадает под общий случай, описанный выше. А историческая онтология должна описываться более сложно.

Мы исходим из того, что историческая эпистемология, как и любая дисциплина, является коммуникацией ученых и предметом ее рефлексии является коммуникация ученых [2. С. 39–49]. Поэтому, имея такой общий субстрат-коммуникацию, первая действительно может служить *продолжением* второй и позднее обнаруживать себя внутри второй (рождая все парадоксы самореференции), а может быть и совпадать с ней. Этот парадокс самореференции принадлежит ряду тех, которые мы обозначали в первом пункте. В этом историческая эпистемология не отличается и от обычной эпистемологии, которая, и сама являясь научной коммуникацией, подсоединяется к научной коммуникации, а потом обнаруживает себя или «извлекает» себя как часть науки.

А как обстоит дело с *исторической онтологией*? Она, в свою очередь, является коммуникацией ученых, но предмет своим она имеет вовсе не коммуникации и потому, как совершенно справедливо замечает автор, *не может* обнаруживать себя среди физических, с ее точки зрения, объектов или каких-то иных форм бытия, которые наблюдатель наделяет свойствами первоэлементов.

Не может или все-таки может?

Онтология как форма коммуникации ученых исследует первоэлементы и не может здесь обойтись без эпистемологии. В том же смысле, в каком история не обходится без экономики, социологии и т.д. Ведь только с точки зрения эпистемологии можно вскрыть и обосновать принципы фиксации, классификации или анализа первоэлементов. И на первый взгляд история онтологических учений действительно не может добавить себя и примкнуть к тем онтологическим элементам, которые она рефлексировала. Коммуникация об атомах не является атомом. Ведь исторические события таксономически принадлежат другому ряду элементов или событий. История познания Вселенной в ее физико-онтологическом наблюдении¹, т.е. история преобразований и взаимодействий вещества и энергии, не может «подсоединиться» к истории знаний об этих взаимодействиях. А если и может (ведь знания – это

¹ Для простоты будем в некоторых случаях отождествлять физику и онтологию, хотя последняя шире, поскольку в нее принято включать некие фундаментальные понятия, которые физика, как правило, специально не рассматривает, – пространство, время, причинность. Впрочем, статус этих понятий не очень ясен, и их всегда можно отнести и к эпистемологии.

тоже в том числе и физическая система, требующая для своего развития энергии и вещества), то такая механистическая интерпретация знания была бы неоправданным редукционизмом).

И все-таки существуют ли какие-то механизмы связи или сцепления таких параллельных рядов или историй¹, например истории элементарных частиц и истории их познания? Кажется, что оба процесса или последовательности радикально гетерогенны по своему субстрату, а значит, не могут следовать и примыкать друг к другу. Этот вывод делает О.Е. Столярова, тем самым обосновывая независимый от исторической эпистемологии статус исторической онтологии.

Однако не все так просто. Очевидно, что «поведение» тех или иных частиц каузирует их познание, а познание (например, эксперименты в Коллайдере) каузируют их «поведение». Но если они являются взаимными причинами и следствиями, то значит, как-то должны и *следовать* друг за другом и в каком-то смысле друг к другу примыкать. Тогда и историческая онтология (история онтологии как учение) каузирована физическим процессом, является ее следствием, и в этом смысле должна к нему примыкать, ведь отношение причин и следствий всегда указывает на такое подсоединение. В этом смысле и история физики является частью физической реальности, хотя бы в том смысле, что физики в своих размышлениях и коммуникациях о физике определены еще и физически. Кроме того, и весь механизм трансляции информации от мира к мозгу и речевых функциям полностью физиологичен².

Онтология как бастард эпистемологии

Историческая эпистемология, безусловно, входит как часть в *историю* эпистемологии уже хотя бы потому, что является эпистемологией. Впрочем, это имеет и институциональную обусловленность. Если бы в нашем институте образовали сектор «исторической эпистемологии», то он вошел бы в отдел эпистемологии без каких-то содержательных размышлений. Историческая эпистемология действительно может вычленил себя в истории этой дисциплины – например, как ее самую лучшую и прекрасную версию. Но что она генерирует, т.е. к какому классу событий подсоединяется и продолжением чего служит?

Она, безусловно, является продолжением некоей активности ученых, которые самоопределяются как размышляющие над эпистемологическими проблемами и понятиями. Но являясь такой активностью ученых, она же еще и реализуется в виде событий в пространстве времени, и в этом смысле, как фактический процесс, онтологична. Во-первых, как имеющая дело с предсу-

¹ Так, Б. Латур полагает возможным в некоторых точках или «узлах сетей» такое структурное сцепление этих рядов или историй. Скажем, у древних лошадей в каждый данный момент были свои собственные вектора эволюции. Между тем эволюция иппологии ориентируется на собственные вектора, зависящие от случайной встречи «архаической лошади» и откопавшего ее ипполога. В том же самом смысле «Ньютон случился с гравитацией, а Пастер – с микробом» [3. С. 52–57]

² Другой вопрос, что эта энергетическая связь является условием, но не определяет сами контуры физической теории. Собственно, и сами разделение на причины и следствия есть всего лишь наблюдательный инструмент, некая оптика, с помощью которой схватывается мир. И поскольку у любого события имеется бесконечное количество причин, то у наблюдателя (всегда ограниченного в своем познании) появляется возможность и необходимость их редуцировать, к наиболее, правда опять же с точки зрения наблюдателя, важным и существенным.

существующими реалиями; во-вторых, имеющая дело с самой отнологичностью познания – его трансформациями и разрывами, которые уже нельзя истолковывать конструктивистски. Они не изобретаются, а существуют реально. В этом, если я правильно понял, и состоит онтологический статус *бастарда*. Онтология рождена эпистемологией, но статус приобретает онтологический и вынужденно получает какие-то иные метрики, определяющие ее происхождение, а в противном случае окажется в зависимости от своего биологического родителя.

Такая метафорика, конечно, сбивает с толку. Скажем, история физики не является частью физики, хотя и в каком-то смысле «паразитирует» на физике. Является ли история физики бастардом физики? То же, конечно, относится и к философии науки. Не является ли и она бастардом науки? Эти вопросы кажутся крайне запутанными, пока мы не проясним то, что принципиально прояснить не можем, хотя и выше уже это сделали: мы вывели общее *онтологическое* свойство научных наблюдений (физических, эпистемологических, философско-научных и т.д.), а именно их элементарный коммуникативный характер.

То есть онтологическое системное свойство любой дисциплины и познания в целом мы усматриваем в их коммуникативности. В том числе в том простом обстоятельстве, что они существуют лишь в форме научных статей, монографий, панельных выступлений. Почему же мы утверждаем, что *не можем* указать на то, что такое онтологическое притязание и фундировано онтологически, т.е. вытекает из самой природы вещей, а не является следствием эпистемологических спекуляций? Ответ в том, что такое утверждение само может существовать лишь в форме научной статьи, монографии и панельного тезиса, а чем оно лучше других панельных тезисов?

Онтологическое обоснование эпистемологии или эпистемологическое обоснование онтологии: симметричность или асимметрия?

Мы в целом склонны согласиться с той частью размышлений автора, которая разводит историческую онтологию и историческую эпистемологию. Действительно, наблюдения реальности образуют свою систему или последовательность элементов – и составляют некую (коммуникативно-) независимую эпистемологическую перспективу. И эта система высказываний образуется лишь на том основании, что она *отграничивают* себя от своих референтов. Ведь эпистемология лишь в том случае может отграничить свои высказывания о мире от самого этого мира, если понимает его как автономную последовательность наблюдаемых событий, процессов, первоэлементов т.д. И именно этот (коммуникативный) императив *независимости* наблюдаемого от наблюдателя требует вводить дополнительную – *онтологическую* – перспективу. Это то, чем пользуется эпистемология для того, чтобы скрыть известную произвольность своей наблюдательной перспективы.

Она как бы заявляет: *Нет, этот ребенок не мой, он родился сам по себе, и к его метрикам я не имею отношения.*

И в этом смысле автор и эпистемология защищают тезис о симметрии в эпистемологическом обосновании онтологии и онтологическом обосновании

эпистемологии, или, что то же самое, взаимообоснование реализма и конструктивизма.

Я понимаю это следующим образом. Во-первых, зафиксировать некий референт (например, астрономический год или орбиту планеты) можно лишь с помощью «эпистемологического» аппарата, например с помощью концептов *пространства и времени (в кантовском смысле), цикличности, числа, достоверности и объективности* и т.д., т.е. концептов, проясняющихся лишь из эпистемологической перспективы. Но, во-вторых, прояснить эти концепты можно лишь тогда, когда в распоряжении эпистемологии *уже* наличествуют некие референты ее понятий – реальные единицы и множества: события или процессы, частицы или поля, вещество или энергия, предметы или их комплексы и т.д.

С тем, что онтологическое высказывание предполагает ту или иную перспективу наблюдения, приходится соглашаться. Но я бы не согласился с симметричным тезисом о том, что наблюдательная перспектива и сама определяется реальностью¹. Утверждение, что оба тезиса взаимоутверждают друг друга, предполагает позицию реализма или репрезентативизма. Она исходит из возможности существования абсолютной наблюдательной позиции или возможности наблюдать со всех позиций одновременно (что невозможно с точки зрения СТО). Именно поэтому невозможно фиксировать какие-то последние основания бытия, которые нельзя было бы разлагать и рекомбинировать с помощью какой-то другой оптики (различений) или из перспективы других наблюдательных позиций.

Ведь с точки зрения реализма онтологическая перспектива предполагает, что этот процесс рекомбинации (а значит, весь потенциал разлагающей способности научного наблюдения) должен быть когда-то остановлен. В этом случае какая-то последняя «зернистая реальность» первоэлементов или фундаментальных взаимодействий будет объяснять все макро- и микрофеномены, а сама уже не будет требовать объясняющей редукции (= нового научного анализа) к каким-то иным комбинационным свойствам их более глубоких составляющих.

Сначала все-таки яйцо

Несколько упрощая, можно сказать, что мы ведем спор о том, существуют ли неразложимые единства сами по себе или они являются результатами применения наблюдательных различений. Указывая на равную обоснуемость этих утверждений и бессмысленность поиска приоритетов, автор приводит

¹ Граница между наблюдаемым и не-наблюдаемым, реальным и конструируемым подвижна и, с нашей точки зрения, зависит не от предмета наблюдения, но от интереса наблюдателя и контекста сравнения. Например, решение о том, наблюдаем ли мы в электронный микроскоп *реальный* вирус или мы видим лишь его форму, зависит от такой сравнительной перспективы. В сравнении с алмазом под электронным микроскопом сам вирус будет фактически ненаблюдаемым, ведь мы видим лишь структуру прикрепившихся к нему больших молекул, но не его самого. Его образ в этом смысле сконструирован искусственно в отличие от, например, фактически наблюдаемой микроструктуры алмаза. Но в сравнении с далекими небесными объектами этот вирус гораздо более реален и доступен наблюдению, ведь мы наблюдаем некоторую изоморфную вирусу форму, а небесное тело совсем не похоже на данные радиотелескопа. В последнем случае лишь наблюдательная дистинкция *аналоговое/цифровое* определяет то, что можно считать реально наблюдаемым (аналоговым, изоморфным) и недоступным для наблюдения (цифровым).

аналогию с курицей или яйцом. С точки зрения автора, утверждать о приоритете одного означает утверждать приоритет его противоположности.

Впрочем, как и любой парадокс, эта дилемма разрешается, как известно, обращением к механизмам наследственности (некой редукцией к более глубокому уровню). Вопрос о курице и яйце решается в этой перспективе предельно просто. Протокурица (и значит, еще не курица) однажды в результате генетической мутации вместо протояйца снесла обычное куриное яйцо, из которого и вылупилась обычная курица. В этом смысле сначала все-таки было яйцо. Это поможет прояснить проблему приоритета эпистемологии или онтологии.

В этом генетическом смысле сначала все-таки возникают некие *прото-различия*, или *слова*, отличающиеся от своих референтов и образующие независимую знаковую систему, которая лишь весьма «произвольно» может быть связана с этими референтами. Но эти слова, однажды мутировав, и превращаются в понятия¹ (т.е. строгие различия особого рода с фиксируемым смыслом и значением) и фиксируют, наконец, и то, что становится подлинной – рефлексивной (т.е. эпистемологически фундированной) онтологией. По крайней мере, открытая Ф. де Соссюром независимость языка от его референтов все-таки указывает, что идентичности суть следствия применения различий, а не наоборот.

И кроме того, утверждать о такой симметричности или равнообоснуемости эпистемологического и онтологического взгляда на мир ведь тоже является следствием особой наблюдательной (а не онтологической) перспективы. Да и сам автор исходит из дистинкции, а не из единства, в частности из различия между онтологией и эпистемологией, реализма и конструктивизма, симметрии и асимметрии и т.д.

Аргумент от «человеческой природы». Реальность разрывов познания как спасение онтологического тезиса

Но можно ли спасти онтологический тезис, привлекая какие-то другие внешние – не эпистемические (например, антропологические или социальные) – аргументы? Так, автор, следуя за Фуко, выдвигает тезис о некоей неустрашимости «критической онтологии» *нас самих*, а не реальности, об *онтологии изменений или разрывов*. Видимо, эта онтология не должна зависеть от наблюдения, в том смысле, что с наличием «разрывов и изменений вследствие критики», согласился бы любой наблюдатель. Применительно к познанию это означало бы, что идея изменения принципов познания и есть та искомая онтологическая категория и одновременно онтологический референт, в том смысле, что сами изменения и разрыв от познания никак не зависят, но сами определяют его².

¹ Что произошло, конечно, с появлением особой коммуникативной системы – системы (научных) коммуникаций, претендующей на наблюдательный приоритет [4. С. 201–214].

² Правда, ничего не поделаешь с тем базовым фактом, что назвать нечто онтологическим референтом – значит уже применить как минимум два эпистемологически значимых различия: *референта/концепта* и *эпистемологии/онтологии*, в перспективе которых и как один из полюсов которых онтологический референт только и может получить свой смысл, имя и онтологическую идентичность.

Согласимся, что «неустрашимость» разрывов и изменений «всплывает вновь и вновь», но они не могут получить некое внешнее определение онтологичности как некой *идентичности самой по себе* в силу каких-то внутренних источников их определенности, которая была бы независимой от их наблюдений путем различений. Ведь эта *неустрашимость* как раз прежде всего характеризует *самого наблюдателя* (и его дистинкции), склонного в определенных обстоятельствах актуализировать разрывы и прерывания, все новое, непривычное, удивительное и опасное, и прежде всего свою конечность, и не замечать континуальный фон любого изменения (а заодно и само различение *континуума/дискретности* как слепого пятна всякого наблюдения).

То, что в наблюдательной (а значит, эпистемологической!) дистинкции *дискретного/континуального* полюс дискретного «ценится» выше, чем трудно фиксируемый противоположный полюс, еще не делает «разрывы» и «изменения» самостоятельными, т.е. онтологически удостоверяемыми идентичностями.

По существу, в своем аргументе разрыва как онтологического свойства человеческой природы О.Е. Столярова исходит из некоего аналога Декартова сомнения. Мы не можем сомневаться в *онтологической реальности трансформации познания*. Ведь всякое сомнение в изменении знания *и есть* это изменение знания и лишь подтверждает наличие разрывов и переходов от концепции к концепции. Это верно. Но это доказывает лишь некую регионально значимую онтологию, которая свою идентичность получает в контексте генерирующих эту идентичность дистинкций: сомнение/несомненное, концептуальное/неконцептуальное и т.д.

Аргумент от социальной необходимости как спасение онтологии

Но у онтологии, по мнению автора, обнаруживается еще один спасительный мостик, делающий ее абсолютно реальной, т.е. независимой от своей другой конституирующей стороны – эпистемологии. Речь о ее внешней детерминированности, и прежде всего о ее социальной.

Здесь поможет аналогия с тем, как кантовский реализм и в рамках трансцендентализма можно было спасти, указав на то, что «вещь в себе» как-то «аффицировала» «вещи для нас». В этом смысле и культуру и социум можно было бы, по мнению автора, понимать как своего рода онтологический фундамент эпистемологических понятий.

И все-таки, с нашей точки зрения, такую детерминацию познания культурой, социальной, коммуникацией следует признавать не как внешнюю, но как внутреннюю. А если и считать ее внешней, то и в этом случае нам все равно не избежать применения наблюдателем дистинкции внешнего/внутреннего. И если, вслед за автором, онтологизировать семантику (т.е. смыслы и изменения смыслов) ключевых теоретико-познавательных понятий через необходимость ее рассмотрения в контексте социальной структуры, то и этот императив оказывается следствием применения особых наблюдательных (=эпистемологических) различений, например между семантикой и социальной структурой [5. С. 8–19]. Ведь наука и есть коммуни-

кация, и ее социальная обусловленность не придает актам познания внешнюю, онтологическую необходимость¹.

Такие исследования корреляции между семантикой эпистемологических понятий и социальной структурой доказывают как необходимость на определенном этапе именно этих понятий, ведь в рамках другой социальной структуры они могли бы иметь и другой смысл. Скажем, можно сравнить функцию среднего термина в аристотелевском силлогизме как транслятора истинности и роль среднего класса в обществе как транслятора интересов. Но это доказывает лишь то, что и классификации людей, и классификации вещей базируются на сходной математике различений. Поэтому и возникают такие загадочные корреляции в познании и социальной практике.

Заключение

Каков же выход? Должен ли философствующий историк науки заявить, что теперь он только эпистемолог и всякое притязание на онтологическое утверждение теперь должно рассматриваться как неправомерное? Вовсе нет. Напротив, такой историк науки теперь видит целую сеть реализмов, создающихся учеными². Просто онтологические суждения – это удел наблюдателей-ученых, которые каждый из своей наблюдательной перспективы формулируют свою региональную онтологию.

Литература

1. Stoliarova O.E. Should we conceive science outside the history // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, iss. 1. P. 47–51.
2. Kasavin I.T. Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism // *Voprosy Filosofii*. 2014. Iss. 7. P. 39–49.
3. Момджян К.Х. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 52–57.
4. Antonovski A.Yu. Evolutionary approach to the development of science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 52, iss. 2. P. 201–214.
5. Kasavin I.T. Norms in Cognition and Cognition of Norms // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 54, iss. 4. P. 8–19.

Aleksandr Yu. Antonovskiy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 207–216.

DOI: 10.17223/1998863X/45/22

ONTOLOGY: WHOSE CHILD IS IT?

Keywords: historical epistemology; historical ontology; social philosophy of science.

The article offers a criticism of the historical-epistemological approach of Olga Stoliarova. Some arguments are proposed that can break the circle of self-justification, into which epistemology eventually falls: every philosophical ontology is justified epistemologically, and the language of epistemolo-

¹ Этот ход связать эпистемологию с физической онтологией осуществил Голдман. Он полагал возможным признавать некоторое истинное знание знанием лишь в том случае, если можно было бы зафиксировать какую-то физическую причинно-следственную связь между воспринимаемым, восприятием и образом. И это позволяло решать парадоксы Геттиера, ведь тогда истинные суждения без такой каузальности знанием бы не были, а совпадения между истинным, но наугад сделанным суждением о реальности и самой реальностью выводились бы за скобки знания.

² И как известно, в этих реализмах нет недостатка: truth-realism, entity-realism, structural realism – только некоторые из примеров.

gical concepts is already prefaced with some ontology (otherwise concepts would be introduced as meaningless). It is claimed that Stoliarova argues with the constructivist approach, according to which everything that is postulated as existing is a consequence of observation (= application of an apparatus of distinctions). Thus, the assertion that something exists is a consequence of the distinction between being and non-being, and hence this ontological judgment is secondary to the epistemological statement about how and by what observational distinctions this observation is made. And in this case should a philosophizing historian of science declare the limitation of his scientific interest to the area of epistemology, and should any claim to ontological assertion be regarded as unjustified? Not at all. On the contrary, such a historian of science now sees a whole network of realisms created by scientists. It is claimed that ontological judgments are the fate of scientific observers, who (each from their observational perspectives) formulate their regional ontology.

References

1. Stoliarova, O.E. (2017) Should we conceive science outside the history. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175117
2. Kasavin, I.T. (2014) Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 39–49.
3. Momdzhyan, K.Kh. et al. (2016). Sistemno-teoreticheskiy podkhod k ob'yasneniyu sotsial'noy real'nosti [System-theoretical approach to the explanation of social reality]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 52–57.
4. Antonovski, A.Yu. (2017) Evolutionary approach to the development of science. On the Russian translation of N. Luhmann's "Evolution of Science". *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 201–214. DOI: 10.5840/eps201752239
5. Kasavin, I.T. (2017) Norms in Cognition and Cognition of Norms. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 54(4). pp. 8–19. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201754461

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/45/23

И.Т. Касавин

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ, ОНТОЛОГИЯ И МИСТИКА¹

Ведется полемика с тезисом о необходимости исторической онтологии наряду с исторической эпистемологией. Историческая эпистемология понимается как анализ условий смены эпистемических стандартов, эпистемических разрывов, несоизмеримости парадигм (Т. Кун), не имеющих концептуально-рационального объяснения. Лишь онтологические интуиции, метафизическое стремление понять, что именно познается, позволяет перекрыть эпистемические пропасти, обязанные смене способов познания, тому, как именно познается. Критика этой позиции основана на дисциплинарной неотличимости исторической эпистемологии и онтологии и взаимной переплетенности объекта и субъекта в познании. Преодоление недостатков концептуализации путем апелляции к интуиции невозможно без перевода интуиции в понятный план. В противном случае «онтологический поворот» ведет к отказу от философского анализа в пользу наивной веры, художественного воображения или даже мистического прорыва в трансцендентное.

Ключевые слова: научный реализм, историческая онтология, историческая эпистемология, онтологическая интуиция, вещи, концептуализация, мистицизм.

Вопрос о возможности исторической онтологии, поставленный О.Е. Столяровой, отнюдь не является праздным. В самом деле, такую возможность трудно обосновать по аналогии с возможностью исторической эпистемологии, понятой как философия истории науки. Ведь история науки дает нам материал о том, как развивались наши знания о мире, а также о развитии самого познания как особого вида деятельности. Тем самым философия, и эпистемология в частности, обеспечивается достаточным материалом для рефлексии и об объекте познания, и о его субъекте через деятельность, которую он практикует. И напротив, как полагает О.Е. Столярова, концептуальный статус исторической онтологии отличается известной «наивностью», т.е., насколько я понимаю, большим доверием к данным самих наук, а не исторической рефлексии о них. В противном случае не преодолеть онтологических пропастей, создаваемых историками типа Т. Куна. Поиск «онтологического референта» исторических разрывов в исторических реконструкциях научного знания – вот задача, которую Ольга Евгеньевна вменяет исторической онтологии. Результаты этого поиска неочевидны, однако автором проводится мысль о снижении уровня концептуализации в направлении анализа не столько теорий, сколько научных практик и материальных условий познания. Именно они якобы ответственны за формирование «онтологической интуиции» как фундамента или даже метода исторической онтологии.

Что же волнует сторонников исторической онтологии? Почему они стремятся обосновать самоценность этого подхода наряду с исторической эпистемологией или даже вместо нее? Похоже, что непосредственные причи-

¹ Исследование выполнено по гранту РФ № 18-18-00238, «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

ны такого интереса в пресловутом «онтологическом повороте» [1], происходящем последние три десятилетия в рамках целого кластера эпистемологических и науковедческих подходов. Именно так: не метафизика (онтология) Гегеля или Уайтхеда, а определенные сдвиги в философии познания обусловили онтологическую повестку. Точнее, к этому привела внутренняя конкуренция эпистемологических трендов в поисках новых идей и аргументов. О какой конкуренции идет речь? Ее эмблемы – это воинственные названия статьи Д. Блура «Анти-Латур» [2], книги П. Богосяна «Страх знания. Против релятивизма и конструктивизма» [3] или коллективной монографии «Релятивизм как болезнь философии» [4]. Главный вопрос здесь – о реальности, способах ее существования и познания, а центральные контрверсы сталкивают друг с другом реализм и релятивизм, фундаментализм и скептицизм, эссенциализм и феноменализм, репрезентацию и конструкцию. Примечательно, что онтологическую повестку спровоцировали именно реалисты в надежде на решающий довод против своих соперников. Они призывают «назад к вещам», копируя Э. Гуссерля, и обвиняют противников в «забвении бытия» прямо по М. Хайдеггеру. Парадоксально, что оба эти лозунга не имеют ничего общего ни с научным, ни с метафизическим реализмом и даже противоположны их символам веры. Однако это не мешает одному из лидеров онтологического поворота, Б. Латуру, агрессивно провозглашать «Вещи дают сдачи!» [5], словно «вещь» – это последнее основание онтологии и никакой даже самый прозорливый взгляд дальше не проникает. Пусть очарованность Латуром в определенной степени естественна для переводчика его статьи, который и инициировал настоящую дискуссию. В самом деле, в онтологических призывах можно обнаружить скрытый элемент магии и мистики, а именно дуалистической метафизики, в которой параллельно бытию существует сознание и примерно так же сопряжены онтология и эпистемология.

Так, О.Е. Столярова указывает, что «онтология и эпистемология всегда шли и идут бок о бок, поскольку первая удовлетворяет (или стремится удовлетворить) вечный метафизический запрос, вечное метафизическое беспокойство мыслящего субъекта, тогда как задача второй состоит в том, чтобы (аналитически. – И.К.) легитимизировать усилия и результаты первой». Казалось бы, это значит, что онтологическая интенция совпадает с целью философского дискурса, в то время как эпистемология есть лишь его инструментарий. Однако не все так просто. Во главе угла совсем иная проблема «изменения принципов познания, изменения, которое не подчиняется больше неизменным логическим структурам и не может быть редуцировано к неизменному». Эти изменения больше нельзя оставлять в «подчиненном положении результата познавательной активности субъекта», по И. Канту: ему нужно найти «онтологический», читай: «независимый», «объективный» референт. Следуя за М. Фуко в его критике трансцендентальной философии, автор могла бы обратить внимание на современный трансцендентализм. Он, как известно, воспринял фихтеанскую интерпретацию философии Канта в направлении полной элиминации «вещи в себе» и достижения «объективности» путем десубъективации (депсихологизации) самого сознания. По сути, О.Е. Столярова так и делает, привлекая внимание к «онтологическим интуициям», к «потоку сознания», к тому, что рождается вне сознательного мыслительного усилия субъекта, спонтанно и стихийно, и в этом смысле – объек-

тивно. Эти интуиции, по ее мнению, важны для понимания той содержательной метафизики, которая образует фундамент исторической онтологии. Интуиции способны перекрыть концептуальные пропасти, возникающие при рефлексивном наблюдении того, как изменяются условия познания. Вычленение (не рефлексивное, а образное, ведь иначе интуиции исчезают) этих интуиций и есть, видимо, главная задача исторической онтологии. Историческая онтология, похоже, стремится к снятию принципа дополнительности через то, что можно назвать «редукций категоризации» (и что зеркально противоположно редукции волновой функции). Это напоминает устремления физиков, искавших эссенциалистские интерпретации квантовой механики путем введения скрытых параметров.

Однако даже в таком виде тезис об «онтологическом» характере интуиций – в отличие от эпистемологической природы концептуализаций – вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Почему бы не вспомнить об онтологии в некотором ином смысле, как коммуникативном бытии науки, вне которого трудно выстроить убедительное понимание познания? [6]. Ведь лишь для классического метафизического реалиста познание исчерпывается тем, что аналитические эпистемологи именуют аббревиатурой ЖТВ (*justified true belief*) – обоснованным истинным убеждением. На деле же знание существует в самых разных формах: как научное понятие или суждение, обыденное мнение, технический рецепт, нравственная норма, эстетический идеал, религиозный опыт, культурный артефакт и многое другое. А потому преодоление концептуальных разрывов с помощью интуиций не содержит в себе ни онтологии, ни реализма в какой-то большей степени, чем, к примеру, научно-рефлексивное осмысление художественного произведения, т.е. концептуализация интуиций. И та и другая процедуры проходят в сфере сознания и могут быть предметом эпистемологического анализа. И потому историческая онтология не может не быть концептуализацией онтологических интуиций, поскольку иначе она не в состоянии претендовать на теоретический статус.

Тезис о том, что историческая эпистемология и историческая онтология находятся в отношении дополнительности особого рода, опять-таки не столько проясняет, сколько запутывает все дело. Эпистемолог всегда имеет перед собой, по крайней мере, два ряда событий. Один ряд касается объектной стороны познания, т.е. того содержания, которое в данный момент находится в фокусе исследовательского внимания познавательного субъекта, выступающего в качестве объекта эпистемологического наблюдения и описания. Другой ряд событий относится к субъектной стороне познания. Это содержание, которое, как правило, находится на периферии внимания того же познавательного субъекта – объекта эпистемологического наблюдения и описания. Анализируя объектную сторону познания, эпистемолог (исследователь второго уровня) может в большей степени опираться на знания и рефлексии наблюдаемого субъекта исследователя первого уровня. Так, именно ученый (физик, химик, биолог) и никто иной способен представить философу науки наиболее объективную информацию об объекте своего исследования здесь и сейчас. Историк науки заменяет ученого в том случае, если речь идет о науке иных эпох. Вне сомнения, философ науки обязан подвергнуть знания и ученого-предметника, и историка науки критической рефлексии, но для этого он сам хотя бы отчасти должен быть способен занять позицию одного из них.

В отличие от этого, исследование субъектной стороны познания совершенно невозможно вне теорий и данных целого ряда наук, изучающих познавательный процесс (от истории и социологии науки до когнитивной психологии и лингвистики). Здесь роль философской рефлексии возрастает, поскольку радикально расширяется свобода выбора информационных ресурсов поле дискуссии и критической оценки. Полипарадигмальность когнитивных наук (в широком смысле) уже предполагает взаимную критику разных концепций, из которой эпистемолог может черпать аргументы и материал для осмысления. Однако и в том и в другом случае невозможно обнаружить сию таинственную субстанцию, которая именуется «онтологией», отдельной от эпистемологии. Научная, обыденная или религиозная картина мира (онтология как теоретическая модель или как учение о роде бытия) объективна в мере объективности тех интуиций, понятий и методов, с помощью которых она создается. И здесь поиски и обоснование объективности бытия и сознания сливаются воедино.

Терминологические совпадения исторической онтологии с «фундаментальной онтологией» феноменологов отнюдь не случайны. Историческая онтология, пытаясь преодолеть «иррационализм» тезиса несоизмеримости, призывает открыть двери иррационализму иного типа. Он выстраивается как особая наивно-онтологическая установка, «выносящая за скобки» социальную природу и социальную обусловленность научного знания, существование науки как социального института. Вместо этого историческая онтология редуцирует теоретические концептуализации до «онтологических интуиций» и призывает к вере в онтологический статус «материальных» научных практик как формы непосредственного контакта с реальностью. Но эти практики в той части, которая не определяется формирующими их теориями, глубоко таинственны и даже мистичны, прямо по Л. Витгенштейну или М. Полани. Они показываются, но не объясняются; переживаются, но не познаются. В их сердцевине – молчаливое понимание, а не вербальный дискурс. Они едва ли выразимы в тех собственно научных формах рассуждения, которые являются предметом научно-философского исследования¹. Здесь философия, призывая к прорыву в трансцендентное [7], доходит до предела своей компетентности и превращается в искусство и миф.

Литература

1. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Реабилитация вещи. СПб. : Миръ, 2010. 800 с.
2. *Bloor D.* Anti-Latour // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A.* 1999. № 30 (1). P. 81–112.
3. *Boghossian P.* Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism. Oxford : Oxford University Press, 2006. 139 p.
4. *Релятивизм как болезнь современной философии.* М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
5. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи : Возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О.Е. Столяровой // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия.* 2003. № 3. С. 20–39.
6. *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2017. Vol. 51, № 1. P. 8–17.

¹ При этом историческая эпистемология как способ конструирования гетерогенного развития науки на стыке научного и вненаучного знания может и не прибегать к реалистическому онтологизму [8].

7. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному : Новая онтология XX века. М. : Республика, 1997. 495 с.

8. Shaposhnikova Y.V., Shipovalova L.V. The demarcation problem in the history of science, or what historical epistemology has to say about cultural identification // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55, № 1. P. 52–66.

Ilya T. Kasavin, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: itkasavin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 217–221.

DOI: 10.17223/1998863X/45/23

SCIENTIFIC REALISM, ONTOLOGY AND MYSTICISM

Keywords: scientific realism; metaphysical realism; historical ontology; historical epistemology; ontological intuition; things; conceptualization; mysticism; epistemological gaps.

The problem posed by Olga Stoliarova in her article is particularly relevant in the context of a heightened confrontation between the supporters of “scientific realism” and those who criticize the naïve or metaphysical realism and contrasts it with socio-constructivist and socio-epistemological approaches. A justification of the autonomy of historical ontology, its “parallelism” with historical epistemology is designed to give arguments in favor of the priority and self-worth of “ontological intuitions”. And here historical ontologism finds itself facing the already known issue of incomprehensibility of reality in itself, and the inability to talk about reality outside a definite – either scientific or non-scientific – language. Scientific language is the language of various kinds of theories: all terms acquire meanings through involvement in some conceptual system. The difference between theories gives rise to the problem of conceptual incommensurability, which can hardly be resolved by appealing to ontological intuitions of a non-scientific character. Indeed, in this case historical ontology in search of a justification for the unity of scientific knowledge goes far beyond the latter and replaces “conceptual irrationalism” by a mystical faith in the transcendent. And it is not the result that would satisfy scientific realists or the proponents of Bruno Latour who inspired the “ontological turn”.

References

1. Neretina, S.S. & Ogurtsov, A.P. (2010) *Reabilitatsiya veshchi* [Rehabilitation of the thing]. St. Petersburg: Mir".
2. Bloor, D. (1999) Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science*. 30(1). pp. 81–112.
3. Boghossian, P. (2006) *Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism*. Oxford: Oxford University Press.
4. Lektorskiy, V. (2015) *Relyativizm kak bolezni' sovremennoy filosofii* []. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya.
5. Latour, B. (2003) Kogda veshchi dayut sdachi: Vozmozhnyy vklad “issledovaniy nauki” v obshchestvennyye nauki [When Things Give Surrender: A Possible Contribution of “Science Research” to Social Science]. Translated from English by O.Ye. Stolyarova. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 3. pp. 20–39.
6. Kasavin, I.T. (2017) Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175111
7. Gaydenko, P.P. (1997) *Proryv k transsendentnomu. Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendental. New Ontology of the Twentieth Century]. Moscow: Respublika.
8. Shaposhnikova, Y.V. & Shipovalova, L.V. (2018) The demarcation problem in the history of science, or what historical epistemology has to say about cultural identification. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 52–66. DOI: 10.5840/eps20185518

УДК 165.7

DOI: 10.17223/1998863X/45/24

Т.Д. Соколова

ИЗМЕНЕНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ И ИСТОРИЯ

Рассматриваются историческая эпистемология и историческая онтология с точки зрения связки эпистемология – онтология (метафизика) в истории философии и объяснения изменений в научной практике. В контексте истории философии делается попытка выявить возможные дальнейшие варианты развития дискуссий в рамках эпистемологии и онтологии.

Ключевые слова: историчность, эпистемология, мета-философия, история философии.

В статье О.Е. Столяровой поднимается ряд значимых для философии фундаментальных проблем, поиск ответов на которые занимал лучшие умы человечества на протяжении практически всего периода развития познания, хотя и не всегда в явном виде. Рискнем и мы внести свой посильный вклад в это как никогда актуальное обсуждение. В контексте проблемы генетической связи исторической эпистемологии и исторической онтологии представляется важным рассмотреть два аспекта: (1) соотношение или взаимоотношение эпистемологии и онтологии и (2) философскую рефлексию над изменением познавательных практик (в наиболее широком смысле) в науке. Однако при этом я постараюсь включить историческую эпистемологию (и онтологию вместе с ней) в более широкий контекст философских дискуссий, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к данным дисциплинам.

Вопрос о соотношении (или взаимоотношении) эпистемологии и онтологии (или метафизики, в данном случае я использую эти понятия в качестве синонимов) действительно является, как на это указала О.Е. Столярова, точкой напряжения. При обращении к дискуссиям философов о порядке и критериях познания, его основах и принципах можно выделить целый ряд периодов, когда эпистемология и онтология функционировали как единое целое либо, наоборот, расходились. В особенно явной форме эти дискуссии проявили себя в XIX и XX вв., когда вопрос о статусе научного познания приобретает новые очертания. Если раньше философия шла бок о бок с наукой, то рост количества научных дисциплин, их бурное развитие и обособление поставили под сомнение саму функцию философии как некоей обобщающей науки наук, разрабатывающей универсальные правила и критерии познания [1. Vol. 1. P. 16–50]. Классическая эпистемология пыталась выявить или сконструировать набор универсальных методов, правил и критериев познавательного процесса, которые были бы неизменны и не зависели от социальных обстоятельств, психологических особенностей познающего субъекта, возможных искажений, привносимых в познавательный процесс как чувственным опытом, так и ошибочными теоретическими построениями.

Как верно отмечает О.Е. Столярова, историческая эпистемология в данном контексте является одним из ответов на классическую эпистемологию,

т.е., по сути, некую универсальную рациональность, избавленную либо стремящуюся избавиться от всех возможных когнитивных искажений, которая раз и навсегда устанавливает необходимые и универсальные правила и нормы познавательного процесса. Поворот к историчности или даже историоризации данных правил и норм, демонстрация на примерах из истории науки изменчивости критериев познания является одной из возможных объяснительных моделей того факта, что научное познание вышло за пределы механики Ньютона и геометрии Евклида, в рамках которых, собственно, и развивалась классическая эпистемология [2. С. 42–46].

По моему мнению, именно теоретический вызов объяснения реального развития познавательных практик в науке сформировал новые (неклассические) подходы в эпистемологии [3. С. 18–28]. На первый взгляд дело выглядит так, что философия, заигравшись созданными ей же самой правилами и критериями познания, не заметила, что остальные науки прекрасно развиваются и без ее чуткого руководства, а когда ей на этот факт указали, занялась тем, что современные психологи обозначают термином *self-harm*.

Связка эпистемология – метафизика здесь первой попадает под удар. Если ранее речь шла о некоей «правильной», «подходящей» или «научной» метафизике, то отныне метафизике отводится либо роль до-научного (т.е. более примитивного) взгляда на мир, либо она вовсе объявляется бессмысленной. Позитивизм, индуктивизм, прагматизм, логический эмпиризм – все наиболее влиятельные эпистемологические тренды XIX–XX вв. так или иначе стремились разрушить связь онтологии и эпистемологии, предложить такую версию развития познания, которая не требовала бы никаких метафизических допущений. Историческая эпистемология (по крайней мере, в ее изначальной версии) точно так же следует этому антиметафизическому тренду [4. Р. 920–963].

В борьбе за то, кто будет устанавливать общие (если таковые вообще имеются) и частные правила и критерии познания для отдельных научных дисциплин, философия не только уступает наукам, но и признает для самой себя необходимость если не следовать уже готовым научным методам, то хотя бы адаптировать их для своих целей. И раз уж одной из основных целей является объяснение изменения познавательных правил, то обращение к истории здесь представляется вполне логичным: нужно найти тот момент (или моменты) изменения, установить их причины и следствия. Отправной точкой такого поиска становится современное философу положение дел в интересующей его дисциплине (как правило, математике, физике, химии и биологии) [5. Р. 137–155]. При этом (и здесь я позволю себе не согласиться с О.Е. Столяровой) историчность заключается не в установлении некоей последовательности событий, а в концептуализации ключевых моментов исторического развития дисциплины, ее основных понятий и теорий, для представления *прогресса* дисциплины от ее зарождения до современного состояния, с позиций которого и выносятся суждения о прогрессе, установления эпистемологических «разрывов» и «препятствий» на пути этого прогресса, в том числе установление меры рационального (т.е. непосредственно научного) и метафизического в данной дисциплине [6. Ch. I–IV, XI]. В таком виде историческую эпистемологию можно условно обозначить как своего рода рациональную реконструкцию истории науки, которая призвана заменить собой метафизику, став новой опорой для философии.

Основным теоретическим недосмотром, на мой взгляд, здесь становится отсутствие проблематизации исторических исследований¹. Сама по себе история тоже является научной дисциплиной, со своими методами, направлениями, трендами и теоретическими затруднениями. Закономерным было бы задать вопрос: относятся ли к истории как научной дисциплине те же разрывы и препятствия (раз уж мы выбрали башляровскую терминологию)? Приущ ли ей прогресс точно так же, как и другим научным дисциплинам? И в случае утвердительного ответа на данные вопросы: какие последствия будут для самой философии?

Второе важное теоретическое следствие, отмеченное О.Е. Столяровой, – это релятивизация эпистемологии (а впоследствии и онтологии) и вместе с тем невозможность обоснования изменения (или перехода) от одних познавательных принципов к другим. То есть философ оказывается в некоем созданном им самим теоретическом вакууме между набором познавательных принципов А и набором познавательных принципов Б, где крайне затруднительно вынести какое бы то ни было суждение относительно самого перехода. И в этом смысле историческая онтология находится в еще более затруднительном положении, чем историческая эпистемология (по крайней мере в той из ее версий, которая сознательно отказывается от онтологии, вынося ее в сферу ненаучного).

В то же время тренд последних десятилетий на возвращение онтологии и признание за ней статуса философской дисциплины может представлять собой своего рода возвращение на новом теоретическом уровне классической философии, где онтологические принципы часто (хотя и не всегда) становились теоретической основой для эпистемологических принципов [8. Р. 157–171]. Является ли этот тренд альтернативой историоризации эпистемологии и онтологии, своего рода работой над ошибками, попыткой философии вернуть себе прежний статус науки всех наук в условиях конструктивистского поворота [9. Р. 3–37]? Или, напротив, философия оказалась настолько бесплодной в поисках новых теоретических оснований, что обреченно повторяет самое себя? Стоит ли нам ожидать, вместе с возвращением онтологии, возвращения концепций универсальной рациональности в качестве ответа на историоризацию философии? Так или иначе, следующий ход в этой игре за эпистемологами.

Литература

1. Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences, founded upon their history. London, 1847. Vol. 1.
2. Шаилова Е.И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 42–46.
3. Шуповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 18–28.
4. Braumstein J.-F. Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le «style français» en épistémologie // Les philosophes et la science. Paris : Gallimard, 2002. P. 920–963.
5. Bachelard G. L'actualité de l'histoire des sciences // L'engagement rationaliste. Paris : PUF, 1972. P. 137–155.
6. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: contribution à une psychanalyse de la connaissance. Paris : VRIN, 2004.
7. Sturm T. Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment // Erkenntnis. 2011. Vol. 75. P. 303–324.

¹ О взаимоотношении исторической эпистемологии и истории эпистемологии, а также возможных способах решения их конфликта (в случае признания) см.: [7. С. 308–309 и далее].

8. Kasavin I.T. David Hume. Paradoxes of Knowledge Voprosy Filosofii. 2011. Iss. 3. P. 157–171.

9. Pruzhinin B.I. et al. Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion) // Voprosy Filosofii. 2008. Iss. 3. P. 3–37.

Tatiana D. Sokolova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: sokolovtad@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 222–225.

DOI: 10.17223/1998863X/45/24

CHANGE, REPETITION AND HISTORY

Keywords: historicity; epistemology; meta-philosophy; history of philosophy.

The paper is part of the discussion initiated by Olga Stoliarova's article "Historical Ontology as a Problem", where she points out some crucial issues considering the future development of both historical epistemology and historical ontology. Following Stoliarova's general claim on problematizing historical ontology, the author is trying to deduce some main tendencies from the vast variety of discussions on the theoretical basis and status of historical epistemology and ontology. In this context, an epistemologist, in the author's opinion, has to deal with two main problems. First, it is the epistemology-ontology (metaphysical) link within the history of philosophy. The widely understood "classic epistemology" presupposes a universal rationality and a scientific methodology, meanwhile historical epistemology offers a non-classic relativization of the basic epistemological principles. In this sense, historical epistemology (at least in its French version) finds itself in the trend of epistemological movements of the 19th and 20th centuries such as positivism and logical empiricism drifting towards the elimination of metaphysics as a theoretical platform for epistemology. The second main issue for both historical epistemology and its stepchild, historical ontology, covers the explanation of the changes within scientific practice. Paying attention to the process of change within scientific concepts, methodological approaches and the very principles of scientific investigation, the philosopher finds herself in a situation, where a set of epistemological principles B took the place of a set of epistemological principles A, but the process of this change rests mysterious and unexplained. That is why it requires a different epistemological approach. Here the trend of the recent decades towards the return of ontology can be considered as a kind of a return of classical philosophy on a new theoretical level, where ontological principles often (though not always) become the theoretical basis for epistemological principles. Anyway, the next theoretical step in this debate belongs to epistemologists.

References

1. Whewell, W. (1847) *The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History*. Vol. 1. London: [s.n.].

2. Shashlova, Ye.I. (2017) On the meaning of historical epistemology for contemporary philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 42–46. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175116

3. Shipovalova, L.V. (2017) Should We Conceive Science Historically? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 18–28. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175112.

4. Braunsstein, J.-F. (2002) Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le "style français" en épistémologie [Bachelard, Canguilhem, Foucault. The "French style" in epistemology]. In: Wagner, P. (ed.) *Les philosophes et la science* [Philosophers and Science]. Paris: Gallimard. pp. 920–963.

5. Bachelard, G. (1972) *L'engagement rationaliste* [The Rationalist Engagement]. Paris: PUF. pp. 137–155.

6. Bachelard, G. (2004) *La formation de l'esprit scientifique: contribution à une psychanalyse de la connaissance* [The formation of the scientific spirit: contribution to a psychoanalysis of knowledge]. Paris: VRIN.

7. Sturm, T. (2011) Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment. *Erkenntnis*. 75. pp. 303–324. DOI: 10.1007/S10670-011-9338-3

8. Kasavin, I.T. (2011) David Hume. Paradoxes of Knowledge. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 157–171. (In Russian).

9. Pruzhinin, B.I. et al. (2008) Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion). *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–37. (In Russian).

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/45/25

О.Е. Столярова

ИСТОРИЯ ОНТОЛОГИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ОТВЕТ КРИТИКАМ

Автор отвечает критикам, акцентируя внимание на скептическом сценарии Патнэма, возможностях онтологической интуиции и проекте социальной эпистемологии. Проводится мысль о том, что без философской онтологии невозможно достичь понимания интеллектуальной и социальной истории, и в частности истории науки.

Ключевые слова: историческая онтология, реализм, скептицизм, интуиция, дуализмы, социальная эпистемология.

Я очень признательна моим уважаемым коллегам, выступившим моими оппонентами, за высказанную критику. Как показывают критические комментарии, вопрос об исторической онтологии – это прежде всего вопрос о реализме. Вердикт критиков в общем единодушен: историческая онтология как претензия на реализм необоснованна. И дело здесь даже не в том, что историческая онтология порождена нашим смутным временем (впрочем, какое же время не является смутным?) и, как множество (безосновных?) порождений философской фантазии, останется пустопорожней и будет смыта следующей исторической волной философской моды.

С точки зрения моих критиков, любые претензии философии на метафизический реализм неоправданны. И.Т. Касавин, по-видимому, считает, что единственное законное предприятие теоретической философии – это рефлексивный анализ понятий, каковые принадлежат сфере сознания и потому относятся к ведомству эпистемологии. Что же касается онтологии (метафизики) как учения о том, что не является результатом познавательной деятельности, но, напротив, оказывает на эту деятельность причинное воздействие, то Илья Теодорович характеризует такого рода учения в качестве иррационализма и мистики, превышающих границы рационального познания. А.Ю. Антоновский, соглашаясь с тем, что «онтологическое высказывание предполагает ту или иную перспективу наблюдения», отвергает «симметричный тезис о том, что наблюдательная перспектива и сама определяется реальностью». Александр Юрьевич обращает внимание на то, что само различие между реальностью (онтологией) и познанием (эпистемологией) есть следствие познания, а не его причина. Это различие порождено познавательной коммуникацией и всецело принадлежит эпистемологическим коллективам, которые полностью ответственны за то, что считать реальным, а что – нереальным, что – неизменным, а что – изменчивым. Т.Д. Соколова, хотя и не высказывается радикально против онтологии (метафизики), резервирует «следующий ход в этой игре за эпистемологами». А.Л. Никифоров оставляет место для веры в существование объективного мира и даже рационализировать эту веру, указывая на ее практическую оправданность. Вместе с тем Александр Леонидович говорит о биологической, методологической и

лингвистической перспективе наблюдателя, выход за пределы которой, с его точки зрения, блокируется скептическим аргументом. Согласно этому аргументу мы не можем установить соответствие или несоответствие между тем, что дано нам в нашем внутреннем опыте и определяется нашим устройством (что бы под этим устройством ни подразумевалось), и внешним миром. Александр Леонидович ссылается на известный аргумент Хилари Патнэма «мозг в сосуде» и спрашивает: как мы могли бы на него ответить?

Однако любая так называемая *перспектива* наблюдателя получает значение только *извне* этой перспективы, только если установлены ее границы относительно того, что ею не является, т.е. внешнего мира, иначе любое суждение о какой бы то ни было перспективе было бы бессмысленно. Аргумент Патнэма говорит именно о том, что если мы замкнуты в границах собственного опыта, то мы не можем судить об этих границах. Патнэм ведь утверждает, что если бы мозг в сосуде был действительно мозгом в сосуде, то он не мог бы вынести осмысленного суждения относительно того, что он мозг в сосуде, потому что его утверждение об этом не имело бы каузальной связи с реальной системой, которая состоит из мозга в сосуде и обеспечивающего его впечатления суперкомпьютера, и, следовательно, не имело бы никакого значения (никакой референции). Утверждение мозга в сосуде о том, что он мозг в сосуде, не относилось бы ни к чему. Аргумент Патнэма, однако, выполняет свою функцию (опровергает скептицизм) только при заранее постулируемой каузальной теории референции. Она же, в свою очередь, призвана опровергнуть метафизический реализм, утверждающий, что слова могут относиться к ненаблюдаемым сущностям вещей, и заменить его на так называемый *внутренний реализм*, который переводит соответствие слов и вещей в плоскость наблюдаемого в опыте причинного воздействия объектов на наши органы чувств и концептуального оформления этого воздействия. В своем опровержении скептицизма Патнэм занимает, скорее, кантовскую (в широком смысле критической философии) позицию. Ведь и Кант считал, что справился со скептицизмом, предложив взамен лишь более изощренный скептицизм, который заменил «внутренний опыт» традиционного скептицизма трансцендентальными условиями возможности опыта. Внутренний реализм Патнэма так же «опровергает скептицизм» за счет более изощренной скептической позиции, которая снимает вопрос о том, являемся ли мы мозгами в сосуде, как неправомерный.

Означает ли это, что скептическая или идеалистическая (противоположная реализму) позиция в принципе неопровержима? Она неопровержима ровно так же, как и наивный реализм, который говорит о том, что существует, не подвергая эти данные сомнению и анализу (только где существует сам этот дистиллированный наивный реализм, кроме как в воображении его критиков?). Она неопровержима в своем предельном выражении, в своей солипсической приверженности опыту непосредственно данного, который не желает знать ничего сверх этого (никакой каузальной теории референции, никакой истории, никакого *Другого*). Голое отрицание есть такая же тавтология, как и голое утверждение: все, что есть, есть, а чего нет, того нет. Именно здесь интуиция вступает в свои права. Интуиция отвечает и за солипсизм одинокого скептика, и за экстатическое слияние со сверхсущим просветленного мистика. Интуиция по сути своей неопровержима. И я отнюдь не предлагаю из-

влекать из нафталина старую добрую интуицию, пусть даже и дав ей определение *онтологической* интуиции с тем, чтобы, используя ее в качестве основного аргумента, отвоевать у эпистемологии занятые ею чужие территории. Спорить со скептицизмом посредством онтологической интуиции – это доказывать то, что заранее известно. В этом пункте я согласна с И.Т. Касавиным, что интуиции «показываются, но не объясняются, переживаются, но не познаются». Любая теоретическая проблема, и в этом он, конечно, прав, начинается с концептуализации интуиций (или каких-либо исходных данных), и историческая онтология не является исключением. Интуиции невозможно опровергнуть прежде всего потому, что их невозможно разделить с другими. Задача философии состоит в том, чтобы объяснять интуиции. Но из того очевидного факта, что, когда мы мыслим коллективно, мы мыслим в сообщаемых друг другу понятиях, отнюдь не следует *то, что* то, что мы мыслим, всецело зависит от наших коллективно усвоенных понятий.

Вообще, всякий раз, когда мы говорим о зависимости, а мы говорим о зависимости всякий раз, когда пытаемся понять и объяснить причинно-следственные связи событий и процессов, мы сталкиваемся с проблемой дуализмов, которая, мне думается, может быть разрешена только диалектически, т.е. без полного отождествления причины и следствия, но и без абсолютного разрыва между ними, разрыва, который сделал бы причины совершенно непознаваемыми наподобие кантовских вещей в себе. Философия, как и наука, ищет причины и формулирует теории, которые объясняют факты опыта, включая сформулированные в прошлом теории как факты традиции, т.е. опять-таки факты опыта. И если мы будем редуцировать теории к теориям, то ни о каких разумно постигаемых причинах движения мысли не может быть и речи, как не может быть и речи о философской онтологии. Но отсутствие философской онтологии бьет по эпистемологии как минимум в тех ее «неклассических» формах, которые доминируют в наше время. Отсутствие философской онтологии бьет, прежде всего, по социальной эпистемологии, если социальная эпистемология действительно желает понять причины изменения нашего знания о мире, а именно это вменял социальной теории познания Д. Блур¹. Отдать онтологию полностью на откуп науке также не является приемлемым решением для социальной эпистемологии, потому что, сделав это, она немедленно утратит свой предмет [2]. Тогда вопрос о том, что определяет наше знание, растворится в содержании той или иной научной теории и перестанет быть вопросом, формирующим специфическое исследовательское поле социальной эпистемологии, т.е. вопросом об условиях возможности той или иной научной теории, того или иного убеждения. Если же мы обратимся к докритической традиции, к традиции философской онтологии, когда *условия возможности и причины* совпадали, и восстановим ее в правах (за что ратуют сторонники так называемого «онтологического поворота»), мы сможем, во всяком случае, надеяться на приобретение теоретического инструментария для понимания и адекватной концептуализации развития знания и

¹ В своей знаменитой книге, ставшей программной для социологии знания и оказавшей большое влияние на социальную эпистемологию, Д. Блур пишет: «Человеческие идеи об устройстве мира меняются весьма существенно. Это происходит в науке так же, как и в других сферах культуры. Такое разнообразие является отправным пунктом для социологии знания и составляет ее главную проблему. Каковы *причины* (курсив мой. – О.С.) этого разнообразия, как и почему происходит это изменение?» [1. Р. 3].

динамики науки. Восстановив онтологическую перспективу, мы сможем увидеть изменения и разрывы, рост и «повороты» нашего знания о мире, т.е. увидеть то, что составляет нашу далеко не линейную интеллектуальную и социальную историю. Как заметил один из современных реалистов, «быть фаллибилизмом относительно знания – значит с необходимостью быть реалистом относительно вещей. И наоборот, быть скептиком относительно вещей – значит быть догматиком относительно знания» [3. Р. 33].

Механизмы *порождения*, а онтологическая перспектива всегда имеет дело именно с процессами и механизмами порождения, – это, по сути, механизмы и процессы истории, в которой человеческие социальные институты и институционализированные идеи и концепции всегда оказываются ответами на поставленные в прошлом проблемы, ответами, которые предлагаются, исходя из новых, материальных и социальных условий. Дуализмы являются движущей силой истории, в частности истории науки. И именно философская онтология, которая внимательна к истории, способна провести нас по узкой тропе между натурализмом и сциентизмом, с одной стороны, и априоризмом и идеализмом – с другой, избрав в качестве путеводной нити реализм относительно исторического времени.

Вот почему я думаю, что история онтологии продолжается, и историческая онтология напишет свои страницы в этой истории.

Литература

1. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Routledge, 1976. 156 p.
2. Ruser A. Towards the Unity of Science Again? Reductionist Thinking and Its Consequence For a Social Philosophy of Science // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. Vol 49, № 3. P. 55–69.
3. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Routledge, 2008. 277 p.

Olga E. Stoliarova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 226–229.

DOI: 10.17223/1998863X/45/25

THE HISTORY OF ONTOLOGY CONTINUES. A RESPONSE TO CRITICS.

Keywords: historical ontology; realism; skepticism; intuition; dualisms; social epistemology.

The author replies to the critics, focusing on Putnam's skeptical scenario, the possibilities of ontological intuition and the project of social epistemology. It is suggested that without philosophical ontology, it is impossible to achieve an understanding of intellectual and social history and, in particular, the history of science.

References

1. Bloor, D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*. Routledge.
2. Ruser, A. (2016) Towards the Unity of Science Again? Reductionist Thinking and Its Consequence for a Social Philosophy of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 49(3). pp. 55–69. DOI: 10.5840/eps201649351
3. Bhaskar, R. (2008) *A Realist Theory of Science*. Routledge.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

АНТУХ Геннадий Геннадьевич – кандидат философских наук, исполнитель научно-исследовательского проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории, Сибирский государственный медицинский университет (г. Томск).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

БОРОВКОВА Ольга Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры «Общественные дисциплины» Рубцовского института (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный университет» (г. Рубцовск).

E-mail: o.v.borovkova@gmail.com.

БАЙСОВ Фирдавс Бахтиёрович – аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва).

E-mail: firdavays1@gmail.com

ВЯЛЫХ Никита Андреевич – кандидат социологических наук, докторант, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

ГАЙДАНКА Евгений Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственного управления, Ужгородский национальный университет (г. Ужгород).

E-mail: haydankayew@ukr.net

ГАЛИЦКАЯ Веолетта Александровна – аспирант кафедры социальной работы философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: gal@ums.tsu.ru

ГАПОНОВ Александр Сергеевич – кандидат философских наук, исполнитель научно-исследовательского проекта РНФ (№18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, старший преподаватель кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail: gaponov@sibmail.com

ЗАЙЦЕВ Павел Леонидович – доктор философских наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

E-mail: zaitsevpl@rambler.ru

ЗАЙЦЕВА Наталья Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) (г. Москва).

E-mail: natvalen@list.ru

ЗАХАРОВА Татьяна Викторовна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры экономики Института экономики и математики Томского государственного университета, специальность «экономическая социология» (г. Томск).

E-mail: ztv@t-sk.ru

КАСАВИН Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (г. Москва), профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

E-mail: itkasavin@gmail.com

МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН Ирина Вигеновна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии науки, Томский государственный педагогический университет (г. Томск).

E-mail: melik-irina@yandex.ru

МЁДОВА Анастасия Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (г. Красноярск); профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

E-mail: amedova@list.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – доктор философских наук, основной исполнитель проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного университета (г. Омск).

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

НИКИФОРОВ Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: nikiforov_first@mail.ru

ПРОНИНА Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, профессор кафедры философии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: tania_pronina@mail.ru

РОДИН Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

СЕРОВА Наталья Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова» (г. Новороссийск).

E-mail: nseroval@rambler.ru

СОКОЛОВА Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: sokolovatd@gmail.com

СТОЛЯРОВА Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

ТИТОВА Валерия Олеговна – аспирант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: titova.lera.pr@gmail.com

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного Центра социально-политических исследований технологий Томского государственного университета, специальность «международные отношения» (г. Томск).

E-mail: olgavust@gmail.com

ШИПОВАЛОВА Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ladaship@gmail.com, l.shipovalova@spbu.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и прикладной социологии, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (г. Саратов).

E-mail: jarskaja@mail.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, PhD, профессор кафедры общей социологии департамента социологии НИУ ВШЭ, главный редактор Журнала исследований социальной политики (г. Москва).

E-mail: eiarskaia@hse.ru; elena.iarskaia@gmail.com

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2018. № 45

Редактор *Т.В. Зелёва*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать10.2018 г. Дата выхода в свет10.2018 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 14,625; усл. печ. л. 19,02; уч.-изд. л. 20,07.

Тираж 50 экз. Заказ № Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru